

Джордж Бреслауэр

Горбачев
и Ельцин
как лидеры

George W. Breslauer

•

Gorbachev and Yeltsin as Leaders

Cambridge University Press / Cambridge

2002

Джордж Бреслауэр
.
Горбачев и Ельцин
как лидеры

Academic Studies Press
Библиороссика
Бостон / Санкт-Петербург
2021

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
Б87

Перевод с английского Андрея Разина

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

В оформлении обложки использовано
фото Бориса Бабанова / РИА Новости

Бреслауэр Дж.

Б87 Горбачев и Ельцин как лидеры / Джордж Бреслауэр ; [пер. с англ. А. Разина]. — СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. — 479 с. — (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

ISBN 978-1-6446966-0-6 (Academic Studies Press) .

ISBN 978-5-6046148-2-2 (Библиороссика)

Исследование Джорджа Бреслауэра посвящено анализу и оценке лидерских стратегий М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. Автор показывает, как им удалось трансформировать, а затем и изменить советскую систему как изнутри, так и в ее отношениях с внешним миром, обеспечить поддержку своей политике, перехватить инициативу у политических оппонентов, показать себя людьми, способными эффективно решать проблемы страны. Книга вносит существенный вклад в изучение вопросов, связанных с политическим лидерством. Рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

- © George W. Breslauer, text, 2002
- © Cambridge University Press, 2002
- © А. В. Разин, перевод
с английского, 2021
- © Academic Studies Press, 2021
- © Оформление и макет
ООО «Библиороссика», 2021

ISBN 978-1-6446966-0-6
ISBN 978-5-6046148-2-2

*Посвящаю эту книгу моей жене Иветт Асси
Бреслауэр, дочери Мишель, сыну Дэвиду, моей
матери Марианне Шеффер Бреслауэр и памяти
моего отца Генри Эдварда Бреслауэра.*

Предисловие

В этой книге рассказывается о двух людях, М. С. Горбачеве и Б. Н. Ельцине, на долю которых выпало руководить страной в 1985–1999 годах, в смутное время перехода от советской политики к политике постсоветской. Необычайно было то, с какой скоростью происходили перемены в первой половине этого периода. В 1985 году Советский Союз представлялся нерушимым и вековечным, способным защитить себя от любых напастей; непоколебимой казалась власть КПСС, управлявшей СССР и Восточной Европой и неуклонно следовавшей курсу на соперничество сверхдержав на мировой арене. К концу 1987 года, с началом гласности, средства массовой информации все чаще и чаще начали ставить под сомнение старые догмы, а советское руководство было вынуждено пойти на односторонние уступки Соединенным Штатам по ключевым вопросам национальной безопасности. К концу 1989 года уже состоялись относительно свободные выборы, на которых партийные чиновники лишились своих постов, коммунизм в странах Восточной Европы потерпел крушение, Советская армия вышла из Афганистана, подошла к концу холодная война. К концу 1991 года президентом России стал оппозиционер; с распадом СССР окончательно перестала существовать коммунистическая система, возникла независимая Россия, занявшая по отношению к Западу позицию беспомощного просителя. К концу 1993 года независимая Россия пережила два мучительных года политической и экономической нестабильности внутри страны и пришла к осознанию того, что Запад вовсе не готов оказывать неограниченную помощь в переходе от коммунизма к демократии. Если представить, что кто-то заснул в Москве 1985–1986 годов и проснулся в 1992–1993-м, такие перемены показались бы ему чем-то недоступным для понимания.

Автор не станет утверждать, что все эти перемены стали возможны лишь благодаря именно Горбачеву и Ельцину, но было бы несправедливо отрицать, что все пошло бы совсем иначе, будь тогда у власти другие люди. Их действия как руководителей были решающими. Эти два человека, несомненно, войдут в историю благодаря той роли, которую они сыграли в жизни своей страны на исходе XX века. В этой книге я обращаюсь к следующим вопросам: почему они действовали именно таким образом (главы 1, 2, 11); что позволило им преуспеть в их начинаниях, то есть почему их программы получили поддержку (главы 3–10); как можно оценить их успехи и неудачи как лидеров (главы 12–14)?

Моя главная задача — подробно рассмотреть стратегию лидерства каждого из них. Мой теоретический подход заключается в том, чтобы подчеркнуть ту необходимость выбора, с которой сталкиваются лидеры при создании и поддержании своей политической репутации (своего авторитета как политиков и как людей, способных решать проблемы), а также рассмотреть причины, по которым они выбрали свои политические стратегии и политические программы, и последствия (как ожидаемые, так и непреднамеренные) такого выбора.

Обращаясь к их стратегиям укрепления авторитета, я провожу детальный анализ их публичной риторики, подкрепляя его рассмотрением обширной мемуарной литературы, включая мемуары двух главных героев этой книги, Горбачева и Ельцина. Из этих текстов и связанных с ними действий и сигналов я реконструирую программу того или иного лидера. Я показываю, как каждый из них использовал оценки и предписания, заключенные в его публичных высказываниях, чтобы найти общий язык с целевой аудиторией и теми группами населения, чья поддержка и участие были важны для него на соответствующем этапе его пребывания на руководящем посту. Я показываю Горбачева и Ельцина как лидеров, ведущих непрерывный и изменчивый политический диалог с соратниками и противниками внутри страны и за рубежом — диалог, который в итоге содействовал созданию динамично развивающейся политической жизни. Непосредственной целью такого диалога была политическая коммуникация; более

значительная цель состояла в том, чтобы убедить людей, что лидер обладает собственным видением, имеет идеи и идеалы, которые стоит поддержать, и что у него также имеются политическое мастерство, решимость и воля, чтобы добиться своего. Это были не просто слова. Это были слова, формировавшие репутацию и авторитет и тем самым сильнейшим образом влиявшие на способность управлять. Ричард Нойштадт писал об американском президенте: «Его личность видна во всем, что он говорит и делает. Соответственно, выбор того, что, как и когда следует сказать и сделать, — это его способ сохранять и использовать источники своей силы» [Neustadt 1960: 179].

В соответствии с целями моего исследования, основными его источниками стали публичные заявления указанных лидеров: их официальные выступления в стране и за рубежом, их пресс-конференции, пресс-релизы, а также их неотретированные замечания на публике. Воспоминания их политических партнеров и советников, в свою очередь, помогают понять, как соотносились между собой публичные и частные высказывания этих лидеров. Мемуары Горбачева и Ельцина позволяют лучше узнать их биографии, понять их представления о себе и о том, какую память о себе они хотели оставить. Беседы различных политических деятелей по поводу этих лидеров, некоторые со мной, большинство — с другими исследователями, позволили мне проверить корректность опубликованных источников.

Публичные заявления и мемуары политиков следует воспринимать с большой долей осторожности. Манипулятивная риторика и, по-видимому, ложная информация присутствуют в них в больших дозах. Однако при разумном использовании и внимании к темам, повторяющимся перед различными аудиториями, они являются бесценным источником понимания того, чего пытался достичь лидер на том или ином этапе своего правления. Аналогичным образом, к воспоминаниям людей, работавших с этими лидерами, следует подходить с осторожностью из-за личной заинтересованности их авторов. Некоторые написаны людьми, затаившими обиду; другие — людьми, которые боготворили своего бывшего босса. В одних суждениях ощущается

некоторое напряжение, другие источают презрение или переполнены обожанием. Как и все исторические документы, их следует анализировать со здоровой долей скептицизма и с учетом возможной пристрастности.

Но мы можем полагаться на них до тех пор, пока многочисленные источники — публичные и частные сообщения, мемуары противников и сторонников, опубликованные материалы и интервью — сходятся в своих свидетельствах о предпочтениях, склонностях и действиях того или иного человека в определенный момент времени.

Скажем несколько слов об источниках речей и воспоминаний указанных лидеров. Горбачев и Ельцин иногда писали свои речи или заявления самостоятельно, они также импровизировали во время пресс-конференций и незапланированных встреч, но в основном тексты речей им писали команды спичрайтеров. Это не означает, что такие речи нельзя воспринимать в качестве индикаторов их политических стратегий и политических пристрастий. Напротив, оба они, как правило, внимательно следили за содержанием своих речей, даже если сами их не писали, а их спичрайтеры очень хорошо знали, как лидер хотел быть представленным публике. Оба часто редактировали черновики написанных для них речей.

Три главные книги воспоминаний Ельцина появились соответственно в 1990 году (до того как он стал президентом России), в 1994-м (в середине его президентства) и в 2000-м (после его отставки) [Ельцин 1990; Ельцин 1994; Ельцин 2000].

Это ценные источники для понимания личности данного человека, его убеждений и политической стратегии. Все три книги были написаны с помощью В. Б. Юмашева, бывшего журналиста, который стал одним из ближайших помощников, советников и доверенных лиц Ельцина. Ельцин принимал непосредственное участие в составлении и редактировании первой книги воспоминаний, несколько менее активно участвовал в составлении второй (но, вероятно, ее редактировал) и в значительной степени устранился от создания третьей. Тем не менее, учитывая, насколько близок был Юмашев к Ельцину на протяжении стольких лет, можно считать само собой разумеющимся, что он очень хорошо

знал предпочтения и взгляды своего начальника. Он мог формулировать мысли Ельцина, и именно это он и делал, как минимум в третьей книге. По этой причине можно утверждать, что в третьей книге, как и в первых двух, выражены пожелания Ельцина относительно того, каким запомнятся он сам и его президентство. К фактологии по-прежнему следует относиться скептически, но в этом отношении мемуары Ельцина не отличаются от воспоминаний любого другого политика.

Горбачев выпустил несколько книг во время и после своего руководства Советским Союзом. Судя по всему, он очень внимательно следил за их содержанием. Его книга «Перестройка», которая являлась не просто воспоминаниями, а декларацией горбачевской философии, появилась в 1987 году [Горбачев 1987; Gorbachev 1987] и была написана коллективом авторов, с которым сам Горбачев тесно сотрудничал. Его объемные двухтомные мемуары вышли после его отставки с государственной должности, но и в этом случае он вновь активно участвовал в их написании. В личной беседе со мной профессор Арчи Браун (Колледж Святого Антония, Оксфордский университет) сообщил, что, по словам помощников Горбачева, тот беседовал со своими близкими коллегами на определенные темы. Эти беседы были записаны и расшифрованы. Затем Горбачев все прочел и подробно прокомментировал текст. Нередко он противился попыткам других заставить его казаться более дальновидным или «продвинутым» в своем мышлении в тот или иной момент времени, чем он сам полагал. Большинство сказанного в книгах — его собственные слова, записанные с устной речи, а затем проверенные им и исправленные в рукописи.

Воспоминания коллег Горбачева являются преимущественно политическими, а воспоминания коллег Ельцина носят более личный характер. Объяснение тому лежит в различной политической ситуации 1985–1989 и 1991–1996 годов. Коллеги Горбачева вместе с ним работали и бились над решением фундаментальных политических вопросов. Некоторые из них — товарищи по партии, члены Политбюро, некоторые — близкие помощники президента. При этом в своих воспоминаниях и такие помощники Горбачева, как В. И. Болдин, А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров

и П. С. Грачев, и такие члены Политбюро, как Е. К. Лигачев, В. А. Медведев, Н. И. Рыжков, В. А. Крючков, А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, воочию наблюдали за тем, как он пытался манипулировать Политбюро и Центральным комитетом, а позже съездом народных депутатов, чтобы заручиться их поддержкой по тем или иным вопросам. В их воспоминаниях виден Горбачев, который принимает решения и создает коалиции.

Напротив, большинство воспоминаний о Ельцине писали его сторонники (Е. Т. Гайдар, С. А. Филатов, А. В. Коржаков, В. В. Костиков, Ю. М. Батулин, Г. А. Сатаров, Л. Г. Пихоя): мужчины и женщины, которые не были членами отвечающего за принятие решений органа власти, возглавляемого Ельциным. Они редко видели, чтобы он обсуждал политические вопросы с влиятельными политиками и принимал решения на основе консенсуса или по принципу большинства. Ельцин, в отличие от Горбачева, не был подотчетен формальному коллективному руководству. Исходя из этого, большинство ключевых решений Ельцина на посту президента принимались им самим на закрытых совещаниях. Поэтому воспоминания о годах его пребывания у власти, как правило, акцентируют внимание на его личностных качествах и на том, как он обращался с подчиненными или противниками. Это воспоминания более о Ельцине как человеке, чем о Ельцине, принимающем решения и создающем коалиции.

По указанным причинам, когда мы используем мемуарную литературу для исследования политической индивидуальности Горбачева, следует ожидать, что эти воспоминания больше расскажут нам о политической деятельности Горбачева в формальном контексте, нежели о его личных, неформальных контактах и склонностях. Тем не менее мы можем увязать эти свидетельства с другими источниками информации о Горбачеве, в том числе с рассказами людей, которые знали его раньше, что дает возможность составить представление о личной жизни человека. Аналогичным образом, когда мы исследуем процессы принятия решений Ельциным, нам следует учитывать, что воспоминания его помощников и сторонников помогут нам лишь отчасти. Несмотря на это, анализируя политическую риторику Ельцина в различ-

ных выступлениях, проходивших в определенной последовательности, и связывая ее с тем представлением о себе, которое излагается в его воспоминаниях, и с наблюдениями окружающих о его переменчивых настроениях, мы можем восстановить основания многих важных решений, которые ему требовалось принимать.

По этим разнообразным текстам я выявляю внутри- и внешнеполитические программы каждого из лидеров и то, как они развивались с течением времени. Периодически сравнивая и сопоставляя их с аналогичными образцами риторики и поведения Хрущева и Брежнева, которые я проанализировал в своем более раннем исследовании [Breslauer 1982], я пытаюсь углубить наше понимание преемственности и изменчивости советской и российской политики за последние полвека.

Разного размера фрагменты отдельных глав, в настоящее время значительно переработанные, были опубликованы ранее. Фрагменты главы четвертой и части главы пятой появлялись в [Breslauer 1994]. Части главы седьмой появлялись в [Breslauer, Dale 1997], главы восьмой — в [Breslauer 1999]. Переработанные впоследствии части главы девятой были опубликованы в главе «Политическое лидерство Ельцина: зачем вводить войска в Чечню?» книги [Breslauer et al. 1995: 1–24]. Большая часть главы тринадцатой в черновом виде появилась в статье «Оценивая Горбачева как лидера» [Breslauer 1989]. Части главы четырнадцатой публиковались под заголовком «Персонализм и процедурализм: Борис Ельцин и институциональная хрупкость российской системы» в [Breslauer 2000]. Части главы двенадцатой, а также фрагменты будущих глав тринадцатой и четырнадцатой выходили под названием «Оценивая Горбачева и Ельцина как лидеров» в [Breslauer 2001].

В течение последних десяти лет множество учреждений поддерживало мои исследования, которые привели к написанию этой книги. Я благодарен Калифорнийскому университету в Беркли, Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Национальному совету исследований Евразии и Восточной Европы за гранты на исследования и поездки. Центр славянских и восточноевропейских исследований Калифорнийского университета в Беркли и его преемник, Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований,

неизменно предоставляли мне идеальные организационные условия и давали возможности для обмена идеями, проявляя ту вовлеченность в работу, без которых неосуществимы никакие амбициозные проекты. Конечно, я не смог бы выпустить эту книгу без поддержки всех этих учреждений. Надеюсь, я оправдал их доверие.

Многие помогли мне с критикой ранних черновиков всей рукописи. Я рад возможности поблагодарить их здесь: Ричарда Д. Андерсона, Арчи Брауна, Валери Банс, Тимоти Колтона, Кейт Дарден, М. Стивена Фиша, Джеймса Гольджайера, Стивена Хэнсона, Джеффри Копштейна, Дэвида Лэйтина, Джеймса Рихтера, Ричарда Сэмюэlsa, Илью Винковецкого, Эдварда Уокера, Лукана Уэя и Стивена Уайта. Вся ответственность за конечный продукт полностью лежит на мне.

Я также не могу не отметить роль многочисленных аспирантов Калифорнийского университета в Беркли, благодаря помощи которых в исследованиях я на протяжении многих лет собирал материалы. Четыре аспиранта не просто собрали материалы, а пошли гораздо дальше; они в существенной степени помогли мне в их анализе. Я благодарен Кэтрин Дейл, в соавторстве с которой я написал статью, послужившую основой для частей главы седьмой. Я также благодарю Мэтью Дж. фон Бенке, Леонида Киля и Илью Винковецкого. Илья, в частности, заслуживает особой благодарности как за все то время, которое он на это потратил, так и за исключительные аналитические способности, которые он задействовал в изучении нами различных речей и воспоминаний.

Наконец, я благодарен своей семье за их терпение, поддержку, хорошее настроение и неподдельный энтузиазм на протяжении столь длительного времени. Мои дети, Мишель и Дэвид, выросли на «Горби» и «Борисе». Все 25 лет нашего с Иветтой брака где-то рядом с нами всегда были четыре «приятеля», умолявшие о внимании: Никита, Леонид, Михаил и Борис. В целом наша жизнь всегда была гармоничной и спокойной. Советская и российская политика, постоянный предмет моего интереса, давала мне темы для размышлений. С Иветт, Мишелем и Дэвидом, этими тремя лучшими друзьями, прекрасен был каждый день; что может быть лучше, чем возвращаться домой к близким людям.

Глава 1

Стратегии лидерства в советской и постсоветской политике

Чтобы добиться того, что им удалось, Горбачеву и Ельцину пришлось преодолеть множество препятствий на пути к переменам. Для этого от них требовалось проявить лидерство, которое я определяю как процесс, направленный на то, чтобы растянуть границы социальных ограничений ради достижения социальных целей¹. Имеется несколько видов таких ограничений: 1) организации, институты и процессы, структурирующие политику и управление; 2) материальные интересы отдельных лиц и групп; 3) идентичности, идеологии и культуры отдельных лиц и групп. Обычно в устоявшейся или укоренившейся, закосневшей системе эти ограничения взаимно усиливаются. Идеологии и культуры служат оправданием институтов и процессов, структурирующих как политическую жизнь, так и распределение материальных вознаграждений среди населения. Эти институты и процессы обеспечивают сохранение политики, ориентированной на преобладающую идентичность и воспроизводящей существующие модели социального и политического неравенства.

Сталинская система была именно такой укоренившейся системой, но некоторые из особенностей этой системы ненадолго

¹ Определение лидерства как процесса «растягивания ограничений» (англ. *stretching constraints*) см. у Уоррена Илчмана и Нормана Апхоффа [Ilchman, Uphoff 1969].

пережили смерть ее основателя. Преемники Сталина отвергли продолжение массового террора и жесткой экономии, деспотическое правление и постоянную конфронтацию с капиталистическим миром. Вдобавок к этому им пришлось иметь дело с проблемой реформирования (Хрущев, 1953–1964), адаптации (Брежнев, 1964–1982) или трансформации (Горбачев, 1985–1991) советской системы монополистической власти коммунистической партии и политики «антиимпериалистической борьбы» за рубежом, тогда как Ельцин (1989–1999) стремился полностью разрушить эту систему и заменить ее работоспособной альтернативой.

В своей ранней книге я рассматривал стратегии, примененные Хрущевым и Брежневым для реформирования и адаптации советской системы [Breslauer 1982]². В настоящем исследовании я переключаю внимание на их преемников. Обе книги посвящены теме реализации лидерства, но здесь я фокусируюсь на его более сложном и более широком варианте, который именуется «трансформационным лидерством».

² См. также [Richter 1994; Anderson 1993]. Рихтер и Андерсон в своих исследованиях применили мою концепцию к внешней политике при Хрущеве и Брежневе и обнаружили, что модели, которые я выделил во внутренней политике, в равной мере наблюдаются и в политике внешней. Кроме того, Андерсон разработал и обогатил эту концепцию, синтезировав теорию принятия решений новым способом и тем самым подкрепив наши выводы с помощью дедуктивной логики. Уильям Томпсон опубликовал политическую биографию Хрущева, где он использовал архивные источники, ставшие доступными благодаря гласности [Tompson 1995]. В книге Томпсона не ставилась цель проверить какую-либо теорию или хотя бы увязать закономерности и результаты изысканий с существующей западной литературой о Хрущеве. Тем не менее его периодизация правления Хрущева хорошо согласуется с моими выводами, равно как и его защита политики Хрущева. С. Н. Хрущев [Хрущев 2003] в своем солидном исследовании-мемуаре сосредоточен на внешней политике; его книга — ценный источник информации о приоритетах внешней политики Н. С. Хрущева, его миропонимании и чувствах. В то же время она не дает глубокого понимания сути и эволюции политических стратегий и представлений Хрущева, возможно потому, что, как автор отмечал в своей более ранней книге, отец нечасто доверял членам семьи сведения о кремлевской политике [Khrushchev 1990: 186–187].

Общим характеристикам трансформационного лидерства посвящена обширная литература по организации управления в частных корпорациях³, бюрократических структурах [Doig, Hargrove 1967] и государстве [Burns 1978; Gardner 1995]. Определения этого понятия разнятся, но обычно они включают в себя процесс фундаментального изменения культуры и принципов упорядочивания управляемых единиц. Добиться этого — непростая задача. Чтобы произвести такие изменения, лидер должен предпринять несколько действий:

- Публично заострить внимание на несовместимости возникающих детерминирующих внешних факторов, с одной стороны, и текущих принципов и культурных особенностей — с другой.
- В общем виде представить альтернативное видение политической организации и политической культуры, которые будут способны восстановить гармоничные взаимоотношения между трансформированной единицей управления и ее внешней средой.
- Мобилизовать заинтересованные группы в поддержку этого видения.
- Предотвратить саботаж трансформации со стороны защитников существующего порядка.
- Провести в жизнь конкретные программы, которые приведут к замене существующего порядка на лучшим образом приспособленный к детерминирующим внешним факторам завтрашнего дня.

Но лидеры — будь то приспособленцы, реформаторы или преобразователи — должны делать нечто большее, чем просто задумывать и реализовывать видение лучшего будущего. Они также должны убедить свою публику в том, что они, и только они, обладают навыками, необходимыми для того, чтобы повести страну к реализации своего видения. Следовательно, их цели

³ Напр., [Selznick 1957; Tichy, Devanna 1986].

являются как публично программными, так и личными. Они одновременно пытаются убедить большое количество людей в том, что их программа перемен желательна и осуществима, и в том, что для реализации этих перемен им необходимо занять высший пост. Эти два акцента, программный и личный, взаимно усиливают друг друга. Чем больше лидер вдохновляет людей верить в его программу, тем больше эти люди будут склонны верить в его компетентность как лидера. Чем больше они верят в его компетентность, тем больше у него свободы действий для принятия и реализации своей программы. И чем эффективнее он реализует свою программу, тем с большим энтузиазмом люди поверят как в его видение, так и в его лидерские качества. Я называю этот интерактивный процесс убеждения, вдохновения и взаимной идентификации «укреплением авторитета».

Укрепление авторитета — не то же самое, что сосредоточение власти в своих руках, хотя лидеры в конкурентных политических системах пытаются делать и то и другое. Я использую здесь термин «авторитет», говоря о власти легитимной, заслуживающей доверия⁴. Укрепление авторитета — это процесс, посредством которого лидеры стремятся к легитимации своих политических программ и демонстрируют свою компетенцию или свою незаменимость в качестве решателей задач и политических деятелей. Заинтересованность в укреплении власти предполагает, что тактика устрашения и подкупа не всегда эффективна в деле мобилизации политической поддержки, если лидер в целом воспринимается как некомпетентный или заменимый. Лидер может удерживать свою власть с помощью запугивания и подкупа. Этих методов может быть достаточно для сохранения власти при таких деспотических и деидеологизированных режимах, которые преобладали, скажем, на Кубе при Батисте или в Никарагуа при династии Сомоса. Но запугивания и подкупа, хотя они и характерны для политического процесса в большинстве систем,

⁴ Это не стандартное словарное определение «власти» (англ. *authority*); скорее оно соответствует формулировке Амитая Этzioni [Etzioni 1968: 360], который определяет это понятие как «легитимная власть».

обычно недостаточно, чтобы добиться цели при таких недеспотических идеологизированных режимах, как Советский Союз после Сталина. Такие режимы вынуждены терпеть законную политическую конкуренцию (будь то внутри олигархической элиты или внутри всеобщей либеральной демократии) и находят себе оправдание в идеологических рамках. В таких контекстах способность лидера проводить в жизнь изменения не может расти сверх определенного уровня только на основе подкупа и запугивания. Он также должен строить свою власть, демонстрируя способность проводить в жизнь изменения, которые будут апеллировать к убеждениям, идентичности и культурной ориентации целевых групп.

Чтобы подробнее рассказать о процессе укрепления авторитета, сформулировать гипотезы, подходящие для рассмотрения вопросов, связанных с лидерством Горбачева и Ельцина, а также создать фон для понимания тех ограничений, с которыми столкнулся Горбачев, придя к власти, я начну с обзора стратегий лидерства Хрущева и Брежнева. Хотя ни один из них не был лидером-трансформатором, их правление является примером двух различных стратегий укрепления авторитета в системе советского типа, а общие для них ограничения стали в 80-х годах наглядными уроками как для Горбачева, так и для Ельцина.

Укрепление авторитета после Сталина

Для того чтобы выйти за рамки сталинизма, советской системе требовался лидер, склонный к осуществлению значительных перемен. Что бы ни думали политические преемники Сталина о желательности и необходимости «развитого сталинизма», большинство из них не считало возможным сохранение этой системы после его смерти. Они считали неприемлемым уровень напряженности в обществе, сложившийся в результате полицейского террора, лагерей ГУЛАГа, переполненных политзаключенными, изнурительного ритма жизни и крайне жесткой экономии. Большинство из них считало нежелательным такое положение

дел, при котором тайная полиция, это государство в государстве, могла быть использована против них новым Сталиным. Большинство опасалось, что постоянная конфронтация с капиталистическим миром может привести к ядерной войне.

Результатом этих разделяемых ими серьезных опасений стало принятие серии быстрых решений, призванных снизить уровень напряженности внутри страны и за рубежом: арест и казнь главы тайной полиции и его ведущих помощников, провозглашение нового курса для советских граждан и ряд примирительных жестов в отношении Соединенных Штатов и их союзников. Это был переломный момент, отразивший быстро возникающие и развивающиеся настроения в руководстве. Результатом стало то, что я назвал «постсталинским консенсусом» [Breslauer 1982: 18]. Этот консенсус оставался в силе вплоть до распада СССР. Насколько нам известно, в последующие 38 лет Политбюро ни разу в ходе своих заседаний не рассматривало всерьез вариант возврата к эксцессам сталинизма. Этот новый консенсус был одновременно политическим и экономическим, внутренним и международным; он вселял новую уверенность как в население в целом, так и в правящую элиту.

Постсталинский консенсус, однако, был в основном негативным. Действительно, он сулил населению новую эру физической безопасности и материального благополучия. Он также отчасти делал основой легитимности режима улучшение уровня жизни населения. Но больше ничего в нем не уточнялось. Это оставляло много места для фундаментальных разногласий между советскими лидерами относительно будущих целей, к которым следует стремиться, цены, которую придется заплатить различным внутренним заинтересованным группам за реализацию этих целей, и жертв, которые придется принести для достижения новых целей в ущерб традиционным ценностям. Также оставалось неясным, как конкурирующие политики будут оправдывать разрыв со сталинизмом и свои программы по выходу за его рамки.

Дело в том, что при этом режиме идеи имели огромное значение. Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) на протяжении десятилетий изображала всю советскую историю

как воплощение грандиозного замысла построения утопического общества в стране и за ее пределами⁵. Партия узаконила свою политическую монополию, заявив, что обладает исключительным пониманием того, как достичь этой утопической цели. Следовательно, если необходимо было порвать со сталинизмом, надлежало объяснить, почему в данный момент потребовалось изменение курса. Возможно, не было необходимости очернять исторический образ Сталина и противодействовать устоявшимся интересам и убеждениям сталинистов, препятствовавших изменению курса. Но, безусловно, необходимо было объяснить это изменение в идеологическом ключе и растолковать причины, по которым сталинское наследие стало тормозом для движения вперед, к хорошему обществу. Это противоречие между очевидной необходимостью движения вперед и приверженностью традиционным ценностям будет в последующие десятилетия оставаться в центре политического конфликта⁶.

Когда руководство отказалось от перегибов сталинизма, на первый план вышли более глубокие вопросы о ленинском наследии. Как предотвратить перерастание критики сталинизма в кри-

⁵ Об этом неплохо сказано у Михаила Хеллера и Александра Некрича [Heller, Nekrich 1986], а также у Мартина Малиа [Malia 1994].

⁶ Чрезвычайная важность подведения подо все идеологической базы в коммунистических режимах — главная причина, по которой мы уделяем так много внимания публичным заявлениям лидеров при изучении политики этих режимов. Из-за канонизации Сталиным мыслей и слов Ленина слова лидеров в этих обществах стали играть ключевую роль в актах политической коммуникации и координации. Это было известно всем чиновникам и большинству граждан. Поэтому чиновники, в частности, очень внимательно вчитывались в слова лидеров на предмет мелких вариаций в значении и тексте. Они разбирали различные нюансы фраз для постижения более глубокого смысла. Когда западные кремленологи использовали ту же технику для подтверждения изменений в курсе и политике, над ними на Западе нередко насмехались, ошибочно полагая, что речи лидеров коммунистических режимов можно читать, по существу, так же, как речи лидеров либеральных демократий. Фактически кремленологи относились к этим выступлениям так же, как и коммунистические партработники. Поразительно, сколько мемуаров, опубликованных за последние десятилетия, относят речи и газетные статьи к ключевым моментам советской политики.

тику самих истоков этой системы, кроющихся в ленинизме? Как не допустить того, чтобы расширенное политическое участие общества бросило вызов руководящей и направляющей роли партии и ее монополии на политическую, экономическую и социальную жизнь? Как приструнить тайную полицию и сузить определение политического преступления, не признавая при этом обоснованной замену старой системы на новую, основанную на верховенстве закона? Как улучшить экономику без ее реальной децентрализации, которая может поставить под сомнение святость централизованного планирования и право партийных чиновников вмешиваться по своему усмотрению в административное управление? Как заключать сделки с «империалистами», поддерживая ядерный паритет, но не отказываясь от своих обязательств по руководству «борьбой против империализма» и от ведущей роли в мировом коммунистическом движении?

Эти противоречия между целями постсталинской эпохи и более глубоким наследием ленинизма не оказались сразу очевидны для советских лидеров. Но по мере того, как послабления в отношении свободы слова и печати все более расширялись при Хрущеве и Брежневе, все больше представителей критически настроенной интеллигенции поднимало вопросы о совместимости некоторых черт советского ленинизма с достижением новых целей. Следовательно, политический конфликт при Хрущеве и Брежневе редко состоял в том, преследовать эти новые цели или нет. Скорее, речь шла о той цене, которую необходимо заплатить с точки зрения традиционных ценностей при их реализации. В результате, укрепляя свой авторитет, партийный лидер редко выбирал между традиционными ценностями и новыми целями; вместо этого он стремился синтезировать эти два аспекта либо скомпилировать комплексы мер, позаимствованные у каждого из них. И Хрущев, и Брежнев стремились продемонстрировать свои политические таланты и программное видение, выработав политику, предположительно способную достичь целей постсталинского периода, не подрывая при этом легитимности и стабильности монополистической системы во главе с компартией.

Оправдать такой сплав было несложно. Советская политическая традиция была многогранной и противоречивой, она содержала как «реформистские», так и «консервативные» направления [Cohen 1979]. Тем не менее для разнообразия, легко принимаемого этой традицией, существовали пределы. Марксизм-ленинизм не мог допустить создания общественной системы, основанной на политической свободе, преобладании рыночной координации и частной собственности в экономике или на окончательном примирении с империализмом на мировой арене. Таким образом, преемники Сталина столкнулись с проблемой разработки новаторской политики, которая позволила бы выйти за рамки сталинизма, без того чтобы принять классические либеральные подходы к внутренней и внешней политике страны. Только после 33 лет экспериментов с попытками реформирования и адаптации системы в этих пределах в Политбюро появились лидеры, готовые добиваться чего-то более существенного: чего-то, что бросало вызов монополии партии внутри страны и ее антиимпериалистической миссии за рубежом. В этот момент реформы превратились в трансформацию системы и в конечном итоге ее замену альтернативной. В этот момент и сама система начала распадаться.

Разрешить неразрешимое: стратегия

Хрущев изначально стремился продемонстрировать, что повышения удовлетворенности потребителей можно достичь без массового перераспределения средств из военной и тяжелой промышленности. Он также стремился доказать, что сокращение бюрократического централизма может быть достигнуто без потери административного контроля и что расширение критики чиновничества вполне совместимо с сохранением жесткого политического контроля и строгой цензуры. По его мнению, ключом к синтезу этих противоречивых приоритетов было сочетание частичной политической либерализации с сокращением социально-экономических привилегий партийных чиновников, расширением роли рядовых партийцев за счет сокращения

числа партийных функционеров и формированием общенародного энтузиазма посредством амбициозных кампаний, ведущих к социальным преобразованиям и экономическому росту. Однако перестройка политических отношений внутри системы требовала конфронтации с заинтересованными могущественными политическими группами, что было одной из причин, по которым Хрущев проводил кампании против Сталина и его наследия. К моменту свержения Хрущева в 1964 году Советский Союз решительно порвал с крайностями сталинизма. Но у Хрущева было гораздо меньше возможностей продемонстрировать свои усилия по обеспечению советских людей материальным изобилием, социальным равенством и чувством подлинного политического участия.

Авторитет Брежнева в политическом истеблишменте основывался на программе, которая заменила политические и социальные реформы Хрущева патриотическими призывами («советский патриотизм») и перераспределением бюджета. Вместо того чтобы реструктурировать отношения между ветвями власти, Брежнев предлагал ускорить экономический рост, вкладывая огромные ресурсы в сельское хозяйство, повышение заработной платы, развитие Сибири и импорт иностранных товаров. Он стремился примирить политический контроль с «социалистической законностью», приглушая антисталинскую кампанию, принимая жесткие меры против диссидентов и при этом одновременно создавая более предсказуемую и менее подверженную давлению среду для политически конформистских специалистов. Брежнев выбрал для себя роль создателя консенсуса внутри истеблишмента, который не станет противостоять основным институциональным интересам в системе (или радикально их оспаривать).

Незвизрая на их различия, и Хрущев, и Брежнев были «людьми партии». Ни один из них не был поборником демократического плюрализма или отказа от «ведущей роли партии». Оба разрабатывали программы, реализация которых во многом опиралась на партийный активизм и требовала политического вмешательства партии в экономику и социум для реализации этих программ. Оба стремились вызвать общенациональный энтузиазм в отно-

шении своих программ. Отказ от утопических ценностей после Хрущева не означал отказа от попыток вызвать мобилизационный пыл как таковой. (Напомним, что при Брежневе строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали было названо «проектом века».) Разница заключалась в том, что Хрущев стремился переопределить характер партийной мобилизации в антиэлитарном направлении, тем самым оспаривая прерогативы партийных аппаратчиков. Он выступал за новые методы мобилизации, во главе которой должны были стоять активные члены партии и специалисты. Напротив, Брежнев защищал методы мобилизации, которые способствовали бы достижению постсталинских целей, не оспаривая прерогатив и привилегий штатных должностных лиц слитого с партией государства.

Внешняя политика обоих лидеров различалась меньше, чем внутренняя. Оба придерживались стратегии «наступательной разрядки»⁷. Оба решили укреплять свой авторитет, показав, что способны составить глобальную конкуренцию «империализму» и одновременно заключать сделки с Соединенными Штатами в сфере регулирования ядерных вооружений. Оба пообещали делать это с позиции силы и добиваться признания Вашингтоном СССР как равной ему глобальной сверхдержавы. В общем, оба обещали обеспечить мир посредством силы. Хрущев, однако, пообещал гораздо больше, чем мог реально сделать в ближайшем будущем, и попытался компенсировать этот недостаток блефом: например, публичное преувеличение возможностей советских ракет, которое должно было запугать западных лидеров и заставить их пойти на уступки. Когда его блеф был разоблачен западными правительствами, он занял в политике оборонную позицию как дома, так и за границей, и начал искать новые способы вернуть доверие. В 1963–1964 годах, напуганный непосредственной угрозой ядерной войны во время кубинского ракетного кризиса и отчаянно желая добиться успеха, который укрепил бы его авторитет в ЦК партии, Хрущев начал вести внешнюю политику, практически чреватую отказом от обязательств СССР перед

⁷ Термин придуман Джеком Снайдером [Snyder 1987/88: 103].

союзниками по мировому коммунистическому движению. Он так отчаянно нуждался в «мире», что был готов отказаться от «силы» [Richter 1994: 7].

Преемники Хрущева отошли от этой политики, отчасти из национальной гордости, отчасти потому, что военная эскалация США во Вьетнаме укрепила позиции сторонников жесткой линии в руководстве. Брежнев отказался от блефа и сознательно стремился к созданию необходимой военной мощи, чтобы Советский Союз мог играть роль равноправной сверхдержавы и глобальной интервенционистской силы. Только после этого он возобновил отношения разрядки с Соединенными Штатами. Брежнев также подтвердил обязательства Советского Союза перед его коммунистическими союзниками и пообещал выстраивать разрядку с империалистическим лагерем так, чтобы на деле продвигать цели мирового коммунистического движения.

Хрущев в октябре 1964 года был отстранен от должности и подвергся критике как за свою политику, так и за стиль руководства; Брежнев умер на своем посту, но лишь после долгого периода, который впоследствии получил в стране и за рубежом название «застой». Таким образом, ни одному из них не удалось разрешить неразрешимое: совместить монополию коммунистической партии на власть с политикой, способной оживить укorenившуюся, чрезмерно бюрократизированную систему внутри страны и не отстать от Соединенных Штатов за рубежом. Их политические программы, равно как и резервные позиции, которые они заняли после дискредитации их первоначальных программ, оказались неспособны улучшить общее состояние экономики, обеспечить общественный подъем или укрепить позиции Советского Союза за рубежом.

Как настоять на своем: тактика

Хрущев, реформатор, придерживался стиля руководства, который был направлен против истеблишмента и являлся конфронтационным. Такой стиль можно было бы назвать «ленинист-

ским популизмом». Он мобилизовал массы против «бюрократов». Брежнев, консерватор, избрал стиль руководства с опорой на истеблишмент и стремлением к консенсусу. Это были разные подходы к лидерству в постсталинской ленинской системе.

Стратегия Хрущева заключалась в том, чтобы использовать атмосферу кризиса после ухода Сталина с целью объединения с массами против враждебных сил внутри истеблишмента. Он играл на страхах элиты перед социальными беспорядками, намеренно вселяя надежды у населения или досрочно оглашая политические предложения, а затем доказывая политической элите, что растущее недовольство населения делает принятие этих предложений необходимым. Он допускал утечку протоколов заседаний Политбюро избранной заинтересованной аудитории, чтобы поставить в неловкое положение других участников процесса выработки политического курса. Он приглашал представителей интеллигенции присоединиться к нему в критике доставшегося им в наследство порядка. Он приглашал нечленов присутствовать или выступать на заседаниях Центрального комитета партии, чтобы направить дискуссию в определенное русло и припугнуть скептиков. Когда его политика начала давать сбой и он больше не мог выполнять свои многочисленные обещания, Хрущев усилил антисталинскую кампанию, обвинил в неудачах партийных и государственных чиновников, зачистил многих из них и начал наступление на партийные органы на всех уровнях иерархии.

Отказ Брежнева от политического популизма, а также больший упор на вливание денег ради решения проблем соответствовали его позиции сторонника консенсуса и политического посредника между заинтересованными группами внутри истеблишмента. Его цели были консервативными, а его стратегия лидерства соответствовала этим целям. Он старался не апеллировать к массам поверх голов своих коллег, чурался играть на страхах элиты перед массами и остерегался разжигать потребительские ожидания ради личной политической выгоды. Вместо этого Брежнев представлялся лидером, лучше всех умеющим создавать коалиции, способные побудить наиболее влиятельные институциональные группы, имеющие

собственные интересы, переориентироваться и заставить систему, сохраняя свою структуру, работать более эффективно. И все это он обещал сделать без политических чисток.

Укрепление авторитета и публичная политика

Контраст между этими двумя лидерами в стратегиях укрепления авторитета указывает на одну особенность советской системы, критически важную для понимания дилемм и возможностей, стоявших перед Горбачевым и Ельциным. Советский политический порядок был основан на жестко укрепленной системе *частной политики*. Обсуждение важных тем и принятие решений происходило в высших кругах партийно-государственной иерархии, где доминировали представители привилегированного класса профессиональных партийных чиновников, экономическая бюрократия, военные и спецслужбы. В порядке вещей были преобладание секретности и видимость единодушия. Такой лидер, как Брежнев, привыкший заниматься посредничеством в отношениях между заинтересованными группами элит, мог без труда приспособиться к установившимся нормам. Но такому лидеру, как Хрущев, который стремился реформировать систему и бросить вызов некоторым ее основам, приходилось нарушать нормы секретности и единодушия. Чтобы противостоять прерогативам укоренившихся заинтересованных групп, ему необходимо было мобилизовать новые общественные силы, предложить пересмотреть догмы и бросить вызов некоторым священным коровам сталинского учения. Это не было вопросом выбора. Если он хотел реформировать систему (что было вопросом выбора), его стратегия по укреплению авторитета должна была поставить под сомнение представление о том, что политика является полностью частным делом. В противном случае он остался бы в слишком большой степени пленником заинтересованных групп, доминировавших в советском политическом истеблишменте.

Лидерам, стремившимся выйти за рамки реформ и *трансформировать* систему, надо было использовать еще более далеко

идущие стратегии для создания политического влияния. Им пришлось бы бросить вызов нормам частной политики в еще большей степени, чем это сделал Хрущев. Действительно, одной из центральных проблем эпох Горбачева и Ельцина было создание автономного публичного пространства: превращение политики из частного дела в общественное. Горбачев в итоге счел более свободное слово (гласность), большую свободу объединений, более свободную прессу и конкурентные выборы необходимыми для оживления системы, пробуждения общества и нейтрализации укоренившихся групп со своими интересами, способных помешать преобразованию советской системы в своего рода «социалистическую демократию». Для Ельцина эта публичная арена стала его билетом к политическому возрождению в 1989 году и той дорогой, которая впоследствии приведет его в кресло президента России. Задача Горбачева в ходе укрепления власти заключалась в том, чтобы создать публичную арену, не разрушая систему, которую он пытался мирным путем преобразовать. Возможности для укрепления авторитета Ельцина в 1980-е годы заключались в использовании этой публичной арены, чтобы поставить в невыгодное политическое положение Горбачева. Но дилеммой Ельцина по укреплению власти после распада Советского Союза стала следующая: как построить новую систему в условиях жесткой публичной политической конкуренции?

Расширение арен политического конфликта может быть необходимым условием как реформы, так и трансформации системы, но такое расширение — условие далеко не достаточное; действительно, оно может быть использовано и в реакционных целях. Для Мао Цзэдуна, например, мобилизация хунвейбинов во время Культурной революции стала способом сломить бюрократический консерватизм и подавить инакомыслие. Только когда подобное расширение сочетается с либерализацией возможностей политического самовыражения, оно может служить делу прогрессивной реформы или трансформации системы. Только когда публичным аренам будет предоставлена некоторая степень автономии, политический конфликт на этих аренах может послужить прогрессивной трансформации системы. В таких условиях

диссидентские или «ревизионистские» идеи начинают играть причинную роль, делая изменения возможными и формируя направление этих изменений.

Лидеры, желающие перехватить политическую инициативу для реформирования или трансформации системы, нуждаются в союзниках за пределами политического истеблишмента. Им необходимо мобилизовать новые общественные силы, чтобы использовать их в качестве клина в наступлении на укоренившиеся консервативные силы. Для режимов, в которых важны идеи, активизация таких общественных сил должна быть легитимизирована, наряду с созданием каналов, посредством которых их голоса могут быть услышаны. Следовательно, советские лидеры, со времен Сталина стремившиеся реформировать или трансформировать политику, должны были изменить и язык, и арену противостояния.

Например, антисталинская кампания Хрущева, начавшаяся в 1956 году и продолжавшаяся до конца его правления, была направлена на преодоление «бюрократизма», который, как он утверждал, был основным препятствием на пути прогресса. Его кампания подвигла журналистов и представителей культурной интеллигенции на публичную критику существующего положения дел. Многие из этих работ граничили с критикой системы руководства — упорядочивающих принципов государственного устройства, — в отличие от привычной тенденции обвинять во всех проблемах отдельные недостатки тех или иных должностных лиц. Таким образом, при Хрущеве допустимому объяснению неудач было позволено подняться на гораздо более высокий уровень обобщения. Его доктринальные нововведения на партийных съездах 1956, 1959 и 1961 годов предоставили интеллектуальное пространство членам недавно возрожденной «критической интеллигенции», чтобы еще больше продвинуть свою критику системы. В конце концов эти критики пошли дальше, чем Хрущев мог допустить, как в личном, так и в политическом плане. Периодически он подавлял и пытался ограничить допустимые пределы критики, но лишь для того, чтобы вновь расширить их, продвигая свою программу реформ.

Цели Брежнева как консолидатора системы не требовали от него расширения ни политической арены, ни уровня обобщения критики. Напротив, Брежнев превратил политическую деятельность на высшем уровне в менее прозрачную и более герметичную, чем это было при Хрущеве, и добросовестно работал в установленных границах. Он также положил конец антисталинской кампании, отменил ранее внесенные изменения в доктрины и ограничил допустимую критику внутрисистемными уровнями. Такой подход к структуре и языку политики хорошо соответствовал целям консервации и консолидации.

Горбачев, в свою очередь, стремился преобразовать систему в еще большей степени, чем даже Хрущев. Поэтому его кампания за гласность позволила масштабам допустимой критики подняться до беспрецедентного уровня. Хотя Горбачев, как мы увидим далее, опасался, что чрезмерная критика сталинского прошлого может нанести ему политический урон, тем не менее он побуждал критически настроенную интеллигенцию поддерживать его доктринальные нововведения и развивать все более системную критику текущих проблем. Он надеялся, что более свободная публичная критика будет стимулировать инициативу образованной молодежи, выявит бюрократические препятствия и укрепит легитимность зарождающегося политического порядка. Эта критика также позволит создать группу сторонников, которые будут оказывать Горбачеву политическую поддержку и на которых он сможет ссылаться, чтобы запугать поборников политического отката назад.

Ельцин использовал новые арены и публику, вызванные к жизни Горбачевым, и способствовал их радикализации гораздо больше, чем того желал Горбачев. Более того, он сам основал такие новые арены, как должность президента России, и помог превратить критику старого режима в отрицание всей коммунистической системы. При этом он политически обошел Горбачева и, намеренно или нет, помог и свергнуть его, и разрушить советскую систему, и уничтожить СССР.

И реформистское, и трансформационное руководство в монополистической ленинской системе нуждается в лидере для рас-

пространения новых «еретических» идей, создания новых публичных арен и мобилизации социальных сил, ранее не допускавшихся в политику. Такое лидерство требует стратегически сфокусированной общественной критики, чтобы ослабить противников перемен, и нуждается в новых сторонниках, чтобы обеспечить новую политическую основу для нового политического строя. Все это в некоторых отношениях противоречит здравому смыслу. Крайне рискованно подвергать *собственную* систему критике и вводить в политику новые, непредсказуемые социальные силы и радикальные идеи. Ни один лидер не может с легкостью предсказать или контролировать последствия. Для лидера, озабоченного лишь удержанием власти, есть другие (и гораздо более безопасные) способы проведения своей политики. Но в определенный момент, когда политическая система погрязает в стагнации, позиция поддержания стабильности может оказаться неудачной в качестве стратегии укрепления власти, несмотря на те же самые возможности для запугивания, распределения привилегий и создания коалиций вокруг материально заинтересованных групп, позволявших предыдущим лидерам сопротивляться переменам. Когда эта точка достигнута, выигрышная политическая стратегия — это пропаганда «идеи, время которой пришло».

Подводя итоги, отметим, что реформирование или преобразование советского политического строя требовало изменений в политике, политической организации и политическом языке; изменения только одного из этих факторов было бы недостаточно. В устоявшихся системах господствующие идеологии и структуры обычно подкрепляют друг друга. Поэтому лидеры, которые хотят преодолеть ограничения на изменения, должны действовать на двух уровнях: 1) они должны создавать коалиции материально заинтересованных групп для поддержки необходимых изменений в политике и политической организации; и 2) они должны пропагандировать новые идеи, лишаящие легитимности старый способ ведения дел и создающие новую легитимность для новых способов. Суть проблемы состоит в том, как изменить систему или построить новую, не жертвуя при этом своим авторитетом и властью.

Этапы правления

Я отметил сходства и различия между Хрущевым и Брежневым в их подходах к решению проблем и политике. Я лишь намекнул на то, что правление того и другого прошло по крайней мере три различных этапа. Каждый этап отражал задачи по укреплению авторитета, с которыми сталкивался лидер в соответствующий момент своего пребывания в должности, и каждый этап был отмечен особым подходом к решению проблем и к политическому самооправданию лидера. Трехэтапные ритмы изменений в рамках каждого правления подразумевают изменение политических стимулов и возможностей, по мере того как политики осуществляют свое руководство. Это будет актуально и в ходе нашего анализа дилемм, с которыми Горбачев и Ельцин столкнулись на аналогичных этапах каждый своего правления.

Оглядываясь назад, на годы Хрущева и Брежнева, мы обнаруживаем в случае с каждым, что этап политической борьбы за престолонаследие и консолидации власти сменялся периодом восхождения партийного лидера, за которым, в свою очередь, следовало разочарование в его программных целях и падение его авторитета. Каждый этап ставил перед лидером особую задачу по укреплению авторитета. На первом этапе — до того как он консолидировал свою власть, обошел своих соперников с флангов или усилил свою роль, став главным архитектором внутренней и внешней политики, — лидер партии сосредотачивался на создании коалиции, ориентированной на традиционные интересы. Таким образом, на этом начальном этапе и Хрущев, и Брежнев самым решительным образом выступали за развитие тяжелой промышленности и обороны. Оба они указывали на угрозы со стороны «империалистов» и более акцентировали защиту традиционных ценностей, нежели принятие новых подходов. Оба лидера также вводили политические новшества, чтобы привести в порядок дела, унаследованные от их предшественников. В частности, оба выступили с крупномасштабными программами развития сельского хозяйства, которые подавались как необходимые для обеспечения надежного снабжения продовольствием город-

ского населения. В то же время оба лидера пытались перехватить инициативу, навесив ярлык «экстремизма» на своих политических соперников, подразумевая, что эти соперники были либо слишком консервативны, либо слишком радикальны, чтобы защищать традиционные ценности и одновременно двигать страну вперед.

Однако после консолидации своей власти и чистки (Хрущев) или оттеснения своих соперников (Брежнев) оба они расширили собственные роли и выборочно включили в свои программы элементы политики, связанной с теми из их побежденных соперников, кто был наибольшим реформистом. Каждый из них предложил всеобъемлющую программу будущих перемен как во внутренней, так и во внешней политике, представлявшую собой более сбалансированный синтез традиционных ценностей и новых подходов, чем тот, что они отстаивали ранее. Оба лидера теперь заявляли, что говорят от имени «всего народа».

В обоих случаях, однако, такой синтез оказался чересчур оптимистичным и неработоспособным. У Брежнева он был, по-видимому, менее амбициозным и оптимистичным, чем у Хрущева, и этот факт говорит о консерватизме Брежнева, его политической зависимости от защищающего себя политического истеблишмента и уроках, усвоенных им из опыта Хрущева. Программа Брежнева тем не менее оставалась весьма оптимистичной; в ней было обещано развитие производства как в тяжелой, так и в легкой промышленности и одновременно обеспечение разрядки в отношениях с империалистами и усиление соревнования систем в третьем мире.

Из-за возникшего разрыва между их обещаниями и достижениями достоверность утверждений Хрущева и Брежнева оказалась поставлена под сомнение. Затем каждый попытался восстановить свой авторитет, перетасовать коалицию своих сторонников и пересмотреть свою программу. Каждый лидер пережил несколько периодов таких изменений за оставшиеся годы пребывания у власти⁸.

⁸ Некоторые утверждают (походя, без уточнения или документального подтверждения), будто Хрущев не считал, что в 1960–1964 годах он занимал в политике оборонительную позицию и что изменения, которые он вносил

Годы правления Горбачева и Ельцина можно разделить на три аналогичные стадии. Фактически, эта книга именно так и структурирована. Каждый из указанных лидеров прошел стадию преемственности и консолидации, за которой следовала стадия восхождения, сменявшаяся стадией упадка. Тем не менее благодаря появлению автономной общественной арены в 1980-х

в этот период, были попытками спасти его *программу*, а не политический авторитет [Lebow, Stein 1994: 403–104, fn. 57]. По этому поводу мне также писал один из читателей. Это же возражение лежит в основе всех публикаций, в которых советский генсек рассматривается как пользующийся непрерываемым авторитетом (см., напр., [Volkogonov 1998]). Оно глубоко задевает мой подход к изучению политики, и его стоит опровергнуть. Такое толкование не объясняет, почему Хрущев был так предан своей программе (чистый идеализм?), и неправдоподобно звучит предположение, будто у него было достаточно власти, чтобы не обращать внимания на то, что его ошибки и недостатки в перспективе могут быть незамедлительно поставлены ему в вину другими в руководстве — предположение, особенно неправдоподобное в условиях режима, при котором политическая борьба была столь интенсивной и столь дорого стоила проигравшим. Напротив, я рассматриваю лидеров в политически конкурентных режимах как субъектов, видящих как в сохранении власти, так и в поддержании ее предварительные условия для реализации своих программ и живущих в постоянной неопределенности относительно состояния своей власти, авторитета и доверия. Они могут столкнуться или нет с оформленной фракционной оппозицией: меня убеждают свидетельства того, что ни Хрущев, ни Брежнев не сталкивались с такой открытой, устойчивой оппозицией. Но они должны были постоянно следить за возможными реакциями соратников, способными подорвать их политическую безопасность. Следовательно, даже если они не заявляли публично: «Я занимаю политическую оборону!» (что не было бы разумно в политике), защитная риторика и переход в контрнаступление, когда их программы дают сбой, — хороший индикатор усилий лидеров по повторному овладению политической инициативой, когда амбициозные программы, которые они продвигали, уже дискредитированы. Они обладали огромной властью, позволяющей определять политику даже на третьем этапе их правления. Но их вероятный уровень политической незащищенности рос по мере того, как снижалось доверие к их программам и обещаниям. В конечном счете мои утверждения, возможно, следует рассматривать как предположение, высказанное в рамках этого исследования, а не как полностью задокументированный тезис, поскольку личные представления и опасения лидеров — что бы они ни говорили открыто на заседаниях Политбюро, протоколы которых сейчас хранятся в архивах, — это то, что они испытывали, но предпочитали держать при себе.

и 1990-х годах, а также благодаря краху советской системы, политические стимулы, с которыми столкнулись Горбачев и Ельцин, резко отличались от тех, с которыми имели дело Хрущев и Брежнев. Так, мы обнаружим несколько новых поворотов по сравнению с выводами моего более раннего исследования: поворотов, которые отражают разницу между задачей реформирования или адаптации советской системы, с одной стороны, и задачей ее преобразования или замены — с другой.

Стратегии укрепления авторитета: аудитории, источники и резонанс

Укрепление авторитета — это процесс установления и поддержания доверия к себе среди избирателей, обладающих возможностью влиять на политику или управление. Этот процесс универсален для контекстов, отмеченных конкурентной политикой. Тем более это важно в контексте политики *идеологической*, где борьба за идеи затрагивает сами основы политического сообщества. Но откуда берутся стратегии укрепления авторитета? Какими должны быть аудитории для стратегий укрепления авторитета? Что определяет, резонируют ли эти идеи с аудиторией? Давайте рассмотрим эти вопросы в привычном советском контексте, сохранявшемся при Хрущеве и Брежневе, прежде чем перейти к тому, как все изменилось при Горбачеве и Ельцине.

Мы попытаемся понять факторы, которые учитывались в расчетах советских политиков, борющихся за самый высокий пост в стране. Очевидно, первым, о чем они думали, было: какая стратегия скорее всего сработает? Как мне мобилизовать сильных сторонников в большем количестве и более эффективно, чем моим конкурентам? Размышляя об этом, политик в любой конкурентной системе сосредоточится на том, что важно для электората, его интересов и идентичности. Он задумается о коалициях, которые можно было бы создать среди существующих заинтересованных групп, о том, какие дать обещания, чтобы побудить их поддержать его, и о более туманных идеях и симво-

лах, которые он мог бы использовать и которые резонировали бы с представлениями его избирателей о социальном прогрессе.

Тщательно рассматривая спектр интересов политического истеблишмента в данный момент времени, наш гипотетический кандидат, безусловно, захочет избежать отчуждения наиболее могущественных, укоренившихся в системе заинтересованных групп. Тем не менее он не может позволить себе, чтобы его отождествляли с «топтанием на месте», поскольку он также чувствует страстное желание элит найти способы вывести страну из сложной ситуации, оставшейся от его предшественника. В этот момент мы достигаем предела возможностей структурного подхода к прогнозированию лидерского поведения. Ведущие роли коммунистической партии, военно-промышленного комплекса, экономических плановиков и органов безопасности оставались неизменными на протяжении всего постсталинского периода, однако стратегии лидерства в вопросах объединения интересов различных институтов, выборочного игнорирования интересов некоторых из этих институтов и апелляций к интересам и идентичностям более широких слоев сильно варьировались.

Эти вариации были в большей степени продуктом собственных идей и стратегий конкурирующих политиков, чем институциональных структур: идеи о том, как сочетать старое и новое; политические стратегии, сформулированные в условиях полнейшей неопределенности относительно того, что может сработать; идеи и стратегии, распространяющиеся с намерением застолбить политическую нишу для себя и лишить ее своих конкурентов. Ценность подхода, основанного на укреплении авторитета, состоит в том, что, не отрицая ограничивающего воздействия структур, он позволяет подчеркнуть стремление лидеров к разработке и обоснованию программ, которые невозможно предсказать только на основе знаний о структуре политической организации и сути интересов групп, доминирующих в политическом устройстве⁹.

⁹ Как однажды написал Кейнс: «Я уверен, что власть корыстных интересов сильно преувеличена по сравнению с постепенным распространением идей» [Keynes 1936: 383].

Структурный подход особенно плохо подходит для прогнозирования эффективности стратегий лидерства, когда система находится в кризисе, как это было после первых попыток Горбачева трансформировать систему. В тот момент взаимодействие между стратегиями лидерства, разрушающимися структурами и только что мобилизованными социальными силами было гораздо более многовариантным.

Еще один принципиально важный фактор, который нельзя предсказать, просто зная структуры и интересы режима, — это *настрой общественного мнения внутри политического истеблишмента* в момент смены власти. Этот настрой влияет на стратегии, которых придерживаются политические конкуренты. После Сталина среди политического истеблишмента и интеллигенции присутствовало широко распространенное (хотя и далеко не единодушное) стремление вернуть людям и элите чувство физической безопасности; это чувство сосуществовало со стремлением различных кругов политического истеблишмента восстановить ощущение динамизма, «заставить страну снова двигаться». Сосуществование этих осязаемых чувств означало как то, что «движение» не должно идти в русле сохранения сталинизма, так и то, что обещанная кадрам физическая безопасность не выльется в политический застой. Хрущев чувствовал эти стремления, разделял их, играл на них и работал над формированием их политического выражения. Напротив, после Хрущева официальные лица партии и государства мечтали в первую очередь о периоде спокойствия и предсказуемости, который упорядочил бы и гарантировал их материальные привилегии, безопасность работы и их защищенность как от неуправляемой массовой критики, так и от произвола лидеров. В то же время они надеялись на руководство, которое устранил экономический и административный беспорядок последних лет правления Хрущева. Брежнев почувствовал эти желания, разделил их и откликнулся на них.

Кандидаты на руководящий пост, когда они пытаются создать сети клиентелы, основанные на чувстве общей идентичности, также апеллируют к идеям, а не только к интересам. Символы,

которые лидеры используют в оформлении своих программ, выбираются таким образом, чтобы они соответствовали идентичности аудитории внутри политической элиты. Лидеры пытаются подключиться к традиционным представлениям о национальной гордости, нуждах или международной репутации, к понятиям общественного прогресса, солидарности и устремлений, а также к ключевым идеям идеологической традиции. Даже при таком режиме, как брежневский, где консервативная и консолидирующая направленность политики, казалось, потворствовала только материальным и статусным интересам, лидер формулировал свой политический выбор таким образом, чтобы он в глазах публики выглядел заботой о народном благе; примеры тому — крупномасштабные сельскохозяйственные программы Брежнева 1965–1966 годов, его программы развития Нечерноземья и Сибири, ускоренное строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и территориально-промышленных комплексов, а также его «Программа мира» 1971 года. Все эти проекты были представлены как отличные средства для продвижения страны к трансцендентным внутренним и международным целям¹⁰.

Но при этом они должны были пользоваться доверием. Представители целевой аудитории будут просчитывать, насколько вероятно, что направленные им таким образом призывы принесут обещанные результаты и позволят победить в любой последующей борьбе за власть. В случае если предложения не вызывают доверия, они могут быть отвергнуты как пустые обещания, принятие желаемого за действительное или отчаянная риторика политического неудачника. Стратегия победы для политика состоит в том, чтобы сформулировать набор призывов, связывающих прошлое с будущим способами, которые выглядят осуществимыми и позволяют ему перехватить политическую инициативу, заставить своих политических соперников обороняться и тем самым побудить потенциальных клиентов поддержать того, кто,

¹⁰ О марксистско-ленинских элитах и их вере в способность своих систем преодолевать исторические ограничения см. [Hanson 1997].

скорее всего, выиграет (эффект присоединения к большинству). Брежнев и Хрущев смогли разработать программы, в которых отдельные традиционные ценности убедительно (для партийных и государственных должностных лиц) сочетались с новыми способами решения проблем и которые, как они утверждали, смогут продвигать страну вперед и удовлетворять материальные интересы определенных групп, причем это будет происходить умело, под руководством покровителей, имеющих, вероятно, хорошие шансы взять верх в борьбе за власть. Таким образом, укрепление авторитета в советской политике включало в себя обоснованные притязания на обладание редкими навыками решения проблем и политическими талантами.

Первоначальная опора Хрущева и Брежнева на сторонников жесткой линии, похоже, подтверждает структурное объяснение их поведения в ходе борьбы за власть. Фактически в этом можно видеть подтверждение идеи, что самостоятельная роль личных идей уменьшается, когда речь идет о ставках наивысшего уровня — когда на кону политическое выживание или гибель¹¹. Оба в большей степени апеллировали к материальным интересам ключевых групп и традиционным чертам господствующей идеологии на начальном этапе, чем после своей победы в борьбе за власть. Но почему эти лидеры расширили свои коалиции и программы, достигнув руководящих постов? Почему они просто не держались той коалиции, с помощью которой выиграли борьбу за власть, — коалиции, которая в обоих случаях объединяла их с двумя наиболее могущественными интересантами системы: партийным аппаратом и военно-промышленным комплексом?

Один из ответов связан с пониманием, что стратегия «топтанья на месте» не вызывала доверия у тех, кто верил в постсталинский консенсус; представители элиты стали воспринимать противоречия внутри системы как нуждающиеся в срочном разрешении, будь то осторожном (Брежнев) или решительном (Хрущев). Другой ответ — идеологический и эмоциональный: оптимистич-

¹¹ «Чем ниже стоимость выражения своих убеждений, тем важнее убеждения как фактор, определяющий выбор» [North 1990: 43].

ная идеологическая традиция режима позволяла людям верить, что система способна построить общество изобилия для всех. Третий ответ — политический: это все еще была ленинская система, и лидеру не предоставляли фиксированного срока полномочий. Следовательно, лидеры постсталинской эпохи испытывали острую потребность в *политической подстраховке* даже после того, как они консолидировали свою власть. Политическая неопределенность касательно процедур и срока полномочий предоставляла лидеру стимул к созданию крупномасштабных (а не минимальных) выигрышных коалиций, что, в свою очередь, приводило его в итоге к спонсированию программ, привлекательных для аудитории в широком диапазоне политического спектра¹². Выиграв в борьбе за власть посредством апелляции к узким заинтересованным группам с ярко выраженными предпочтениями, он приобретал все более значительную власть, а также получал стимул обеспечить себе политическую подстраховку путем вовлечения ранее сброшенных со счетов заинтересованных групп и идентичностей в свою коалицию. Независимо от того, заключалась ли его личная цель в подстраховке от рисков или в увеличении своей политической независимости за счет уменьшения зависимости от небольшой коалиции, поведенческий результат был одинаков: это расширенная коалиция.

Какими бы ни были причины провозглашения столь амбициозной программы, лидер оказывался в политической обороне, после того как недостатки этой программы становились очевидны. Именно в этот момент личные качества становились особенно важным фактором, определяющим поведение лидера. Его реакция на крах в гораздо меньшей степени была продиктована четким представлением о том, чем обернется дальнейшая поли-

¹² Эта точка зрения изложена в [Richter 1994]. Отсутствие фиксированного срока полномочий также характерно и для парламентских режимов. Однако в режимах ленинизма осязаемая потребность в чрезмерной политической подстраховке усугубляется из-за непривлекательности политической отставки и отсутствия в обществе таких автономных арен, где можно было бы построить альтернативную карьеру или начать процесс возвращения в политику.

тика. Хрущев в последние четыре года своего правления был склонен к значительным колебаниям. Как во внутренних, так и во внешних делах он отчаянно искал панацеи, способные помочь ему восстановить утраченный авторитет, при этом он столкнулся с самыми могущественными и укоренившимися в системе заинтересованными группами. Брежнев, напротив, сознательно избрал стратегию возвращения в коалицию, с которой он достиг вершин в 1960-х годах, и использования любых ресурсов, которые он сумел мобилизовать, ради попытки спасти как можно большую часть своей всеобъемлющей программы.

Укрепление авторитета и постсоветская политика

Сравнение стратегий Хрущева и Брежнева по укреплению авторитета позволило мне сделать общие выводы о природе советской политики. Но применима ли эта модель к системе, которая рушится или изменяется, как это было в период с 1988 по 1999 год? В данной книге я намерен продемонстрировать, что это на самом деле актуально и для нового контекста. В значительной степени такая актуальность проистекает из того, что первоначально модель была разработана для исследования демократических режимов. Идея лидерства как процесса преодоления социальных ограничений — и укрепление авторитета как необходимое условие для получения рычагов для достижения успеха — является универсальной политикой в конкурентных режимах, будь то конкурентные олигархии или плюралистические демократии. Действительно, я впервые развил эту идею, когда прочел классическое исследование Нойштадта, посвященное американскому президентству, где он утверждал, что «президентская власть — это сила убеждения» [Neustadt 1960: 10]. Мне пришла мысль, что советский режим в постсталинскую эпоху превратился в конкурентную олигархию, внутри которой политическая конкуренция публично выражалась в форме соревнования идей. Хотя принуждение и покровительство сохраняли ключевое значение для политического согласия в советской по-

литике, важность идей возросла, поскольку цена, которую приходилось платить за политический провал, снизилась¹³. Я пришел к выводу, что кое-что полезное можно узнать о советской политике, рассматривая политическую пропаганду как нечто большее, чем просто игру в максимизацию власти, и рассматривая рычаги политического воздействия как нечто большее, чем просто возможность командовать и принуждать. Из этого логически следует, что базовая модель в высшей степени применима к режимам-преемникам, охватывающим публичные и демократические способы политического противостояния, поскольку эта модель первоначально возникла из исследования демократического режима.

Есть и другие причины для применения этой концепции к постсоветской России. Во-первых, овладеть инициативой и тем самым заставить политических конкурентов обороняться — это широко используемая стратегия среди конкурирующих политиков в конкурентных олигархиях, а также в публичной демократической политике. Во-вторых, разделение правления на отдельные этапы отражает нечто более общее, хотя такие этапы в разных системах будут различаться по продолжительности и характеру. Этапы борьбы за престолонаследие (избирательная кампания в либеральных демократиях), которые сменяют периоды «медового месяца», первых недель во власти, или восхождения, за которым следует упадок власти, образуют знакомую схему. Поразительно, например, у скольких британских премьер-министров (даже «великих») карьера на посту завершилась провалом или отставкой [Rose 2001]¹⁴. Наконец, существует общая тенденция политиков обещать больше, чем они могут выполнить, а затем сталкиваться с потерей доверия, когда их неспособность испол-

¹³ Иными словами, политики с большей вероятностью высказывали свое истинное мнение в частных кругах или публично, когда им больше не приходилось бояться расстрела за то, что они оказались не на той стороне в споре или в политической борьбе.

¹⁴ О циклах правления в коммунистических и демократических системах см. [Bunce 1981].

нить обещанное становится очевидной. Этот феномен вряд ли ограничен советской политикой, хотя для коммунистических режимов, безусловно, характерны огромные разрывы между стремлениями и возможностями. По всем этим причинам мы увидим, что структура укрепления авторитета помогает пролить свет на эволюцию президентства Ельцина даже несмотря на то, что его лидерство уже не осуществлялось в рамках марксистско-ленинского партийного государства.

До сих пор я обсуждал контекст, в котором происходит политический выбор; я меньше говорил о личностях и личных убеждениях рассматриваемых лидеров. Так было и с моей книгой о Хрущеве и Брежневе, где меня больше интересовали особенности системы, которые привели к возникновению ряда сходств между их правлениями. Однако в книге о Горбачеве и Ельцине личный фактор должен стать более значительным, причем гораздо более значительным. Реформизм Хрущева и консерватизм Брежнева имели давние корни в советской истории, равно как и первоначальная стратегия реформизма Горбачева в 1985–1987 годах. Но последующее решение Горбачева о продолжении трансформации системы и решение Ельцина попытаться разрушить и заменить ленинскую систему оказались беспрецедентными действиями политических лидеров, порожденных самой системой. Невозможно объяснить этот выбор, не обращаясь к личным качествам и убеждениям этих лидеров до того, как они пришли к власти, что и является основной темой следующей главы.

Глава 2

Горбачев и Ельцин: личные качества и убеждения

И Горбачев, и Ельцин большую часть времени, когда они находились у власти, были менее ограничены формальными политическими структурами, чем Хрущев и Брежнев. Поэтому для того, чтобы определить детерминанты многих из их политических решений, необходимо понять личные качества и убеждения Горбачева и Ельцина.

Горбачев как политическая личность

В биографии Горбачева нет ничего, что указывало бы на личность бунтаря. Скорее Горбачев производит впечатление человека — плоть от плоти организации: он вступил в КПСС в более молодом возрасте, чем Ельцин, и снискал внутри этой организации немалые почет и уважение¹. Горбачев приехал в Москву молодым человеком из провинции с намерением «пойти в гору» в столице и подняться в политической иерархии. Одно из первых его действий после поступления в МГУ — он стал комсомольским активистом. Он подал заявление о приеме в партию, будучи совсем молодым. Карьера Горбачева началась на юрфаке МГУ, где он стал комсоргом своей группы, а затем пошла обычным путем по лестнице политической иерархии, сначала в ВЛКСМ, затем

¹ Эту разницу впервые отметил Дмитрий Михеев [Mikheyev 1996: 4].

в партийном аппарате. Попав в партаппарат, он уже его не покидал. Хотя некоторые аналитики считают, что такой карьерный путь неизбежно обуславливает менталитет «консервативного» аппаратчика, правильнее рассматривать его как показатель веры в «ведущую роль партии» в советском социалистическом обществе и в то, что правильная организация и мобилизация с партией во главе является гарантией движения к «полной реализации потенциала социализма». Интерес Горбачева к партийной работе проистекал из возможности заниматься *политической* деятельностью в качестве народного лидера. Ему претила кабинетная бюрократическая работа, и когда ему предложили должность в прокуратуре, он отказался.

Ельцину, как и Горбачеву, не нравилась формальная бюрократическая кабинетная работа, и он предпочитал работать напрямую с людьми, занятыми решением конкретных проблем. Они оба гордились своими мотивационными способностями. Но Ельцин, в отличие от Горбачева, был увлечен сложными техническими задачами строительства и гордился своими *техническими* навыками, которые позволяют ему достичь новых высот в грандиозных строительных проектах. Прежде чем попасть в партийный аппарат, он много лет проработал в хозяйственном управлении. Во время своего восхождения в партийно-государственном аппарате Ельцин оценивался благодаря стройкам, проходившим под его руководством. Горбачева как комсомольского лидера начальство в Ставрополе оценивало исходя из более абстрактных, субъективных и политических критериев.

Горбачев был не только человеком организации в рамках политической бюрократии, но и человеком семьи. С отцом отношения у него сложились дружеские и нежные. Когда Михаил был подростком, он круглосуточно работал вместе с отцом-комбайнером, собирая урожай; они обсуждали новости и во всем доверяли друг другу. Отец относился к сыну как к равному. Летом 1948 года, когда они работали бок о бок, Михаил получил орден Трудового Красного Знамени, а отец — более престижный орден Ленина. Горбачев всю свою жизнь гордился этим достижением; в своих мемуарах, написанных в 1990-х годах, он заявлял, что до сих

пор считает это своей величайшей заслугой [Горбачев 1995: 56]. На протяжении большей части своей политической жизни в номенклатурной иерархии Горбачев, судя по всему, верил в систему и был сторонником улучшения ее функционирования.

Горбачев умел двигаться вперед, ладить с людьми. В беседах с глазу на глаз он выступал человеком, способным «считывать» взгляды и предпочтения своих собеседников, подстраивать свою тактику в соответствии с их позициями и заставлять их поверить, что он с пониманием относится к их убеждениям — даже когда его целью было изменить их мнение². Эта черта характера сослужила хорошую службу, когда он поднялся по ступеням партийной иерархии. В 1970-х годах многие члены Политбюро приезжали отдыхать на Ставрополье. Горбачев их встречал и общался с ними в неформальной обстановке [Болдин 1995: 127; Brown 1996: 49–51]³. Нет никаких свидетельств ни его возмущения и неприязни по отношению к московскому начальству, ни того нескрываемого нетерпения, которое Ельцин стремился подавить, не всегда успешно, в начале 1980-х годов.

Войдя в состав брежневского Политбюро, Горбачев садился как можно дальше от генсека и старался не выказывать брезгливости при неуместных промахах Брежнева [Горбачев 1995: 182–183].

² Такое впечатление сложилось у одного американского журналиста, поговорившего с людьми, которые знали Горбачева в молодости [Smith 1990: 41, 49]. Арчи Браун более осторожно заявляет, что у Горбачева была «способность ладить с людьми разных взглядов и нравов» [Brown 1996: 37]. Как сообщается, психологи, работавшие в Центральном разведывательном управлении США и наблюдавшие за Горбачевым в течение его пребывания у власти, пришли к выводу, что «у него острая интуиция; он моментально просчитывает ситуацию и прочитывает людей, управляет своими внутренними реакциями, может мгновенно перейти от обаятельности к жесткости, от уступчивости к угрозе» [Sheehy 1990: 10].

³ Ему удалось произвести на них впечатление как политически надежного, так и умного, динамичного регионального лидера с новыми интересными идеями о том, как улучшить работу системы. Как лаконично резюмирует Д'Агостино, «различные покровители Горбачева могли нередко друг с другом враждовать, но Горбачев как-то умудрялся не заводить врагов, даже среди врагов своих друзей» [D'Agostino 1998: 58].

В своих воспоминаниях он отмечает, что в брежневской Москве главным было «знать свое место»: никогда не выходить за рамки своего положения и чина [Горбачев 1995: 182]. Придя к власти, Горбачев сохранил тактическую осторожность как определяющую характеристику своей политической личности, пусть даже пыта-ясь изменить систему. Ф. М. Бурлацкий на основе бесед с различными помощниками и соратниками Горбачева утверждает, что тот был «склонен к компромиссу» и предпочитал «твердую руку» и это «раздражало прямого и вспыльчивого Ельцина», который был более склонен рисковать [Бурлацкий 1997: 122, 129–130]⁴.

Коллеги описывают Горбачева как человека огромной энергии, страсти, ума, стремящегося активно решать проблемы [Черняев 1993: 8–9; Palazchenko 1997: 107]⁵. Один из помощников описывает способность Горбачева искренне увлекаться всем новым — черту, которая вряд ли была характерна для старых членов брежневского Политбюро в 1970-е годы [Palazchenko 1997: 107]⁶. Другой помощник, А. С. Черняев, сопровождал Горбачева в поездке в Западную Европу в 1972 году и сильно впечатлился тем, насколько «яростно и красочно» Горбачев описывал бельгийским коммунистам «битву за хлеб», которая тогда велась в СССР, а также своим энтузиазмом и живостью: «...он явно выделялся на фоне партийных вождей местного масштаба своей неординарностью, страстью» [Черняев 1993: 8]. Вернувшись в Москву, Черняев сказал своему начальнику Б. Н. Пономареву (главе ме-

⁴ Впрочем, это понятия условные. С таким же успехом можно сказать, что Горбачев, находясь у власти, был «склонен к риску» в стремлении трансформировать систему, а Ельцин в 1985–1989 годах поступал «безответственно». Различие между такими словами, как «осторожность», «склонность к риску» и «безрассудство», часто зависит от ценностей наблюдателя или его восприятия масштабов сдерживающих изменения барьеров.

⁵ Болдин и Лигачев, оба антагонисты Горбачева, в своих воспоминаниях говорят о Горбачеве как трудоголике [Ligachev 1993: 148; Болдин 1995: 34]. См. также [Brown 1996: 31–43; Smith 1990: 41, 44ff.]. Шихи цитирует советского посла в США, который после первой встречи с Горбачевым назвал его «человеком — ненасытным ураганом» [Sheehy 1990: 136].

⁶ О том же говорят и знавшие его по учебе в МГУ. См. [Smith 1990: 46–47].

ждународного отдела ЦК), «что в Горбачеве мы имеем “кадр”, который очень нужен, чтобы держать “имидж” КПСС среди братских партий, что таких, наверное, очень немного, я, во всяком случае, не встречал» [Черняев 1993: 8].

Страстный пыл и энтузиазм Горбачева не были показными. Черняев также описывает их совместную поездку в 1972 году по сельским районам Бельгии и Нидерландов: «Сидели рядом, он почти не смотрел по сторонам... [Вместо этого] хватал меня за локти и “доказывал”, “доказывал”, “доказывал”, как важно и нужно сделать на Ставрополье то-то и то-то» [Черняев 1993: 8]. Со временем Горбачев «докажет», что что-то нужно сделать или возможно сделать, и тем самым убедит своих слушателей в том, что сделать это *необходимо*. Здесь мы видим как бы предварительный образ генсека, стиль руководства которого основывался на убеждении людей в том, что перестройка желательна, необходима и осуществима: «другого пути нет». Действительно, Горбачев был самоуверенным спорщиком, человеком, который гордился своей способностью к логической аргументации и впечатляющей самопрезентацией. В своих мемуарах он утверждает, что уже на первом курсе юридического факультета мог дискутировать не хуже лучших из своих однокурсников. Он гордился тем, что не боялся проявлять слабость, задавая вопросы; это отточило его навыки спорщика [Горбачев 1995: 61].

Многие политические лидеры уверены в себе и обладают сильным эго; фактически это можно считать необходимым условием для достижения «величия». Но самоуверенность Горбачева сочеталась с искренним оптимизмом. Многие очевидцы вспоминают молодого Горбачева как оптимиста, что особенно примечательно, если учесть апокалиптические обстоятельства его юности (коллективизация, Большой террор и Вторая мировая война). Его официальный переводчик сообщает, что генеральный секретарь Горбачев был крайне оптимистичен относительно осуществимости начатых им реформ [Palazchenko 1997: 123]. Другие видели эту его черту, но не разделяли его оптимизма. В конце 1980-х годов один из ближайших советников сказал: «Я знаю, что мы не сможем добиться успеха. Но когда я оказываюсь перед этим

теплым и очаровательным человеком, который так сильно хочет сделать что-то для страны, у меня не хватает смелости, чтобы сказать ему, что мы не можем добиться успеха» [Doder, Branson 1990: 304]. Будь то на уровне местных кампаний в Ставрополе или в отношении реформы советской системы в целом — Горбачев явно был идеалистом, чьи убеждения и действия дополнялись страстной и оптимистичной, но тщательно контролируемой личностью.

Оптимизм, страсть, энергия, любознательность, эгоцентризм, ненасытная энергия и уверенность в себе в сочетании с контролем над рисками, рассудительностью и расчетливостью в отношении самого себя и других — вот какие черты собственной личности Горбачев продемонстрировал при выборе своей политической стратегии реформирования системы, когда у него появилась такая возможность. Но все эти черты характера не раскрывают содержания убеждений человека: в отношении чего он оптимистичен, страстен и энергичен, с какой целью проявляет осмотрительность и контролирует риски? Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно изучить политические убеждения Горбачева.

Политические убеждения Горбачева

Политическому взлету Горбачева, вероятно, поспособствовало сочетание в нем явной политической надежности с личным динамизмом, что проявлялось как в «продаже» системы внешней аудитории, так и в экспериментировании с системой с целью заставить ее работать лучше. Действительно, когда он вступил на пост генерального секретаря, эти черты придавали убедительность его заявлениям, что он заставит систему полностью реализовать свой потенциал. Но во что он верил? И почему стал генсеком-реформатором?

В научной литературе существуют значительные разногласия по поводу идеологических убеждений Горбачева. Однако большая часть споров касается того, насколько сильно изменились его взгляды и мироощущение за годы его пребывания на посту Ге-

нерального секретаря ЦК КПСС. Одна точка зрения состоит в том, что благодаря сочетанию внутренних и внешних обстоятельств он к 1989–1990 годам превратился в социал-демократа и антиленинца, приблизившись в этом отношении ко взглядам руководства Социалистической партии Испании [Brown 1996; English 2000]. Сторонники противоположной точки зрения полагают, что он эволюционировал в «социалистического демократа» наподобие меньшевиков 1917 года, но не социалистов бернштейновского типа или социал-демократов [Jowitt 1992, ch. 6; Hanson 1997, ch. 6; D'Agostino 1998]. Другие же считают Горбачева запутавшимся, некомпетентным или последовательно деспотичным человеком⁷.

Гораздо меньше разногласий возникает по поводу политических и идеологических убеждений Горбачева до его прихода к власти в 1985 году. Горбачев разделял патриотический пыл, который многие представители его поколения испытывали после Второй мировой войны и периода послевоенного восстановления. Позже, по мере построения им карьеры, на его политические взгляды сильно повлияла кампания Хрущева по десталинизации, а также повсеместная коррупция и социально-экономическая стагнация эпохи позднего Брежнева⁸. Кроме того, в поездках в Восточную и Западную Европу в конце 1960-х годов он увидел относительное богатство Запада, особенно по сравнению с жизнью Ставрополья [Mikheyev 1992: 32; Brown 1996: 41–43], тогда как во время вторжения в Чехословакию он не составил однозначного мнения о том, было ли решение о подавлении Пражской весны мудрым и справедливым [Brown 1996: 41; English 2000: 181–182]. Эти привлекающие и отталкивающие моменты сделали его восприимчивым

⁷ О Горбачеве как несостоявшемся деспоте, стремившемся укрепить социалистическую систему, а не кардинально ее преобразовать, см. [Murray 1995]; о Горбачеве как о сбитем с толку ленинце, который стремился демократизировать социализм, но понятия не имел, как это сделать, см. [Hough 1997].

⁸ В этом Хэнсон и Браун согласны друг с другом [Hanson 1997: 183; Brown 1996: 39–41, ch. 3]. Имеются также эпизоды из ранних лет Горбачева, которые говорят о его неприятии тех, кто пользовался незаслуженными привилегиями; см. [D'Agostino 1998: 53; Sheehy 1990: 74–75].

к новым идеям о том, как реформировать систему — или как помочь ей реализовать свой потенциал, — едва в конце 1970-х годов у него появилась возможность что-то изменить⁹.

По словам соратников и помощников, к началу 1980-х годов Горбачев уже был антисталинистом и коммунистом-реформатором, убежденным, что советская система нуждается в изменениях («так жить дальше нельзя»¹⁰), но представлявшим себе куда более скромные изменения, чем те преобразования, которые он в конечном итоге возглавил в конце 1980-х [Brown 1996, ch. 3; Smith 1990: 68–72]. В соответствии со своим воспитанием в партийном аппарате, Горбачев, придя к власти, полагал, что корень большинства проблем лежит в коррумпированных кадрах и что необходимым (хотя и недостаточным) условием для их решения является подбор неподкупных кадров. Он думал, что реформы увенчаются успехом и система сможет реализовать свой потенциал только в том случае, если на ключевые посты в партийном аппарате будут набраны правильные кадры [Черняев 1993: 123; Горбачев 1995: 286–292 (глава «Кадры решают все»); Болдин 1995: 45–47]. По словам его ближайшего помощника, первоначальной целью Горбачева была замена кадров, а затем построение «деловых, товарищеских и честных» отношений внутри коммунистической партии [Черняев 1993: 23]. Это видение заставило его пойти на чистку коррупционеров и мобилизацию неподкупных кадров, убеждая их присоединиться к нему в построении реформированного ленинского политического строя. Это подразумевало реструктуризацию властных отношений, хотя и не предполагало таких масштабов реструктуризации, которые потребовались бы для восстановления легитимности и эффективности политического строя.

⁹ Браун указывает на влияние этих раздумий на образ мыслей Горбачева, подпитывающее его амбивалентность [Brown 1996: 40–41]. Кроме того, в Ставрополе Горбачев участвовал в переселении людей, депортированных Сталиным, которым Хрущев разрешил вернуться на свои родные земли [D'Agostino 1998: 53].

¹⁰ Цит. по: [Brown 1996: 81].

Что касается международных отношений, Горбачев также отказался от некоторых фундаментальных убеждений и предубеждений брежневской эпохи. Еще до прихода к власти он был убежден, что прекращение холодной войны является необходимым условием для восстановления жизнеспособности Советского Союза внутри страны и его престижа за рубежом, что советская внешняя политика нуждается в демилитаризации (включая уход из Афганистана), что господству Советского Союза в Восточной Европе с помощью военной силы следует положить конец и что Советский Союз должен установить более тесные связи с западноевропейскими государствами [English 2000: 183–184, 194, 199–200]. Более того, он заявлял о своей приверженности ненасилию как о принципе политического порядка («не стрелять») [Грачев 1994: 113], что в итоге будет иметь серьезные последствия для его контроля над процессами изменений в Восточной Европе и Советском Союзе. Сомнительно, чтобы он был убежденным пацифистом, но он явно предпочел бы, чтобы обновление социализма основывалось на убеждении, а не на насилии. Таким образом, вместо того чтобы рассматривать Горбачева как «беспристрастного мыслителя» [Stein 1994: 155–183], более целесообразно полагать, что он начинал свою карьеру генсека в качестве антисталиниста, «коммуниста-реформатора» и антимилитариста, уже приверженного созданию менее милитаризованного международного порядка и реформированного социалистического политического строя внутри страны. В остальном же многое свидетельствует о том, что Горбачев активно искал и нащупывал свой путь и действительно был очень «мотивированным учеником» [Stein 1994].

Такие убеждения не мешали ему быть человеком системы и находиться в хороших отношениях с начальством. Многие журналисты, ученые и официальные лица были тогда «внутри-системными» диссидентами, пришедшими к тому мнению, что брежневизм стал помехой, и искавшими ему реформистскую альтернативу. Хрущевская десталинизация стала для них, как и для Горбачева, определяющим опытом. Более того, марксистско-ленинская традиция придерживалась идеи однопартийной

социалистической демократии, и это позволило им рационалистически утверждать, что а) альтернатива сталинизму — не капитализм, а реформа ленинизма и б) социализм вполне возможно сделать совместимым с процедурной демократией¹¹.

Горбачев считал, что достижение этой цели требует не только организационных мер. Оно требовало также кропотливого доктринального обоснования. Горбачев придавал большое значение силе идей, как устных, так и письменных, как средства вооружения сторонников и разоружения потенциальных противников. Это было результатом его воспитания в вере в марксизм-ленинизм, его юридического образования и уверенности в себе как в полемисте. Еще будучи региональным партийным функционером, он придавал большое значение логической аргументации как средству оправдания политических решений. Коллеги по Ставрополью вспоминают о том, что он хорошо знал историю партии, труды Ленина и основоположников марксизма-ленинизма [Brown 1996: 31–32]. В первые годы перестройки Горбачев вновь погрузился в произведения Ленина, перечитывая их; у него в кабинете находился полный комплект собрания сочинений Ленина, и он часто читал вслух отрывки начальнику своего штаба В. И. Болдину. По словам Болдина, Горбачев считал, что публикации делают возможным распространение информации, имеющей решающее значение для прогресса: «...он считал свои слова главным, одним из важнейших методов работы» [Болдин 1995: 12]¹². Для Горбачева это было больше, чем просто оправдание политических решений; его внимание к «слову» также было частью активного интеллектуального поиска в последних работах Ленина актуальных истин о том, как реформировать советский социализм.

¹¹ Объемное изложение этого тезиса одним из таких внутрисистемных диссидентов можно найти в книге Р. А. Медведева «О социалистической демократии» [Medvedev 1977]. В качестве неплохого источника для понимания реформистского менталитета в Политбюро после прихода к власти Горбачева см. [Черняев 1993].

¹² См. также [Болдин 1995: 132, 133, 293, 378].

Как генеральный секретарь Горбачев с большим энтузиазмом вновь и вновь редактировал тексты своих статей и выступлений. Свой отпуск в августе 1987 года он посвятил завершению работы над книгой «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»¹³. Еще в 1988 году в связи со своим желанием реорганизовать аппарат Горбачев читал стенограммы первых партийных съездов после 1917 года [Черняев 1993: 223]. Так он искал политическую риторику, которая предоставила бы убедительные лозунги, развернутое теоретическое обоснование политических перемен и руководство по программному развитию.

В спорах Горбачев избегал спонтанности или импровизации. Он любил обдумывать вопросы, развивал мысли посредством размышлений, обсуждений и записей. Он постоянно искал свидетельства своих успехов или неудач в государственной политике и одновременно — новые теоретические формулировки или обобщения, чтобы согласовать эмпирическую реальность с социалистической теорией. Таким образом, он был созерцателем, который, по ленинским меркам, сохранял непредвзятость и стремился учиться. Он любил долгие прогулки по лесу с женой или коллегами, в ходе которых можно было обсудить проблемы и развить свои идеи¹⁴. Находясь в 1983 году, во время правления Андропова, в Канаде, Горбачев отказался от официальной программы и часами беседовал с тогдашним послом Яковлевым о будущем России [Грачев 1994: 140]¹⁵. И в Ставрополе, и в Москве Горбачев искал общения с информированными, культурными людьми, в том числе с иностранцами, для длительных дискуссий, в ходе которых он вырабатывал свои собственные идеи [Грачев 1994: 177–178; English 2000: 180–186]. Во время долгой прогулки с Шеварднадзе в 1984 году они сошлись на том, что «все прогнило» [Brown 1996: 81; Ekedahl, Goodman 1997: 30].

¹³ Американское издание: New York: Harper & Row, 1988.

¹⁴ В своих воспоминаниях он говорит, что природа «сформировала» его самого и его взгляды [Горбачев 1995: 173, 172].

¹⁵ См. также документацию и обсуждение в [English 2000: 184].

Учитывая его сочетание идеализма, оптимизма, энергии, интеллекта, продемонстрированной им политической надежности и осторожной манипулятивной политической тактики, Горбачев, возможно, идеально подходил для выполнения поставленной им перед собой задачи: вырвать Советский Союз из брежневских стереотипов дома и за рубежом, прежде чем потенциальные противники смогут мобилизоваться, чтобы помешать ему в этом. Труднее предположить, чтобы со всем этим успешно справился Ельцин, будь генеральным секретарем в 1985–1987 годах он.

Политическая личность и убеждения Ельцина

В 1985 году, пробыв у власти всего несколько месяцев, Горбачев перевел в Москву для работы в аппарате ЦК провинциального партийного лидера Ельцина, который почти десять лет возглавлял свердловскую партийную организацию, одну из крупнейших в стране. Как нам теперь известно, ни Горбачев, ни большинство других членов Политбюро не предполагали, какие неприятности они навлекли на свою голову¹⁶.

В рядах региональных первых секретарей в позднебрежневскую эпоху можно было встретить несколько типов лидеров. Различие между ними не было поколенческим. Все они по идейным или материальным причинам разделяли общую приверженность «ведущей роли партии» в политической системе. Но за пределами этого их политические личности различались. Некоторые, такие как В. В. Гришин (Москва) и Г. В. Романов (Ленинград), были «аристократами» дурного брежневского пошиба; они лично воплощали и подкрепляли коррупцию той эпохи и выступали за преемственность в политике. Другие, как Е. К. Лигачев (Томск), были пуританами, считавшими коррупцию постыдным явлением

¹⁶ Рыжков, председатель Совета министров при Горбачеве, в своих мемуарах заявляет, что предостерегал Горбачева и Лигачева от назначения Ельцина первым секретарем Московского горкома партии. По словам Рыжкова, он говорил им о Ельцине, что тот «хоть и строитель, но по натуре разрушитель» [Рыжков 1995: 139]. Рыжков много лет работал с Ельциным в Свердловске.

и оттачивавшими свои навыки в попытках бороться с ней в своей провинции. Третьи, как Г. П. Богомяков (Тюмень), были по своей ориентации технократами и стремились интегрировать рациональный, научный опыт и упорядоченные процедуры в решение проблем в своей сфере. А некоторые другие, как Шеварднадзе из Грузии, были смелыми реформаторами, искавшими способы децентрализовать командную систему и разработать такую партийную систему, которая была бы более эффективной и более легитимной. Пути пуритан, технократов и реформаторов в итоге разойдутся, но изначально все они считали себя противниками коррумпированного брежневизма и сторонниками перестройки.

Ельцин был первым секретарем Свердловского обкома КПСС с 1976 года. До этого большую часть своей профессиональной жизни он был инженером-строителем и прорабом на строительстве разных объектов. Его любовь к строительству видна в его первой автобиографии; явно это было его страстью в начале жизненного пути [Ельцин 1990: 43–56, 78–79]¹⁷. Нет никаких свидетельств того, что Ельцин был в Свердловске коррумпированным партийцем; как и Лигачев, рекомендация которого послужила стимулом для включения его в центральный партаппарат, Ельцин вел относительно аскетичную жизнь и боролся с коррупцией в политике. Он использовал свои полномочия партийного лидера в Свердловске для кампаний против коррумпированных членов номенклатуры и некоторых социально-экономических привилегий, которыми они пользовались. Таким образом, он объединял технические навыки технократа с личной и политической простотой, столь ценимой пуританами [Aron 2000: 45–46, 86, 88, 104–105; Mikheyev 1996: 52–57; Morrison 1991: 31–42; Ельцин 1990: 43–70, 88–89]¹⁸.

Если говорить о его достижениях как местного партийного лидера, то центральное партийное руководство имело все осно-

¹⁷ Подробности о работе Ельцина в строительстве см. [Aron 2000, ch. 2].

¹⁸ Кроме того, Ельцин очень любил выпить, что отличало его от Лигачева. Горбачев во время частных бесед с помощниками, в отличие от Ельцина, часто матерился. Ни Горбачев, ни Ельцин, ни Лигачев не курили. Термин «пуританство» здесь используется просто в смысле некоррупционности.

вания рассчитывать, что он оправдает их надежды. Его послужной список на протяжении почти девяти лет на посту главы Свердловского обкома показал, что он был сильным и эффективным начальником. Сам Ельцин сравнивал себя с царем, полностью контролирующим свою область [Ельцин 1990: 54; Ельцин 1994: 179]. В отношениях с высокими городскими руководителями «все было пропитано административно-командными методами руководства... Проводил ли какие-то совещания, вел ли бюро, делал ли доклады на пленуме — все это выливалось в твердый напор, натиск, давление» [Ельцин 1990: 64].

Если бы этим все ограничивалось, Ельцин подошел бы Брежневу, но не Горбачеву и Лигачеву. Однако имелось и еще кое-что. Говорят, что он был относительно популярен среди населения этого большого и важного региона. Говорят, что он улучшил экономическое положение и уровень жизни в Свердловской области, значительно подгоняя своих подчиненных, но никогда не прося их работать больше, чем он сам — трудоголик из трудоголиков, всегда готовый к работе. Он лично руководил строительными проектами в области, не желая играть роль канцелярской крысы. Он выбивал у московских властей большие суммы для финансирования новых крупных областных проектов. Он добивался большей региональной автономии в управлении промышленностью, чтобы кампании по реструктуризации предприятий могли приносить результаты¹⁹.

Это был идеал лидера с точки зрения КПСС: человек, способный эффективно руководить кампаниями штурмовщины, завоевывающая определенную популярность среди основной массы населения. Ельцин, очевидно, верил в систему и умел заставлять ее работать. В общем, он нашел способы выборочного преодоления «застоя», не ставящего под сомнение ведущую роль партии²⁰. Это

¹⁹ Доводы в пользу приведенных здесь утверждений см. [Aron 2000, ch. 3].

²⁰ Среди исследований ранней карьеры Ельцина, в которых делаются выводы, примерно эквивалентные приведенным в этом абзаце, см. [Aron 2000, chs. 1–3; Mikheyev 1996, ch. 3]. Более критический взгляд см. в [Bonet 1995: 1; Bonet 1994: 24, 141].

был традиционный идеал партийного лидера — жесткого, ярко-го, информированного, беспощадного и всеми уважаемого (за исключением коррумпированных чиновников, которых Ельцин пытался искоренить). Но, по-видимому, это устраивало Горбачева и Лигачева, которые разделяли эти цели и перевели Ельцина в Москву, а восемь месяцев спустя поручили ему заниматься ликвидацией коррупции в огромной московской городской партийной организации.

Ельцин также оказался политически надежен. В своих выступлениях в качестве регионального партийного руководителя он часто критиковал центральные плановые органы за то, что они уделяли недостаточно внимания региональным потребностям [Aron 2000: 60–78]. Но то же можно в более общем плане сказать и о речах наиболее динамичных и влиятельных первых секретарей других регионов, в том числе Горбачева до его приезда в Москву в 1978 году²¹. В политически деликатных вопросах Ельцин явно придерживался линии партии, а в некоторых случаях заходил еще дальше. Когда в апреле 1979 года в области разразилась эпидемия сибирской язвы, Ельцин отлично справился с тем, чтобы внешний мир о ней не узнал [Aron 2000: 52–53]. Когда в 1978 году Политбюро приказало снести бульдозером дом, в котором в 1918 году большевики казнили царскую семью, Ельцин выполнил приказ немедленно, в полной мере и эффективно [Aron 2000: 111–113]. Когда культурная интеллигенция заходила слишком далеко в своих попытках обойти цензуру, Ельцин принимал жесткие меры [Aron 2000: 118–125]²². В общем, у московских властей не было никаких оснований заподозрить в Ельцине вольнодумца или человека непредсказуемого, тем более либерала.

Стиль руководства Ельцина в Свердловске был неординарным, и это могло привлечь внимание аппарата ЦК. Исследователи обнаружили, что, в отличие от его предшественников, у него была

²¹ Контент-анализ выступлений региональных партийных руководителей в конце 1970-х годов см. в [Breslauer 1984].

²² Другие примеры политического конформизма Ельцина в то время см. в [Батурин и др. 2001: 38, 40].

открытая манера руководства: он регулярно встречался с населением, проводил длительные и откровенные встречи с вопросами и ответами. Он регулярно выступал перед публикой по местному телевидению. В эпоху Андропова он руководил «набегами» на местные розничные магазины с целью заставить их выставлять на продажу припрятанные под прилавком товары. Он часто приезжал на работу на общественном транспорте, а не на лимузинах, которые имелись в распоряжении первых секретарей регионов [Mikheyev 1996: 56; Solovyov, Klepikova 1992: 152–154; Aron 2000: 79–92]²³. Однако ничто из этого не должно было непременно тревожить членов Политбюро, рассматривавших возможности его продвижения по службе. Пока Ельцин твердо контролировал свою область, поддерживал социальную стабильность и выполнял экономический план, его открытость и доступность оставались плюсом, поскольку он показывал, что партийное руководство может быть одновременно требовательным, эффективным и если не популярным, то по крайней мере уважаемым. То, что Ельцин ездил на общественном транспорте, способствовало его антикоррупционной кампании и смягчало общественное недовольство привилегиями партийных чиновников. Да и сам Горбачев, возглавлявший ставропольскую партийную организацию, часто ходил на работу пешком [Morrison 1988: 98].

Некоторые вопросы могли возникнуть при просмотре послужного списка Ельцина. Он никогда не оставался на вторых ролях. По мнению Михеева, стремительный взлет Ельцина в партийной организации «позволил ему проскочить критически важную часть процесса интеграции в организационную культуру партии: его никогда не заставляли принимать уничижительную позу полной покорности и исполнять унизительные требования, чтобы угодить начальству всеми возможными способами» [Mikheyev 1996: 57].

²³ Руководитель администрации Ельцина в 1993–1995 годах пишет в воспоминаниях, что он видел Ельцина по телевизору, когда тот был партийным руководителем Свердловской области; Ельцин выглядел как лояльный партийный функционер, но даже тогда он «проявлял своего рода открытость, энергию и хорошее знание предмета, о котором он говорил совершенно свободно» [Филатов 2000: 421–422].

Это, по словам Михеева, позволило ему сохранить как некоторую независимость ума, так и кое-какую уверенность в себе и индивидуальность [Mikheyev 1996: 57], что, возможно, послужило одним из истоков свободомыслия Ельцина в горбачевском Политбюро. Но если и предположить, что названные качества были замечены обсуждавшими его повышение в 1984–1985 годах, этому необязательно надо удивляться: новые советские лидеры искали некоррупцированных и талантливых чиновников, которые могли бы усовершенствовать и избирательно реформировать систему, не подвергая сомнению ее основные черты. Им не нужны были «аристократы» брежневского толка, чья независимость ума и инициативность (если они когда-либо ими обладали) полностью были подавлены партийными кадровыми механизмами. Тот факт, что Ельцин обладал опытом, не позволявшим ему стать самодовольным и коррупцированным, можно было рассматривать как преимущество; но это необязательно было признаком того, что он станет разрушительной силой внутри Политбюро.

О чем, вероятно, не знали партийные лидеры, так это о том, что у Ельцина были и другие личные качества, в сочетании с его непокорностью делавшие его человеком непредсказуемым, от которого можно ожидать что угодно. Ельцин был порывистым, импульсивным, обидчивым и очень чувствительным к неуважению. Он не считал себя просто инженером-строителем, который стал партийным боссом; он мыслил себя мастером на все руки, способным наводить идеальный порядок там, где большинство людей не справились бы. Когда значительных результатов не следовало, Ельцин разочаровывался и сердился²⁴. Помимо этого, что более серьезно, Ельцин тяготился подчиненным положением и как руководитель Свердловского обкома был расстроен тем, что его сверстники (Горбачев и Лигачев) поднялись в партийном аппарате дальше и быстрее, чем он сам. Он признавал это в своей первой автобиографии, написанной и опубликованной в 1990 году [Ельцин 1990: 70–71]. В 1984 году партийцы в центре еще не знали, насколько его это огорчало. Им еще не было известно, что, когда секретарь

²⁴ О самовосприятии Ельцина см. [Ельцин 1990: 42, 63, 95, 99, 150, 188].

ЦК Лигачев ранее приезжал в Свердловск с инспекционной поездкой, Ельцин вышел из машины, в которой они ехали вместе, чтобы сдерживать свой гнев из-за унижительных вопросов Лигачева о том, почему в Свердловске все якобы делается не так, как Лигачев прежде делал в Томске. Ельцин тогда пересадил своего заместителя из машины, ехавшей позади, на свое место в машину с Лигачевым, чтобы не сорваться и не сказать или не сделать что-нибудь опрометчиво [Бонет 1994: 105–106]. Лигачев, вероятно, об этом не знал, поскольку Джон Моррисон пишет, что Лигачев, вернувшись в Москву, весьма восторженно отзывался о Ельцине [Morrison 1991: 42]²⁵. Все это заставило бы усомниться, что Ельцин в Москве будет сдерживать свои эмоции и станет командным игроком²⁶.

Помимо своей импульсивности и нетерпеливости, Ельцин всю свою жизнь был склонен к риску; более того, он нарывался на риск. Возможно, не будет преувеличением сказать, что он был генетически запрограммирован на риск и в процессе развития стал от него зависимым. Его брат Михаил писал, что Борис всегда «жил на грани возможного»²⁷. Первые две автобиографии Ельцина изобилуют примерами, с раннего детства до 1993 года, его склонности жить на грани. Его стремление к риску не проявлялось в технической сфере: как инженер-строитель он тщательно изучал ситуацию, прежде чем приступить к решению сложных задач. Скорее это нашло выражение в его личной и политической жизни. Ельцин сообщает о нескольких случаях, когда он в сталинские годы резко перечил начальству и ему это сходило с рук [Ельцин 1990: 22, 38, 40]. По его словам, когда ему было всего 11, на выпускном вечере в начальной школе он воспользовался случаем, чтобы

²⁵ Арон сообщает о чем-то похожем, но Ельцин в его версии не выходил из машины, а только скрипел зубами [Aron 2000: 116–117].

²⁶ Источник, который я не могу указать, также сообщил мне, что Ельцин, будучи в 1989 году в Техасе, так разозлился на американца с принимающей стороны, что велел шоферу посреди дороги остановить машину, вышел из нее и начал бегать по улице, чтобы сдерживать гнев. Аналогичный пример можно найти и в случае с уходом Ельцина из телеинтервью с Лесли Шталь (Associated Press) в Москве в июне 1992 года.

²⁷ Цит. по: [Mikheyev 1996: 66].

публично осудить учительницу, которая, по его мнению, несправедливо обращалась с учениками [Ельцин 1990: 22].

Авантюризм Ельцина нередко приводил его вплотную к смерти, а в некоторых случаях и к политическому краху. В детстве он очень хотел попытаться обезвредить ручную гранату, которую они с друзьями украли со склада боеприпасов. Друзья не соглашались, а он взял гранату, которая взорвалась и оторвала ему два пальца [Ельцин 1990: 23]. Я насчитал девятнадцать таких случаев в двух его автобиографиях; не все они столь драматичны, но некоторые вполне сопоставимы с этим инцидентом [Ельцин 1990: 22, 23, 24, 27, 35, 36, 37, 161; Yeltsin 1994: 30, 46–47, 61, 93, 117–119, 191–192, 194, 195–196, 239]. Даже если некоторые из этих историй — апокрифы, ни один литературный источник, посвященный Ельцину, даже не пытается опровергнуть общую картину. У человека, который вел такой образ жизни и всегда умудрялся выжить, развивается огромная уверенность в своих способностях к выживанию, даже если ее не было с самого начала. Эта уверенность, в свою очередь, еще больше подогревает склонность поддаваться порывам и рисковать снова. В случае с Ельциным это даже заставило его поверить в собственное предназначение: «Всегда как будто меня кто-то выручал. Я уж и сам начал верить, что нахожусь под какой-то неведомой защитой» [Ельцин 1994: 280]²⁸.

Во многих чертах своего характера Ельцин не уникален среди руководителей постсталинского времени. На самом деле они поразительно напоминают Хрущева. Хрущев также был склонен к риску (хотя не к саморазрушению). Он также был импульсивен и страстно желал видеть результаты своих трудов. Он также был капризен и чувствителен к обидам. И правда, Хрущев больше

²⁸ См. также [Ельцин 1994: 84, 120, 142, 193, 205, 211; Ельцин 1990: 11, 130, 141]. В своих последних мемуарах, опубликованных через девять месяцев после его ухода с поста президента, Ельцин писал, что ему нравится гонять на электрокаре: «Причем гоняю будь здоров. Особенно люблю с горки и — прямиком в дерево. В последний момент сворачиваю. Так расслабляюсь» [Ельцин 2000: 311]. Вряд ли Ельцин в своем тогдашнем физическом состоянии этим мог заниматься; использование настоящего времени в этом отрывке более чем сомнительно.

многих других членов Политбюро позднего сталинского периода роптал по поводу унижений сталинского режима, хотя и был достаточно проницателен, чтобы не рисковать своей жизнью, бросая прямой вызов деспоту. И Хрущев также продемонстрировал непредсказуемое поведение в постсталинском партийном руководстве, сначала своей антисталинской кампанией, а затем реакцией на фиаско своей программы. В конце концов его непредсказуемость стоила ему работы. Разница заключалась в том, что в 1950-х и начале 1960-х годов Хрущев был на вершине власти, а Ельцин в 1980-х — младшим членом горбачевского Политбюро²⁹.

По иронии судьбы Горбачеву, находившемуся в 1980-х годах на вершине власти, не давала покоя перспектива того, что, если он будет слишком быстро продвигать реформы, его может постигнуть судьба Хрущева и лишение должности. Ему, похоже, не приходило в голову, что человек с некоторыми хрущевскими чертами характера и взглядами присоединится к его руководящей команде и усложнит его собственную политическую жизнь — и все это потому, что осторожность Горбачева, целью которой было избежать участи Хрущева, так не устраивала неохрущевца Ельцина!

Помимо того что Ельцин и Горбачев были почти одногодками, они обладали и некоторыми сходными личностными чертами: огромной энергией, страстью, напором, уверенностью в себе, эгоцентризмом, трудоголическими наклонностями и очень хорошей памятью. Ельцин также разделял разочарование Горбаче-

²⁹ Читая книгу Арона о стиле руководства Ельцина в Свердловске, я поражаюсь и другим параллелям с Хрущевым: 1) ельцинское руководство строительными проектами [Aron 2000: 31] напоминает практичность, серьезность, одержимость работой Хрущева, когда он руководил строительством Московского метрополитена в 1930-х годах [Tompson 1995, ch. 2]; 2) оба ненавидели «кабинетное» руководство, желая лично участвовать в строительстве [Aron 2000: 38; Tompson 1995: 45]; 3) оба стремились усилить дисциплинарную ответственность рабочего коллектива и эффект коллективных материальных вознаграждений [Aron 2000: 67; Breslauer 1982, chs. 2, 4]; 4) Ельцин в брежневскую эпоху выдвинул предложение о региональной децентрализации промышленности, что поразительно напоминает хрущевские совнархозы 1957 года [Aron 2000: 76] (Арон отмечает эту параллель с Хрущевым); 5) оба сразу же обвинили в неудачах местных чиновников и немедленно потребовали их увольнения [Aron 2000: 83; Breslauer 1982, chs. 3, 6].

ва в брежневизме и его стремление усовершенствовать социалистическую систему, начав с чистки коррумпированных кадров. Оба были провинциалами крестьянского происхождения, людьми, чьи семьи сильно пострадали во время коллективизации и Большого террора, и оба были возмущены коррупцией и незаслуженными привилегиями. Оба происходили из простых семей (Ельцин в большей степени, чем Горбачев), но сделали карьеру исключительно собственным тяжелым трудом³⁰. Как региональные партийные руководители, оба были амбициозными, трудолюбивыми, относительно неподкупными и склонными к новаторству в проведении локальных экспериментов, которые могли бы улучшить работу местной экономики и которые также (как они утверждали) могли быть успешно распространены на всю экономику страны³¹. Оба выработали более популистский, совещательный стиль руководства своими регионами, чем это было принято при Брежневе. И конечно же, обоим пришлось скрывать свое недовольство посредством лицемерия и двуличия как необходимых условий политического выживания.

Но в остальном они различались. Одно из различий заключалось в их образовании и карьерной лестнице. Горбачев встал на путь политики в студенчестве, тогда как Ельцин избрал карьеру инженера. Горбачев глубоко изучал идеологию и, как казалось,

³⁰ Действительно, каждый из них носил (и изнашивал) один-единственный костюм на протяжении всей учебы в вузах, которые оба окончили в 1955 году. Но Горбачев рос в лучших материальных условиях, чем Ельцин. Ставропольский край входит в состав плодородного Черноземья. Уральский регион, где вырос Ельцин, был гораздо беднее. Кроме того, поскольку семья Горбачева жила в деревне, а дедушка его был председателем колхоза, с продуктами у них дела обстояли лучше, чем у Ельциных. Показательно это или нет, но если посмотреть на фотографии Ельцина — подростка и студента Уральского политехнического института, то видно, что он был высоким, но худым как палка. Напротив, у Горбачева на снимках, сделанных в студенческие годы, уже пухлое круглое лицо; заметен контраст между его ранними фотографиями и фото свадьбы с Раисой Максимовной [Sheehy 1990]. Фотографии Ельцина приведены в последней автобиографии Ельцина [Ельцин 2000]. Я благодарен Илье Винковецкому за то, что он обратил мое внимание на этот контраст.

³¹ Ср. [Brown 1996: 45–46] и [Aron 2000: 64–69, 75–76].

верил в гений марксистско-ленинской теории. Ельцин посвятил себя изучению конкретных инженерных строительных задач, уделяя внимание марксизму-ленинизму лишь в той мере, в какой это требовалось учебной программой или стало потом необходимо для вступления в партию³². Оба со временем стали скептически относиться к расхожим представлениям, не соответствовавшим реалиям жизни вокруг; Горбачев любил цитировать одноклассникам гегелевское утверждение, что «истина конкретна». Но ум Горбачева был склонен к соединению эмпирических наблюдений с результатами абстрактных теоретических обобщений о системе в целом, тогда как у Ельцина он был направлен на постижение повседневных научных и административных практик, которые способны помочь в решении конкретных проблем.

Горбачев стремился к членству в комсомоле и коммунистической партии уже на самых ранних этапах жизни, как только получил право на занятие соответствующих должностей, тогда как Ельцину пришлось вступить в партию, когда он достиг предела карьерного роста в рамках своей профессии, после чего для дальнейшего продвижения требовалось быть партийным. Так, Ельцин, хотя он родился в том же году, что и Горбачев, вступил в партию на девять лет позже (в 1961, а не 1952 году). Ельцин после института тринадцать лет проработал на стройке, прежде чем его взяли в областной партаппарат; и даже после этого первые восемь лет он провел в отделе, курировавшем строительство в области. На первых порах он не был полноценным партработником, и только в 1976 году он был избран на должность первого секретаря Свердловского обкома КПСС. Горбачев, напротив, вплотную занялся комсомольской работой, а затем стал функционером партийного аппарата практически сразу же после окончания университета и шел затем вверх по иерархической лестнице, почти всегда занимая должности политика широкого профиля (а не специалиста по экономике).

³² Бывшие советники и соратники Ельцина пишут: «Строитель по профессии, он искал проекты, которые могли дать ощутимые и, возможно, быстрые результаты. Его мало интересовали теория или абстрактные дискуссии на общие темы» [Батурин и др. 2001: 803].

Одно из самых ярких различий между биографиями Горбачева и Ельцина состоит во времени, когда они стали испытывать международные космополитические влияния. Это можно назвать началом их «депровинциализации». Горбачев приехал в Москву в 1950 году, в возрасте 19 лет, и следующие пять лет провел, знакомясь с культурой столицы и встречаясь со студентами из Восточной Европы. Ельцин не покидал провинцию надолго вплоть до 1985 года, когда ему было уже 54 года!

Связано ли это с воспитанием или с характером, но личность и менталитет у них также значительно различались в том, как они влияли на их поступки в качестве столичных руководителей. Нетерпеливость, импульсивность, завистливость и чувствительность Ельцина к обидам сделали его непредсказуемой силой внутри горбачевского Политбюро. Никто из тех, кто изучал Горбачева, таких черт ему не приписывает. Если Ельцин был по своему темпераменту требовательным и порой грубым боссом, то Горбачев был более склонен принимать критику со стороны подчиненных и соратников. Если Ельцин был провинциалом, стремившимся овладеть новыми техническими навыками, то Горбачев обладал задатками космополита, стремившегося расширить свое понимание мира за пределы СССР. Ельцин благодаря своему темпераменту любил риск; Горбачев, хотя и не боялся риска, был более осторожен. Трудно представить себе, чтобы Ельцин стал придерживаться такой осторожной политической стратегии в качестве генсека, как Горбачев, если бы Ельцин, а не Горбачев стал лидером партии в 1985 году. Личность и менталитет Ельцина больше подходили для роли разгневанного и решительного революционера, которую он примерил на себя в 1988–1989 годах и исполнял до тех пор, пока не помог низвергнуть и Горбачева, и ту систему, которую Горбачев пытался построить.

Выводы

Я начал эту книгу с замечания, что ее ключевой темой являются стратегии Горбачева и Ельцина по укреплению и поддержанию авторитета в то время, когда они каждый по-своему стремились

реформировать, преобразовать, разрушить или изменить советскую систему. Стратегии — это средство, с помощью которого лидеры стремятся преодолеть социальные ограничения в своей среде, как для реализации своего видения общественного прогресса, так и для обеспечения своего авторитета как эффективных политиков и лиц, способных решать проблемы. Выбор, который делают лидеры, частично зависит от того, как они формируют свое видение и как они определяют, насколько гибки ограничения, наложенные на реализацию этого видения. При этом такой выбор также является плодом их отношения к конфликтам, риску и компромиссам.

Выбор политической стратегии — дело не одноразовое; стратегии меняются на протяжении правления лидера. На этапе смены руководства политический конфликт становится интенсивным, и соперники всеми средствами, оттирая друг друга, добиваются выгодного положения. Это ограничивает участника состязания теми вариантами выбора, которые с наибольшей вероятностью помогут ему в борьбе за власть — насколько он может предсказать, какая стратегия окажется выигрышной. В период роста авторитета у лидера появляется больше возможностей для политического маневра и возникает большая свобода действий, так что он может позволить своим личным предпочтениям и предрасположенностям влиять на его программу. На стадии упадка лидер становится мишенью для критики, но вступает в борьбу, занимая господствующее положение и обладая относительно большей властью по сравнению с теми политическими рычагами, которыми он располагал на более ранней стадии борьбы за преемство. Личные факторы играют важную роль в определении выбора, который делает лидер относительно методов борьбы с падением своего авторитета.

Хотя и Горбачев, и Ельцин выросли в советской системе и хотя оба верили, по крайней мере до 1987 года, в «ведущую роль партии», их личности и политические взгляды существенно различались. В главе одиннадцатой я расскажу о том, как эти специфические факторы повлияли на способы, которыми каждый из них проявлял свои власть и лидерство.

Глава 3

Усиление позиций Горбачева

В тот момент, когда Горбачев пришел к власти в марте 1985 года, формальный контекст советской политики существенно не изменился. Он был избран на пост генерального секретаря тайным голосованием Политбюро благодаря совещательным голосам некоторых из наиболее влиятельных региональных партийных лидеров в Центральном комитете [Brown 1996: 82–88; Hough 1997: 76–79]. Господствующей идеологией все еще оставался марксизм-ленинизм, а аудиторией для стратегий укрепления власти — представители элиты из ключевых институтов системы. Краткосрочные материальные интересы и политические предпочтения покровителей и клиентов в этих институтах остались в основном такими же, какими они были в течение десятилетий. По этим причинам многие наблюдатели, хотя они и были заинтригованы перспективой появления молодого и красноречивого генерального секретаря, не питали слишком больших надежд на то, что он окажется склонен к трансформации системы или способен это сделать. В конце концов, сам он был ее продуктом, и выдвинули его на эту должность престарелые хранители ленинской системы. Если Суслов, Брежнев и Андропов смогли одобрить его стремительное восхождение к высшей власти, до какой степени мог он быть вольнодумцем?

Что изменилось, так это климат мнений в советском политическом истеблишменте. Этот климат сильно отличался от того, который преобладал на момент свержения Хрущева, и во многом был аналогичен преваляровавшему на момент смерти Сталина. И 1953, и 1985 годы были отмечены широко распространенным

в Политбюро и Центральном комитете ощущением, что что-то должно отступить, что все не может продолжаться по-прежнему. Каждый из этих периодов был отмечен коллективной утратой уверенности в способности элиты добиться подтверждения своей формулы господства¹. В обе эпохи было широко распространено мнение, что текущая траектория внешней и внутренней политики ведет страну в тупик или даже того хуже. Многие официальные лица в указанные периоды опасались внутренних беспорядков, если ситуация усугубится. В 1950-х, так же как и в 1980-х годах, Политбюро и Центральный комитет охватило чувство неминуемой угрозы извне. В оба периода многие чиновники испытывали не только чувство страха, но и чувство недоумения или смущения по поводу стагнации, как экономической, так и идеологической, в которую погрузилась страна. В общем, в оба периода в политическом истеблишменте преобладал негативный консенсус — широко распространенное мнение о том, что все не может продолжаться как прежде, что необходимы новые подходы к решению проблем. Несмотря на то что ни в один из этих периодов не сложился положительный консенсус относительно предпочтительности того или иного набора альтернативных политических мер (кроме консенсуса 1953 года о том, что режим должен обеспечить более высокий уровень жизни населения), ощущалось растущее чувство безотлагательности этих мер, необходимости «заставить страну снова двигаться». В 1982 году (после смерти Брежнева) и в 1984 году (после смерти Андропова) старая гвардия сдерживала эти чувства, но к 1985 году ушло со сцены достаточное количество ее представителей, чтобы такие настроения возобладали².

¹ Я впервые выдвинул это предположение относительно 1985 года в [Breslauer 1994: 280]; оно также приводится в [Hough 1997: 15]. См. также [Hollander 2000].

² Неплохие примеры таких настроений у людей, которые станут ведущими членами горбачевского Политбюро либо главными помощниками генсека, см. в [Черняев 1993: 10–13, 27–29, 31–32, 55–56, 62–63; Рыжков 1992: 42; Рыжков 1995: 42–46; Ligachev 1993: 15–16, 35]. Они проявляют общее отчуждение от брежневского наследия, хотя специфические моменты отчуждения

Конечно, эти две смены власти разделяло более тридцати лет; можно ожидать, что за это время многое изменилось. В 1985 году не стоял «сталинский вопрос», не было необходимости демистифицировать исключительный авторитет предыдущего лидера в качестве предварительного условия для разрыва с его политикой. Аналогичным образом отсутствовало коллективное стремление ограничить власть лидера партии, чтобы избежать возвращения кровавого режима. В 1985 году скорее присутствовало ощущение необходимости энергичного руководства для движения страны в новых направлениях. Еще одно различие было когнитивным, поскольку три десятилетия экспериментов во внутренней и внешней политике привели к большому количеству индивидуальных и коллективных пониманий осуществимости тех или иных политик и программ. Чтобы разрешить дилемму во внутренних и внешних отношениях, программы, которые «продавались» в 1950-х годах, нельзя было адекватно и убедительно изложить основной части политической элиты в 1980-х; точно так же программы, имевшие успех в СССР 1980-х, не удалось бы «продать» в 1950-х годах. Лидер, который попытался бы укрепить свою власть и авторитет в 1985 году, обещая достичь грандиозных результатов в быстром движении к «полной и окончательной победе коммунизма» внутри страны и за рубежом, вероятно, в лучшем случае был бы встречен со скепсисом, а в худшем — со смехом.

К середине 1980-х годов преемники Сталина уже прибегли ко множеству вариантов «незначительных реформ» советской командной экономики, но без особого эффекта. Они перепробовали почти все методы улучшения положения в сельском хозяйстве, за исключением подлинной децентрализации власти, и опять же без особого эффекта. Темпы экономического роста упали до минимума, а в некоторых отраслях достигли нулевого или отрицательного уровня роста. Советские лидеры добились нескольких

у них разные, как и их эмоциональные реакции. Черняев, например, подчеркивает испытанные им стыд и унижение, Рыжков делает акцент на своем сильном недовольстве блокированием брежневской администрацией экономических реформ, Лигачев — на неодобрении коррупции среди кадров.

«разрядок» в отношениях с Соединенными Штатами, все из которых провалились. Они построили огромный военно-промышленный комплекс, но Соединенные Штаты по-прежнему не считали их равными себе в международных делах. Они достигли ядерного паритета, но теперь им угрожала Стратегическая оборонная инициатива Рональда Рейгана («Звездные войны»). Их система альянсов распространилась на многие уголки земного шара, но подвергалась нападкам и была крайне дорогостоящей. После войны во Вьетнаме казалось, что Соединенные Штаты утратили инициативу в мировых делах лишь для того, чтобы возродиться при Рейгане. Хваленая Советская армия увязла в Афганистане, неся там большие потери.

Потеря уверенности в себе — это очень печально. Ощущение, что все не может продолжаться по-старому и что старые представления о прогрессе были дискредитированы как нереализуемые, — это отрицательный урок. Такие настроения и отрицательные уроки логически не ведут к конкретным решениям, необходимым для выздоровления. В самом деле, учитывая разнообразие материальных интересов внутри советского политического истеблишмента, трудно было бы ожидать, что консенсус по поводу преодоления кризиса сформируется легко. У большинства чиновников имелось мало конкретных идей относительно того, как можно было бы заставить систему в целом работать более эффективно. Как это часто бывает в таких условиях всеобщей незащищенности и неопределенности, они искали лидерства, и Горбачев обещал им его дать.

Когда Брежнев находился у власти, за кулисами желавшие реформ интеллектуалы в академическом и журналистском мире вели активный поиск жизнеспособных альтернатив как хрущевскому утопизму, так и брежневскому консерватизму; некоторые из них публиковались подпольно из-за цензуры. Реформаторские эксперименты во внутренней и внешней политике, которые время от времени проводились при Хрущеве, за которые безуспешно выступал брежневский премьер А. Н. Косыгин и которые в свое время поспособствовали улучшению венгерской экономики, в 1970-х помогали сохранять и легитимизировать понятие

«обновленного социализма» и поддерживать рабочие отношения Востока и Запада³. Горбачев слышал об этих дискуссиях и пытался подключиться к ним в частном порядке, когда в конце 1978 года его повысили до должности секретаря ЦК. Его мышление было свободным от предрассудков и эмпирически ориентированным, он стремился впитывать опыт, который помог бы работать лучше, чем политика Брежнева (см. главу вторую). Он был внимателен и восприимчив к событиям в Восточной Европе и к урокам еврокоммунизма. Его знания неуклонно росли благодаря консультациям со специалистами-реформаторами в ходе его карьерного роста в руководстве страны с 1978 по 1982 год. Получив данные о реальном состоянии экономики в начале 1980-х годов, он в 1984 году согласился с Шеварднадзе, что «все прогнило» [Brown 1996: 81; Ekedahl, Goodman 1997: 30]. Накануне вступления в должность генерального секретаря он сказал жене, что «так дальше жить нельзя» [Brown 1996: 81].

Однако Горбачев был не просто ученым-любителем, ищущим решения социальных проблем. Он также был восходящей политической звездой. После смерти Брежнева в 1982 году эти две роли в срочном порядке слились воедино, и череда смен вождей привела к поднятию ставок, связанных с выражением новых идей. Поскольку он стремился стать генеральным секретарем, ему нужно было продумать те решения, которые он мог бы применить в политике и которые укрепили бы его авторитет, легитимность и ресурс доверия как лидера.

Демократическая социалистическая концепция развития внутри страны в сочетании с гибкой стратегией на зарубежной арене — лишь один из нескольких подходов, которые еще не были опробованы на практике и, соответственно, не потерпели провал в СССР. В одной из альтернатив радикальным реформам главной проблемой виделась моральная: это обширная коррупция советского чиновничества в годы правления Брежнева. Выходом представлялась политика смены коррумпированных кадров новой когортой

³ Анализ опубликованных обсуждений альтернатив см. в [Valkenier 1983; Hough 1986; Griffiths 1984; Evangelista 1999].

кадров неподкупных. Для этого потребуется определенная степень гласности, чтобы привлечь внимание общественности к данной проблеме и привлечь ее к кампаниям по разоблачению коррумпированных бюрократов. Традиционная партийная «аристократия» времен Брежнева будет заменена кромвелевскими пуританами, которые больше не станут использовать государственные должности для извлечения личной материальной выгоды. Красные директора старого толка или, по крайней мере, те из них, кто испорчен опытом работы в брежневское время, будут заменены честными и эффективными технократами, чье восхождение к власти частично прервалось в 1970-е годы. В рамках этого союза пуритан (таких как партийный секретарь Лигачев) и технократов (таких как премьер-министр Рыжков) большая ответственность за принятие решений может быть передана нижним уровням административной иерархии, при этом без опасения злоупотреблений. В результате можно будет управлять экономикой более эффективно и продуктивно, повысить подлинную социальную и трудовую дисциплину, а значит, и авторитет КПСС. Именно такого подхода придерживался Андропов в период своего короткого пребывания на посту генерального секретаря. Этот подход (и его самого) одобрили в своих мемуарах и Рыжков [Рыжков 1995: 43, 186, 188], и Лигачев [Ligachev 1993: 16–17, 27–30, 51–52]⁴.

В международных отношениях одной из альтернатив компромиссу между Востоком и Западом была эксплуатация советского ядерного потенциала с целью убедить Запад в необходимости «вести дела» с СССР на равных. Это был бы конфронтационный вариант «наступательной разрядки», лежавшей в основе стратегии Брежнева в отношениях между Востоком и Западом. Но для тех, кто считал такой подход Брежнева неработоспособным, конфронтации имелась альтернатива: ограничение чрезмерного советского присутствия за рубежом. Это была реальная альтернатива продолжению старого пути. Требовалось найти способ выбраться из Афганистана, пусть цели вторжения и не были там

⁴ Джерри Хаф тоже использует, хотя и вскользь, понятия «пуритане» и «технократы» [Hough 1997].

достигнуты. Это потребовало сокращения обязательств перед союзниками из третьего мира и некоторыми союзниками в мировом коммунистическом движении, что позволило привести советскую глобальную политику в большее соответствие с недавно обретенным пониманием ограниченности ее возможностей. Это повлекло за собой использование потенциала движения за мир в Западной Европе и Северной Америке в надежде, что эти общественные инициативы вынудят западных лидеров в одностороннем порядке прекратить создание и развертывание новых ракет и систем вооружения космического базирования. Фактически именно такой была политика Андропова в течение пятнадцати месяцев его пребывания у власти (то есть с ноября 1982 года до февраля 1984 года)⁵. Такой подход нельзя обвинить в том, что он противоречит советской традиции. На протяжении всей советской истории были периоды, когда руководство делало «передышку» в своем глобальном наступлении, чтобы закрепить достигнутые успехи и заняться внутренними проблемами. Так же и стратегия игры на противоречиях внутри империалистического лагеря (и между разными силами внутри капиталистических стран) имела долгую традицию в советской истории.

Таким образом, признавая, что и Хрущев, и Брежнев обещали гораздо больше, чем могли дать, антикомпромиссные и антилиберальные силы в советском Политбюро и Центральном комитете могли с уверенностью утверждать, что обладают альтернативными взглядами, которые еще не были дискредитированы. Наименее авторитетными в этом контексте выглядели «твердолобые» противники перемен: традиционные брежневцы (такие как партийные секретари Г. В. Романов, В. В. Гришин и В. В. Щербицкий), которые защищали свои материальные интересы и делали вид, что все и правда может продолжаться по-старому. Сила этих материальных интересов и приверженности ленинизму в ЦК и Политбюро была столь велика, что Горбачев был избран генеральным секретарем лишь после того, как два других преем-

⁵ Рыжков также одобрительно отзываясь о некоторых из этих черт андроповской внешней политики [Рыжков 1995: 50].

ника Брежнева (Андропов и Черненко) скончались на посту. Очевидно, что в начале 1980-х годов радикальные реформы не воспринимались как единственная альтернатива брежневизму.

В ожидании смены власти

Когда в марте 1985 года Горбачева выбрали генеральным секретарем, министр иностранных дел Громыко в своей речи по поводу выдвижения его кандидатуры сказал: «У него приятная улыбка, но железные зубы»⁶. Подразумевалось, что Горбачев как руководитель — новичок, послушный, но при этом неглупый. Он был способен отстаивать свои взгляды перед лучшими из них как внутри страны, так и за рубежом. Он мог заставить страну начать снова двигаться вперед, не жертвуя основными интересами или ценностями системы. Громыко не мог знать, что в итоге Горбачев не выполнит его предсказание. Однако в то время, возможно, этого не знал и сам Горбачев.

В течение первых полутора лет пребывания у власти Горбачев был именно таким лидером, как предполагал Громыко. Он не скрывал того, что выступает за отказ от старых подходов, но делал это осторожно, создавая базу для своей власти и вынуждая уйти в отставку руководителей из числа брежневских консерваторов.

Внутриполитический курс и методы

Члены Политбюро, а также ведущие члены Центрального комитета знали, что во время своего пребывания в Москве Горбачев советовался и поддерживал контакты с учеными и журналистами, настроенными радикально реформистски [English 2000: 183]. Они знали также, что, возглавляя партийную организацию Ставрополя, он продвигал некоторые новаторские меры по реорганизации экономического производства на краевом уровне

⁶ См. колонку Душко Додера в «Вашингтон пост» (17 марта 1985 года). Хаф утверждает, что это замечание, приписываемое Громыко, могло быть просто слухом [Hough 1997: 77].

[Brown 1996: 45–47]. Но в то время у них не было оснований подозревать, что он в итоге решится на капитальную ревизию системы. Горбачева также справедливо воспринимали как человека, который десятилетиями играл по ленинским правилам. Его выступления в 1976–1981 годах были безупречны по меркам того времени⁷. Когда Горбачев перебрался из провинции в Москву, его поддержали — и тем самым поручились за него — Суслов и Андропов, одни из самых влиятельных членов старой гвардии. Его выступления в качестве члена Политбюро с 1980 до конца 1984 года не выходили далеко за рамки преобладавшего в то время политического консенсуса, соответствовавшего экспериментальному подходу андроповцев к повышению эффективности экономики и зачистке коррумпированных кадров⁸. Более того,

⁷ Контент-анализ выступлений и опубликованных статей региональных партийных функционеров РСФСР в 1976–1981 годах показал, что постсталинское поколение чиновников делится на тех, кто практически не был заинтересован в переменах (даже еще менее, чем их коллеги из старшего поколения чиновников), и тех, кто был гораздо более требователен и нетерпелив в своей риторике, чем остальные. По этой шкале Горбачев, как и Ельцин, хоть и относился к последней группе, но находился в этой группе в самом низу; в частности, риторика Горбачева была требовательной по содержанию, но совсем не нетерпеливой по стилю. Он ничем не выделялся [Breslauer 1984]. По другим показателям, таким как инновации, внедренные в Ставрополье, или его сдержанная поддержка децентрализованной звеньевой системы в советском сельском хозяйстве в конце 1970-х годов [Brown 1996: 45–46], Горбачев производил впечатление экспериментатора, но не рьяного бунтаря, что согласуется с моим контент-анализом его выступлений. Об опубликованных требованиях Ельцина к центру в бытность его партийным руководителем в Свердловске см. [Agon 2000, ch. 3].

⁸ Хаф утверждает, что торжественная речь Горбачева от 22 апреля 1983 года, произнесенная в годовщину со дня рождения Ленина, шла вразрез с генеральной линией, поскольку представляла «несомненное одобрение ленинской новой экономической политики (НЭП) и сопровождалась его мыслями о том, что следует более внимательно учитывать объективные законы экономики... [и] умело использовать товарно-денежные отношения» [Hough 1997: 73–74]. Однако в то время генеральным секретарем был Андропов, и эта речь вполне соответствовала предложениям, содержащимся в публичных обращениях генсека. Это, безусловно, способствовало бы закладке основ для выстроенных по образцу китайских или венгерских реформ программ, которые, как говорят, в то время рассматривал Андропов [Hough 1997: 96–97].

он укрепил имидж командного игрока, правильно выждав время после смерти Андропова и не оспаривая назначение консерватора Черненко на пост генерального секретаря [Brown 1996: 69]. Пуритане и технократы в Центральном комитете знали также, что он по брежневским меркам не коррумпирован и является компетентным администратором, а значит, соответствует их типу. В целом Горбачев создал для себя (с помощью манипуляций или нет) образ человека, способного управлять, не создавая чрезмерной угрозы для ключевых заинтересованных групп и лиц внутри политического истеблишмента. Он мог преследовать новые цели, не ставя под угрозу драгоценные традиционные ценности⁹.

Тем не менее самым актуальным оставался вопрос: какие традиционные ценности наиболее драгоценны? Ключевое ленинское наследие с упором на руководящую роль партии? Или новые возможности для обогащения номенклатуры? Горбачев четко обозначил свою позицию по этому вопросу еще до смерти Черненко. Когда в конце 1984 года здоровье Черненко начало ухудшаться, Горбачев быстро перехватил инициативу у оппозиционеров и занял отчетливую идеологическую нишу в борьбе за престолонаследие. Прошло время проявлять почтительность и бескорыстность на фоне чаяний других, более высокопоставленных членов руководства. Горбачев был готов к предвыборной речи, где он публично заявил бы о себе как о человеке, который возродит лучшие черты ленинского наследия, проводя политические и экономические реформы дома и идя на компромиссы при решении вопросов за рубежом. Для этого шага он выбрал закрытую партийную конференцию по идеологии в декабре 1984 года. Это была самая радикальная речь кого-либо из ведущих членов Политбюро со времен Хрущева¹⁰. По содержанию (хотя и не по продолжительности) она была сопоставима с «секретной

⁹ Рыжков пишет, что только в 1987 году понял, насколько различаются его и горбачевские взгляды по экономическим вопросам [Рыжков 1995: 200].

¹⁰ Это выступление включено в сборник избранных речей и статей Горбачева [Горбачев 1987–1990, 75–108] и далее цитируется по данному изданию.

речью» Хрущева, в которой он осудил Сталина в 1956 году; Хрущев использовал эту речь как способ выйти из политического тупика и перехватить политическую инициативу, определив радикальные изменения в доктрине и политике как морально и практически необходимые. В декабре 1984 года Горбачев, еще не будучи руководителем партии, дал понять, что готов трансформировать советскую доктрину и язык советской политики, с тем чтобы формально лишить легитимности брежневский подход к решению вопросов. Он еще не бросил вызов традиционным политическим аренам. Его речь была произнесена на частной арене и не призывала к созданию новых публичных арен; это случится позже. Тем не менее соперники Горбачева из числа сторонников брежневской политики поняли значение его слов и почувствовали в них угрозу. Сам Черненко пытался помешать Горбачеву выступить, но тот держался твердо. Черненко и его союзникам удалось лишь помешать появлению полного текста речи в газете «Правда» [Hough 1997: 73; Brown 1996: 82].

В своем выступлении Горбачев использовал абстрактную терминологию, как это обычно бывает в доктринальных речах, и оно не содержало подробного описания конкретной политики, которая вытекала бы из пропагандируемых в нем доктрин. Но в нем уже присутствовало большинство кодовых слов, которые позже станут отличительными чертами преобразований Горбачева: *перестройка, гласность, реформа, демократия, человеческий фактор*, а также в нем говорилось о потребности в кадрах, «доверяющих» людям и «уважающих их интеллект». Как и выступление Хрущева на XX съезде партии в феврале 1956 года, оно включало значительное число критических замечаний, граничащих с «системными», а также риторику нетерпения и срочности, наполнявшую весь текст¹¹. На самом деле, когда Горбачев говорил о том, что производственные отношения в СССР вступили в противоречие

¹¹ Хрущев в своей секретной речи не только раскритиковал Сталина; в своем опубликованном в «Правде» выступлении на XX съезде КПСС он подверг критике «бюрократизм» советского общества и призвал к лобовой атаке на него (Правда. 1956. 15 февр.).

со способом производства, он повторял традиционное марксистское определение предреволюционной ситуации.

Это выступление стало явной атакой на брежневских «консерваторов». Кроме того, в нем не просто провозглашалась альтернатива политике, господствовавшей при Черненко. Скорее это было обобщенное изложение концепций и идей, вокруг которых смогли бы объединиться представители всех трех направлений, альтернативных брежневизму: пуритане (борцы с коррупцией), технократы (рационализаторы плановой экономики) и политические реформаторы. Пуритане и технократы в ЦК могли сделать вывод, что Горбачев пропагандирует политику всеобщей замены коррумпированных и некомпетентных кадров, то есть политику, с которой они были согласны. Они могли заключить, что риторика Горбачева, воспевающая коммунистическую систему, марксистско-ленинские идеалы и социальную дисциплину, по сути подразумевает его готовность очистить аппарат от коррумпированных кадров, укомплектовать его такими неподкупными людьми, как они, и тем самым высвободить неиспользованный потенциал социалистической системы. Это им ничем не угрожало и не предвещало потери ими политического контроля над обществом. Действительно, упор Горбачева на растущие противоречия в советском обществе перекликался с тем, как Андропов оправдывал свою дисциплинарную политику и антикоррупционную кампанию¹². Точно так же критика Горбачевым советских методов управления могла подразумевать различные политические рецепты. Хрущев преследовал аналогичные цели, не отказываясь при этом от политической централизации, ведущей роли партии или ленинского антилиберализма.

Пуритане и технократы могли рассматривать речь Горбачева как всего лишь заявление о том, что ситуация стала слишком серьезной, чтобы ее игнорировать — не такое уж скандальное заявление на фоне действий революционного рабочего движения «Солидарность» в братской Польше, которому в 1981 году почти удалось свергнуть коммунистический режим в этой стране. Но

¹² Об андроповской модели в этом аспекте см. [Кух 1984].

по сравнению с прежней осторожностью Горбачева в публичных выступлениях, а также с учетом того, что он представил столько концепций, связанных с антисталинской кампанией Хрущева 1956 года, реформами Косыгина 1965 года и Пражской весной 1968 года, можно сказать, что эта речь в том числе была задумана как обращение к реформаторам внутри партии и критической интеллигенции с целью их активизации. В представленном в речи видении, обращенном к этой разнородной аудитории, пуританам обещался возврат к революционной истине, технократам — модернизация и повышение эффективности, а критически настроенной интеллигенции — больше возможностей для самовыражения. Всем им обещались более эффективная и производительная экономическая система, более сильный Советский Союз и более договороспособное государственное устройство.

Идеи, выраженные Горбачевым, служили зонтичной схемой для широкого круга групп, интересы которых часто не пересекались. Это важнейшая функция, которую выполняют лидеры, продвигающие новые идеи. Горбачев не просто играл роль «политического антрепренера», который определяет общее «контрактное пространство» для различных заинтересованных групп и определяет программу, обеспечивающую их поддержку¹³. Скорее Горбачев создавал новый набор политических символов, достаточно двусмысленных, чтобы пуритане, технократы и радикальные политические реформисты могли по своему вкусу их интерпретировать. Такая двусмысленность позволила Горбачеву воспользоваться своими полномочиями для внесения изменений, которые так или иначе не получили бы одобрения этих групп¹⁴.

¹³ Такая точка зрения на лидерство изложена в [Young 1991, esp. 288]. См. также [Burns 1978] о «транзакционном лидерстве».

¹⁴ Примечательно, что в двух разборах политики Горбачева, где он рассматривается скорее как властолюбец, нежели принципиальный человек, эта речь полностью проигнорирована: [Mikheyev 1992; D'Agostino 1998]. Напротив, три автора, рассматривающих Горбачева как уже к 1984 году сложившегося, убежденного радикального реформатора, придают значение этой речи как свидетельству об уже имеющихся или предвестнику будущих убеждений Горбачева [Brown 1996: 78ff.; Hough 1997: 74; English 2000: 199]. Я рассматри-

Внешняя политика

Сделанные в то время Горбачевым публичные заявления об отношениях между Востоком и Западом позволяли предположить, что он, вступив в борьбу за то, чтобы стать преемником Черненко, занял широкую идеологическую нишу, одновременно представляя себя человеком, который мог бы уверенно вести страну в новых направлениях. Он сочетал энергичную защиту статуса СССР в мировых делах со склонностью к гибкости и уступкам. Он полагал, что политика Черненко ведет страну в тупик и что необходимы новые идеи и предложения, чтобы этого избежать. В своем докладе на конференции по идеологии 10 декабря 1984 года он мало что сказал о международных делах, но в сказанном им ритуальная риторика сочеталась с критикой того, что СССР позволил своим оппонентам перехватить инициативу на мировой арене. Возвращение инициативной позиции приведет не к эскалации холодной войны, а скорее к «конструктивному диалогу, практическим мерам, ведущим к снижению международной напряженности» [Горбачев 1987–1990, 2: 103].

Всего через восемь дней, в своей речи перед членами парламента Великобритании 18 декабря 1984 года, которая была полностью напечатана в «Правде», Горбачев точнее обозначил пространство для маневра [Горбачев 1987–1990, 2: 109–116]. Тут он предвосхитил многие из концепций, которые позже станут основой его гибкой внешней политики. Он призвал к «оздоровлению» международных отношений. Он упомянул о необходимости «нового мышления в ядерный век» и компромисса, основанного на «балансе интересов» между Востоком и Западом. Он определил интересы обеих сторон как «законные» и призвал

ваю эту речь как показатель стратегии Горбачева по укреплению авторитета, какими бы ни были в то время его внутренние убеждения. Подход, основанный на укреплении авторитета, рассматривает публичные заявления как упражнения в управлении политическим имиджем и в политической коммуникации, хотя он также предполагает, что лидеры становятся заложниками той политической идентичности, которую они публично для себя определяют.

к «разумным компромиссам» и доверию, основанному на «сходящихся интересах». Он назвал Европу «нашим общим домом». Кроме того, он отказался от традиционного нежелания проявлять слабость, несколько раз повторив, что СССР нужен мир для достижения своих внутренних целей. Горбачев все же критиковал Соединенные Штаты и пытался провести различие между Соединенными Штатами и Европой, но на этом не акцентировал внимание.

Также в ходе своего визита в Великобританию в декабре 1984 года Горбачев продемонстрировал сочетание примирительной риторики, непринужденного стиля и гибкости мышления с твердостью взглядов и резкой, уверенной, четко сформулированной защитой достоинства и интересов Советского Союза от прямых нападок со стороны членов парламента. Маргарет Тэтчер, по крайней мере, была прозорливее своих парламентариев и оценила потенциал будущего советского лидера, заявив: «Мне нравится Горбачев. С ним можно иметь дело»¹⁵. Напротив, Громыко, который менее чем через три месяца выдвинет кандидатуру Горбачева на пост генсека, вероятно, выступление последнего в Англии представлялось предвестником более эффективной реализации «наступательной разрядки»¹⁶.

Итак, еще прежде, чем стать генеральным секретарем, Горбачев давал понять, что в его намерения входило вывести Советский Союз из того, что он определял как тупик. Он предложил себя в качестве энергичного лидера, способного разрядить напряженность между Востоком и Западом и преодолеть кризис внутри страны. Хотя он ясно дал понять, что поддерживает реформа-

¹⁵ The New York Times. 1984. December 23.

¹⁶ Горбачев повторил некоторые из этих тезисов в более сдержанном выступлении перед отечественной аудиторией 20 февраля 1985 года [Горбачев 1987–1990, 2: 117–128, особенно 125–126], на встрече с избирателями Киевского избирательного округа города Москвы по выборам в Верховный Совет РСФСР; он поддержал взгляд на международные отношения, заметно контрастировавший с позицией его соперника-брежневиста Романова, тоже претендовавшего на пост генсека, выраженной в предвыборной речи последнего (Ленинградская правда. 1985. 15 февр.).

торские предложения по изменениям во внутренней политике и является сторонником большей степени гибкости и примирения в отношениях между Востоком и Западом, было совершенно неясно, как далеко он готов зайти в каждом из этих направлений. В частности, из его публичных заявлений не было очевидно, какими из традиционных ценностей он готов был бы поступиться для достижения этих целей. Хотя его общая позиция как лидера нового типа была понятна, его позиция по конкретным вопросам оставалась достаточно двусмысленной, чтобы он мог получить явную или негласную поддержку со стороны широкого круга политических деятелей в Политбюро и Центральном комитете. Это был разумный подход для захвата инициативы в конкурентной политической борьбе. Он мог оттолкнуть только противников перемен, но они, теряя уверенность в себе и терпя потери в своих рядах (с уходом из состава Политбюро более старых по возрасту членов), становились все более неэффективными в роли блокирующей коалиции.

Горбачев у власти

Став в марте 1985 года генеральным секретарем, Горбачев внезапно занял более осторожную, традиционалистскую и уклончивую позицию. Единственным исключением была кадровая политика, где он действовал быстро, укрепляя свою власть, возможно, быстрее, чем какой-либо партийный лидер в прежней советской истории. Неуклонно и без заминок он расширял свой организационный аппарат и укреплял фундамент своей власти, увольняя членов Политбюро, а также противников перемен из числа чиновников центрального и регионального госпартаппарата и заменяя их людьми, которых он знал, уважал и которым доверял. Однако в том, что касается реальных политических изменений, он действовал медленно и осторожно; его риторика, хотя и оставалась новаторской, стала менее масштабной, чем выступление в декабре 1984 года на конференции по идеологической работе. В то время это дало некоторым наблюдателям

повод предположить, что Горбачев мало чем отличается по своим взглядам от деятелей брежневского поколения. Но при этом упускалось из виду то влияние, которое оказывали на его поведение политика, необходимость консолидации власти и императивы укрепления авторитета. Горбачев выстраивал организационные основы своей власти, временно уступив общую проблематику более консервативным силам в Политбюро и Центральном комитете.

Внутренняя политика Горбачева с марта 1985 года по осень 1986 года более примечательна своим традиционализмом, нежели реформаторством; она больше напоминала не хрущевскую, а андроповскую. Потому она, должно быть, больше пришлось по душе таким пуританам, как Лигачев, которого Горбачев одновременно продвигал в Политбюро и вовлекал во внутренний круг руководства. Экономическая политика ускорения, например, предполагала перераспределение бюджета в пользу машиностроительной отрасли, усиление давления на хозяйственников с целью экономии материалов и кампании за повышение дисциплины рабочих и служащих. Административные реорганизации, происходившие в то время, не бросали вызова принципам командной экономики, не говоря уже о введении элементов рынка. Вместо этого усилилось давление на директоров предприятий. Были начаты или расширены антикоррупционные кампании, что увеличивало возможность Горбачева по построению своего оргаппарата. Аналогичным образом кампания по борьбе с пьянством, начатая в мае 1985 года, напоминала традиционные советские мероприятия. Теперь мы знаем, что она проводилась под контролем Лигачева, хотя нет единого мнения по поводу того, был ли он инициатором этой политики¹⁷.

¹⁷ По словам Лигачева, он поддержал эту кампанию как член Политбюро и «активно участвовал в этом деле» [Ligachev 1993: 336], но не был ее зачинателем [Ligachev 1993: 335–339]. Ельцин представляет Лигачева фанатичным приверженцем кампании [Ельцин 1990: 118]. Член Политбюро Рыжков изображает непосредственными инициаторами кампании Лигачева и Соломенцева [Рыжков 1992: 93–95]; о том же пишет и Горбачев в своих воспоминаниях [Горбачев 1995: 341].

Остается неясным, считал ли Горбачев в то время, что этой политики будет достаточно для оживления экономики, и в какой степени его уступка пуританам была вызвана политическим расчетом¹⁸. Ясно, однако, что он использовал это время, чтобы подготовить почву для проведения более радикальной политики. Хотя в 1985 году и до начала 1986 года его выступления в целом были менее радикальными, чем речи, произнесенные в период с декабря 1984 года по февраль 1985 года, в них все же содержались фразы и формулировки, связанные с политической и экономической реформой. С одной стороны, мы находим там такие темы, как «ускорение», дисциплина, необходимость для рабочих и кадров научиться мыслить по-новому, а также потребность в большей «социалистической демократии» (любимая тема Черненко). Эти темы носили традиционалистский характер, или, по крайней мере, их можно было истолковать в традиционном ключе, и они имели тенденцию преобладать количественно в выступлениях Горбачева с марта 1985 года по середину 1986 года. Тем не менее он продолжал говорить и о необходимости экономической реформы, а данная тема была особенно важна для технократов¹⁹. Он не отказывался от сказанного в декабре 1984 года. В своих выступле-

¹⁸ Как утверждает Горбачев, в 1985 году он считал, что такой политики, наряду с заменой кадров, действительно будет достаточно [Горбачев 1995: 336]. Мне трудно принять это за чистую монету, учитывая степень радикальности его выступления на конференции по идеологии в декабре 1984 года и ту стремительность, с которой он в 1986 году отказался от «ускорения» и заменил его радикальными переменами, предполагавшими, что причины кризисных явлений кроются в самой системе. Кроме того, при более внимательном изучении этого отрывка в его воспоминаниях обнаруживается следующее: он пишет, что в 1985 году его команда («мы», а не «я») изначально действительно надеялась преодолеть застой с помощью «ускорения». Однако он также говорит, что, проводя в 1982–1984 годах значительную аналитическую работу, и он и его команда уже тогда осознавали тот факт, что в конечном итоге потребуются более существенная экономическая реформа. Таким образом, ускорение стало необходимым толчком, за которым следовало нечто еще более радикальное.

¹⁹ Напр., Рыжков пишет о своем стремлении как председателя Совмина провести реформы, которые уменьшили бы вмешательство партии в экономику [Рыжков 1995: 44–45, 69, 83, 120, 255]. У него даже нашлось доброе слово для Бухарина, в отличие от Ленина [Рыжков 1995: 255].

ниях он продолжал отмечать необходимость гласности, перестройки и демократизации — особенно важные темы для радикальных реформаторов²⁰. Так, на XXVII съезде партии (февраль 1986 года) Горбачев впервые заговорил о необходимости «радикальной реформы» [Горбачев 1987–1990, 2: 212]. В июле 1986 года он приравнял перестройку к «настоящей революции» [Горбачев 1987–1990, 4: 37]. Как и прежде, однако, оставались неясными конкретные политические меры, которые должны были вытекать из этих принципов, а то, что они обрамлялись более традиционалистской риторикой, позволяло пуританам и технократам чувствовать меньшую угрозу со стороны радикальных фраз, чем это могло бы быть в противном случае.

Например, на XXVII съезде КПСС Горбачев заявил: «Всякая перестройка хозяйственного механизма <...> начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики, ясного понимания новых задач» [Горбачев 1987–1990, 3: 217]. Пуритане могли понять это в том смысле, что чистка коррумпированных кадров и усиление просветительской работы партии среди рабочих являются предпосылками для изменений в институциональной структуре. Таким образом, «революция» Горбачева могла быть истолкована как революция культурная, а не политическая, как революция, направленная против привилегий партийного аппарата. Кроме того, в своих выступлениях в марте-апреле 1985 года Горбачев часто ссылался на патерналистскую роль партии как воспитателя советских людей. В своей речи после избрания генеральным секретарем, например, он утверждал, что углубление социалистической демократии неразрывно связано с повышением общественного сознания:

Мы и дальше обязаны расширять гласность в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций. Владимир Ильич Ленин говорил, что государст-

²⁰ См., напр., [Горбачев 1987–1990, 2: 130–131, 142–143, 150, 158, 433; 3: 235–243; 4: 37–38, 48, 50].

во сильно сознательностью масс. Наша практика полностью подтвердила этот вывод. Чем лучше информированы люди, тем сознательнее они действуют, тем активнее поддерживают партию, ее планы и программные цели [Горбачев 1987–1990, 2: 130–131].

Это явно было заявление представителя элиты, которое слушатели в Центральном комитете легко могли истолковать как гарантию того, что изменения, хотя и необходимы, не оспаривают ведущую роль партии.

Несмотря на такие уверения, постоянное присутствие реформаторских фраз в речах генерального секретаря могло иметь далекоидущие последствия для идеократического режима²¹. Эти фразы подразумевали негласный отказ от самоуспокоительных доктринальных формулировок, которыми ранее оправдывались неизменность и стабильность (или то, что Горбачев назвал «застоем»). Тем самым они открыли интеллектуальное и политическое пространство для реформаторов в журналистском сообществе, академических кругах и среди культурной интеллигенции, которые могли теперь публично участвовать в дебатах об альтернативах брежневизму. Они позволили потенциальным политическим активистам ссылаться на заявления генерального секретаря как на политическое прикрытие для рискованных усилий по расширению границ дозволенного в публичных обсуждениях и сообществах. На этом раннем этапе своего правления Горбачев осторожно приоткрыл публичное пространство (и обеспечил ему прикрытие), сочетая традиционалистскую и реформаторскую риторику, но проводя в основном традиционалистскую политику. Он бросал вызов формальным доктринам брежневизма, но еще не оспаривал примат частных арен власти и не вызывал у пуритан и технократов в руководстве тревоги по поводу потенциально опасных последствий того, что должно было произойти.

²¹ Идеократический режим — режим, где статус и привилегии правящей элиты оправдываются священным идеологическим наследием, которое эта элита в настоящее время воплощает и поддерживает.

Приведем другой пример. На этой ранней стадии Горбачев еще не рассматривал гласность как самоцель. Скорее он определял ее как инструмент, необходимый для разоблачения бюрократов, скрывающих свои должностные злоупотребления или некомпетентность. Гласность была необходимым прожектором, и теперь ее нужно было усиливать. Он также называл ее механизмом, с помощью которого партия повысит доверие масс и тем самым побудит их внести свой вклад в реализацию партийных целей. Но он еще не переступил черту между элитарностью и популизмом; центральным властям все еще нужно было контролировать масштабы и направленность «открытости». Это проявлялось в том, как Горбачев сочетал гласность с традиционными, элитарными концептами²². Так, в июне 1986 года на частной встрече с членами Союза писателей Горбачев призывал их не делать вопрос о Сталине центральным элементом в своем определении гласности. Зачем тратить всю свою энергию на споры о прошлом, спрашивал он, когда нужно сконцентрировать наше внимание и энергию на настоящем и будущем? [Gorbachev 1986]. Здесь Горбачев также делал упор на осторожность и на то, чтобы представить себя лидером, способным уравновесить и урегулировать противоречивые интеллектуальные программы, политические ориентации, интересы различных классов и поколений.

Для режима, который пытается легитимировать себя, ссылаясь на священное идеологическое наследие, важны слова. Население может не верить в догматы данной идеологии, но постоянная защита этих догматов режимом призвана сигнализировать о коллективной неуязвимости чиновничества. Когда лидер хочет

²² На XXVII съезде партии он определил гласность как средство содействия «политическому творчеству масс» [Горбачев 1987–1990, 3: 241]; в апреле 1986 года связывал гласность с «критикой и самокритикой» в качестве предпосылок для движения вперед [Горбачев 1987–1990, 3: 352]. Гласность в выступлениях Горбачева становится самоцелью только начиная с января 1987 года [Горбачев 1987–1990, 4: 358]. [Вполне вероятно, что ядерная катастрофа в Чернобыле в апреле 1986 года послужила толчком для последующей радикализации Горбачевым гласности и политической реформы. — *Комментарий автора, 2021 год.*]

существенно изменить положение вещей, он может мобилизовать в поддержку своих усилий новые источники, изменив догмат и тем самым обозначив, что представители установленного порядка — а возможно, и сам этот порядок — больше не являются неуязвимыми. Именно об этом сигнализировала антисталинская кампания Хрущева. Это также объясняет, почему для консервативного режима Брежнева было так важно положить конец антисталинской кампании и ввести в оборот новые доктринальные формулировки, чтобы заново защитить установленный порядок. Горбачев последовал примеру Хрущева, а не Брежнева, хотя на тот момент в менее конфронтационной манере. Но в 1980-х годах, как и в 1950-х, за дело взялись журналисты, ученые и критически настроенная интеллигенция.

Похожая картина наблюдается и в международных отношениях. В начальный период своего правления Горбачев подготовил идейную почву для последующих внешнеполитических инициатив. Мы видели, что с декабря 1984 по февраль 1985 года он уже обозначал свою связь с «новым мышлением» и другими концепциями, ставшими предвестниками более гибкой позиции в международных делах. Это не изменилось в течение первого года его пребывания в должности, хотя его политика оставалась осторожной, а риторику можно было истолковать двояко. Например, на XXVII съезде партии в феврале 1986 года он назвал войну в Афганистане «кровоточащей раной», тем самым став первым советским генеральным секретарем, давшим публичную критическую оценку этой войны [Горбачев 1987–1990, 3: 251]²³. Тем не менее в его комментариях по поводу отношений между Востоком и Западом на том же XXVII съезде решительный акцент на достижении согласия сочетается со столь же решительным осуждением «американского империализма»²⁴.

²³ Горбачев был четвертым генеральным секретарем за период Афганской войны. Андропов призывал к внутреннему, частному анализу военной политики, но публично не критиковал военные действия.

²⁴ См.: Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза, напечатанный в газете «Правда» от 26 февраля 1986 года, раздел I («Современный мир: основные

Точно так же осторожно и двусмысленно Горбачев действовал в отношениях с коммунистическими правительствами Восточной Европы. Через месяц после своего избрания генеральным секретарем он подтвердил основные принципы «доктрины Брежнева» (санкционирование применения Советским Союзом силы для предотвращения свержения социализма), говоря в своем выступлении о продлении действия Варшавского договора²⁵. Однако в том же месяце он, как сообщается, в частном порядке говорил некоторым восточноевропейским руководителям, что СССР их не спасет, если народ их отвергнет²⁶. В 1985–1986 годах Горбачев очень редко обращался к проблеме Восточной Европы, концентрируясь на других вопросах. Но в своей речи на XXVII съезде партии он не поддержал доктрину Брежнева или связанные с ней концепции, а вместо этого сформулировал видение более согласованных отношений СССР с Восточной Европой²⁷. Аналогичным образом, в выступлении перед сотрудниками Министерства иностранных дел в мае 1986 года Горбачев настаивал на необхо-

тенденции и противоречия») и раздел IV («Основные цели и направления внешнеполитической стратегии партии»). См. также обсуждение этого доклада у Инглиша [English 2000: 209–210] и Брауна [Brown 1996: 221–222]. Доклад был отмечен напряженным и непоследовательным сочетанием предложений компромисса и эссенциалистского образа «американского империализма», что традиционно подразумевало неспособность ослабить напряженность в отношениях с этой страной. Так, «к переводу соревнования двух систем на язык военного противоборства империализм толкают и внутренние пружины, сама его социально-экономическая сущность. Империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику. <...> Последнее особенно характерно для империализма США» [Горбачев 1987–1990, 3: 185].

²⁵ Выступление в Варшаве на приеме в честь участников встречи высших партийных и государственных деятелей стран — участниц Варшавского договора. 26 апреля 1985 г. // Правда. 1985. 28 апр.

²⁶ Об этом, ссылаясь на Черняева, Медведева и Горбачева, пишет Браун [Brown 1996: 249].

²⁷ Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза // Правда. 1986. 26 февр. См. также [Dawisha 1990: 207].

димости более уважительного отношения Советского Союза к Восточной Европе [Brown 1996: 242].

Концепции, которые Горбачев поддерживал тогда в своих выступлениях как на съезде, так и в МИДе, были гораздо менее радикальными, чем те, которые он сформулирует позже. Они напоминали новации, введенные Хрущевым на аналогичном этапе своего правления, когда он тоже пытался преодолеть наследие прошлого в виде основанного на силе господства и отчуждения в советско-восточноевропейских отношениях, надеясь поставить эти отношения на основу кооперации и консенсуса, но без поощрения антикоммунистических тенденций. Действительно, Хрущев и Горбачев на первых этапах своего правления, возможно, разделяли оптимистическую веру в то, что в отношениях СССР с Восточной Европой может быть достигнуто промежуточное стабильное равновесие, такое, которое не повлекло бы за собой ни основанного на силе советского господства, ни вынужденного отказа СССР от доминирования²⁸.

Примечательно также, что Горбачев на данном этапе мало что сделал для снижения темпов роста советского военного бюджета. Он даже увеличил советскую военную помощь некоторым странам третьего мира и на короткое время усилил советское военное наступление в Афганистане, хотя бы для того, чтобы улучшить позицию СССР на переговорах о выводе войск [Garthoff 1994: 727]. Он не отступил от стратегии своих предшественников, предлагая постепенные уступки Советского Союза в переговорах по контролю над вооружением и требуя эквивалентных взаимных уступок от Соединенных Штатов. Все же он встретился с президентом Рейганом в Женеве (октябрь 1985 года) и Рейкьявике (октябрь 1986 года), тем самым нарушив объявленную советским правительством решимость избегать таких встреч до тех пор, пока Соединенные Штаты не откажутся от своей СОИ (Страте-

²⁸ Левек в своем обширном исследовании называет эти первые годы периодом «советского бездействия» (*immobilisme*) в восточноевропейской политике, контрастировавшим с эволюцией внешнеполитических концепций на других участках [Levesque 1997, ch. 3].

гической оборонной инициативы). Хотя на этих двух саммитах не было принято никаких конкретных решений, Горбачев и Рейган произвели друг на друга хорошее впечатление, и Горбачев после этого почувствовал себя более свободным для того, чтобы поддержать идею полной ликвидации ядерного оружия, а также принцип инспекции на местах. Таким образом, как во внешней, так и во внутренней политике Горбачев придерживался традиционных подходов и готовил почву — в идейном и политическом плане, но в меньшей степени в плане действий — для более радикальных инициатив в будущем.

Глава 4

Господство Горбачева

Радикализация программы и политической стратегии Горбачева началась в конце 1986 года, когда была дана отмашка на то, что расширенное определение гласности теперь является «линией партии». Это был сигнал редакторам журналов, что цензура будет ослаблена и что они станут гораздо свободнее в своей критике. Кроме того, в этот период Горбачев начал превозносить достоинства общественных объединений («неформалов»). Чтобы наглядно продемонстрировать, как внутри страны, так и за рубежом, это расширение права общественных сил на автономную мобилизацию, в декабре 1986 года Горбачев лично позаботился об освобождении из-под домашнего ареста А. Д. Сахарова, ставшего героическим символом инакомыслия. В следующем месяце он представил на пленарном заседании ЦК широкомасштабную программу «демократизации», включавшую предложения о проведении тайных выборов на альтернативной основе в партийные, советские и управленческие органы. В том же месяце он объявил, что Советский Союз откроется для мировой экономики, и разрешил создание на советской земле совместных предприятий с иностранными компаниями.

Вскоре последовали новые законы о кооперативах и «индивидуальной трудовой деятельности», которые предоставляли новые возможности для легального предпринимательства, а в июне 1987 года — Закон о государственных предприятиях, давший толчок к демонтажу командной экономики. Почти все эти инициативы во внутренней политике были лишь первыми робкими

шагами — шагами, которые лишали легитимности прежние ценности и в принципе оправдывали совершенно новые подходы к организации хозяйствования и к мировой экономике. Почти все они в течение 1987–1988 годов подверглись дальнейшей радикализации. Наиболее существенно то, что в ходе внеочередной партийной конференции в июне 1988 года, которая транслировалась по общенациональному телевидению, были намечены планы внутренней демократизации КПСС, передачи основных полномочий по принятию решений от партийных органов советам на всех уровнях и создания всенародно избранного законодательного органа — Съезда народных депутатов, на который в марте 1989 года будут проведены состязательные гласные выборы. Действительно, по словам исследователя, июнь 1988 года — это момент, когда Горбачев превратился из реформатора в преобразователя советской системы [Brown 1996, ch. 6].

Эти новые инициативы, представленные в течение короткого времени — за несколько месяцев, — значительно расширили предыдущие программы Горбачева. Теперь он утверждал свою политическую идентичность: реформаторское (а не пуританское или технократическое) видение будущего.

Горбачев радикализировал и внешнюю политику. Основываясь на изменениях в политике, объявленных в 1986 году, он сделал ряд ошеломляющих односторонних уступок, отступив практически ото всех советских переговорных позиций, чтобы сделать возможным подписание Договора о РСМД («евроракетах») в Вашингтоне в декабре 1987 года. В январе 1988 года он объявил, что Советский Союз, невзирая на последствия, выведет свои войска из Афганистана к маю 1989 года. Он добился прорыва в сокращении обычных вооруженных сил в Европе, объявив в ООН в декабре 1988 года о крупном одностороннем сокращении советских войск. Он заверил, что это произойдет, даже если Соединенные Штаты и НАТО не поступят аналогичным образом. В той же речи он пообещал, что Советский Союз больше не будет прибегать к военному вмешательству в дела восточноевропейских стран. Кроме того, в 1988 году Горбачев начал призывать консервативные восточноевропейские элиты пойти на уступки либе-

ральным силам в своих обществах и осуществить свою собственную перестройку, пока не стало слишком поздно¹.

В общем, на этом этапе его правления дальнейшая радикализация гласности, перестройка, демократизация и «новое мышление» стали основой стратегии Горбачева по укреплению авторитета. Они отразились на его всеобъемлющей программе и на изложенном им видении будущего. Он был вовлечен в непрекращающийся процесс открытой десакрализации и частичного разрушения брежневского политико-экономического и социально-политического строя. Десакрализация устоявшегося порядка фактически лишила аппаратчиков и чиновничество иммунитета от публичной системной критики и тем самым вдохновила интеллигенцию и широкие массы поверить в то, что такую резкую критику теперь можно распространять беспрепятственно. Трансляция дебатов партийных деятелей на партийной конференции в июне 1988 года одновременно стала средством демистификации политики, разрушения представлений о том, что «монолитная» партия обладает уникальным пониманием «правильной линии», просвещения населения в отношении альтернативных способов мышления и предоставления людям возможности поверить в то, что политическая инициатива и вовлеченность в политику теперь будут поощряться.

Такая публичная критика также помогала Горбачеву в его действиях против необрежневских и новых консервативных сил в Центральном комитете и Политбюро. Такие пуритане, как Лигачев, и технократы, как председатель Совмина Рыжков, на данном этапе его руководства все больше разочаровывались в Горбачеве. Их разочарование в эволюционирующих горбачевских определениях перестройки только усиливалось, по мере того как генеральный секретарь позволял гражданским свободам распространяться на сферы вероисповедания, свободы передви-

¹ По последнему пункту см. [Dawisha 1990: 219–220; Levesque 1997, ch. 4]. У Левека глава именуется «Вторая половина 1988 года: перелом».

жения, эмиграции, свободы слова и средств массовой информации [Рыжков 1995: 77, 86, 185–188, 200]². По мере расширения границ дозволенного росла и смелость журналистов, ученых, писателей, художников и политических активистов. Их действия и те независимые общественные организации, которые они помогали создавать или расширять, выходили за рамки той степени свободы слова и собраний, которая была официально и публично санкционирована Горбачевым. Нежелание Горбачева устанавливать и применять ограничения все чаще отталкивало от него тех членов ЦК, которые привыкли считать, что альтернативой порядку станет анархия.

Примечательна параллель между поведением Хрущева в 1958–1960 годах и Горбачева в 1987–1989 годах. Оба достигли высших позиций в руководстве. Оба выдвинули комплексные программы для достижения чрезвычайно амбициозной цели, основанной на прогрессивных воззрениях, которые выходили за пределы прежнего опыта³. Хрущев, как и Горбачев, расширял арены политических дискуссий и рамки допустимых обобщений критики системы ради преодоления укоренившихся препятствий на пути к переменам.

Однако содержание их воззрений совершенно отличалось. Хрущев продвигал и обещал ни больше ни меньше, как «полномасштабное строительство коммунизма», основанное на том, чтобы «догнать и перегнать» капитализм по показателям роста и потребления, а также добиться решительного сдвига в глобаль-

² Лигачев посвящает много страниц критике члена Политбюро Яковлева как злой силы внутри Политбюро, продвигавшей реформы Горбачева во все более радикальных и неприемлемых направлениях [Ligachev 1993]. Об охлаждении Лигачева к реформам см. также [Черняев 1993: 97, 201–205]; об объединении Лигачева и Рыжкова против некоторых форм радикализации см. [Черняев 1993: 236]. Рыжков также пишет о жарких обсуждениях на заседаниях Политбюро в 1987 году, «горячих, яростных, бесконечно долгих», «до ругани доходящих» [Рыжков 1995: 199].

³ Доводы в пользу того, что на протяжении всей советской истории лидеры в период своего восхождения руководствовались идеологическим побуждением «преодолеть» ограничения реального мира, см. в [Hanson 1997].

ном соотношении сил в пользу социализма и вскоре прийти к «полной и окончательной победе социализма» в мировом масштабе. Но Хрущев не стремился уменьшить, а тем паче преодолеть пропасть между ленинизмом и процедурной демократией. Он стремился лишь сделать ленинскую систему несколько более открытой и значительно менее бюрократизированной, что, как он утверждал, вдохновило бы население и помогло бы построить общество материального изобилия и политического консенсуса. В его программах 1958–1960 годов не нашлось места для альтернативных, тайных выборов, пропаганды антисистемной критики, плюрализма как идеала или добровольных объединений, независимых от партийного контроля. Хрущев ставил своей целью начало процесса социально-политической и социально-экономической гомогенизации, тогда как Горбачев поддерживал и развивал плюрализм и неоднородность (хотя и не индивидуализм как таковой) в этих сферах. Хрущев видел политику плебисцитарной и популистской и в такой политике был неоспоримым лидером. Горбачев же был последователем политики институциональной и представительной, где он видел себя ведущим политическим посредником и гарантом прогресса, а не лидером, которого считают невосприимчивым к критике или вызовам.

Оба признавали, что реформирование системы потребует организационных и идеологических вызовов тому наследию, в рамках которого они действуют. Но только Горбачев был готов синтезировать ленинизм с вариантом процедурной демократии, подчиняя чиновничество автономным механизмам публичной ответственности⁴. И только Горбачев был готов отказаться от «антиимпериалистической борьбы» за рубежом.

⁴ Хрущев в последние годы своего правления двинулся в еще более радикальном направлении, хотя не приближаясь при этом к уровню радикализма Горбачева: тогда он находился в сложной политической ситуации и искал способы заставить систему работать и одновременно не дать возможности потенциальным соперникам объединить свои силы. См., напр., [Yanov 1984; Zimmerman 1969: 99–101, 152, 196–205, 222ff., 259–269].

Обоснование и начало внутривластной трансформации

На протяжении 1987–1989 годов Горбачев трансформировал идеологию и организацию советской политики — то, что я назвал языком и аренами политики. Он радикализировал и развил реформаторские концепции, которые в 1984–1986 годах лишь осторожно продвигал. Теперь он критиковал «догматическое, бюрократическое и волюнтаристское наследство» [Горбачев 1987–1990, 6: 64]⁵, что фактически было недвусмысленным посланием не желавшим адаптироваться к новому социально-политическому порядку [Горбачев 1987–1990, 6: 394]⁶. Но он не отказывался и от тех элементов своих публичных заявлений, которые нравились как пуританам, так и технократам. Не игнорировал он и других чиновников, которые усвоили марксистско-ленинские категории и суждения, но признавали при этом необходимость значительных изменений в свете того кризиса, в котором оказалась страна. Напротив, Горбачев в своих выступлениях смещал значимость этих акцентов, последовательно пытаясь продемонстрировать, что, будучи реформистом, он сохраняет верность идеологической традиции. В каком-то смысле он проделал замечательную работу, не пересекая пропасть между ленинизмом и процедурной демократией, а стоя двумя ногами на одной и другой стороне этой пропасти.

Горбачев добился этого, в частности, тем, что сформулировал видение реформированного советского социалистического общества — такого, которое оставалось бы верным традиционному марксистскому социализму, романтическому ленинизму периода «Государства и революции» (1917) и ленинизму реформаторскому периода НЭПа (1921–1927), порвав с элитарными и диктаторскими чертами системы, развившимися с тех лет. Так, в речах и текстах 1987–1988 годов Горбачев постоянно превозносил

⁵ Пленум ЦК в феврале 1988 года. «Волюнтаризм» здесь означает возможность партийных чиновников вести себя безнаказанно, что подразумевает необходимость заставить их формально отвечать за свои действия.

⁶ Партконференция в июне 1988 года.

и цитировал Ленина, чтобы оправдать свои самые радикальные предложения. В равной степени превозносились достоинства и потенциал социализма — потенциал, который, как он утверждал, будет раскрыт и реализован его политикой. Иногда это приводило к формулировкам, которые стороннему наблюдателю могли показаться загадочными и запутанными: «Суть перестройки именно в том и состоит, что она соединяет социализм и демократию, теоретически и практически полностью восстанавливает ленинскую концепцию социалистического строительства» [Горбачев 1987: 31]. Но для членов ЦК в этих словах прозвучало знакомое предупреждение о потенциально опасной политике.

Это не могло вызвать энтузиазма по поводу перемен среди тех чиновников, которые переживали из-за последствий общественной критики, децентрализации и конкурентных выборов. В то же время, учитывая знакомую риторику, многие чиновники, уже несколько напуганные напористостью Горбачева и изначально в себе неуверенные, могли прийти к заключению, что запущенные процессы в принципе можно контролировать. Это также позволило им уверовать в то, что сам Горбачев привержен идее удерживать эти процессы в определенных рамках. Горбачев пытался их успокоить: он утверждал, что его курс направлен на «углубление социалистического самоуправления народа. Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы. Мы должны с максимальной эффективностью использовать все ее возможности...» [Горбачев 1987–1990, 4: 317]⁷. Так или иначе, подразумевалось, что демократия — это социалистическая демократия, а плюрализм — социалистический плюрализм. Ничто из того, что он предлагал, не имело целью свести на нет «социалистическую идею» и «социалистический выбор» советского народа.

⁷ Январский пленум ЦК 1987 года. Показательные примеры того, как Горбачев в 1987–1988 годах превозносил социализм и ленинизм, встречаются практически в каждой его речи, напр., [Gorbachev 1987: 18–19, 22, 36, 72, 82]; к годовщине революции в ноябре 1987 года [Горбачев 1987–1990, 5: 411], на пленуме ЦК в феврале 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 61–67]; на партконференции в июне 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 335, 394, 395].

Горбачев также заверял свою аудиторию, что с уважением относится к достижениям советской истории — даже несмотря на то, что стремился «резко порвать» с прошлой практикой, — и намерен сохранить лучшие черты унаследованной им системы. Так, наряду с призывами к критике прошлого и заполнению «белых пятен» в истории и литературе, он защищал действия партии в крайне сложных исторических обстоятельствах (Великая Отечественная война, холодная война) и давал высокую оценку советским достижениям [Горбачев 1987–1990, 4: 373–374]⁸. Он представлял свои реформы как продолжение прежних усилий прогрессивных сил внутри партии, пытавшихся, пусть и безуспешно, реализовать потенциал социализма еще в 1953, 1956 и 1965 годах [Горбачев 1987–1990, 6: 351, 383, 399–400]⁹. Точно так же, обсуждая решения, принимаемые в период перестройки, он всегда называл их коллективными, а не индивидуальными решениями руководства, и заверял свою аудиторию, используя марксистский лексикон, что руководство остается полностью ответственным за эволюционный процесс, который не выйдет из-под контроля:

Хочу подчеркнуть, <...> что перестройка — это не отрицание, а если и отрицание, то диалектическое. Выстраивая нашу линию на ускорение, на перестройку, мы стоим не на каких-то скользких болотных кочках, а на тверди, которая сформировалась усилиями многих поколений советских людей, в результате борьбы на нашем пути первопроходцев [Горбачев 1987–1990, 5: 210]¹⁰.

Для технократов у Горбачева тоже нашлись слова, чтобы сформулировать предлагаемые им изменения. Он апеллировал к научному рационализму, имеющему глубокие корни как в марксизме, так и в советской истории. Напоминая об увлечении Ленина американской эффективностью и индустриализацией, он про-

⁸ Встреча в ЦК в феврале 1987 года.

⁹ Партконференция в июне 1988 года.

¹⁰ Встреча в ЦК в июле 1987 года. См. также речь на пленуме ЦК в январе 1987 года [Горбачев 1987–1990, 4: 327].

возгласил, что цель перестройки заключается в «придании социализму самых современных форм» [Горбачев 1987–1990, 5: 410]¹¹. У современности уже были институциональные формы, но у социализма — политическое и культурное содержание! Перестройка «привяжет» одно к другому, не разрушая сущности — самого духа — системы. Также «перестройка — это решительный поворот к науке, умение поставить любое начинание на солидную научную основу. Это соединение достижений научно-технической революции с плановой экономикой» [Горбачев 1987: 30].

Упор Горбачева на «правовое государство» также мог оказаться привлекательным для потенциальных рационализаторов советской экономики. Эти люди стремились создать более предсказуемую процедурную основу для государственного управления и, подобно своим собратьям-пуританам, считали коррупцию и произвол чиновников врагами административной рационализации. И пуритане, и технократы хотели избежать возврата к авторитарному руководству Политбюро, будь то сталинский деспотизм или хрущевский произвол. Это также было для них важно — в той мере, в какой закон ограничивал произвол их лидеров (то есть «давал надежные гарантии против возврата к культуре личности», как говорили и Хрущев, и Горбачев)¹². Правовое государство для технократов и пуритан не означало замену авторитарного режима всеобъемлющей демократией. Но в той мере, в какой правовая кодификация способствует рационализации управления и недеспотичному руководству, для таких чиновников могло найтись что-то привлекательное в программе демократизации Горбачева¹³.

¹¹ Юбилейный доклад к столетию Октябрьской революции.

¹² Эту фразу Хрущев произнес на съезде партии в 1961 году, чтобы оправдать усиление антисталинской кампании. Горбачев расширил идею, включив в нее необходимость гарантий от регресса для перестройки в целом. Так, на XIX партийной конференции в июне 1988 года он заявил: «Дело обновления нуждается в гарантиях, нуждается в защите. Такие гарантии надо создавать, укреплять...» [Горбачев 1987–1990, 6: 392].

¹³ О правовом государстве см. [Gorbachev 1987: 91–95]; доклад на партконференции в июне 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 354–357, 373–376].

Даже называя перестройку революцией, Горбачев говорил на языке эволюции, определяя изменения как долгосрочный процесс, требующий адаптации к непрерывным изменениям. Ленинцы, говорил он, должны быть творческими личностями, как сам Ленин. С одной стороны, он заверял, что система не рухнет, а «реализует свой потенциал»; с другой стороны, настаивал на том, что повторение «застоя» эпохи позднего Брежнева неприемлемо и фактически станет верным путем к гибели системы. Идея прогрессивных изменений имеет глубокие корни в марксистской и ленинской традициях. На деле эти традиции уходят корнями в учение об исторических изменениях, согласно которому застой рассматривается как регресс, а изменение — как нормальное состояние человеческого общества [Tucker 1969; Hanson 1997]. Безусловно, идеологическая традиция предполагала, что переход от одной системы к другой (например, от капитализма к социализму) требует насильственной революции снизу. Но Горбачев не считал перестройку переходным периодом; напротив, социализм все еще «развивается», и перестройка поможет реализовать его потенциал, что приведет не к появлению новой исторической системы, а к более прогрессивному, нравственному и свободному варианту социализма¹⁴.

Комплексная программа Горбачева основывалась на идее, что культуру следует преобразовать даже быстрее, чем политическую и экономическую организацию, если необходимо, чтобы структурные изменения укоренились и привели к новому типу поведения. По этой причине он сделал упор на то, что назвал «человеческим фактором»; он говорил о нем еще в декабре 1984 года

¹⁴ Об этом он говорил пленуме ЦК в феврале 1987 года [Горбачев 1987–1990, 4: 370, 371]; в юбилейной речи к столетию революции [Горбачев 1987–1990, 5: 410–411]; на пленуме ЦК в феврале 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 63]; на партконференции в июне 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 395]. «Перестройка — процесс революционный, ибо это — скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик» [Gorbachev 1987: 37]. Браун цитирует интервью, которое Горбачев дал в 1992 году и в котором он описывал процесс перестройки как «революционный по сути, но эволюционный по темпам» [Brown 1996: 94].

и подробно изложил свое понимание на XXVII съезде партии в феврале 1986 года [Горбачев 1987–1990, 3: 217]. 8 апреля 1986 года он утверждал, что культурные изменения — как среди элиты, так и среди масс — являются предварительным условием для успешной экономической реформы: «Скажу откровенно, если мы сами не перестроимся, я глубоко убежден в этом, то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь» [Горбачев 1987–1990, 3: 166]¹⁵. Этот аргумент встречал теплый прием на этапе смены политической власти, так как он нравился и пуританам, и технократам — до тех пор, пока Горбачев не уточнил содержание предлагаемых изменений в отношении к работе и ее стилю. Советская традиция и прежде включала этап и понятие «культурной революции». КПСС всегда постулировала себя как организацию, активисты которой будут постоянно обучать и воспитывать менее сознательные массы. Следовательно, когда Горбачев призвал уделять больше внимания сознанию масс и той роли, которую они могут сыграть в формировании более яркого, динамичного и эффективного общества, он использовал стилистику, знакомую чиновникам партийного государства.

На этапе своего восхождения Горбачев сохраняет приверженность культурным изменениям, но придает им более радикальное, преобразовательное содержание. Теперь образованные массы становятся источником мудрости, а не просто глиной, которую лепят партийные чиновники. Теперь официальные лица будут нести формальную ответственность перед сознательной общественностью, с тайным голосованием и множеством кандидатур на альтернативных выборах. Теперь «плюрализм мнений» и системная критика считаются здоровыми явлениями, которые наилучшим образом должны помочь обществу в целом обнаружить «истину». Гласность и демократизация теперь подразумевают равенство статуса между чиновниками и народными массами, а также формальную отчетность чиновников перед масса-ми. Трудно было скрыть угрожающие последствия этих идей

¹⁵ Быстрее перестраиваться, действовать по-новому. Речь на встрече с трудящимися города Тольятти 8 апреля 1986 года.

и практики их реализации от чиновников ленинского режима, независимо от их ориентации. Горбачев попытался уменьшить сопротивление, установив процедуры, позволявшие чиновникам оказывать непропорционально большое влияние на процесс выдвижения кандидатов и обеспечивали определенную степень корпоративного представительства в новом парламенте. Однако Горбачев за завесой преемственности скрывал и куда более радикальные последствия.

Один из способов заключался в том, чтобы периодически заявлять, что критика и массовая инициатива, будучи предпосылками успеха перестройки, не являются абсолютом. Целью должна стать «сознательная дисциплина» [Горбачев 1987: 27]. В критике «смелость» должна сочетаться с «принципиальностью», что в советском лексиконе означало следование «верной линии [партии]» [Горбачев 1987–1990, 4: 326]. В феврале 1987 года он затронул вопрос о том, насколько далеко может зайти критика в эпоху перестройки. Он заявлял, что она не должна быть беспочвенной, а должна быть «партийной, правдивой <...> чем острее, тем более ответственной» [Горбачев 1987–1990, 4: 371]¹⁶. «Правовое» государство создает основу для «ответственной» гражданской позиции, а не для неограниченной вседозволенности [Горбачев 1987: 93–94]. Подобным же образом Горбачев вторил своим предшественникам, говоря о приверженности нормативным определениям общественных интересов: «Мы поддерживаем и будем поддерживать то, что служит социализму, и отвергаем все, что противоречит интересам народа» [Горбачев 1987–1990, 6: 61]¹⁷. Это было далеко от принципов либеральной демократии, поскольку предполагало, что общественные интересы должны определяться просвещенной элитой и защищаться

¹⁶ Пленум ЦК в феврале 1987 года. См. также выступление на пленуме ЦК в январе 1987 года [Горбачев 1987–1990, 4: 359]; юбилейную речь в ноябре 1987 года к столетию Октябрьской революции [Горбачев 1987–1990, 5: 415].

¹⁷ Пленум ЦК в феврале 1988 года. См. также выступления на пленуме ЦК в январе 1987 года [Горбачев 1987–1990, 4: 327] и на партийной конференции в июне 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 393].

этой элитой от граждан, которые не являются принципиальными, дисциплинированными и ответственными.

Горбачев также заверял членов ЦК, что, пока они на стороне побеждающей перестройки, им не стоит бояться масс. Он неоднократно утверждал, что люди лояльны к партии, перестройке и системе. Они получили хорошее образование в советских учреждениях, обладают большим опытом. Им нужно доверять. Их активности опасаться не следует¹⁸. Сомневающимся в лояльности масс Горбачев заверял, что могущественное и в основе своей легитимное партийное государство, возглавляемое решительным генеральным секретарем, по-прежнему желает и способно налагать ограничения: «Неужели мы с такой мощной партией, с таким патриотичным народом, преданным идеям социализма, своей Родине, не сможем справиться, если кое-кто попытается воспользоваться широкой гласностью, демократическим процессом в своекорыстных и антиобщественных целях, в целях очернительства?» [Горбачев 1987–1990, 4: 358]¹⁹. Принимая во внимание, что сплоченность и потенциал КГБ и других механизмов контроля оставались в период правления Горбачева на высоком уровне, многие чиновники партийного государства должны были счесть это утверждение заслуживающим доверия.

Помимо успокоения элиты, Горбачев играл на ее неуверенности, чтобы запугать пассивных зрителей и заставить их сотрудничать. В своей «предвыборной» речи в декабре 1984 года он определил необходимость фундаментальных изменений как императив национальной безопасности, если только СССР хочет «войти в XXI век как великая держава», имея при этом в виду, что страна находится на пороге предреволюционной ситуации [Горбачев 1987–1990, 2: 86]. Придя к власти, он смягчил эти

¹⁸ Выступления на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 года [Горбачев 1987–1990, 2: 235]; в июле 1986 года [Горбачев 1987–1990, 4: 35–36, 50–51]; на пленуме ЦК в январе 1987 года [Горбачев 1987–1990, 4: 359]; на пленуме ЦК в июне 1987 года [Горбачев 1987–1990, 5: 130]; на пленуме ЦК в феврале 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 70]; на партийной конференции в июне 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 394–395]. См. также [Gorbachev 1987: 54–57].

¹⁹ Речь на пленуме ЦК в январе 1987 года.

страшные пророчества, но они возникли снова, когда его программа стала более радикальной. «Мы живем в критическое время», — предупреждал он в сентябре 1986 года [Горбачев 1987–1990, 4: 88]. «Судьбы социализма» зависят от того, чтобы избежать повторения ошибок 1970-х — начала 1980-х годов [Горбачев 1987–1990, 4: 300]²⁰. «Альтернативы нет»; перестройка — «объективная необходимость» [Горбачев 1987–1990, 4: 300].

Результат этих усилий, заверял Горбачев своих слушателей, будет благоприятным и понятным для тех, кто присоединится к побеждающему перестроечному движению. Он не мог подробно объяснить, как будет выглядеть эта новая система, но заверял их, что она будет соответствовать высшим идеалам марксистской традиции. Как он выразился в конце своего выступления на партийной конференции в июне 1988 года:

Да, мы отказываемся от всего того, что деформировало социализм в 30-е годы и что привело его к застою в 70-е годы. Но мы хотим такого социализма, который был бы очищен от наслоений и извращений прошлых периодов и вместе с тем наследует все лучшее, что рождено творческой мыслью основоположников нашего учения... <...> Социализм мы видим как строй высокой культуры и морали. Он наследует и приумножает лучшие достижения духовного развития человечества, его богатый нравственный опыт. Это — общество полнокровной и насыщенной в материальном и духовном отношениях жизни человека труда, отвергающее потребительство, бездуховность и культурный примитивизм [Горбачев 1987–1990, 6: 395–396].

Хотя таких людей, как Лигачев и Рыжков, радикализация Горбачева отталкивала все больше и больше, их возможность совместно противодействовать горбачевским инициативам была

²⁰ Речь на Пленуме ЦК в январе 1987 года. См. также речь на пленуме ЦК в июне 1987 года [Горбачев 1987–1990, 5: 130]; на пленуме ЦК в феврале 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 77]; на партийной конференции в июне 1988 года [Горбачев 1987–1990, 6: 326, 394]. «Речь идет о судьбе страны, о судьбе социализма. И мы обязаны разъяснить остроту ситуации тем, кто еще не осознал ее» [Горбачев 1987–1990, 6: 394].

ограниченна из-за того, что каждого из них смущали разные аспекты его программы. Пуритане были преимущественно озабочены утверждением ведущей роли партии и ортодоксальных ценностей в культуре, политике и управлении. Технократы больше всего беспокоились о рационализации госуправления, то есть об уменьшении вмешательства партийных чиновников в работу министерского аппарата и о большей рационализации плановых показателей. Так, из информативных мемуаров Черняева мы узнаем, что на заседании Политбюро в декабре 1986 года Рыжков и Лигачев спорили о желательности и необходимости повышения розничных цен [Черняев 1993: 122–123]. Мы также узнаем, что в ноябре 1987 года Рыжков ругался с Лигачевым из-за политики экономических реформ:

Е. К. [Егор Кузьмич] олицетворяет собой вал, погоняловку, разносы, накачки, давай-давай. <...> Нашего премьера можно понять, он и взорвался. Налицо совершенно явная и еле сдерживаемая личная неприязнь, которую он [Лигачев] вызывает (давно уже) не только у Рыжкова [Черняев 1993: 202].

Кроме того, при обсуждении публикации в «Советской России» статьи Н. А. Андреевой (весна 1988 года) состоялось «сильное эмоциональное выступление» Рыжкова против Лигачева. Рыжков «предложил даже освободить Лигачева от курирования идеологии» [Черняев 1993: 205–206]²¹.

Из воспоминаний Рыжкова также видно, что он не сходил ни с Лигачевым, ни с Горбачевым по ключевому для технократического мышления вопросу: оценке возможностей. Рыжков осуждает антиалкогольную кампанию как пример политики, ставящей идеологию выше практических соображений: «Трагедия кампании состояла в стремлении форсировать выполнение по существу долгосрочной программы. В этом проявился характер Горбачева и Лигачева — решать вопросы немедленно и быстро,

²¹ См. также [Рыжков 1995: 96–97, 102].

не считаясь с реальными возможностями» [Рыжков 1995: 102]. И все же именно склонность Горбачева к агитационному, кампанийскому подходу во всей своей политике, включая перестройку, позволяла ему в меньшей степени выглядеть воплощением разрыва с прошлым, чем это было на самом деле. В результате в течение 1987–1989 годов Горбачеву удавалось позиционировать себя как посредника между коалициями сторонников и несогласных внутри Политбюро. Уравновешивая свою политическую поддержку реформистов, пуритан и технократов, Горбачев сумел предотвратить создание устойчивой коалиции противников своей внутренней политики.

Обоснование уступок во внешней политике

Похожую схему — оправдание фундаментальных изменений посредством умелого увязывания их с марксистско-ленинской традицией и представление себя просвещенным марксистом — мы находим в стратегии Горбачева по укреплению своего авторитета в сфере внешней политики.

Горбачев использовал провозглашенное им «новое мышление» в международных отношениях как оправдание своих уступок во внешней политике. Новое мышление выросло в новую теорию международных отношений, более близкую к либеральному интернационализму, чем к политике силы, изоляционизму или пролетарскому интернационализму, являвшимся его главными закулисными конкурентами. Теоретические предпосылки «нового мышления» позволяли Горбачеву утверждать, что его политика — не предательство, а спасение, что она означает уступки перед лицом реальности, но не уступки империалистам как таковым. Учитывая когнитивное и эмоциональное состояние элиты, аудитория Горбачева была предрасположена воспринимать эти объяснения как по крайней мере правдоподобные. Таким образом, правдоподобность этих утверждений позволила Горбачеву перехватить инициативу у соперников, утверждавших, что он предаст идеологическое наследие режима.

Силу нового мышления в роли обоснования лучше всего можно оценить, сравнив его со «старым мышлением». Следует иметь в виду, что брежневская теория международных отношений использовалась для оправдания внешней политики, не признававшей уступок, политики, при которой СССР стремился одновременно сотрудничать и конкурировать, причем делать все это в какой-то мере с позиции силы (или, по крайней мере, признанного равенства) по отношению к «империалистам». В этом смысл идеи о том, что «мирное сосуществование» является формой классовой борьбы. Стремление к сотрудничеству при Брежневе было искренним, но не имело целью и не позволяло подменять или ставить под угрозу приверженность советского руководства «антиимпериалистической борьбе», советской гегемонии в Восточной Европе или сохраняющемуся разделу Европы. Горбачев же стремился обосновать политику, которая решительно ставила во главу угла высшие императивы сотрудничества великих держав, подчиняя им или даже оставляя в стороне борьбу с империализмом; политику, направленную на устранение межблоковой конкуренции на Европейском континенте, и более того — на создание сообщества единомышленников, дружественных государств «от Ванкувера до Владивостока».

Основные постулаты «старого мышления» допускали сочетание межблоковой конкуренции с совместными действиями в сфере контроля над ядерным оружием²². Несмотря на то что советская доктрина после смерти Сталина претерпела значительные изменения, она по-прежнему основывалась на видении двухсторонней (с присутствием двух блоков) международной системы, в которой непрекращающаяся борьба между империалистическими и антиимпериалистическими силами формирует будущее глобальной системы отношений и способствует приближению, в какой-то неопределенный момент в будущем, «окончательного кризиса капитализма». Классовые интересы, хотя и помещенные в рамки

²² Среди работ, посвященных содержанию советской внешнеполитической доктрины при Брежневе, см. [Lenczowski 1982; Mitchell 1982; Griffiths 1984; Zimmerman 1969; Anderson 1993; MacFarlane 1985].

существующей государственной системы, по-прежнему оставались движущей силой международной политики. Мирное сосуществование было необходимой уступкой реальностям ядерной эры, но оно подразумевало создание безопасного зонтика, под которым продолжалось бы соревнование двух систем, а не принесение классовой борьбы в жертву на алтарь сотрудничества. Таким образом, мирное сосуществование должно было сделать мир безопасным для распространения и защиты ценностей социализма.

Все это отвечало двум основным нормативным обязательствам, заложенным в ленинско-сталинском наследии еще с 1918 года. Большевицкая партия несла историческую ответственность за сохранение власти КПСС в СССР и за содействие будущей глобальной победе социализма над империализмом. На практике эти дезидераты часто друг другу противоречили. В ядерный век они привели к постоянной тревоге по поводу возможности эскалации, присущей конкурентным или конфронтационным инициативам. Однако, за одним вероятным исключением (Хрущев в 1963–1964 годах) [Zimmerman 1969: 99–101, 152, 196–205, 222ff., 259–269], они никогда не приводили к отказу от того или иного нормативного обязательства. Благодаря философским предпосылкам, заложенным в идеологическое наследие, приверженность антиимпериалистической борьбе была неколебимой, несмотря на периодические неудачи и отрезвляющий опыт. Марксисты-ленинцы рассматривали конфликты и перемены как нормальные условия международной политики, как, впрочем, и истории, и мира в целом. Отсюда следовало ожидание неудач и трудностей, но упасть духом не позволяло то положение, что время играет на стороне социализма и что победа предрешена. Это положение не нуждалось в эмпирическом подтверждении. Действительно, доктрина познания, на которой основывалась эта идеология, предполагала, что в любую данную историческую эпоху только сам процесс борьбы способен раскрыть масштабы достижимых на настоящий момент успехов. Это укрепляло приверженность борьбе, так же как вера в неизбежность победы служила поддержанию морального духа. Как только эта вера оказалась безвозвратно утрачена, упал и моральный дух, то есть

готовность к продолжительной антиимпериалистической борьбе, несмотря на растущие затраты.

Горбачевское новое мышление создавалось в контексте утраченной веры и подорванной уверенности в собственных силах. Горбачев заменил старые установки совершенно иным взглядом на международную политику²³. Вместо борьбы двух лагерей, основанной на классовых интересах, он продвигал идею «взаимозависимости» мирового сообщества, общности интересов государств Северной Америки, Европы и СССР, а также трансцендентных угроз «общечеловеческим интересам», вызванных гонкой ядерных вооружений, милитаризацией международных отношений, распространением оружия массового уничтожения, нищетой в странах третьего мира и опасностями для окружающей среды. Его официальные представители утверждали, что мирное сосуществование больше не должно рассматриваться как форма классовой борьбы. Скорее это самоцель, оно необходимо для предотвращения угроз выживанию человечества, присущих неограниченному соревнованию двух систем. Поэтому крайне важно, чтобы великие державы, и особенно сверхдержавы, положили конец своему военному соперничеству и сотрудничали в разрешении транснациональных экзистенциальных угроз.

Новое мышление предполагало особенно критическое отношение к использованию военной силы как средства борьбы с угрозами для государств. Поскольку насилие имеет наибольший потенциал эскалации в межгосударственных отношениях и так как в условиях глобальной взаимозависимости применение насилия гарантированно отразится на всем международном порядке, приоритетной задачей стала демилитаризация отношений между государствами. Из этого следовало, что отношения великих держав не могут строиться на взаимном запугивании; скорее целью является «взаимная безопасность», в которой ни одна из сторон не пытается основывать свою безопасность на незащищенности другой стороны.

²³ Исследования доктринального содержания нового мышления Горбачева см. в [Lynch 1989; Light 1988; Kubalkova, Cruickshank 1989; English 2000].

Важным тактическим компонентом нового мышления стал призыв «лишить империалистов их образа врага». На этом основании новое мышление провозглашало, что для построения отношений сотрудничества с Западом необходимо изменить политику принятия внешнеполитических решений на самом Западе. Если в западных столицах будут и далее преобладать сторонники жесткой линии, то советские инициативы не встретят взаимности и перспективы сотрудничества между великими державами не будут реализованы. Соответственно, историческая ответственность СССР заключалась в том, чтобы делать предложения, от которых Запад не сможет отказаться, чтобы лишить легитимности утверждения сторонников жесткой линии, будто коммунистическому врагу нельзя доверять. Таким образом, советская политика будет способствовать трансформации мнения как общества, так и элит в западных странах, помогая тем самым создать политическую основу для устойчивого сотрудничества, которое необходимо для нейтрализации угроз цивилизации.

Как указывалось в главе третьей, в выступлениях Горбачева в декабре 1984 года уже содержались концепции, связанные с новым мышлением и новыми мыслителями в международных отношениях. Однако в его докладе на XXVII съезде партии в феврале 1986 года [Горбачев 1987–1990, 3: особенно 245–252] такие высказывания соседствовали — не очень мирно — с традиционной риторикой о «мировом революционном процессе» и «антиимпериалистической борьбе». Новые темы в то время в его речах присутствовали, однако были не слишком заметны. Однако в 1987 году Горбачев в значительной степени отказался от традиционалистской риторики. Темы нового мышления заняли центральное место в его обращении в феврале 1987 года к собравшимся в Москве участникам международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» [Горбачев 1987–1990, 4: 376–392]. Суть нового мышления подробно описана в книге Горбачева, изданной в том же году и предназначавшейся как для советских читателей, так и для международной аудитории [Горбачев 1987].

Спасение или предательство?

Каким образом эти доктринальные подмены могли оправдать уступки во внешней политике? Как они могли завоевать доверие аудитории, охваченной неуверенностью в сохранении своего собственного политического влияния дома и за рубежом? Возможно, наиболее поразительным в содержании и характере нового мышления было то, что оно перекликалось с определенными чертами марксистско-ленинского идеологического наследия, и это позволило многим «романтическим ленинцам» ему сочувствовать, несмотря на неоднозначное отношение к его содержанию. В частности, как убедительно продемонстрировали Кубалкова и Круикшенк [Kubalkova, Cruickshank 1989], новое мышление, как и ленинское наследие советской внешней политики, было в большой степени моралистическим, миссионерским, оно включало в себя уверенность в собственной правоте, представляя Советский Союз маяком для мирового общественного мнения. Оно несло в себе образ светлого будущего, за которое должен выступить прогрессивный СССР, обладающий особым пониманием исторической необходимости и мобилизующий мировую общественность для дискредитации «старых мыслителей» — милитаристов во всех странах. В этом отношении новое мышление могло также понравиться и «советским патриотам», которые в первую очередь были заинтересованы в принятии Западом СССР как равноправной великой державы; им было обещано будущее, в котором их страна будет играть ведущую роль в ожидаемой трансформации международных отношений.

Эта перспектива хорошо вписывалась в традиционный советский оптимизм, равно как и в ленинскую онтологию. Она представляла определенное по-новому светлое будущее как потенциал, в рамках нынешней международной системы скрытый, но который может быть реализован только посредством сознательных действий и решительного повышения уровня понимания. В этом отношении глобальная взаимозависимость и «общий европейский дом» были и скрытыми условиями, и политическими целями. В то же время новое мышление представляло взаи-

мозависимость как автономно растущую тенденцию в международных отношениях, противостоять которой можно только за счет высоких затрат и с потенциально катастрофическими последствиями. Все это как раз перекликалось с ключевой философской предпосылкой марксизма-ленинизма: неизбежность желаемого. Победа социализма в стране и за рубежом исторически неизбежна, но только если просвещенные элиты будут бороться за реализацию потенциала социализма, скрытого в текущем порядке вещей.

Идея «лишить империалистов образа врага» стала также гениальным обновлением традиционного советского взгляда на соперничество между Востоком и Западом. Ленинистская и сталинистская внешняя политика всегда была направлена на влияние или союз с потенциально прогрессивными силами в западных обществах против милитаристских элит в этих же странах. После Сталина эта тенденция сохранилась, но была дополнена более дифференцированным образом западных элит, что побуждало Хрущева и Брежнева время от времени предлагать политику, способную помочь буржуазным «умеренным» или «реалистам» в их политической борьбе с «безумцами» [Zimmerman 1969; Griffiths 1972]. Таким образом, стратегия Горбачева по привлечению внимания мировой общественности к осознанию необходимости транснационального сотрудничества, а также его стратегия подрыва доверия к сторонникам жесткой линии в политических кругах резонировали с важными тактическими элементами ленинского наследия.

В практическом плане принижение Горбачевым уместности и преувеличение опасностей применения военного инструментария в мировых делах послужило оправданием для снижения политического веса некоторых влиятельных групп в советской политике того времени. Более того, его новое определение безопасности как «взаимной» поставило под сомнение односторонность и самодостаточность, присущие советской военной доктрине. Несомненно, элитарная аудитория, которой не хватало уверенности в собственной способности двигаться дальше по прежнему пути, которая была напугана перспективой новой

гонки вооружений и, к своему огорчению, осознавала, что наращивание вооружений при Брежневе в конце концов не изменило соотношение сил в мире в пользу социализма, была восприимчива к альтернативному способу мышления о глобальной политике. Аналогичным образом, консервативные элиты, осознавшие, что неоднократные советские вторжения не уменьшили эндемичную нестабильность восточноевропейских режимов, оказались восприимчивы к альтернативному видению политического порядка на Европейском континенте. Переосмысление ситуации Горбачевым могло бы приободрить эту аудиторию, пусть и разолив неперестроившихся милитаристов.

В меньшей (но все же в значительной) степени это новое переосмысление также находило поддержку в ленинском наследии, поскольку доктрина «соотношения сил» уходила корнями в традицию, никогда не оценивавшую власть с сугубо военной точки зрения. В отличие от некоторых представлений о балансе сил в западной «реалистической» мысли, соотношение сил с позиций ленинизма подразумевало, что источники власти многомерны. Таким образом, Горбачев имел веские основания подчеркивать некоторые из этих новых аспектов, включая моральный авторитет. Кроме того, доктрина соотношения сил всегда была весьма динамичной по своей направленности; как отмечает Северин Бялер, она сосредоточивалась на соотношении *тенденций* [Bialer 1980: 246]. Следовательно, аудитории, обладавшие предчувствием будущего, могли черпать уверенность в новом мышлении, акцент которого на другие источники силы и на сознательную борьбу за реализацию скрытого потенциала международной системы мог сместить соотношение тенденций в пользу Советского Союза в мировых делах или, по крайней мере, остановить антисоветскую волну. Результатом могла стать не социалистическая революция или победа в антиимпериалистической борьбе, что Горбачев либо отвергал, либо считал второстепенным, но новая эра советского участия в решении общемировых вопросов, что позволит предотвратить катастрофы, с которыми сталкивается «глобальная деревня».

Еще одной сильной стороной нового мышления как акта политического торга было то, что его элементы уже обрели законное

место в советской политике в предыдущие десятилетия. Опасность ядерной войны и подразумеваемая «общечеловеческая» заинтересованность в ее предотвращении играли ключевую роль в доктринальных нововведениях, привнесенных Маленковым (а позже Хрущевым) в 1950-х и 1960-х годах [Zimmerman 1969; Griffiths 1972; Evangelista 1999]. Эти доктринальные изменения в большей или меньшей степени пережили Хрущева и облегчили разрядку начала 1970-х годов. Точно так же понятия глобальной взаимозависимости вошли, хотя и робко, в официальную советскую риторику еще при Хрущеве и даже до него, поскольку эти понятия обычно подчеркивались в тактических целях во время традиционных советских «передышек» во внешней политике. Безусловно, Горбачев теперь разработал эти концепции до беспрецедентной степени и делал выводы для советской мировой державы, намного превосходящие выводы предшественников. Лигачев, например, справедливо жаловался в 1988 году, что ленинской сути режима угрожает произошедшая подмена классовых интересов «общечеловеческими ценностями» в качестве главного приоритета советской внешней политики²⁴. Но именно потому, что эти концепции были знакомы, и поскольку их можно было использовать для оправдания как передышки, так и более фундаментальной переоценки ценностей, они давали Горбачеву тактическое преимущество, позволяя, планировал он это или нет, оттягивать тот момент, когда пассивные приспособленцы и неопределившиеся в ЦК поймут, что он делает.

Горбачевская игра в поддавки состояла не просто в формальном изменении доктрин. Она включала также тактические маневры, которыми он дополнял новую доктрину. Посмотрим, например, как он повел себя в Вашингтоне в декабре 1987 года, когда пошел на уступки, позволившие ему и президенту Рейгану завершить работу над Договором о РСМД и подписать его. После подписания Горбачев и Шеварднадзе, широко улыбаясь, встали и подняли руки в жесте победы²⁵. Победы? Горбачев в течение

²⁴ Правда. 1988. 6 авг. С. 2.

²⁵ CBS Evening News. 1987. December 8.

1987 года отказался от всех переговорных позиций, на которых советские лидеры настаивали с 1979 года. Но это была победа по иным критериям. Москва сделала Рейгану предложение, от которого он не мог отказаться, и лишила его «образа врага» в лице СССР. Горбачев ввел казавшегося непримиримым автора системы противоракетной обороны «Звездные войны» и риторики «империи зла» в храм переговоров и сотрудничества. Горбачев и Шеварднадзе доказали, что с Рейганом можно вести дела или, что еще лучше, что Рейгана можно склонить к ведению дел с ними. Главное, что американские ракеты не будут развернуты!

Это был совершенно иной набор «показателей успеха», чем те, которые традиционно использовали советские переговорщики. До этого проблемой была стоимость достижения цели; но поскольку Горбачев изменил определение игры, эту цену следовало снизить, если не целиком проигнорировать. Цель переубеждения Рейгана и прекращения размещения «першингов» и наземных крылатых ракет в Европе была достигнута.

Такая концепция взаимности, а также эквивалентности обмена в отношениях Восток — Запад была новой для советского поведения при переговорах. Ее можно было навязать аудитории, только сыграв на потере элитой уверенности элиты в себе. На теоретическом уровне новое мышление сделало именно это, превратив признанную необходимость в добродетель. Тем не менее даже на уровне ниже теоретического, на практическом уровне повседневной политической риторики, Горбачев сыграл на утрате уверенности в себе своим часто повторяемым утверждением: «Альтернативы нет!»²⁶

²⁶ Еще в апреле [Горбачев 1987–1990, 2: 155] и мае [Горбачев 1987–1990, 2: 212] 1985 года Горбачев утверждал, что «другого пути нет», заявляя о необходимости решительного разрыва с брежневизмом. Этот аргумент, естественно, неявно присутствовал и в его речи в декабре 1984 года, где он предположил, что Россия может лишиться статуса великой державы или столкнуться с революционной ситуацией дома, если не изменит курс. Новым в 1987 году стало применение требования («альтернативы нет») к конкретной программе трансформации, направленной на преодоление ограничений культуры и институтов (идеологии и организации), завещанных Брежневым.

Рассмотрим смысл этого утверждения. По сути, в нем говорится, что соответствие сделки некоторым предвзятым представлениям о равных жертвах каждой сверхдержавы не является показателем успеха, подходящим для оценки советского поведения на переговорах. «Альтернативы нет» — это в некотором смысле динамичная концепция, предлагающая аудитории подумать о последствиях неуступчивости и неспособности прийти к соглашению. Она контрастирует со статическими концепциями количественного паритета и эквивалентного обмена, которые были характерны для американо-советских переговоров на протяжении 1970-х годов. Горбачев говорил своей аудитории, что неуступчивость приведет к возникновению реальности более неприятной, чем та, которую он предлагал обсуждать с Соединенными Штатами. В переговорах по РСМД, например, подразумевалось, что развертывание «першингов» и крылатых ракет в Европе в сочетании с большим и продолжающим расти арсеналом советских ракет SS-20, а также другими контрмерами против развертывания ракет США (а затем с реакцией США на эти контрмеры) вызовет гораздо больше проблем, чем тщательно контролируемое уничтожение всех этих ракет обеими сторонами²⁷.

Если рассматривать тактические преимущества, ни один каталог современности не будет полным без упоминания термина «новое мышление». Коннотации этой фразы согласовывались с климатом мнений, стремившихся «заставить страну снова двигаться» после неудач геронтократии начала 1980-х годов. Но этот термин также способствовал овладению политической инициативой и выведению из строя оппонентов благодаря его прогрессивным и оптимистичным коннотациям. От сомневающих отмахивались как от «старых мыслителей». Новое мышление было знаком того, что человек понял требования исторической необходимости, осознал направление, в котором движется исто-

²⁷ Пусть гипотетически, нетрудно представить себе дискуссии, где Горбачев возражал на жесткие переговорные предложения своих воинствующих коллег: «Ну а что потом?»

рия. Старые мыслители позволили себе стать недалёковидными в отношении своей «исторической ответственности». Кто бы пожелал, чтобы его так называли?

Ничто из сказанного не означает, что одной только разумной аргументации было достаточно, чтобы навязать аудитории внешнюю политику уступок. Конечно, оказали влияние и сама идея, и ее автор. Горбачев укрепил свою власть, перед тем как начать внешнеполитическую революцию. Более того, его сильная личность, способность к сложным дебатам в небольших группах, великолепное чувство политического времени и способность к неожиданным решениям во время восхождения к власти (хотя не после восхождения) усиливали его образ, тем самым мотивируя его аудитории следовать за ним или, по крайней мере, не бросать ему вызов. Содержание, тон и форма нового мышления затем сыграли роль в укреплении его власти и усилении личности, помогая Горбачеву укрепить свой авторитет в качестве лица, принимающего решения во внешней политике, даже когда он (по традиционным стандартам) «разбазаривал запасы».

Таким образом, как во внутренней, так и во внешней политике Горбачев укреплял свой авторитет, сначала консолидировав власть и одновременно культивируя имидж «ответственного» новатора, а затем выдвинув всеобъемлющую радикальную программу, которую он сумел представить как новый синтез ленинизма и процедурной демократии: «социалистическую демократию». Эта стратегия была плодотворной до тех пор, пока его политическая аудитория не смогла оценить масштаб до поры скрытых угроз своим интересам и идентичностям. Вскоре эти угрозы стали очевидными.

Глава 5

Горбачев в политической обороне

Двенадцать месяцев с середины 1989 года по середину 1990 года стали одним из тех поворотных моментов периода нахождения у власти, когда внезапно что-то пошло не так. У Хрущева такой поворотный момент произошел в середине 1960 — середине 1961 года. Для Брежнева все изменилось не так внезапно; его внутривластная программа потерпела крах в 1972 году, внешняя политика — лишь в 1974–1976 годах. Для Горбачева и для Хрущева один год высветил противоречия в их внутренней и внешней политике. Это также означало, что оба внезапно столкнулись с кризисом доверия. Оба наобещали слишком много и приняли на себя роль носителей трансформационных идей¹. В результате они не могли заслуживающим доверие образом переложить ответственность за неудачу на коллективное руководство. На кону был их авторитет. Если говорить о Горбачеве, он оказался во власти внутренних и международных сил, которые сам же и высвободил, когда ввел автономную публичную арену в советскую политическую жизнь и стал проводить примирительную внешнюю политику. В этой главе будут рассмотрены

¹ Трансформирующее видение Хрущева 1959–1960 годов касалось ленинской системы, которая достигла своей утопической цели. Однако, поскольку Хрущев не стремился разрушить ленинскую систему, я называю его руководство реформистским, а горбачевское — трансформационным. Это не следует смешивать с моим использованием здесь слов «трансформирующее видение» для обозначения программ обоих лидеров на этапах их восхождения.

уязвимости внутренней и внешней политики Горбачева и его усилия по сохранению и восстановлению своего политического авторитета, по мере того как эти уязвимости становились все более очевидными.

Уязвимости перестройки

В 1988–1989 годах противоречия в горбачевской программе перестройки стали очевидными. Его стратегия предоставления чиновническому классу места в новом устройстве путем постепенной передачи полномочий от исполнительных органов партии к советским законодательным органам, являясь благом для демократии, в то же время создала ситуацию, в которой партийные и государственные должностные лица получили как стимул, так и возможность вместо этого «украсть государство»: приватизировать и похитить имущество своих учреждений и тем самым способствовать краху государственного управления, который становился все более неминуемым на протяжении 1990 года [Solnick 1998]. Подобным же образом и его стратегия по предоставлению чиновникам возможности стать бизнесменами, наделив их долей в новом устройстве, также дала им возможность использовать сохраняющуюся официальную власть для монополизации деловой активности в зарождающемся частном секторе, в который они начали входить.

Гласность вскрыла противоречия между ленинизмом и либерализмом. Горбачев попытался расширить функции гласности от ограниченной роли «прожектора перестройки», то есть от выборочного разоблачения некомпетентности и правонарушений должностных лиц, до более обширной и системной критики. Но он старался делать это постепенно, чтобы умеренные на обоих концах политического спектра не перешли в ряды экстремистов. Действительно, в течение 1987–1988 годов, все более ослабляя оковы цензуры, он также старался не допускать, чтобы редакторы журналов и газет заходили слишком далеко, пытался найти баланс между старым и новым в своих публичных заявле-

ниях и поддерживать фикцию существования некоей «правильной линии партии», которой должны были подчиняться представители режима².

Все это было легче сказать, чем сделать. В 1988–1989 годах радикальные силы из числа культурной интеллигенции, журналистов и ученых выступали со все более смелой и системной критикой, причем делали это на тех самых публичных аренах, которые Горбачев для них создал³. Если Горбачев был готов критиковать Сталина, то они были готовы критиковать и Ленина. Если Горбачев был готов осудить коррумпированность различных чиновников и партийных аппаратчиков за то, что они действовали как «тормоз» перестройки [Горбачев 1987: 97–98], то радикалы осмеливались утверждать, что проблема заключается в самой однопартийной системе, где сама власть создает и защищает коррумпированных чиновников как класс, и систему эту невозможно реформировать. Если Горбачев выступал за далеко идущий, но лишь частичный пересмотр преступлений, имевших место в советской истории, то радикалы настаивали на полном пересмотре этой истории. Если Горбачев был готов ввести парламентские выборы, то радикалы призывали к публичным выборам президента и к отказу от ограничительных процедур выдвижения кандидатов, применявшихся во время первых парламентских выборов. Горбачев хотел сохранить за собой возможность модулировать свободу выражения — как для защиты своей власти, так и для регулирования процесса трансформации, чтобы сохранить его мирный характер. Радикалы хотели абсолютной свободы слова. В результате темпы радикализации активной, мобилизованной общественности в 1989–1990 годах явно опережали стратегию Горбачева по поддержанию баланса между «умеренными правыми» и «умеренными левыми», хотя он сохранял при

² См., напр., его речь 7 ноября 1987 года на праздновании 70-й годовщины Октябрьской революции 1917 года [Горбачев 1987–1990, 5: 386–436].

³ Исследования эволюции гласности и напряженности в отношениях Горбачева с радикалами см. в [Nove 1989; Medvedev, Chiesa 1989; Cohen, van den Heuvel 1989; Taubman, Taubman 1989; Melville, Lapidus 1990; Matlock 1995].

этом за собой неизменную политическую роль гаранта равновесия между этими двумя полюсами⁴.

В экономической политике Горбачев действовал осторожно, принимая полумеры, которые только усугубляли противоречия. Он сокращал полномочия министерств и центральных плановиков, но двигался медленно в деле строительства рыночных институтов, демонополизации экономики и либерализации цен (или полностью избегал этого). Следствием стало то, что к 1989–1990 годам способность командной системы координировать обменные отношения внутри экономики была подорвана, а рыночная экономика в качестве замены еще не была создана. Возможно, Горбачев полагал, что открытие экономики для мирового рынка, к которому он приступил посредством своего беспрецедентного закона о совместных предприятиях от января 1987 года, компенсирует эти недостатки. Но для этого требовалось время, равно как и дальнейшее ослабление ограничений для совместных предприятий. В краткосрочной перспективе это поставило экономику в худшее положение из возможных, оставив ее страдать от крайнего дисбаланса и отсутствия координации.

Например, стратегия Горбачева по постепенному увеличению возможностей для частной коммерческой деятельности, при этом оставляющая такую деятельность в полулегитимном положении и под жесткими нормативными ограничениями, дала возможность коррумпированным чиновникам и организованной преступности вымогать деньги у мелких предприятий, а в конечном итоге контролировать зарождающийся мелкий частный сектор и не допускать возникновения действительно конкурентного рынка. Более того, отказ Горбачева от макроэкономической стабилизации путем либерализации контроля над ценами заставил его занимать деньги за границей и отчаянно тратить их на противодействие дисбалансу в экономике, что усугубляло скры-

⁴ Глубокий анализ противоречий, возникавших по мере того, как политическое пространство становилось все более открытым для выражения независимых политических взглядов, см. в [Urban et al. 1997, chs. 3–6]. Блестящие предметные исследования этого возрождения политики в обществе можно найти в [Smith 1996; Dawson 1996; Fish 1995].

тую инфляцию, нехватку товаров и серьезный дефицит бюджета. К середине 1990 года в Москве практически опустели полки продовольственных магазинов, тогда как у людей имелась недавно обретенная свобода громко жаловаться и мстить на выборах за сложившуюся ситуацию партийным чиновникам⁵.

Это указывает на еще одно противоречие. Горбачев, в соответствии с марксистской традицией, видел в советском социализме систему, которую возможно спасти. Он обещал реализовать потенциал этой системы, продемонстрировав, что внутри советского общества скрыто «хорошее» общество («социалистическая демократия»). Для этого ему необходимо было мобилизовать «человеческий фактор» — молодых, образованных и идеалистически настроенных людей — путем снятия оков, наложенных на них коррумпированным партийным аппаратом. Как и Хрущев ранее, Горбачев утверждал, что ядром руководства будущего социалистического общества станут партийные активисты, а не партийные бюрократы. Они будут подавать пример и способствовать проявлению в людях лучшего. Горбачев утверждал, что культурная трансформация станет плодом убеждения и вдохновения и что путем к этой цели является сознательная мобилизация населения под руководством самых лучших и самых ярких партийных активистов. В противоположность этому, регулирующие институты и системы стимулов, типичные для высококонкурентных капиталистических обществ, основывались на предположении, что человеческие существа могут быть мотивированы только принуждением и жадностью, что человеческая природа в конечном итоге эгоистична и несправедлива и что дисциплина должна налагаться извне. Программа же Горбачева была основана на предпосылке, что люди в социалистическом обществе, если их должным образом вдохновлять, по сути своей милосердны и склонны к коллективизму.

Столь оптимистичный взгляд может быть по своей сути реалистичным или не очень, но это к делу не относится. В случае

⁵ О противоречивых подходах Горбачева к экономическим реформам см. [Goldman 1991].

с Советским Союзом ясно, что реализация такого видения требовала как времени, так и улучшения материальных условий повседневной жизни людей. Однако Горбачев обнаружил, что у него в распоряжении имеется крайне мало «политического времени». Он не мог продемонстрировать коллективистский потенциал, скрытый в советских гражданах (если он и был), в короткие сроки, а на фоне противоречий в его экономической политике материальные условия ухудшались. Таким образом, многие советские граждане, озабоченные материальными проблемами и получившие свободу слова благодаря гласности, превратились в скептиков и / или критиков, быстро утратив веру в перестройку, и стали яростными противниками советских руководителей в Москве. Горбачев едва ли мог в 1990–1991 годах восстановить свой авторитет, обращаясь к этой мобилизованной оппозиции (типа движения «ДемРоссия») как к примеру новых социалистических граждан, поскольку они уже отвергали его как лидера недостаточно радикального.

В 1989–1990 годах центробежные силы внутри федерации также угрожали достичь точки невозврата. Выход из Союза встал на повестку дня в Прибалтике, межэтнические столкновения начали разгораться на Кавказе и в некоторых районах Центральной Азии, а проблема Нагорного Карабаха уже привела к открытой войне между Арменией и Азербайджаном. Здесь Горбачев пал жертвой того, что в своей программе не оценил глубину националистических настроений в республиках. Гласность создала автономную общественную арену, на которой выдвигались националистические и сепаратистские требования. Распад командной экономики ослабил узы, связывавшие экономики республик в составе Советского Союза. Экономический национализм усилил в союзных республиках рост национализма гражданского и этнического. Демократизация привела к проведению конкурентных выборов в республиканские законодательные органы, что в корне подорвало централизованную систему кадрового контроля, унаследованную Горбачевым. Отныне официальные лица республиканского уровня не могли не знать, что их политическая карьера в такой же, а может быть, и в большей степени зависит

от удовлетворения интересов избирателей «внизу», чем от обслуживания политических боссов «наверху» — в Москве. Сочетание всей этой политики с нежеланием Горбачева использовать силу для подавления республиканских инициатив еще больше разозлило и деморализовало военных и КГБ — те самые институты, которые понадобились бы для предотвращения дезинтеграции, ведущей к роспуску СССР. В целом ослабление централизованного контроля и проводимая Горбачевым политика преобразований выдвинули на первый план ряд противоречий в рамках советского этнического федерализма — противоречий, с которыми советские лидеры ранее справлялись, сочетая жесткий политический контроль с экономическими привилегиями для политических конформистов⁶.

У Горбачева не было реалистичной стратегии сдерживания национализма, поскольку его политика устранила как стимулы, так и угрозы, на которых зиждилась советская центральная власть. Он предполагал, что переговоры между лидерами республик, а также общенациональный референдум приведут к компромиссу, на котором будет покоиться стабильная федерация. Кроме того, он думал, что сможет обуздать как реваншистские силы, так и сторонников отделения. Он оказался не способен ни на то, ни на другое, хотя и предотвратил полномасштабную реваншистскую реакцию, направленную против центробежных тенденций. Однако он не хотел или не мог полностью объединить силы со сторонниками любой из крайностей, чтобы спасти себя как политика.

Таким образом, политика Горбачева подорвала способность старого устройства защитить себя как систему от тех самых общественных сил, которые эта политика высвободила. Результатом было не создание стабильного равновесия, достигнув которого можно было бы остановиться, а системная дезинтеграция, общественная мобилизация оппозиции системе и неумолимое

⁶ Об эволюции трений между республиками и центром в 1988–1990 годах см. [Lapidus 1989; Gleason 1990]. О противоречиях в системе советского этнического федерализма см. [Suny 1993; Bunce 1999].

движение к краху. Горбачев никогда не выступал за роспуск коммунистической партии или распад Советского Союза. Но именно это он в итоге получил, и скорость, с которой это произошло, дискредитировала его образ лидера, не оставив ему времени для восстановления своего политического авторитета.

Уязвимости «нового мышления»

В то же самое время, когда внутренняя политика Горбачева терпела крах, в новом мышлении стало возможно различить уязвимые места, способные сделать его открытым для контратаки. Здесь, во внешней политике, все больше выявлялись противоречия между идеалистическим либеральным интернационализмом нового мышления и *Realpolitik*, все еще определявшей внешнюю политику Соединенных Штатов. Новое мышление как способ концептуализации международной политики и тем самым оправдания уступчивого поведения СССР одновременно становилось уязвимым и теряло доверие в свете событий за рубежом.

Одна из таких уязвимостей крылась в противоречии между потенциальным и актуальным в марксистско-ленинской теории. Хрущев и Брежнев были сторонниками традиционного ленинского взгляда, что XX век в реальности является эпохой «последнего кризиса капитализма» и что глобальное соотношение сил смещается в пользу социализма. Исторической обязанностью СССР было помочь тем силам, которые приведут к окончательному кризису и решающему сдвигу. Но нельзя было знать заранее, позволит ли такая помощь добиться результата. То, что победа «неизбежна», оставалось не более чем символом веры.

Подобным же образом, но с совершенно другими целями и с гораздо большей актуальностью, Горбачев утверждал, что современный мир становится настолько взаимозависимым и опасным, что все разумные люди должны признать необходимость антимилитаристского, основанного на сотрудничестве мирового порядка. Он также говорил о том, что в результате

уступчивой советской внешней политики международное общественное мнение и (соответственно) лидеры правительств основных развитых стран мира признают моральную силу СССР и будут относиться к нему как к ведущей державе в формирующемся мировом порядке. Основывая свою внешнюю политику на этом прогнозе, Горбачев должен был искать доказательства того, что потенциал, который он так громко разрекламировал, действительно реализуется. Ему приходилось беспокоиться о том, как показать, что его уступчивое поведение на самом деле помогает трансформировать противника (лишив его «образа врага») и реализовать потенциал нового мирового порядка, заложенный в факте глобальной взаимозависимости. (Насколько я понимаю, этот императив сохранения авторитета отчасти обусловил его позу победителя на саммите в Вашингтоне в декабре 1987 года.) Таким образом, доверие к стратегии Горбачева по укреплению авторитета во внешней политике оставалось в зависимости от поведения властей Соединенных Штатов и от событий (в Афганистане, Европе, США и других регионах), в значительной степени находившихся вне его контроля.

К несчастью для Горбачева, он не смог продемонстрировать реализацию этого потенциала, не считая готовности Рональда Рейгана и Джорджа Буша пойти на сделки, предполагавшие максимальное принятие Советским Союзом условий США. Горбачев также не мог утверждать, что Соединенные Штаты отвечают взаимностью на его идеалистический, самоотверженный интернационализм. Вторжение США в Панаму в 1989 году, конфронтация (1990) и война (1991) в Персидском заливе хотя и не угрожали национальной безопасности СССР, но послужили источником аргументов в пользу того, что политика США вообще не меняется, что движущей силой США во внешней политике остается *Realpolitik*, что основным инструментом американской внешней политики по-прежнему остается военная сила и что целью США является однополярный мир, а не система коллективной безопасности Востока и Запада. Война в Персидском заливе продемонстрировала это противоречие в действии. С одной стороны, Горбачев допустил и одобрил использование военной

силы против Саддама Хусейна, если иракский лидер не выведет свои войска из Кувейта. С другой стороны, он отчаянно старался избежать войны, пытаясь до последнего момента посредничать в конфликте между Вашингтоном и Багдадом. Результатом политической дилеммы, в которой он оказался, стало то, что советский лидер «самоустранился», когда президент Буш выразил раздражение по поводу советских усилий и начал наземное наступление на Ирак⁷.

Еще одна уязвимость нового мышления проявилась в 1989 году в Восточной Европе. Горбачев предполагал, что после того, как Советский Союз и социалистические государства Восточной Европы трансформируются в социалистические демократии и будут стремиться к разрядке напряженности совместно с Западной Европой и США и при всесторонней поддержке Советского Союза, в конечном итоге сможет возникнуть общеевропейская система безопасности. С этой целью он даже призывал реформистские силы в Восточной Европе уверенно выступать против неуступчивых коммунистических элит в надежде, что это приведет к построению социалистических демократий, а не к революционному ниспровержению всего политического строя. Подобно тому как Горбачев полагал, что в межреспубликанских отношениях внутри СССР можно достичь демократического и международного равновесия, он также считал, что подобного равновесия можно добиться и в Восточной Европе. Оба его предположения оказались иллюзорными. Альтернативой государственному социализму в Восточной Европе была не социалистическая демократия и внешняя политика на основе в равной мере дружественных отношений с Востоком и Западом. Скорее альтернативой ему был либо реваншистский национализм, либо либеральная демократия и попытка объединиться с Западной Европой за счет разрыва отношений с СССР. Поиск Горбачевым стабильного равновесия был сорван каскадом революций, направленных как против правления коммунистических партий, так и против союза с СССР.

⁷ Правда. 1991. 25 февр. С. 1; 1 марта. С. 1-2.

Коллапс коммунистических режимов в Восточной Европе не только дискредитировал обещания Горбачева примирить трансформацию и стабильность, но и заставил сомневаться в возможности примирить трансформацию с национальной безопасностью СССР. Стремление Горбачева провозгласить традиционные взгляды на национальную безопасность устаревшими подверглось здесь самому суровому испытанию. Панама и Ирак подорвали доверие к заявлениям Горбачева о более всеобъемлющем международном порядке. Однако события в Восточной Европе происходили еще ближе к дому: крах Варшавского договора, воссоединение Германии в рамках НАТО, требования Польши, Венгрии и Чехословакии о скорейшем выводе советских войск, а также Договор об обычных вооруженных силах в Европе, в котором Запад добился значительных асимметричных сокращений советских вооруженных сил, что привело к внезапному появлению на Западе риторики о победе в холодной войне. Все эти события произошли одно за другим менее чем за год, с конца 1989-го по конец 1990 года. Они послужили доводом в пользу того, что международный порядок существенно не изменился к лучшему и что изменение соотношения тенденций на международном уровне фактически представляет собой прямую угрозу безопасности СССР и непосредственно его выживанию как государства.

Такой довод выглядел убедительно, поскольку во второй половине 1989 года по всей Восточной Европе коммунистические государства одно за другим перестали существовать. Однако Горбачев не мог заставить себя силой остановить эту волну. По его мнению, предполагаемые затраты на силовое решение намного превысили бы затраты на жизнь с учетом последствий этих антикоммунистических революций. Горбачев укрепил свой авторитет в стране и за рубежом, выступая против сохраняющейся милитаризации отношений между государством и обществом и отношений между государствами. К 1989 году ситуация сложилась таким образом, что, если бы он отправил танки в Восточную Европу, ему пришлось бы отречься от всего, за что он публично выступал. Это стоило бы ему установившихся с западными ли-

дерами хороших отношений, а также перспектив материальной помощи и международной интеграции («Европа — наш общий дом»), этими отношениями подразумевавшейся. Ремилитаризация также помешала бы заявленному продолжению демократизации его собственной страны. Конечно, это также сильно подорвало бы его авторитет как лидера среди той аудитории, к которой он обращался за его укреплением. Более того, к 1989 году это также пошло бы вразрез с той самооценкой и ценностями, которые он усвоил в 1985–1989 годах⁸.

Поэтому Горбачев молча смирился с восточноевропейскими революциями и попытался сделать потери более приемлемыми для своей политической аудитории. Он заключил с США и Германией сделку, предусматривавшую существенную материальную помощь СССР и поэтапный (а не стремительный) вывод советских войск из Восточной Германии. Взамен он примирился с тем, что быстро стало свершившимся фактом: с воссоединением Германии в рамках НАТО. Но материальная помощь в глазах большинства советских политиков была скудной компенсацией за национальное унижение и угрозы национальной безопасности. Неудивительно, что, уходя в отставку в декабре 1990 года, министр иностранных дел Шеварднадзе возмущался именно теми депутатами, которые обвиняли его в предательстве интересов страны в Персидском заливе и Восточной Европе⁹. Таким образом, задолго до распада СССР и конца правления Горбачева и националисты, и сторонники *Realpolitik* или вышли из доминирующей во внешней политике коалиции, или стали громче выражать свое неоднозначное отношение к Горбачеву.

Как Горбачев реагировал на растущий разрыв между обещаниями и результатами? Он стремился одновременно консолидировать заново свою политическую власть и восстановить свой снизившийся авторитет и доверие к себе как лидеру.

⁸ Неспособность Горбачева заставить себя применить силу в Восточной Европе хорошо описана в [Levesque 1997].

⁹ Известия. 1990. 29 дек.

Реконсолидация политической власти

Ни один советский партийный лидер не мог принимать свою власть как должное; они не избирались на фиксированный срок полномочий, а годы во власти начинались с борьбы за эту самую власть. Напротив, в выборной демократии борьба за власть предшествует формальному приходу к власти. По этой причине советские лидеры не представляли публике комплексных программ до тех пор, пока не достигали стадии господства после победы в борьбе за власть. Между тем они стремились не только создать выгодный для себя общий климат в Центральном комитете, но и мобилизовать сторонников внутри ЦК, его аппарата управления и в региональных партийных организациях.

На первом этапе своего правления Горбачев шел этим традиционным путем. В 1985–1987 годах он ввел своих сторонников в Политбюро, поставил их на должности в центральном партаппарате и региональных партийных организациях, одновременно сместив оттуда прежних чиновников. Он также заменил редакторов крупных СМИ и руководителей крупных культурных союзов (Союза писателей, Союза театральных деятелей и др.). Эти издания и учреждения стали инструментами гласности, укреплявшими его способность мобилизовывать социальную базу для проведения в жизнь значительных изменений.

Хотя Горбачев по привычным советским меркам консолидировал свою власть исключительно быстро, радикальная политика, которую он проводил на этапе своего господства, подрывала лояльность его давних коллег в партийном аппарате. Политика демократизации, проводившаяся им в 1988 году, явно (и предсказуемо) угрожала материальным интересам партийных чиновников, которые были чувствительны к публичной критике и совершенно не желали быть смещенными в результате публичных выборов. Таким образом, радикализация политической программы Горбачева привела его как к ослаблению, так и к чистке институтов, с помощью которых он добился успеха в борьбе за престолонаследие. Так, в октябре 1988 года он упразднил почти все отраслевые экономические отделы ЦК, снизил роль Секрета-

риата ЦК в принятии решений на высшем уровне и учредил шесть новых комиссий ЦК (с неясными полномочиями) для выполнения функций, ранее осуществлявшихся Секретариатом. В апреле 1989 года Горбачев продавил уход из ЦК 98 членов и кандидатов в члены ЦК партии; некоторые из них на уровне Политбюро представляли собой наследие прежнего режима; в их числе бывший министр иностранных дел Громыко и бывший премьер-министр Н. А. Тихонов.

Тем не менее, даже когда Горбачев лишал полномочий те самые органы партаппарата, где он пользовался властью распределения выгодных должностей, он наращивал силу альтернативных институтов, внутри которых он не обладал такими иерархическими полномочиями. Его программа предусматривала неуклонную передачу политической власти от партийного аппарата вновь создаваемым законодательным институтам. Съезд народных депутатов стал результатом всенародных выборов в апреле 1989 года. Он избрал своим основным рабочим органом Верховный Совет. Депутатским голосованием Горбачев был избран председателем этого Верховного Совета.

Так Горбачев сделал шаг к подрыву тех институтов, с помощью которых он укреплял свою власть всего двумя годами ранее. Затем он содействовал созданию нового института, в котором парламентарии были подотчетны людям, а не политическому боссу на вершине политической иерархии. Его председательство в этом институте и усилия по укреплению (путем уговоров и убеждений) в нем своего имиджа сильного лидера стали попытками создать альтернативные источники власти, с помощью которых он мог бы добиться того, чтобы подлинная демократизация не привела к его свержению.

Так было и десять месяцев спустя (в феврале 1990 года), когда Горбачев обратился к ЦК с требованием отменить статью 6 советской конституции, которая постулировала «ведущую роль» КПСС в политическом устройстве. Этого шага давно требовали радикальные политические движения под эгидой «Демократической России», мобилизовавшие десятки тысяч своих сторонников на публичные демонстрации. Отмена права КПСС быть единст-

венной легальной политической партией являлась предпосылкой для легализации многопартийной (а не просто альтернативной) конкуренции в избирательном процессе. Горбачев компенсировал это дальнейшее ослабление партии своим собственным избранием на пост президента СССР. Вместо того чтобы участвовать в публичных выборах, он позволил себе стать президентом, избранным путем голосования на Съезде народных депутатов. Вместо того чтобы уйти в отставку с поста лидера партии, в результате чего, как он опасался, вся партийная структура достанется враждебным силам, которые смогут использовать ресурсы партийной организации для дискредитации как его самого, так и его реформ, он решил одновременно исполнять обязанности генерального секретаря КПСС и президента СССР¹⁰. После этого Горбачев продолжил ослаблять центральные органы партии. В июле 1990 года он произвел чистку и реорганизацию Политбюро, после чего стал созывать заседания этого органа все реже и реже. Он создал два новых органа для принятия решений на высшем уровне, Президентский совет и Совет Федерации, причем ни у одного из них не было независимых источников власти, через которые можно было бы противостоять ему самому. Новое Политбюро стало маргинальным политическим органом. Без руководителей государственной, военной или полицейской бюрократии Политбюро перестало быть олигархией элит, способной претендовать на то, чтобы диктовать политику во всех сферах жизни или попытаться подчинить Горбачева дисциплине коллективного руководства. Имея доверенного заместителя, отвечающего за повседневные дела партии, Горбачев смог сосредоточиться на государственных делах, будучи уверен, что Политбюро не удастся стать ни единой, ни слишком настойчивой силой. Наконец, будучи избран на пост генерального секретаря съездом партии, а не ее Центральным комитетом, Горбачев создал прецедент, благодаря которому он более не должен был нести ответственность перед ЦК.

¹⁰ Свидетельства рассуждений Горбачева того времени по воспоминаниям единомышленников см. в [Brown 1996: 195–196].

Не стоит поддаваться впечатлению, будто Горбачев не осознавал, что для отражения нападков политических врагов нельзя обойтись без грубой силы. Он не был настолько наивен, чтобы полагать, что, опасно балансируя между ними посредством уговоров и риторики, он сможет и дальше «уравновешивать» противостоящие силы в политической элите и обществе. Он, по всей видимости, держал в голове и непредсказуемый фактор в лице КГБ, к которому в 1985–1989 годах относился с осторожностью (возможно, вспоминая ту ключевую роль, которую комитет сыграл в свержении Хрущева) [Tompson 1995, ch. 10]. Его чистки и реорганизация партийного, министерского и военного командования не распространялись на КГБ, хотя в 1988 году он сместил В. М. Чебрикова с поста председателя этой организации после того, как тот поддержал антиперестроечный манифест Нины Андреевой. Хотя многие сотрудники КГБ сетовали на «эксцессы» гласности и демократизации, их функции фактически даже расширились в таких сферах, как внешняя разведка, контрразведка и особенно промышленный шпионаж¹¹.

Короче говоря, Горбачев пытался усилить законодательные органы государства, ослабляя исполнительные и законодательные органы коммунистической партии, одновременно укрепляя свои формальные административные полномочия внутри каждой из них и полагаясь на КГБ как средство защиты государства от краха. В случае с новыми законодательными структурами, однако, его способность защититься от их неповиновения осложнялась отсутствием у него полномочий оказывать покровительство этим учреждениям. Горбачев инициировал, а затем ускорил передачу власти от «королей» (компартии) «народу»¹², и таким образом его формальная власть становилась все более зависимой от его способности сохранять легитимность и авторитет как политика и человека, способного решать проблемы. Это было опасно для лидера, который уже переживал кризис власти. Ко-

¹¹ Об отношениях Горбачева с КГБ в 1985–1989 годах см. [Knight 1990; Rahr 1989].

¹² Сравнение заимствовано мной у [Bendix 1978].

мандование КГБ оставалось верным ему только до тех пор, пока он поддерживал это учреждение, чтобы предотвратить распад СССР. После того как Горбачев весной 1991 года снова вступил в союз с радикалами, председатель КГБ Крючков начал подготовку к попытке государственного переворота, состоявшейся в августе 1991 года¹³.

Изменение направления в стиле руководства Горбачева

Советских лидеров, какими бы ни были их стратегии по укреплению авторитета и консолидации власти, также можно отличить по тому, до какой степени они реализовывали свое персоналистическое лидерство по отношению к своим советникам и коллективному лидерству. Персонализм Сталина был случаем экстремальным: деспотичным и смертоносным. Персонализм Хрущева был капризным и своевольным, но не был ни деспотичным, ни смертоносным. На всех этапах своего правления Хрущев часто объявлял об общественных инициативах, не консультируясь с коллективным руководством, а иногда публично унижал других членов Политбюро. Напротив, Брежнев, будучи «первым среди равных» (в силу своих должностных полномочий) и реализуя лидерство, которое неуклонно повышало его статус

¹³ Поведение Горбачева осенью 1990 года обычно называют поворотом «вправо», а в апреле 1991 года — возвращением «влево». До сих пор я пытался избегать упоминания «левых» и «правых», но по мере поляризации политической ситуации это становится все труднее. Поэтому позвольте мне пояснить, как я использую эти термины. В исторический период до Горбачева советская литература использовала понятие «правое крыло» для обозначения реформистов (например, Бухарина) и «левое крыло» — для обозначения ортодоксальных ленинцев. Однако в западной литературе эпохи Горбачева советская политическая сцена ассимилировалась с западными категориями анализа: к «правым» стали относить традиционалистов того или иного типа, выступавших против радикализации Горбачева; к «левым» относят тех, кто стремится к демократизации и маркетизации во внутренних и ослаблению напряженности в международных делах. В этой книге я буду пользоваться западной терминологией.

в коллективе, вел себя скорее как председатель правления, нежели как персоналистический лидер. Он работал через коллектив, не обходя его.

Где поместить Горбачева в этом спектре, от крайне персоналистического до сугубо исполнительного стиля работы? На первых двух этапах его правления (1985–1989 годы) я бы поместил его где-нибудь в середине континуума, но ближе к исполнительной части. Его радикальные соратники и помощники утверждают, что он проявлял относительно консультативный стиль руководства и был терпим к критике [Brown 1996: 389, fn. 9]. Несмотря на то что он осуществлял новаторское лидерство, он уважал нормы лидерства коллективного, подчиняя себя коллективной дисциплине — например, заранее согласовывая речи и политические инициативы. Горбачев сочетал уверенность в себе и эгоцентризм с выдержкой, рассудительностью и сдержанностью; он проявлял как личную настойчивость в политике, так и уважение к руководящей роли Политбюро. Он обычно не поддавался порывам и публично не унижал членов своего Политбюро. Его способность скрывать свои истинные мысли и заставлять различных членов руководства поверить в то, что он их поддерживает, была манипулятивной, но неконфликтной. Он часто выступал посредником в разногласиях, имевших место в Политбюро. Например, в декабре 1986 года Горбачев объявил перерыв в его заседании без принятия решения, заявив, что дебаты стали настолько жаркими, что он опасается раскола в Политбюро. Спустя какое-то время после дела Нины Андреевой весной 1988 года Лигачев на заседании Политбюро подвергся такой резкой критике, что Горбачев начал его защищать и «пытался примирить обе стороны» [Черняев 1993: 122–123, 207].

В то же время можно ожидать, что мы найдем в стиле горбачевского руководства и персоналистические элементы. Нам известно (из его биографии), что в свои комсомольские дни он был прирожденным лидером, уверенным в себе, напористым, но при этом умел и внимательно слушать собеседника. Его уверенностью в себе и эгоцентризмом можно объяснить некоторые из наиболее патерналистических компонентов его личного общения в то

время, когда он уже стал генеральным секретарем. Так, Горбачев обычно обращался на «ты» к коллегам, подчиненным и даже к незнакомым [Черняев 1993: 7; Болдин 1995: 221–222; Бурлацкий 1997: 126]. Он часто говорил о себе в третьем лице [Черняев 1993: 104; Грачев 1994: 181]¹⁴. Такая его привычка явно раздражала соратников и помощников, которые позже расстались с Горбачевым, и это дало его главному сопернику (Лигачеву) повод сказать, что того привлекает аура «просвещенного монарха» [Ligachev 1993: 98, 124].

В своих воспоминаниях помощники и соратники Горбачева, как сторонники жесткой линии, так и умеренные, сходятся в том, что он часто настраивал людей друг против друга [Грачев 1994: 132; Болдин 1995: 163, 208, 240]¹⁵. Горбачев, как говорит его близкий сторонник, настраивал Лигачева против Яковлева и наоборот: каждый из них делил с другим примерно половину ответственности за идеологию, которая до января 1982 года находилась в руках М. А. Суслова [Грачев 1994: 95]. Точно так же Горбачев якобы предпочитал, чтобы другие делали за него «самоубийственную работу»; им поручалось отстаивать проводимую политику, а затем принимать на себя политический удар, в то время как Горбачев сидел сложа руки и оценивал ситуацию, решая, вступить ли за них или от них отречься¹⁶. Он также предпочитал, чтобы над одной задачей работали параллельно несколь-

¹⁴ От этой привычки Горбачев не отступает и в своих воспоминаниях, написанных после его вынужденной отставки [Горбачев 1995: 269, 281, 369, 371].

¹⁵ Однако указанные авторы расходятся в интерпретации мотивов Горбачева. Грачев рассматривает это как средство получения информации из множества источников и ее истолкования; Болдин считает, что речь идет о способе избежать личной ответственности за неудачу. Я не считаю эти две интерпретации взаимоисключающими, поскольку полагаю, что политики стремятся по возможности согласовать рациональное принятие решений со своими корыстными политическими интересами.

¹⁶ Соглашаются по этому вопросу также Грачев (сторонник Горбачева) и Болдин (один из главных участников августовского путча 1991 года); см. [Грачев 1994: 133; Болдин 1995: 208]. Лигачев пишет, что Горбачев своекорыстно использовал Яковлева в деле Нины Андреевой весной 1988 года [Ligachev 1993: 307].

ко команд [Грачев 1994: 132]. Этой тактике соответствовала склонность Горбачева к скрытности. Болдин утверждает, что по сложным вопросам Горбачев почти никогда не говорил своим соратникам однозначного «да» или «нет». Скорее его тактика заключалась в том, чтобы прибегать к междометиям, молчать или менять тему разговора [Болдин 1995: 17]¹⁷. Все эти элементы стиля его работы были манипулятивными, но не являлись проявлениями персоналистического правления.

Однако политическая система и политические обстоятельства, при которых он пришел к власти в Москве в 1985 году, требовали от Горбачева, чтобы он был больше чем просто опытным и склонным к манипуляции председателем правления. Политическая система поощряла как консолидацию власти лидером партии, так и преклонение перед генеральным секретарем как источником мудрости и инициативы. Горбачев пытался сопротивляться подобной лести и даже осудил ее на одном публичном форуме, опасаясь, что традиционный «культ личности» негативно скажется на вере общественности в серьезный характер его программы демократических реформ [Doder, Branson 1990: 119–120]. Но укрепление имиджа партийного лидера шло рука об руку с масштабными политическими нововведениями, и от Горбачева ожидалось, что он возглавит деморализованную политическую элиту. Поэтому во время телевизионных трансляций Съезда народных депутатов в 1989 году Горбачев использовал трибуну съезда, чтобы критиковать или хвалить выступающих, создавая образ «отца», следящего за тем, чтобы дети не вышли из-под контроля. Такое поведение не принесло ему очков у тех, кто не был согласен с его политикой, но послало сигнал о том, что при демократии или нет, но Горбачев считал себя незаменимым лидером.

Когда Горбачев оказался вынужден обороняться, персоналистические элементы в его стиле управления увеличились пропор-

¹⁷ Многие путчисты утверждают, что Горбачев в 1991 году подавал им неоднозначные сигналы, заставляя поверить в то, что он не будет возражать против введения ими режима чрезвычайного положения, если сам сумеет остаться в стороне [Ligachev 1993: 19].

ционально угрозе. Его повторная консолидация политической власти фактически нейтрализовала Политбюро как средство оценки поведения генерального секретаря. Он все реже и реже советовался с такими советниками, как Черняев, которые поддерживали его на первых этапах его правления. В 1990–1991 годах он сетовал своим помощникам, что на деле может доверять только двоим: министру обороны Д. Т. Язову и председателю КГБ Крючкову [Болдин 1995: 386; Черняев 1993: 401]. Е. М. Примаков, тогдашний главный советник Горбачева, советовал ему не слишком доверять информации, полученной от КГБ [Черняев 1993: 452]. И радикалы, и ретрограды чувствовали себя вероломно преданными, поскольку он постоянно манипулировал ими, заставляя поверить в то, что с ними согласен. В конце концов усилившемуся персонализму Горбачева не хватило ни грубой силы, ни политического авторитета, чтобы предотвратить свое смещение с поста.

Сохранение авторитета: дилемма Горбачева

В течение 1989–1990 годов Горбачев все чаще был вынужден занимать оборонительную позицию применительно к проводимой им политике и своей деятельности в качестве лидера. Столкнувшись с растущей критикой как слева, так и справа, Горбачев пытался сохранить свой авторитет, утверждая, что его ключевая концепция срединного пути остается единственной желаемой и осуществимой альтернативой реставрации тоталитарной системы или системному коллапсу и анархии. Он изо всех сил пытался сохранить свой имидж эффективного лидера и часто напоминал политической аудитории, на что он никогда *не пойдет* в своем стремлении преобразовать Советский Союз.

Начиная с 1988 года критика перестройки нарастала на все более независимых публичных аренах: в средствах массовой информации, на пленумах ЦК, на партийной конференции в июне 1988 года, на съезде партии в июле 1990 года, в Верховном Совете, на Съезде народных депутатов, на демонстрациях на

улицах Москвы, в только что основанной (1990) Коммунистической партии РСФСР (то есть России) и на несанкционированных забастовках шахтеров, проходящих по всей стране (1989 и 1991). Хотя многие из этих критических замечаний и событий исходили от тех самых общественных сил, которые Горбачев высвободил для продвижения процесса трансформации, теперь он почувствовал необходимость установить им границы. Он стремился найти равновесие между преобразованиями, традиционными ценностями и политической стабильностью.

Так, на Первом съезде народных депутатов (1989), где некоторые ораторы говорили о коммунистической партии как о главном препятствии на пути демократизации, Горбачев назвал партию «гарантом этого революционного процесса» (то есть перестройки) и защитницей его от «как консервативных, так и ультралевых элементов» [Горшков и др. 1992: 131]¹⁸. В то время как гласность все более радикализировалась, в 1988 году он говорил представителям СМИ: «Нам нужны, как воздух, порядок, ответственность и инициатива», и провозглашал, что «гласность в интересах народа, в интересах социализма должна быть безгранична. Повторяю, в интересах народа, в интересах социализма»¹⁹. Перед лицом вызовов «руководящей роли» КПСС он заявлял, что без партии, без ее фундаментального влияния на все аспекты общественной жизни перестройка не будет успешной²⁰. В том же выступлении он резюмировал свою позицию следующим образом:

...перестройка — это обновление социализма, но не его демонтаж. <...> Это революционное преобразование, устранение деформации социализма, но не реставрация капитализма <...> Это возрождение творческого марксизма, новое осознание ленинских идей <...>, утверждение новых подходов и методов работы²¹.

¹⁸ В этой книге собраны речи Горбачева и Ельцина с 1986 по 1991 год.

¹⁹ Правда. 1988. 25 сент.; [Горбачев 1987–1990, 6: 572, 575].

²⁰ Советская Россия. 1989. 30 сент.

²¹ Там же.

Точно так же, когда республики бросили вызов авторитету Москвы, принимая законы о суверенитете, которые противоречили законам, принятым центральными властями, Горбачев настаивал на важности Союза, объединенного «преобразованной коммунистической партией» [Горшков и др. 1992: 208–209]. Когда руководство РСФСР потребовало суверенитета от диктата центра, Горбачев утверждал, что изолированная Россия — это не решение [Горшков и др. 1992: 209]. Когда радикалы призывали к упразднению партийных ячеек в армии и органах безопасности, Горбачев настаивал на том, что коммунисты имеют право на автономные организации [Горшков и др. 1992: 215–216, 221]. Когда радикалы настаивали на легализации частной собственности на землю, Горбачев заявлял о своем несогласии на том основании, что коллективная и государственная собственность должна ограничивать сферу сугубо частного предпринимательства²². Даже после августовского путча 1991 года Горбачев, вернувшись в Москву, призывал не обвинять миллионы рядовых членов партии в грехах партийного аппарата²³. Также он настаивал на том, что «социалистический выбор» и «социалистическая идея» не были дискредитированы и что они остаются стержнем как его политической философии, так и единственного жизнеспособного и качественного общественного порядка²⁴.

На протяжении 1990–1991 годов, когда центробежные силы росли, Горбачев неоднократно предупреждал, что Советский Союз просто необходимо сохранить, пусть и в некоей пересмотренной форме. После апреля 1991 года он стал более терпим к конфедеративным формулировкам, отмечая, что федерализм

²² Известия. 1990. 19 авг.; Советская Россия. 1990. 22 сент., 9 окт., 1 дек. См. также сообщение ТАСС от 17 сентября 1990 года: «Не национализация всего и вся, а создание свободных ассоциаций производителей, акционерных обществ, производственных и потребительских кооперативов, ассоциаций арендаторов и предпринимателей — вот верный путь к подлинному обобществлению производства на принципах свободы воли и экономической целесообразности. Именно здесь кроется истинная социализация нашей экономики».

²³ Правда. 1991. 23 авг.

²⁴ Правда. 1991. 23 авг.; Советская Россия. 1990. 25 мая, 9 окт.

(«сильный центр — сильные регионы») больше не приемлем для региональных лидеров, независимо от того, верил ли он в глубине души, что конфедерализм когда-либо сможет обеспечить устойчивое равновесие. «Новые, беспрецедентные» формы государственности были для него терпимы, даже желательны, пока они не предполагали формального отделения и разобщения составных частей ранее существовавшего государства. Все что угодно, лишь бы сохранить формальную преемственность и юридическое существование государства; все что угодно, лишь бы избежать формального распада и конфликтов, которые, как он утверждал, могут возникнуть; и конечно, все что угодно, чтобы сохранить должность, которую он занимал, и положение дел, без которого его пост прекратит существовать²⁵.

²⁵ Акцент Горбачева на государственности (на деле его одержимость ею) красной нитью проходит через его речи, даже когда его логика кажется надуманной. 29 марта 1991 года он предупреждал, что призывы к роспуску коммунистической партии будут означать «разрушение всех элементов государственности» (Радио России. Москва, 29 марта 1991 г.). 24 июля 1991 года он предостерегал представителей республик от конфронтации, которая может привести к «краху советской государственности» (ТАСС. 24 июля 1991 года). 2 августа 1991 года, незадолго до неудавшегося путча, он защищал новый Союзный договор как «реформу советской государственности» и указывал на институциональные механизмы, которые он обеспечил бы для совмещения разделения полномочий с координирующими функциями (Московское центральное телевидение. Программа «Время». 2 августа 1991 г.). 20 ноября 1991 года Горбачев жаловался, что одним из последствий путча был крах перспектив подписания Союзного договора. Следовательно, властям придется начать все сначала перед лицом «угрозы уничтожения нашей государственности» (Радио «Маяк». 20 ноября 1991 г.). Две недели спустя (Известия. 3 декабря 1991 г.) он заявил в Верховном Совете, что проблема номер один — это «кризис нашей государственности», который парализует действия властей, «угрожая экономике и нравственности». Он возлагал надежды на возрождение Союзного договора, который спасет страну от распада. Союзный договор, по его словам, предлагает «новую, беспрецедентную государственность», но «любая потеря времени может иметь катастрофические последствия». См. также: Московское телевидение. 5 декабря 1991 г.: «Вопрос государственности — жизненно важный вопрос». Еще 18 декабря Горбачев направил послание лидерам «суверенных государств» (до запланированной на 21 декабря встречи), в котором призвал сделать акцент на преемственности по мере продвижения к «созданию новой формы государственности» (ТАСС, 19 декабря 1991 г.).

Защита Горбачевым советской государственности значила нечто большее, чем просто защиту политико-организационной формы; речь также шла о защите весьма ценной политической общности. Он четко сформулировал концепцию такой политической общности, которая являлась бы интернационалистической и этнически инклюзивной и представляла бы собой «уникальную цивилизацию» с «общей судьбой». В своей риторике он превозносила Советский Союз как цивилизацию, которую стоит сохранить, и предупреждал об ужасных последствиях попытки разъять компоненты органически естественного образования. Таким образом, сохранение общей государственности он считал предпосылкой для объединения народов, проживающих на территории СССР. В феврале 1991 года он отмечал:

Идя на референдум, обдумывая свою позицию, каждый из нас должен понимать, что по сути речь идет о судьбе нашего государства и каждого народа, о нашей общей судьбе. <...> Можно с полным основанием сказать, что в стране сложилась уникальная цивилизация, являющаяся итогом многовековых совместных усилий всех наших народов²⁶.

Неохотно покидая свой офис 25 декабря 1991 года, Горбачев высказал нации свои наибольшие опасения: «Самое губительное в этом кризисе — распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны — последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех»²⁷.

²⁶ Правда, Известия. 1991. 7 февр.; см. также: Центральное ТВ, Первый канал, программа «Время». 2 августа 1991 г.

²⁷ Независимая газета. 1991. 27 дек. На протяжении 1990–1991 годов Горбачев апокалиптическим слогом говорил о последствиях распада Советского Союза, называя это «преступлением» с «разрушительными» последствиями, которые приведут к эскалации гражданского конфликта. См., напр.: Правда. 1990. 15 февр., 20 июня, 11 дек., 18 дек.; ТАСС. 1991. 16 марта; Правда. 1991. 27 апр.

В защиту перемен

В этот период Горбачев также чувствовал, что необходимо ответить на реакционные вызовы, поскольку последние грозили сорвать перестройку и полностью остановить процессы преобразований. Таким образом, он отвергал рациональные доводы тех, кто «ударился в панику» перед лицом все более автономных общественных сил, кто заявлял, что «и демократия, и гласность — это чуть ли не бедствие», тех, которые «теряют уверенность, сдают позиции», кто «видит чуть ли не угрозу социализму» [Горбачев 1987–1990, 6: 568; 7: 477, 487–490], рассматривает эти изменения как крушение, распад и крах всего, как настоящий конец света, кто поддался необоснованным опасениям²⁸.

Как объяснял Горбачев, такие люди не понимали, что перестройка — это путь к более справедливой, гуманной системе, в которой будут достигнуты и сохранены самые заветные цели социализма. Но коммунистическая партия сможет сохранить свою ведущую роль — де-факто, если не де-юре, — только при условии, что она сама изменится. Консенсус в отношении такой ее ведущей роли может быть достигнут только в том случае, если компартия изменит свои методы правления. Такое самопреобразование должно гарантировать, что партия и ее кадры сохранят свою гегемонию в рамках существующего политического строя:

Теперь же, когда все общество пришло в движение, когда процесс демократизации пошел вглубь и вширь, когда он выносит на поверхность общественной жизни и новые силы, и новые проблемы, требующие обсуждения и решения, на этом пути мы все чаще наталкиваемся на инерцию старого мышления, на желание прибегнуть к старым методам, притормозить идущие процессы. Вот где противоречие возникает!

А кое-кто даже начинает паниковать и видит чуть ли не угрозу социализму, всем нашим завоеваниям от такого разворота демократических процессов в стране.

²⁸ ТАСС. 1990. 17 сент.; Правда. 1990. 18 дек.

Нет, товарищи, мы должны сегодня заботиться не о том, чтобы притормозить народную инициативу и самодеятельность. Задача как раз в том, чтобы партия возглавляла процесс нарастания общественной активности народа, задавала тон и укрепляла в нем созидательные начала в интересах революционного обновления социалистического общества, в интересах перестройки. Вот в чем суть вопроса [Горбачев 1987–1990, 7: 487–490].

Ставки были высоки. Если партия пойдет по этому пути, она «получит еще большую поддержку трудящихся». Если этого не сделать, то «будет нанесен непоправимый ущерб» [Горбачев 1987–1990, 7: 490]. Отвечая тем, кто рассматривал это как ослабление руководящей роли партии, Горбачев был резок:

Диалог партии с трудящимися — это не слабость и не превращение КПСС в дискуссионный клуб. Если слабость в том, чтобы вести диалог со всеми слоями общества, то я тогда не знаю, что такое мужество. <...> А не действовать по схеме: разрешить — не разрешить, пустить — не пустить. Это все прошло уже [Горбачев 1987–1990, 7: 491]²⁹.

Ту же логику Горбачев использовал и в отношении экономической реформы. Выступая перед аудиторией из партийных кадров, он настаивал на том, что переход к рыночной экономике просто необходимо ускорить. Это не будет означать реставрацию капитализма; при этом он не откажется от социалистических ценностей. Ускорение объективно необходимо для повышения уровня жизни. Времени на раскачку нет:

Выход из сложившейся ситуации мы видим в ускоренном переходе к регулируемой рыночной экономике. Нам надо, наконец, преодолеть колебания в этом отношении... и понять, что переход к рынку нужен не сам по себе, а для того,

²⁹ См. также: Советская Россия. 1989. 30 сент. (обращение к пленуму ЦК компартии Украины); Правда. 1989. 13 дек.; Правда. 1990. 20 июня (выступление на конференции компартии РСФСР); Правда. 1990. 18 дек. (выступление на съезде народных депутатов).

чтобы выйти на новые формы экономической жизни... <...>
Необходимо договориться по этому вопросу, товарищи,
хорошо понять суть перехода к рыночной экономике и обя-
зательно договориться. Другого не дано. <...>

Обществу навязывается представление, будто движение
к рынку — это возврат к капитализму. Ничего более несус-
разного трудно придумать³⁰.

Но даже предупреждая радикалов о недопустимости отделения от СССР, Горбачев также предупреждал реакционеров и консерваторов, что Советский Союз больше не может позволить себе оставаться унитарным тоталитарным государством. Промежуточное решение, сказал он на встрече с представителями компартии Украины в сентябре 1989 года, могло бы снять многие межэтнические противоречия. Это решение должно быть основано на «демократии и равенстве, взаимном уважении и свободном развитии народов»; оно должно было бы сформировать новый образ нашей Советской федерации, гармонично сочетающий интересы национального суверенитета и развития с общими интересами союза народов нашей страны³¹. Чтобы остановить конфликты, угрожавшие разорвать страну на части, потребовалось «ускорить радикальную трансформацию Советской федерации» — в сочетании, признавал он, с «решительными мерами» (то есть с принуждением под угрозой силы)³².

*Горбачев — центрист под огнем критики:
XXVIII съезд КПСС (июль 1990 года)*

Горбачев построил свой авторитет, заявив о своей способности объединить умеренные силы на левом и правом фланге советского политического спектра. По мере того как уровень политической поляризации рос и все больше и больше центристов перемещалось

³⁰ Правда. 1990. 20 июня. См. также: ТАСС. 1990. 17 сент.; Правда. 1991. 27 апр.

³¹ Советская Россия. 1989. 30 сент.

³² Правда. 1990. 15 февр. Более поздние примеры такой промежуточной позиции см.: Правда. 1990. 18 дек.; ТАСС. 1991. 16 марта; Правда. 1991. 27 апр.

ближе к краям политического спектра, политическая база Горбачева становилась все слабее. В его интересах как политика было выработать представление о том, что сохранению существования сильной центристской коалиции нет альтернативы. XXVIII съезд партии в июле 1990 года продемонстрировал усилия Горбачева а) по предотвращению формального раскола в коммунистической партии, чтобы сохранить свою роль центриста, и б) по продвижению партии и ее политики в более радикальном направлении, чтобы идти в ногу с растущей поляризацией.

Отбор делегатов был поручен региональным партийным комитетам, в результате чего съезд оказался гораздо более консервативным, чем состав партии в целом. В результате в первые дни дебатов Горбачев и его союзники-реформаторы подверглись широкой, обильной и жесткой критике, а Лигачев выступил с обвинениями с консервативных позиций. В свете преобладания реакционеров на съезде Коммунистической партии РСФСР, прошедшем всего за месяц до этого, сторонним наблюдателям представлялось, что Горбачев, возможно, будет вынужден отказаться от своих планов по дальнейшей реструктуризации руководящих органов партии. Выяснилось даже, что его могут сместить с поста генерального секретаря или ему придется разделить власть с жестким противником. Как минимум, создавалось впечатление, что сторонники жесткой линии консолидируют свои силы, чтобы помешать Горбачеву и его программе преобразований.

Однако к концу съезда Горбачев остановил и переломил консервативные тенденции. Подавляющим большинством голосов он был переизбран на пост генсека, а в борьбе за пост заместителя генерального секретаря КПСС его кандидат В. А. Ивашко наголову разбил Лигачева. Политбюро было полностью перестроено и расширено за счет включения первого секретаря каждой республики и ряда второстепенных членов. Лигачев уехал в Сибирь, не сумев добиться даже переизбрания в ЦК. Один ликующий делегат заключил: «Чудовище консерватизма убито!»³³

³³ Рой Медведев. Цит. по: The Pittsburgh Press. 1990. July 15. P. A4.

В то же время Горбачев умиротворял консерваторов, отказываясь отменить демократический централизм, распустить партийные ячейки на предприятиях, в армии и милиции или согласиться с другими подобными требованиями «Демократической платформы» — радикальной фракции КПСС и съезда. В результате Ельцин и многие радикальные депутаты, в том числе главы администрации Москвы и Ленинграда, вышли из КПСС, чтобы бросить вызов партийному порядку извне.

Горбачев явно надеялся избежать отдаления радикалов. Его тактика сводилась к нейтрализации или чистке пуритан и технократов, сплотившихся вокруг Лигачева, чтобы сместить центр тяжести партии влево и убедить левых радикалов поверить в то, что он воспользуется своими новыми полномочиями в интересах радикальных реформ. Он преуспел в первых двух отношениях, но при этом потерял радикалов. Тем не менее, если угроза доминирования консервативных сил на съезде действительно существовала, то первые две цели были для Горбачева важнее, чем третья.

Если же говорить о политическом содержании, то съезд отразил борьбу трех основных тенденций внутри партии. Одна из них, представленная Лигачевым, означала готовность борьбы за сохранение монополистического положения партии в обществе, экономике и государстве. Вторая, представленная Ельциным, являлась аболиционистской и требовала от партии отказа от руководящей роли в политическом и организационном плане путем роспуска партийных ячеек в неполитических учреждениях и передачи организационных ресурсов партии независимым госорганам, которое перераспределили бы их между разнообразными общественными и политическими силами. Горбачев занял центристскую позицию: антимонополистическую и антиаболиционистскую. По его словам, «[на] вопрос о том, должны или не должны быть партийные организации на предприятиях, можно ответить очень просто: должны. Это, естественно, в полной мере относится и к членам других партий»³⁴. Горбачев при-

³⁴ ТАСС. 1990. 2 июля; The New York Times. 1990. July 3. P. A5.

звал партию занять свою позицию в конкурентной борьбе, и пусть население решит, к каким организациям присоединиться. «Пусть решит общество» — таким, по-видимому, был его посыл. Тем временем он удержит свою позицию и свою политическую роль сторонника сохранения за компартией статуса государственной.

В своих речах на открытии и закрытии съезда, а также в более коротких выступлениях между ними Горбачев играл на преобладающих опасениях консервативных и неопределившихся делегатов, что общество выступит против них и поступит с ними соответственно в отсутствие успешных реформ. Это было предупреждение достаточно убедительное, поскольку прозвучало оно непосредственно после краха коммунистических режимов в Восточной Европе. Горбачев представлял себя единственным и незаменимым лидером, который сможет спасти партию и страну от такой участи. Когда делегаты пригрозили вотумом недоверия руководству, Горбачев предупредил их, что такой бунт может настолько разделить партию, что она никогда не восстановится: «Если вы хотите похоронить партию, разделить партию, просто продолжайте так действовать. Но серьезно об этом задумайтесь!»³⁵ Ленинистам особенно был близок этот принцип политической жизни: раскол элит приводит к угрозам снизу. Подводя итоги своему переизбранию на пост генерального секретаря, Горбачев ясно дал понять, что требует от партии не мешать дальнейшей радикализации реформ. Единственный реальный выбор был между демонополизацией и маргинализацией: «Успех партии зависит от того, осознает ли она, что общество уже изменилось. В противном случае другие политические силы вытеснят ее, и мы потеряем свои позиции»³⁶. Он призвал делегатов «навсегда положить конец этой монополии»³⁷. Такой подход, вероятно, помог обеспечить эффект присоединения к большинству среди делегатов съезда, которые, очевидно, больше опасались маргинального

³⁵ ТАСС. 1990. 7 июля; The New York Times. 1990. July 8. P. A4.

³⁶ Радио Москвы. 1990. 10 июля; The Wall Street Journal. 1990. July 11. P. A10.

³⁷ The New York Times. 1990. July 11. P. A6.

будущего без Горбачева, чем радикализированного конкурентного будущего с ним у руля. Напротив, для радикальных демократов внутри партии страх в ней остаться явно превышал их опасения оказаться изолированными от организационных ресурсов партии.

*Горбачев на защите своего
лидерского потенциала*

Горбачев был не просто специалистом по решению национальных проблем, научными методами искавшим золотую середину, баланс между реформами и стабильностью, а также новыми целями и традиционными ценностями. Он также был политиком, которому приходилось защищать свой авторитет от придержавшихся мнения, что растущие противоречия в обществе доказывают его некомпетентность, вину и даже его несостоятельность как лидера³⁸. Как и его предшественники, Горбачев укреплял свой авторитет, пытаясь представить себя незаменимым в деле решения проблем и создания политических коалиций. По мере того как становились очевидными уязвимые места его программы, ему, как и любому политическому деятелю, приходилось беспокоиться о том, как они повлияют на его политический авторитет. Эта озабоченность очевидно проявлялась в его выступлениях в 1989–1991 годах, на третьем этапе правления, когда он (как и его предшественники) занимал в политике оборонительную позицию. Она приняла форму постоянных попыток защитить себя от обвинений в том, что он все испортил.

Еще в 1988–1989 годах Горбачев часто защищал перестройку от ее критиков как справа, так и слева. Но только в 1990 году в его речах зазвучала настоящая тревога, отражающая растущую поляризацию, которая представляла угрозу как общественному миру, так и политическому положению Горбачева. В своем выступлении на первой конференции Коммунистической партии

³⁸ В данный период времени Горбачев уже не укреплял свой авторитет. Скорее он отчаянно пытался вернуть себе утраченное.

РСФСР (перед враждебной, реакционной аудиторией) в июне 1990 года Горбачев почувствовал необходимость полностью оправдать себя и свою политику. Он начал с того, что выразил тревогу по поводу роста политической поляризации:

Одни за перестройку, а другие уже предают ее анафеме. Но и это не все. Последнее время наблюдается желание перейти от заявлений к действиям. Предпринимается попытка объединить недовольство людей <...>, использовать остроту текущего момента в качестве тарана для удара по самой перестройке <...>. С каких бы позиций такие атаки ни предпринимались, истинный их смысл — разрушительный...³⁹

За этими предупреждениями, словно защищаясь, Горбачев переходит к перечислению успехов своего правления. Основная мысль: посмотрите, как много мы сделали за такое короткое время!

Ныне же мы за один 1987 год создали такие предпосылки реформы, которые далеко превзошли все предыдущие, а затем за 2 года реализации реформы прошли на практике подготовительный класс, который вплотную подвел нас к формированию рыночной экономики, регулируемых социальных ее аспектов. Таким образом, за 3 года полностью исчерпано все, что было предметом долгих дискуссий, экспериментов, предпринимавшихся 30 с лишним лет. <...>

³⁹ Правда. 1990. 20 июня. Впоследствии похожие выражения тревоги см.: Правда. 1990. 11 дек.; 18 дек. («Мы в тяжелом положении»); Труд. 1990. 21 дек. («Главное не паниковать»); ТАСС. 1991. 16 марта; 7 апр. (в Японии); Правда. 1991. 27 апр. В своем выступлении 26 апреля на пленуме ЦК, опубликованном на следующий день в «Правде», Горбачев изображает себя новым Лениным: «Ситуация напоминает социальную и психологическую атмосферу, которая возникла в партии, когда В. И. Ленин резко повернул партию и страну к нэпу. <...> Ленина обвиняли в отступлении от дела Октября, от интересов рабочих и крестьян, в отходе от принципов социализма. Сталинская диктатура со всеми известными последствиями утвердилась в партии и стране, так давайте же все вместе постараемся не дать эмоциям столкнуть наш пленум с позиций политического здравого смысла» (Правда. 1991. 27 апр.).

Ныне мы за 2 года после XIX партийной конференции сделали то, что десятилетиями добивались прогрессивные люди страны. Партия отказалась от присвоения функций государства. В самом государстве на деле реализуется разделение властей. Подлинно свободными и народными стали выборы. Мы находимся по сути на пороге настоящего политического плюрализма. Мощным оружием прогресса сделалась гласность. Понятие социалистической демократии из пропагандистской фразы превратилось в действительность. <...>

Сегодня мы можем сказать: за пять лет в идейно-политической сфере совершено то, чего добивались и не могли добиться целые поколения. Тем самым, несмотря на ясе издержки, крайности, негативные явления, потери, в том числе идейного и нравственного характера, все же расчищается почва для духовного возрождения общества и чело- века⁴⁰.

Горбачев на этом не остановился. Он был готов признать в духе «самокритики», что совершал ошибки. Вместо того чтобы вернуться к традиционной советской привычке винить в кризисных явлениях местные кадры и «антигосударственную деятельность», он взял часть ответственности на себя:

Если говорить о последних годах, то партия, ее ЦК, Политбюро, стремясь преодолеть тяжелый груз прошлого, разворачивая преобразования по обновлению общества, не избежали просчетов и даже ошибок. Мы не всегда успевали за событиями, находили точные политические решения тех или иных проблем... <...>

В порядке самокритики надо признать, что мы недооценили сил национализма и сепаратизма, скрывавшихся в недрах нашей системы, их способность соединиться с популистскими элементами, создавая социально взрывоопасную смесь⁴¹.

⁴⁰ Правда. 1990. 20 июня. См. также: Правда. 1990. 18 дек.

⁴¹ Правда. 1990. 20 июня. Далее похожую самокритику из уст Горбачева см.: Правда. 1990. 18 дек.; см. также: Associated Press. 1991. September 10.

После 1989 года Горбачев занимал оборонительную позицию и по поводу результатов своей внешней политики, но похоже, что в этой сфере он находился в менее сложном положении. Во-первых, его атаквали только с одного конца политического спектра — реакционного экстремизма. Радикальные демократические силы в целом одобряли его мягкую внешнюю политику и «новое мышление» в международных отношениях. Во-вторых, призрак гражданского конфликта внутри СССР или вероятный распад страны внушали гораздо более серьезные опасения, чем даже такие неудачи во внешней политике, как крах коммунистических режимов в Восточной Европе. Следовательно, во внешнеполитических высказываниях Горбачева в этот период отсутствовали как чувство тревоги, так и самокритика, характерные для защиты им своей репутации во внутренней политике. Советский лидер ограничивался утверждениями, что новое мышление работает, что мир все еще отвечает ожиданиям, заложенным в новом мышлении, и что потенциал, скрытый в международном порядке, реализуется в значительной степени благодаря его руководству.

Например, 1 августа 1989 года Горбачев докладывал Верховному Совету СССР о своих недавних поездках на Запад и недавней встрече с главами стран Варшавского договора. Он отметил важность своей собственной роли лидера в построении нового мирового порядка: «Я чувствую, как быстро меняются наши отношения с западным миром. <...> Как теперь всем ясно, элемент личности имеет огромную важность для современной политики»⁴².

Выступая на конференции компартии РСФСР в июне 1990 года, Горбачев заявлял:

Широко известны и не требуют особых аргументов глубокие преобразования в сфере международных отношений. Положен конец изнуряющей и бесперспективной эпохе конфронтации. Это привело к значительному оздоровлению

⁴² BBC. 1989. August 3.

всей мировой ситуации, укрепило нашу безопасность и создало условия для уменьшения оборонных расходов с тем, чтобы направить их на улучшение условий жизни народа⁴³.

Чтобы не возникло никаких разговоров о том, что эти изменения снизили безопасность Советского Союза за счет поощрения потенциальных противников, Горбачев добавил: «Мы никому и никогда не позволим вмешиваться в наши дела». И чтобы эта суровая аудитория не забыла базовый принцип «взаимной безопасности» и односторонней сдержанности, лежавший в основе «нового мышления», Горбачев продолжал: «...но, безусловно, признаем такое же право на свободу выбора за каждым народом»⁴⁴. Однако по сравнению с растущей тревогой в выступлениях Горбачева по внутренним вопросам это прозвучало вполне умеренно.

Маятниковая защита авторитета

Кажущаяся победа Горбачева на XXVIII съезде партии в июле 1990 года обернулась пирровой победой. Ему удалось победить консерваторов и усилить контроль над высшими органами власти, но лидеры наиболее радикального крыла КПСС (Ельцин, А. А. Собчак, Г. Х. Попов) сдали свои партбилеты. Более того, реакционные силы сосредоточились на захвате новой Коммунистической партии РСФСР. КПСС, несмотря на все усилия Горбачева, все-таки оказалась расколотой.

Несомненно, дни радикального реформатора с его «центристской» политической тактикой были сочтены, а уровень политической поляризации достиг той точки, когда в политическом истеблишменте и среди мобилизованных общественных сил оставалось мало «центристов» (то есть умеренных).

⁴³ Правда. 1990. 20 июня.

⁴⁴ Правда. 1990. 20 июня; см. также обращение Горбачева к IV Съезду народных депутатов (Правда. 1990. 18 дек.).

Однако в этих пределах Горбачев пытался справиться с происходящей вокруг него поляризацией сил. Ранее, на начальных этапах кризиса власти (с конца 1989 до середины 1990 года), он постоянно шел на уступки радикалам, пытаясь удержать эти уступки в определенных рамках. Приноравливаться он не желал. После XXVIII съезда партии советники Горбачева представили ему программу радикальной реформы советской экономики и создания функционирующей рыночной экономики в течение 500 дней. Другие советники, однако, сделали ему встречное предложение по реформе, не заходящее столь далеко в направлении децентрализации и подразумевавшее меньшую вероятность усиления центробежных сил в союзных республиках. После нескольких дней размышлений Горбачев велел соперничающим командам экономистов работать вместе, согласовывать свои предложения друг с другом: это было в интеллектуальном и практическом отношении невозможно⁴⁵. В отсутствие такого примирения Горбачев не желал проталкивать какую-либо радикальную программу экономических реформ.

Это был признак того, что Горбачев меняет тактики, вероятно, из-за отсутствия уверенности, какая из них может сработать. Он решил, что слишком сильно связал свою судьбу с радикалами. Так началась маятниковая фаза тактики поддержания авторитета Горбачевым. Теперь он стремился укрепить власть консерваторов. Он уволил нескольких своих наиболее либеральных советников и соратников и назначил на их место консерваторов, многие из которых впоследствии помогли организовать переворот против него в августе 1991 года. Именно в этих обстоятельствах в декабре 1990 года подал в отставку Шеварднадзе, после эмоционального выступления, в котором он обвинил реакционные силы в перехвате инициативы и критиковал Горбачева за то, что тот не сделал достаточно, чтобы защитить его от их обвинений⁴⁶. Горбачев также стал более консервативен в своем подходе к сохранению

⁴⁵ Комментарий Горбачева к ранним и поздним версиям этих планов см. в: Международная панорама. 1990. 4 сент.; ТАСС. 1990. 17 сент.

⁴⁶ Известия. 1990. 29 дек.

сплоченности Советского Союза. Он порвал с радикалами, с которыми вел переговоры о децентрализации Союза, и занял позицию сдерживания. Был ли он причастен к применению силы против сепаратистов в Латвии и Литве в январе 1991 года, остается предметом спора историков⁴⁷. Но, вероятно, не случайно, что произошло это во время корректировки курса Горбачева в сентябре 1990 — апреле 1991 года. Ибо если он сам и не отдал приказа применить военную силу — что вполне вероятно, учитывая его неприязнь к силовым методам, — то он безусловно создал политический контекст, в котором те, кто был более склонен к применению силы, почувствовали большую свободу поступить так за его спиной.

Горбачев признал этот сдвиг политической стратегии в своем выступлении на IV Съезде народных депутатов в декабре 1990 года. Он утверждал, что пора усилить исполнительную власть на всех уровнях системы и восстановить порядок:

Самое необходимое сейчас для преодоления кризиса — восстановить в стране порядок. Это упирается в вопрос о власти. Будут твердая власть, дисциплина, контроль за исполнением решений, тогда сумеем наладить и нормальное продовольственное снабжение, накинуть аркан на преступников, остановить межнациональную вражду. Не добьемся этого — неизбежны усиленно разлада, разгул черных сил, распад государственности. <...>

Именно ради этих целей нужна сильная исполнительная власть на всех уровнях — от главы государства до исполкомов в городе и на селе, власть, умеющая добиваться соблюдения законов, выполнения решений, способная поддерживать должный порядок и дисциплину. <...> На президенте лежит ответственность за безопасность страны⁴⁸.

Ничто из этого не поспособствовало ни экономической реформе, ни сохранению единства СССР. Вместо этого движение

⁴⁷ Браун [Brown 1996: 279] обосновывает непричастность Горбачева к этим решениям.

⁴⁸ Правда. 1990. 18 дек.

Горбачева вправо только привело в ярость радикалов и усилило центробежные силы как в центре, так и в республиках. Между центром и периферией усилилась «война законов» по поводу того, кому принадлежит юрисдикция в республиках и областях. В марте 1991 года Горбачев объявил общенациональный референдум с целью выяснить мнение общества о том, должно ли сохранение Союза оставаться ключевым приоритетом, и хотя он заручился во всех голосующих республиках поддержкой большинства в пользу сохранения СССР, формулировка вопроса референдума настолько вводила в заблуждение, что, по мнению многих радикалов, его результаты плохо отражали фактические предпочтения общественности.

Затем Горбачев внезапно решил, что его поворот вправо был непродуктивным, а может быть, даже контрпродуктивным. В апреле 1991 года он снова повернул влево в вопросе сохранения Союза (но не в отношении экономической реформы), объединившись с радикалами, на этот раз на их условиях. Таким образом, вместо того чтобы вернуться к промежуточной позиции и попытаться достичь компромисса между противоборствующими силами, как сделал бы в 1989–1990 годах, Горбачев возобновил переговоры о конфедеративных отношениях между центром и республиками. Это означало «сильные регионы — слабый центр», серьезное отступление от его прежней более сбалансированной формулы федерализма.

Горбачев оставался последовательным в своей стратегической решимости сохранить существование СССР, найти «третий путь» между государственным социализмом и капитализмом и выработать синтез коллективистской и индивидуалистической концепций демократии. Что изменилось за последние полтора года его пребывания в должности, так это его понимание того, какой политической стратегии необходимо следовать для сохранения власти и восстановления авторитета при достижении этих целей. Перед лицом быстро поляризующейся ситуации он вернулся к тактике последовательного заключения союзов с теми крайними силами, которые он считал на данный момент преобладающими.

Ранее мы наблюдали пример подобного качания маятника как средства восстановления авторитета. Хрущев поддерживал одну политическую группу в 1961–1962 годах, но отказался от нее после октября 1962 года, когда шок от кубинского ракетного кризиса заставил его переоценить риски — как внутри страны, так и за рубежом, — сопряженные с продолжением этого пути. Затем он повернул в противоположном направлении, столкнувшись с военно-промышленным комплексом у себя дома и добиваясь уступок в разрядке с Соединенными Штатами. Точно так же Горбачев отказался от жесткой коалиции, когда пришел к выводу, что риски устойчивого союза слишком велики, а выгоды слишком малы в контексте быстро поляризующегося общества и неуклонно распадающегося СССР. Он вернулся в лагерь радикалов в надежде спасти конфедеративный компромисс.

Прошло два года, прежде чем пересмотренная стратегия Хрущева провалилась; в октябре 1964 года он был свергнут кликой соратников. В 1991 году все пошло быстрее. Через четыре месяца после того, как Горбачев снова сдвинулся влево, клика его реакционных соратников поместила его под домашний арест и взяла бразды правления в свои руки⁴⁹. Путч позорно провалился через три дня. Вернувшись в столицу, Горбачев провел несколько месяцев, пытаясь восстановить свою роль эффективного политика и работая над предотвращением распада СССР.

Но он уже не мог контролировать ход событий. На Украине поляризация зашла настолько далеко, что 1 декабря 1991 года подавляющее большинство населения проголосовало за незави-

⁴⁹ Большинство путчистов утверждает, что Горбачев ввел их в заблуждение, заставив поверить, будто он хотел, чтобы они ввели чрезвычайное положение, от которого он бы отмежевался, но от которого в конечном итоге также выиграл бы. Об этом говорили в интервью несколько путчистов в Москве в июне 1999 года на конференции, в которой участвовал автор. Некоторые западные ученые также считают, что Горбачев не был невинной жертвой переворота. См., напр., [Knight 1996: 12–37; Dunlop 1993]. Однако Браун это отрицает, равно как и Черняев в послесловии к английскому изданию своей книги «Шесть лет с Горбачевым» [Brown 1996: 294ff.; Chernyaev 2000: 401–423]. См. также предисловие к этой книге Джека Ф. Мэтлока-мл., тогдашнего посла США в Советском Союзе [Chernyaev 2000: vii–xiv].

симось. Вскоре после этого президенты России (Ельцин), Украины (Кравчук) и Белоруссии (Шушкевич) встретились в лесу под Минском и завершили формальный роспуск СССР. Горбачев узнал об этом постфактум; он был в ярости, но ничего не мог поделать. Смирившись с неизбежным, он ушел в отставку 25 декабря 1991 года. Как и Хрущев, он был вынужден покинуть свой пост в результате заговора. Но случай Горбачева уникален тем, что он стал жертвой двух заговоров — справа и слева. Сначала он был посажен под домашний арест сторонниками существующего порядка, а позже его страна и его должность были упразднены противниками этого порядка. Такая последовательность заговоров стала ярким отражением степени поляризации, которая стала возможна благодаря политике Горбачева. Отразила она и уменьшение размеров центристской политической базы, на которую Горбачев опирался при поддержании своего политического авторитета.

Глава 6

Ельцин против Горбачева

Крах попыток Горбачева следовать компромиссным курсом в сторону системы смешанного типа внутри страны и за рубежом был в значительной степени обусловлен общественными силами, высвобожденными его политикой в СССР и Восточной Европе. Но если и существовал человек, который действовал при разворачивании этого процесса как самостоятельная побудительная сила, то это Б. Н. Ельцин. Первоначально, в 1986–1988 годах, Ельцин просто вынуждал Горбачева предпринимать бóльшие усилия по укреплению авторитета. Однако в 1989–1991 годах он стал эффективно пресекать все попытки Горбачева вернуть утраченное доверие. Когда Горбачев в 1985 году только перевел Ельцина с позиции первого секретаря свердловской партийной организации на руководящую должность в Москве, он не понимал, какие неприятности на себя навлекает. Стратегия Горбачева по укреплению авторитета на тот момент все еще оставалась довольно консервативной, и в 1986–1987 годах он предпочитал сочетать радикализацию с *контролируемым и эволюционным* ходом изменений. Эта стратегия предусматривала создание новых политических арен и преобразование языка политики, но только с той скоростью, которую диктовал генеральный секретарь. Ельцин обнаружил, что темпы перестройки в каждой сфере остаются неприемлемо медленными.

Ельцин, Горбачев и этап смены власти (1985–1986)

Политбюро перевело Ельцина в Москву в апреле 1985 года, назначив его сначала главой отдела строительства ЦК КПСС, а затем секретарем ЦК по вопросам строительства. По его собственному признанию, он ненавидел эту деятельность, поскольку центральный партийный аппарат оставил ему слишком мало возможностей, чтобы управлять делами так, как он считал нужным. Хотя он трудился долго и упорно и доводил своих сотрудников до изнеможения своей одержимостью работой, он чувствовал себя на этой офисной работе как птица в клетке [Yeltsin 1990: 91]¹. Горбачеву и Лигачеву стало известно о недовольстве Ельцина, и они решили перевести его на новый пост. Они позаботились о его назначении в декабре 1985 года первым секретарем Московского горкома партии, а это была одна из наиболее значительных должностей в стране; одновременно они сделали его кандидатом в члены Политбюро. Московская партийная организация, которой много лет руководил В. В. Гришин, во времена Брежнева погрузилась в трясину коррупции. Горбачев хотел, чтобы на этой должности был кто-то, кто смог бы очистить политический аппарат Гришина и придать московской парторганизации силы для дела административной и политической рационализации. Послужной список Ельцина в Свердловске подсказывал, что он мог бы это сделать.

Ельцин приступил к работе быстро, как мастер на все руки, каким он себя представлял. Невзирая на то что он боялся показаться провинциальным болваном в кругах столичной элиты [Ельцин 1990: 69]², это его не сдерживало; он был полон решимости перевернуть Москву. Ему дали работу, напишет он позже,

¹ См. также пространные мемуары девяти бывших советников Ельцина, сотрудников и министров правительства: Ю. М. Батурина, А. Л. Ильина, В. Ф. Кадацкого, В. В. Костикова, М. А. Краснова, А. Я. Лившица, К. Ф. Никифорова, Л. Г. Пихои и Г. А. Сатарова [Батурин и др. 2001: 40–41].

² Батурин и его соавторы говорят, что московские чиновники называли его чужаком [Батурин и др. 2001: 41].

потому что Москва нуждалась в спасательной операции. По словам Ельцина, Горбачев «знал свой характер, был уверен, что я смогу разгрести старые нагромождения, бороться с мафией; имея определенный характер и мужество, смогу капитально поменять кадры». И Горбачев был прав, потому что «надо было начинать практически с нуля», потому что «было запущено абсолютно все» [Ельцин 1990: 84, 85, 91–93]. Далеко не ясно, хотели ли Горбачев или Лигачев, чтобы Ельцин перевернул Москву с ног на голову. Но Горбачев все же дал понять, что ищет серьезного человека, способного провести капитальный ремонт³. Ельцин как исполненный энтузиазма «штурмовик» взялся за работу с максимально полной отдачей.

Стиль руководства Ельцина в Москве напоминал его популизм в Свердловске, но популизм этот стал еще более масштабным и еще более угрожающим традиционным ценностям в контексте горбачевской политики «ускорения». Он ездил в автобусах и метро, совершал набеги на магазины в поисках товаров, хранившихся под прилавком, встречался с москвичами, долго отвечая на их вопросы. Он возил по городу членов муниципального партийного и государственного руководства, как для ознакомления, так и для ответов на вопросы общественности. Он призывал к более активной публичной критике недостатков. Он даже открыто объявил, что ходит в обычную поликлинику, а не в положенную ему по рангу кремлевскую больницу [Colton 1997: 572–578; Aron 2000: 135–170]. Так пуританин из провинции дал сигнал, что в город прибыл «человек из народа» — тот, кто не принимает традиционных способов ведения дел, тот, кто не будет рассматривать политику как полностью личное дело, тот, кто не принимает системы привилегий, благодаря которой куплена лояльность и сплоченность правящей элиты, тот, кто не поддерживает идею, будто коррумпированная московская знать партийных и государственных чиновников должна иметь иммунитет от разоблачения и ответственности. Это было в новинку для Москвы

³ Горбачев сказал в июле 1986 года, что Москве нужен «большой бульдозер, чтобы разгрести дорогу» [Aron 2000: 134].

и стало глотком свежего воздуха для тех ее жителей, которые ожидали чего-то нового. В политическом плане это был горячий материал, выходящий далеко за рамки того, что говорил и делал Горбачев на этапе своего прихода к власти.

Популизм Ельцина как лидера в Москве был ленинским по духу, аналогичным хрущевскому после смерти Сталина. В главе второй, размышляя о раннем периоде жизни Ельцина и его руководстве Свердловском, я отмечал, как много общего существует между стилями Хрущева и Ельцина. Ельцинское руководство Москвой еще раз подчеркивает это сходство. Оба принадлежали к такому особому типу личности в рамках ленинской системы, как «штурмовик». Такой штурмовик открыто ненавидит бюрократию, не приемлет способность чиновников низкого уровня уклоняться от ответственности за невыполнение своих обязательств, пытается решить проблемы путем усиления давления на кадры (и кадровые чистки) и использует для выявления плохо работающих или коррумпированных чиновников комбинацию из управляемой пропаганды и мобилизации масс. Находясь на должности политического руководителя, штурмовик берет на себя ответственность за выполнение задач, что только усиливает его стремление к безотлагательному достижению результатов. Это чувство безотлагательности заставляет его становиться все более авторитарным, пытаться вдохновить людей на достижение казавшихся недостижимыми плановых целей, самоотверженно реорганизовывать бюрократию и искать универсальные средства для решения практических проблем. В конце концов, как и в случае с Советским Союзом Хрущева и Москвой Ельцина, штурмовик в итоге обнаруживает, что такие методы ограничены в своей возможности способствовать улучшению системных показателей или выполнению обещаний⁴.

Хрущев пришел к власти, будучи готов расшевелить болото и заставить номенклатуру измениться. При этом в течение

⁴ Арон подводит итоги полугодового ельцинского ударничества: «Результат был удивительно, жалко и поразительно ничтожным» [Aron 2000: 170]. После полутора лет результаты на всех фронтах лучше не стали [Aron 2000: 197–198].

1953–1956 годов он проявил многие из описанных выше тенденций. То же можно сказать и о Ельцине в Москве 1986–1987 годов⁵. Каждый из них дополнительно использовал штурмовщину как средство давления на соратников в руководстве, чтобы заставить их действовать по-своему. Так, Хрущев выходил к людям и призывал их быть более требовательными к чиновникам; затем возвращался на официальные встречи с элитой и призывал ее принять его политику, чтобы не столкнуться с гневом людей, которые, по его словам, становились все более требовательными! [Breslauer 1982: 37–38]. Так же и Ельцин заявил на собрании городской партийной элиты в январе 1986 года, через месяц после своего назначения первым секретарем московского горкома, что москвичи «не просто жалуются. Они возмущены» [Morrison 1991: 47; Aron 2000: 136–138]. Подобные отсылки к опасным настроениям масс были рискованной и провокационной тактикой. Они могли разбудить ожидания народа, усугубить его разочарование и быть истолкованы как призыв заявить о себе, выступив против режима. Но такая стратегия в ленинской системе была одним из способов достижения цели и усиления политического влияния.

И Хрущев, и Ельцин относились к особому типу штурмовиков: они были эгалитарными популистами. Они были неутомимыми трудоголиками, презирали рутинную конторскую работу, предпочитали находиться среди людей, подбадривая их и даже работая вместе с ними. Также оба заявляли, что презирают коррупцию, прибегали к унаследованной вместе с идеологией эгалитарной риторике и критиковали социально-экономические привилегии, предоставляемые плохо работающим чиновникам⁶. Штурмовик такого типа, разочаровавшись, потенциально может стать кри-

⁵ Подобно Хрущеву, давая поражающие своей нереальностью обещания, Ельцин в 1986 году «пообещал к 1990 году устанавливать телефоны в течение года после заявки <...> [и] удвоить протяженность маршрутов метро в следующие пять лет» [Aron 2000: 149].

⁶ «Эгалитарный» здесь означает — не приемлющий крайностей номенклатурных привилегий. Это не означает одобрения радикальной эгалитарной «уравниловки» в оплате труда, хотя нередко подразумевает предпочтение коллективных материальных вознаграждений перед чисто индивидуальными.

тиком номенклатурной системы. И Хрущев, и Ельцин, хотя и при очень разных обстоятельствах, развивались именно в этом направлении — хотя Хрущев, в отличие от Ельцина, никогда не переступал черту.

Усилия Ельцина по возрождению Москвы предвещали (как и в случае с Хрущевым), что будет осуществляться поиск способов обойти коррумпированную бюрократию путем привлечения широкой общественности к кампании против нее. Призывы к более серьезной критике равносильны призыву к общественности раскрывать правонарушения. Тем не менее такие призывы сами по себе вряд ли могли поколебать или даже разрушить стену взаимной поруки, защищавшую окопавшихся на своих местах чиновников; поэтому лидер мог почувствовать необходимость пойти дальше: расширить как масштаб критики, так и арену, на которой она происходит. В случае с Хрущевым первоначальные призывы к критике натолкнулись на немедленное сопротивление со стороны защищающих себя чиновников. Хрущев ответил им началом своей антисталинской кампании; затем он начал публиковать протоколы заседаний ЦК и приглашать на них беспартийных. В то же время он начал кампанию по передаче некоторых функций общественным организациям, независимым от чиновничества. Затем последовали еще более радикальные доктринальные нововведения («Партия всего народа»), политика ограничения срока пребывания партийных деятелей в должности фиксированным сроком полномочий и предварительное рассмотрение вопроса о выборах с участием нескольких кандидатов [Breslauer 1982: chs. 2, 4, 5, 6].

Ельцин вскоре столкнулся с тем, что достижимое традиционными методами имеет свои пределы. Горбачев обвинил его в зачистке большой сети коррумпированных политических сателлитов Гришина. Это было несложно: Ельцин, заняв должность, немедленно начал увольнять высокопоставленных чиновников московского горкома. Но чем больше людей он увольнял, тем больше, по его словам, оставалось тех, кого следует уволить. Сеть простиралась по всему городу, как по вертикали, так и по горизонтали. Подчиненный одного был покровителем другого на

более низком уровне или в другой бюрократической иерархии. Коррупцированный директор магазина должен был иметь множество защитников в разных секторах и на разных уровнях партийного и государственного аппарата. В течение полутора лет Ельцин зачистил около 60 % всех районных партийных руководителей в крупной московской партийной организации — цифра ошеломляющая [Mikheyev 1996: 57; Aron 2000: 166]. На встрече с общественностью в апреле 1986 года Ельцин выразил обеспокоенность тем, что, несмотря на чистки, коррупция оказалась бездонной ямой, а также проблемой более серьезной, чем ожидалось. Он увольнял одних, заменяя их другими, которые тоже оказывались коррупцированными⁷. На этой встрече Ельцин не дошел до того, чтобы открыто объявить коррупцию проблемой системы как таковой, но вполне можно было прийти к такому выводу. Вместо этого он просто выразил свое беспокойство, а также решимость продолжать очищаться от всех тех, кто поддался искушению.

Ельцин уже чувствовал, что у проблемы имеются более глубокие причины, которые потребуют качественно новых политических действий для своего устранения. В Свердловске он провел ограниченного масштаба кампании против коррупции и социально-экономических привилегий чиновничества. Эти привилегии, по всей видимости, оскорбляли его представления о социальной справедливости и противоречили его собственному образу жизни; он утверждал, что личная материальная роскошь его не интересует [Ельцин 1990: 78]⁸. Неизвестно, понимал ли он полностью связь между привилегиями и коррупцией, хотя для этого большого ума и не требовалось⁹. Институционализированные привилегии являлись сводом правил. Они обеспечивали как

⁷ Выписка из выступления Ельцина Б. Н. перед пропагандистами города Москвы // Радио Свобода. Архив Самиздата. № 5721 (апрель 1986 г.); см. также воспоминания Ельцина [Ельцин 1990: 89–90].

⁸ В английском переводе это утверждение сильно смягчено [Yeltsin 1990: 90].

⁹ Батурин и другие [Батурин и др. 2001: 43–44] полагают, что Ельцин прекрасно понимал эту связь и что это понимание способствовало его рвению.

лояльность элит, так и безнаказанность чиновников по отношению к угрозам снизу. Коррупция, с другой стороны, официально не санкционировалась; в принципе к ней относились как к девиантному поведению, даже когда московское руководство закрывало на это глаза. Но коррупция чиновничества при Брежневеве так укоренилась именно потому, что Политбюро защищало чиновников от угроз их прерогативам и льготам. Если бы новый лидер подверг сомнению привилегии элиты, это означало бы конец подобной безнаказанности. Потому не случайно, что, даже когда Хрущев расширял арены и рамки критики, чтобы подорвать влияние бюрократии и увеличить собственное политическое влияние, он также проводил политику, направленную на снижение социально-экономических привилегий номенклатуры.

Если не в Свердловске, то в Москве Ельцин довольно быстро понял связь между этими явлениями. И он не преминул высказать это на самых высоких и публичных форумах партии. Его речь на XXVII съезде партии в феврале 1986 года, всего через два месяца после назначения главой московской парторганизации, стала самой «подрывной» из всех речей, произнесенных с этой трибуны за все время съезда¹⁰. Подобно Хрущеву в феврале 1956 года и Горбачеву в декабре 1984 года, он не просто критиковал «некоторых работников» за плохой труд (что было бы обычным делом), но и расширял границы критики, давая понять, что проблема выходит за рамки «некоторых работников» и является более серьезной деформацией системы, с которой необходимо было бороться: «инертный слой приспособленцев с партбилетами». Но, в отличие от Горбачева того времени, Ельцин был готов нанести удар по привилегиям, позволившим этому «слою» быть «инертными приспособленцами». Ельцин сделал эту горячую тему — то, что тогда называлось вопросом о «социальной справедливости», — центральным элементом своего обращения к съезду партии и предупредил, что, если проблемы не будут преодолены, политическую стабильность гарантировать невозможно [Aron 2000: 143].

¹⁰ Правда. 1986. 27 февр. С. 2–3.

Искоренить коррупцию и ограничить официальные привилегии в Свердловске было достаточно сложно; сделать это в Москве было задачей практически невыполнимой. Москва была намного больше, здесь размещались центральные органы власти. Аппарат ЦК со штаб-квартирой в Москве легко мог защитить своих политических соратников от «пришлеца» — руководителя московского горкома. Ельцин привык держать все под контролем и, как отмечалось в главе второй, раздражался, если оказывался в подчиненном положении¹¹. Вскоре он понял, что, апеллируя к аппарату ЦК и покровителям в Политбюро, коррумпированные бюрократы могут уклоняться от его нападков или отменять его решения. Этим можно объяснить, почему его выступление на партийном съезде также включало требование, чтобы аппарат ЦК «не лез не в свое дело», мешая Ельцину выполнять свою работу. Это замечание накалило обстановку в меньшей степени, чем другие его ремарки, потому что оно не приняло форму критики системы. Но вряд ли оно принесло Ельцину больше союзников в Политбюро и аппарате ЦК. И оно не могло не оттолкнуть того самого человека — секретаря ЦК Лигачева, который в первую очередь способствовал продвижению Ельцина на должность в Москве. Возможно, именно в этот момент Горбачев и Лигачев осознали, что неверно оценили человека из Свердловска. Горбачев, в котором сочетались черты реформатора и пуританина, мог в принципе соглашаться с тем, что говорил Ельцин, и даже мог бы счесть полезным в политическом отношении, чтобы кто-то выступал за радикализацию, освободив самого генерального секретаря от ответственности на случай, если возникнет обратная реакция. Но Горбачев мог задаться вопросом, не станет ли Ельцин ускорять процесс радикализации общества быстрее, чем он и Политбюро способны контролировать. Горбачев мог также опасаться того, что осторожное внедрение ра-

¹¹ Бывший член Политбюро Яковлев, как говорят, высказывался в том плане, что как кандидат в члены Политбюро Ельцин не отличался особым рвением, и добавил, что он всегда энергичен, когда он первый, но если он не первый, он сразу же скиает [Филатов 2000: 418].

дикальных идей и доктрин, являвшееся его стратегией в то время, будет дискредитировано из-за того, что Ельцин распространил их до преждевременной системной критики. Однако Лигачев должен был осознавать даже в большей степени, чем Горбачев, что человек, которым он так восхищался в сентябре 1984 года, не был сделан из того же материала, что и он сам. Оба они соответствовали пуританскому образцу аскетичного борца с коррупцией, находящего способы улучшить работу системы при сохранении социальной стабильности. Оба они обладали менталитетом штурмовика, чересчур давящего на подчиненных, чтобы добиться цели. Но Лигачев был малотерпим к системной критике, способной подорвать признанную обществом легитимность ведущей роли партии¹². В своей личной жизни Лигачев мог быть аскетом, но он понимал, что систему институциональных привилегий нельзя поставить под вопрос без потенциального подрыва более широкой системы номенклатурного господства¹³. Более того, в своем выступлении на съезде партии Лигачев подверг критике ежедневную газету КПСС «Правда» за публикацию статьи, в которой было отражено недовольство населения социально-экономическими привилегиями номенклатуры¹⁴. Не могло

¹² Не обсуждая Ельцина в своих мемуарах, Лигачев отмечает, что сам поддерживал перестройку и гласность до той поры, пока она не стала допускать системную критику на публичных форумах [Ligachev 1993: 91, 96–97, 131, 287, 295]. В этой связи примечательно утверждение Лигачева о том, что к инакомыслию в политике относились более терпимо, чем к публичному толкованию истории СССР.

¹³ Личный аскетизм Лигачева наглядно показан в его мемуарах; это также отмечает Ф. М. Бурлацкий [Бурлацкий 1997]. Мне также рассказали, что бывшего советского деятеля культуры, гастролировавшего по стране и выступавшего в Томске, где Лигачев был тогда первым секретарем области, привели к Лигачеву, который начал с того, что напал на своего собеседника с вопросами: «Ты куришь? Пьешь?» Помощник Лигачева сказал этому деятелю культуры, что, если на любой из вопросов будет дан положительный ответ, Лигачев больше не будет поддерживать этого человека. О том, что Лигачев предпочитает сохранить систему льгот для номенклатурных чиновников, см.: The Washington Post. 1986. 3 марта.

¹⁴ Правда. 1986. 28 февр.

обрадовать Лигачева и то, что центральный аппарат партии, в котором он был высокопоставленным секретарем ЦК, должен отказаться от своего права вмешиваться в дела важнейшей региональной партийной организации страны! Лигачев был пуританином и мог на этой ранней стадии сотрудничать с теми технократами (как Рыжков), которые, как казалось, почитали систему, основанную на централизованном планировании и контроле, а также уважали официальные привилегии [Ligachev 1993: 350–351]. Следовательно, он считал себя «реформатором» и в принципе одобрял гласность и перестройку; но он не был эгалитарным популистом. Ельцин далеко выходил за рамки того, что Лигачев считал приемлемыми реформами.

Ельцин и этап господства Горбачева (1987–1989)

Как только Горбачев в конце 1986 года начал радикализировать свою программу, Ельцин почувствовал себя обеленным от прошлых грехов и с воодушевлением отнесся к новым направлениям и темпам изменения политики. Гласность и демократизация представлялись Ельцину тем самым общественным самовыражением, которое требовалось для победы над бюрократией и мобилизации новых сил для оживления страны. Перестройка дала основания для переосмысления властных отношений между партией и государством, между центральным и региональным партийными аппаратами, а также между плановиками в центре и региональными руководителями. Ельцин еще не дошел до полной антисистемной критики, не говоря уже о четком видении того, чем можно было бы заменить ленинскую систему. По его собственному свидетельству, в 1986 году он все еще был ленинцем, человеком, который не видел ясной альтернативы руководящей роли партии и государственной собственности на средства производства. Но Ельцин — как Горбачев, Шеварднадзе и Яковлев в 1984 году и как Хрущев в 1956 году — пришел к выводу, что «так продолжаться не может», и искал более радикальных мер, чтобы преодолеть многочисленные препятствия на пути к переменам.

Первоначально Ельцин с энтузиазмом отнесся к радикализации горбачевской программы и восхищался тем, что Горбачев это сделал [Ельцин 1990: 105; Коржаков 1997: 52, 64–65; Aron 2000: 192]. В Москве с появлением множества общественных объединений («неформалов»), заявивших о своем праве на пространство на автономной общественной арене, начался культурный ренессанс. Осторожно, но решительно неформалы бросили вызов официальным догмам и отстаивали свое право привлекать внимание к своим требованиям на публичных аренах, где не доминировал советский чиновник. Ельцин не был причиной этого ренессанса, но и не делал практически ничего для его предотвращения. Он не был демократом, не отличался причудливыми культурными вкусами, но понимал, что невозможно одновременно противостоять коррумпированной бюрократии и пробуждающемуся обществу. Он связал свою судьбу с последним.

Однако пуритане и технократы с опасением отнеслись к такому пробуждению. Они оценили утилитарный подход к гласности как к инструменту разоблачения должностных преступлений и клапану для выпуска сдерживаемого общественного недовольства брежневским застоем. Но представители образованной, активной общественности не хотели, чтобы гласность использовалась для таких ограниченных целей. Вскоре они начали настаивать на дальнейшем расширении публичной арены и критического публичного дискурса. Все это в значительной степени происходило в самой Москве, в пределах видимости и слышимости Кремля. Ельцин был готов смириться с этим и даже позволил съезду неформальных объединений собраться в Москве, что стало важным событием в то хрупкое время начала гласности. Лигачеву, видимо, это пришлось не по вкусу.

Вряд ли ему были по нраву и непрерывные чистки Ельциным московской парторганизации, лишение социально-экономических привилегий людей, которые на него работали, и публичная критика центрального партийного аппарата за препятствование этим усилиям. Конечно, Ельцин был недалек от правды, жалуясь на участие Секретариата ЦК в защите некоторых чиновников, на которых он нацелился [Батурин и др. 2001: 48]. Но было также

что-то оторванное от реальности в его реакции на провал своих инициатив. Подобно Хрущеву в 1961 году, испытывавшему подобное, пытаюсь совместить частые и масштабные чистки и административные реорганизации с надеждой на быстрые результаты, у Ельцина был короткий запал и склонность в ответ на сопротивление подливать масло в огонь. Иногда он жаловался на заседаниях Политбюро на крушение своих планов. Он также в частном порядке сетовал Горбачеву, предполагая, что тот будет ему сочувствовать и станет потенциальным союзником. Однако через несколько месяцев, несмотря на пленум ЦК в январе 1987 года, на котором Горбачев представил свою радикальную программу демократизации, Ельцин начал приходить к выводу, что Горбачев — соглашатель, который никогда не бросит вызов тем, кто препятствует перестройке или замедляет ее [Бурлацкий 1997: 129–130, 193].

Вспоминая позднее, Ельцин с горечью писал о заседаниях Политбюро в этот период. Он критиковал Горбачева за то, что тот много говорит и мало действует, забалтывает официальные заседания Политбюро длинными речами, которые приводят (как он считал) только к полумерам. Его раздражало, что он был всего лишь кандидатом в члены Политбюро (в отличие от своего предшественника Гришина), без полноценного права голоса, в отличие от Горбачева и Лигачева, его ровесников, которые уже поднялись намного выше и быстрее и руководили сейчас всеми процедурами. Действительно, эти страницы первых мемуаров Ельцина читаются так, будто они написаны недавно избранным членом совета директоров компании, воодушевленным своим членством, но еще не знающим, что наиболее важные решения принимаются не советом, а скорее членами правления [Ельцин 1990: 107–109].

Ельцин в своих воспоминаниях об этом времени едва ли отдает должное беспрецедентному радикализму горбачевской программы демократизации. Возможно, его оттолкнул тот факт, что на январском пленуме 1987 года Горбачев согласился на заключительную резолюцию, менее радикальную в отношении внутривластной демократизации, чем сам Горбачев предлагал

в своей вступительной речи. Возможно, он был расстроен тем, что публичная риторика Горбачева все еще оставалась несколько менее радикальной, чем его собственная. Возможно, Ельцин был настолько поглощен внутримосковскими проблемами, что не мог не думать о разрыве между решениями центрального партаппарата и реальными изменениями на местах. Или, возможно, его злила способность Лигачева келейно блокировать некоторые из его инициатив. Какова бы ни была точная причина, в 1987 году Ельцин, очевидно, колебался между выводом о том, что Горбачев недостаточно привержен делу перемен, и заключением, что тому просто не хватило смелости противостоять Лигачеву и отказаться от его тактики действий «тихой сапой». Ельцин в начале 1987 года не стремился свергнуть Горбачева; он скорее хотел привести его в чувство. Он хотел, чтобы Горбачев стал столь же смелым, как и он сам, публично бросил вызов закосневшим органам партии и государства на всех уровнях. Он пытался добиться того, чтобы Горбачев действовал с большей решительностью и смелостью.

Однако на фоне общего разочарования Ельцин пришел к выводу, что его руководство московской партийной организацией — безнадежное дело. Он почувствовал себя изолированным внутри Политбюро [Батурин и др. 2001: 48] и решил уйти в отставку. Когда Горбачев ее не принял и уклонился от дальнейшего обсуждения этого вопроса, разочарование Ельцина усилилось.

Незадолго до завершения заседания ЦК, созванного 21 октября 1987 года для обсуждения предложенного Горбачевым наброска его важной юбилейной речи, Ельцин поддался порыву и попросил слова. Он не шел на заседание с таким намерением, и у него с собой на всякий случай было только несколько записок, но когда заседание подходило к концу, этот вечный искатель приключений (см. главу вторую) не смог устоять перед искушением. Он выступил со сбивчивыми, но резкими нападками, говоря о медленных темпах перестройки, обструкционистском поведении Лигачева и центрального партаппарата, а также о том, что Горбачев, руководя всем процессом, якобы колеблется, предается самоуспокоению. Он вновь стал критиковать партийные

привилегии и предупреждал о том, что политическая стабильность окажется под угрозой, если ситуация не улучшится. Он полагал, что перестройка не просто недостаточно радикальна и масштабна; существует угроза нового погружения страны в застой. Он вновь заявил о своем намерении покинуть Политбюро¹⁵.

Более серьезным вызовом для руководства было бы разве что выступление перед широкой публикой. Как бы то ни было, этот вызов был достаточно резок не только из-за того, что было сказано, но и потому, где и когда это было сказано. Ельцин осуждал Политбюро перед «партийной общественностью», 300 с лишним членами ЦК, которым Политбюро было формально (но не фактически) подотчетно¹⁶. Вызов был брошен не только критикуемым партийным руководителям, но и Политбюро как институту. Это было нарушением институциональной дисциплины, поскольку коллективное руководство не обсуждало этот вопрос заранее на закрытом заседании и не одобряло его для обсуждения перед более широкой публикой. Это было несанкционированной попыткой принудительно вывести арену и язык допустимой критики далеко за пределы, уже санкционированные Горбачевым. Это был настоящий «выход из-под контроля» в институциональном контексте ленинизма. Только прямое обращение к массам было бы недопустимо в еще большей степени.

В ответ Горбачев предоставил трибуну для критики Ельцина как реформаторам, так и консерваторам. Если прежде Горбачев, вероятно, считал, что Ельцин может быть полезен в руководстве в качестве противовеса противникам дальнейшей радикализации перестройки, то теперь он видел в Ельцине человека, способного фактически дискредитировать радикализацию реформ как таковую [Brown 1996: 171]. Члены Политбюро — Шеварднадзе, Яковлев и, возможно, Медведев — выступали за радикализацию

¹⁵ Текст выступления Ельцина см. в [Горшков и др. 1992: 23–25].

¹⁶ О понимании партийцев как «граждан» и «общественности» ленинских режимов см. [Jowitt 1974].

от лица руководства, но они делали это в основном в том темпе, которого требовал Горбачев. По-видимому, генеральный секретарь не хотел отпугивать пуритан и технократов, чтобы они не выступили против его программы. Очевидно, он стремился заставить их как можно дольше считать, что для них найдется законное место при новом порядке, так что нет необходимости становиться обструкционистами. Однако поведение Ельцина угрожало им, показывая, к чему может привести дальнейшая радикализация, подобно тому как события в Чехословакии при Дубчеке в 1968 году сработали в ущерб реформаторам в брежневском Политбюро и Центральном комитете. По крайней мере внутри партии склонность Ельцина к эгалитарному популизму и его неуважение к принятым процедурным нормам могли преждевременно отторгнуть «центристов» и сомневающихся, от которых Горбачев рассчитывал получить поддержку. Жестокие и продолжительные издевательства над Ельциным — особенно позже, на собрании Московского городского комитета партии, на котором Горбачев наблюдал за его отстранением от должности, — очевидно, были уступкой со стороны Горбачева его собственным нуждам в поддержании коалиции.

Возможно, из-за того, что он чувствовал себя виноватым в жестокости происходящего (а Горбачев вытащил Ельцина из больницы, где тот лежал после сердечного приступа, чтобы подвергнуть его резким словесным нападкам со стороны партийцев московского горкома), Горбачев предоставил Ельцину достойное положение в государственной бюрократии, назначив его замминистра строительства¹⁷. Но он также в частном порядке сообщил Ельцину, что никогда не позволит ему вернуться в по-

¹⁷ Хор нападающих на заседании московского горкома партии был особенно злобным, может быть, даже более злобным, чем ожидал Горбачев. Арон, основываясь на воспоминаниях участников и беседах с ними, пишет: «По ходу встречи Горбачев начал выглядеть странно неуютно, даже смущенно. Он заерзал, лицо его покраснело, глаза его беспокойно оглядывали зал. Несколько раз он покачал головой, как будто пораженный яростью и вызванной им злостью. Напротив, рядом с ним сидел Егор Лигачев, скрестив руки на груди, торжествующе глядя на зал внизу» [Арон 2000: 215].

литуку [Бурлацкий 1997: 135; Ельцин 1990: 5]. Затем последовал многомесячный период, в течение которого Ельцин подвергал себя мучительному самоанализу. Он был полон решимости принципиально переосмыслить то, через что ему пришлось пройти [Ельцин 1990: 156]. Он испытал на себе всю силу партийной «инквизиции». Это было не сравнимо ни с чем, что происходило в Центральном комитете с 1961 года; его осуждали даже некоторые из тех, кого он считал друзьями. Он боролся против коррупции и привилегий партийного аппарата в целом и против господства центрального партийного аппарата над региональными партийными и государственными органами. Вместо того чтобы поблагодарить за его усилия по улучшению ситуации в Москве, его подвергли чистке и чуть не довели до смерти. Несмотря на все это, он продолжал верить (по крайней мере, в теории) в «руководящую роль партии» и в лучшее будущее советских людей под руководством КПСС¹⁸. Как мог он примирить эти противоречивые убеждения? Никогда не уклоняясь от личных вызовов, Ельцин искал ответы. Он еще не осознавал, что ему придется отбросить ту или другую из этих совокупностей верований.

Эта мучительная переоценка происходила в политическом контексте, который менялся с каждым месяцем. Борьба между радикальными реформаторами и «стоящими в обороне» консерваторами накалялась. Письмо Нины Андреевой, написанное в марте 1988 года и поддержанное Лигачевым, было явной попыткой противников дальнейшей радикализации наглядно показать, что, перестройка, по их убеждению, превратилась в угрозу для всей системы партийного правления¹⁹. Радикальные реформаторы в руководстве при поддержке Горбачева перешли в контратаку и вынудили консерваторов снова занять оборони-

¹⁸ О том, когда именно Ельцин утратил веру в это, см. [Агон 2000: 366].

¹⁹ Преподаватель химии из Ленинграда Н. А. Андреева опубликовала в общенациональной партийной газете манифест, в котором перестройка осуждалась как предательство всей советской истории. Публикацию инициировал, если не спровоцировал, Лигачев.

тельную позицию. В то же время радикально настроенные редакторы журналов и газет позволяли или поощряли дальнейшее расширение масштабов критики — до такой степени, что многое из того, что говорил Ельцин на XXVII съезде партии, к указанному времени стало общим местом для многотиражных изданий. Неформальные организации росли в геометрической прогрессии — и по количеству, и по напористости. Советская интеллигенция, и молодая, и старая, избавлялась от своих страхов, отвергала запреты и все больше действовала, руководствуясь своими убеждениями, будучи уверенной в своей растущей силе как общественного движения. В Свердловске прошла огромная демонстрация в защиту Ельцина. Люди публично требовали рассказать, что произошло на том заседании ЦК, где Ельцин бросил вызов Политбюро. Письма в поддержку приходили ему со всей страны, что значительно укрепляло его дух [Aron 2000: 227] и, возможно, также влияло на его миропонимание. Если Ельцин раньше рассматривал пробуждение общества как здоровое проявление его жизнеспособности и видел в нем полезного союзника против бюрократии, но теперь он начинал также понимать, что «народ» может стать ядром политической стратегии, которая поможет ему воскресить себя политически.

Июньская партийная конференция 1988 года неожиданно стала для Ельцина площадкой, где он продолжил борьбу с партийным истеблишментом. Ельцин решил возобновить битву за свое политическое возрождение и реабилитацию, а также за свое все более радикальное видение будущего советского политического строя. Особенность этой конференции — ее трансляция на всю страну — помогла ему превратить то, что было внутривнутрипартийной войной, в публичную битву. Это позволило Ельцину озвучить свое недовольство перед максимально широкой аудиторией, а не только перед простыми членами партии или номенклатурным партийным «дворянством» в составе ЦК. Горбачев тоже пытался расширить рамки и арену критики как способа трансформации советской системы в более демократическую форму политической организации. У него были свои причины для этого, не связанные с вызовом со стороны Ельцина. Он не

собирался разрешать Ельцину выступать, но неудержимый Борис Николаевич пробился к трибуне ближе к самому концу конференции, и Горбачев по причинам, известным, видимо, только ему самому, позволил Ельцину выступить. Горбачев также дал возможность ответить Лигачеву, и этот воинственно настроенный член Политбюро принял вызов.

Миллионы телезрителей впервые имели возможность вблизи и без цензуры наблюдать за внутривнутрипартийной борьбой и дебатами. Для большинства из них это было одновременно поучительным и завораживающим опытом. Они стали свидетелями высказываний разнообразных точек зрения на партийную жизнь: пуританина, гордившегося «построением социализма» в так называемую «эпоху застоя»; технократов, обсуждающих границы экономической децентрализации и рыночных реформ; радикальных реформаторов, стремящихся к фундаментальной демократизации партии. Они также стали свидетелями выступления Ельцина, еще не вполне уверенного в том, как выглядит демократия, и слезно умоляющего партию его простить, но все более убеждающегося в том, что партаппарат — это проблема, а не решение²⁰.

Не менее важны, чем дебаты на конференции, были ее решения, особенно рекомендация сформировать законодательный орган — Съезд народных депутатов — на основе общенациональных выборов, которые должны были состояться в марте 1989 года. У Ельцина оставалось около шести месяцев, чтобы изучить политический ландшафт и решить, станет ли это для него каналом политической мобильности и захочет ли он им воспользоваться. В какой-то момент он решил, что это так; Ельцин отказался баллотироваться в парламент от своего родного Свердловска, в полном соответствии со своим вечным стремлением решать крупные проблемы и желанием показать Горбачеву и Политбюро, что он играет с ними на равных. В Свердловске победа была бы слишком легкой. Если ему суждено возродиться в качестве по-

²⁰ Выступление Ельцина на партконференции см. в [Горшков и др. 1992: 75–82]. Арон приводит блестящий анализ того, как риторика Ельцина могла отозваться в российском обществе [Aron 2000: 245–246].

литической фигуры национального значения, а не просто как одному из нескольких тысяч народных депутатов, то ему нужно воспользоваться всеми шансами. Ельцин решил баллотироваться по национально-территориальному округу № 1 — в самой Москве²¹. Это был, безусловно, самый большой избирательный округ в СССР, что значительно повысило значимость итогов голосования как показателя состояния общественного мнения.

Чиновники, контролирующие процесс выдвижения кандидатов, изо всех сил пытались помешать Ельцину баллотироваться, а затем поддержали в качестве его соперника директора крупного автозавода. В печати они выступали против Ельцина с обвинениями как политического, так и личного характера. Ничего не вышло. Чем больше его очерняли, тем больше росли его популярность и авторитет. Ельцин выступил с программой, осуждающей коррупцию и привилегии, призывая к радикальной демократизации партии²². В конце концов он разгромил своего оппонента, набрав ошеломляющие 89,4 % голосов.

В какой-то момент, в конце 1988 или начале 1989 года, в результате личной переоценки Ельциным своей политической философии он пришел к выводу, который основатели либерально-демократической теории сделали сотни лет назад: демократизация требует передачи власти и авторитета от «королей» к «людям» [Bendix 1978]. В случае коммунистической системы в ее постсталинскую эпоху «королями» была партия, коллектив, светский вариант «божественного права». Если когда-то Ельцин искренне верил в право партии воплощать и выражать правду и законность, то теперь он передал эти полномочия другому сообществу — «народу». Если раньше партия говорила от лица народа, то теперь эта партия будет отвечать перед народом, а Ельцин будет его знаменосцем. Реформы Горбачева сделали это возможным. К удивлению и огорчению Горбачева, Ельцин ухватился за возможность вернуться в политику, то есть сделал именно то, чего,

²¹ Ельцин писал о причинах баллотироваться в Москве в [Ельцин 1990: 65–66].

²² См., напр., предвыборную речь, опубликованную в «Московской правде» 21 марта 1989 г.

как Горбачев предупреждал, он никогда бы не допустил, и развернул эти новые арены против партии, а затем и против самого Горбачева. В то время как Горбачев рассматривал эти новые каналы (выборы и парламент) как расширение публичной арены, которое приведет к некоей форме демократического социализма, Ельцин рассматривал их как инструменты для разрушения власти партийного аппарата. Если новый политический язык при Горбачеве теперь обычно включал в себя сочетания социалистических и либерально-демократических принципов (например, «социалистический плюрализм» и «социалистический рынок»), то Ельцин использовал новые общественные платформы, чтобы отвергнуть эти формулировки как неработающие и предложить вместо них либерально-демократические и антисистемные доктрины. Для Ельцина была подготовлена почва для перехвата политической инициативы в тот самый момент, когда Горбачев по причинам, не связанным с его деятельностью, был вынужден перейти к политической обороне²³.

Упадок Горбачева, подъем Ельцина (1989–1991)

Наблюдатели сходятся во мнении, что 1989-й был годом, в течение которого Горбачев утратил контроль над общественными силами, высвобожденными его политикой гласности, перестройки и демократизации. То есть примерно в это время мобилизация антисистемных сил общественно-политическими организациями (такими как «Демократическая Россия» в России и этнонациональные народные фронты в других республиках) подталкивала к радикализации политики со скоростью, превышающей желательную для Горбачева и заданную им. Ранее Горбачев придерживался стратегии направления политики в сторону

²³ Ельцин определенно был амбициозен. Но моя цель не в том, чтобы определять, руководствовался ли он в своих действиях чистыми политическими амбициями или искренней верой. Лидеры, стремящиеся укрепить свой авторитет, необязательно должны верить в те идеи, которые пропагандируют.

радикализации, стараясь при этом не допустить перехода умеренных в оппозицию. Теперь он оказался в ситуации, когда ему приходилось пытаться одновременно не отставать от быстро радикализирующихся социальных сил (чтобы не потерять свою базу радикальных сторонников) и сдерживать их, насколько это возможно (чтобы не потерять умеренных). Как мы увидим, главным страхом Горбачева была необратимая поляризация. Это пугало его как гражданина, потому что он считал, что она предвещает социальную нестабильность; но это также должно было страшить его как политика, поскольку грозило лишить его влияния как политического деятеля. В числе его отличительных качеств как политика были тактические навыки служить связующим звеном между одним и другим крылом внутри коммунистической партии. Полная поляризация означала бы коллапс центра политического спектра, и в этом случае такая позиция была бы уже невозможна: эти крылья оказались бы слишком далеко друг от друга. Политическая роль, благодаря которой он укрепил свой авторитет, стала бы неактуальной.

Ельцин, напротив, играл поляризующую роль, поощряя и собирая вокруг себя те самые антисистемные силы, которые Горбачев пытался сдерживать. Чем более Ельцин преуспевал в укреплении своего авторитета, объединяя силы радикального максимализма, тем более трудной и, вероятно, невыполнимой становилась задача Горбачева. В целом Ельцин строил свой авторитет на платформе, которая в случае успеха сделала бы менее вероятным, что Горбачеву удастся вернуть политический авторитет себе. И Хрущев, и Брежнев оказывались в позиции политической обороны и стремились вернуть себе власть, изменив свои программы. Оба они сталкивались с внутрипартийными скептиками и сдержанными критиками, задававшимися вопросом, отличаются ли их нынешние инициативы большей исполнимостью, чем прежние. Но ситуация Горбачева была уникальной именно потому, что он сделал советскую политику открытой для публичного политического соревнования. Теперь он столкнулся с открытой политической борьбой, отмеченной участием мобилизованных массовых групп, в том числе антикоммунистических

общественных сил и явной контрэлиты. Это уже не было «ленинской политикой», но вариантом конкурентной политики, имеющим свою собственную логику укрепления и поддержания авторитета и свои собственные этапы развития. Стадия упадка Горбачева совпадала со стадией политической преемственности Ельцина, во время которой последний стремился укрепить новую политическую базу.

Ельцин неуклонно занимал все более заметное место на новой общественной арене. В рамках Съезда народных депутатов СССР он получил трибуну для выступлений, которые первоначально транслировались по телевидению для общенациональной аудитории. Он был избран членом определяющего политику Верховного Совета, пленумы которого собирались на постоянной основе. В Верховном Совете он стал видным членом межрегиональной группы депутатов, возглавляемой сначала выдающимся физиком и демократом-диссидентом А. Д. Сахаровым, а затем, после внезапной кончины Сахарова в декабре 1989 года, самим Ельциным. В марте 1990 года Ельцин победил на свободных выборах в только что созданный парламент РСФСР и стал членом ее Верховного Совета. Месяц спустя, в мае 1990 года, он выиграл напряженную схватку за председательство в Верховном Совете. В июле 1990 года на XXVIII съезде КПСС он объявил, что сдает свой партийный билет, после чего демонстративно прошел к выходу. В марте 1991 года, используя свою должность председателя Верховного Совета, он организовал публичный референдум, на котором было одобрено учреждение должности российского президентства, свободно избираемого гражданами России. Три месяца спустя он безоговорочно победил на выборах. Таким образом, попытки Горбачева восстановить свое политическое положение осуществлялись в контексте, в котором восходящая политическая звезда, более радикальная, чем сам Горбачев, все более доминировала непосредственно на общественной арене, созданной Горбачевым для контроля общественной инициативы и уровня поляризации.

Ельцин в течение последних двух-трех лет правления Горбачева вел политическую игру на поляризацию. Что бы ни пред-

лагал Горбачев во внутренней политике, Ельцин критиковал лидера партии за консерватизм и полумеры. Он поддерживал центробежные силы в союзных республиках, тогда как Горбачев пытался сдержать их, сочетая кнут и пряник. Он считал «центр» (то есть Кремль и советские власти в Москве) главным препятствием на пути к решительному переходу России к новому политическому и социально-экономическому порядку. Он инициировал «войну законов», оспаривая или блокируя применение всесоюзных законов на территории РСФСР. Он продвигал декларацию о суверенитете России и поддерживал другие республики, поступившие таким же образом. Он диктовал условия предлагаемого Союзного договора, переговоры по которому велись в течение 1990–1991 годов и который превращал СССР в конфедерацию в значительной степени независимых государств, оставляя центру незначительные полномочия, которые республики не желали уступать ему. Он встал на сторону шахтеров, внезапно начавших забастовки против ухудшения экономических условий (1989), а затем (1991) против Горбачева и коммунистического режима как такового, подтвердив законность их требований и воспользовавшись возможностью передать юрисдикцию над шахтами России. Он сказал представителям российских регионов, которые также заявляли о своем «суверенитете» по отношению к центральной власти в России: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»²⁴.

Когда Горбачев соглашался с радикально настроенными силами, Ельцин обычно повышал ставку, поддерживая еще более радикальный вариант. Когда же Горбачев возвращался в центр политического спектра, ища компромисса между постепенными

²⁴ Foreign Broadcast Information Service. Daily Report, Soviet Union (далее — FBIS-SOV). 1990. August 13. P. 84. Семь месяцев спустя, однако, он уточнил это замечание: «Республики могут получить столько суверенитета, со скольким могут управиться. Мы на это можем пойти. Но они, конечно, должны будут самостоятельно отвечать за благополучие своих людей. Мы ставим одно условие: они должны будут участвовать в федеративном договоре. Подчеркиваю: мы никому не дадим разрушить Россию» (Комсомольская правда. 1991. 14 марта). Моя благодарность Филиппу Рёдеру за эту цитату.

и ускоренными программами экономических реформ, а также между федералистскими и конфедералистскими формулировками в Союзном договоре, или когда режим применял силу против антисистемных сил в Грузии, Азербайджане и прибалтийских республиках, Ельцин осуждал Горбачева за консерватизм, реакционность или за что-нибудь того хуже. Это была классическая игра на поляризацию, призванная поставить Горбачева в патовую ситуацию и подготовить условия для решительного разрыва со старым порядком. Ельцин со временем становился все более и более решительным в своем стремлении уничтожить как власть Горбачева, так и власть Кремля.

Ельцин был не единственным крупным политическим деятелем, выступившим против Горбачева в этот период. В ответ на такие потрясения, как крах коммунистических режимов в Восточной Европе (1989), забастовки шахтеров, снятие упоминания руководящей роли коммунистической партии в конституции (1990), распад общесоюзных властных структур (1990–1991), протосепаратистские тенденции в России, на Украине, на Кавказе и в Прибалтике и явное нежелание Горбачева им противостоять, — силы консервативной реакции начали мобилизовываться публично и за кулисами. Горбачев изначально пытался приспособиться к ним и, как мы видели, частично сдвинулся вправо во внутренней политике в период с сентября 1990 года по апрель 1991 года. Но это было не более чем сдерживающей мерой, поскольку те общественные силы, к которым перешла инициатива в текущей политике, были силами радикальными, антисистемными или, по крайней мере, теми силами, действия которых способствовали распаду системы. Горбачев мог предотвратить провозглашение радикальной и быстрой децентрализации экономики, но он не мог навязать стране медленную программу реформ в условиях, когда руководство РСФСР отказывалось ее реализовывать. Он мог предотвратить принятие Союзного договора на конфедеративной основе, но не мог навязать свою федералистскую альтернативу, когда основные союзные республики, включая Россию, отказывались ее воспринимать. Тем временем в экономике наблюдалось неуклонное снижение показателей,

проходившее параллельно с неуклонным снижением слаженности государственного управления.

Когда в апреле 1991 года Горбачев снова решил примкнуть к другому лагерю и договориться о преобразовании СССР в конфедерацию, он, как и ожидалось, привел в ярость консерваторов и реакционеров, вошедших в его правительство в последние месяцы и ожидавших восстановления власти Кремля над страной. Когда вместо этого Горбачев назначил в августе 1991 года церемонию подписания радикальной версии Союзного договора, руководители общесоюзных институтов — КГБ, армия и руководство центральных министерств — взяли дело в свои руки. Их переворот 19 августа 1991 года был спланирован поспешно и плохо, получил лишь ограниченную поддержку военного командования и не был подкреплен каким-либо коллективным чувством уверенности в себе. Более того, хотя заговорщикам удалось удержать Горбачева под домашним арестом в его резиденции вдали от Москвы, они так и не смогли изолировать Ельцина. Это был его звездный час. Он рисковал своей жизнью, стоя на танке и требуя, как законно избранный президент России, чтобы войска не принимали участия в этом антидемократическом бесчестье, предупредив, что они будут привлечены к ответственности, если станут сотрудничать с изменниками.

Последующая история России, а возможно, и Советского Союза могла бы быть совершенно иной, если бы Ельцин не пережил свой акт неповиновения. Достаточно было одной пули снайпера, чтобы покончить с ним, стоящим на этом танке. И потребовался бы только один решительный командир взвода, чтобы открыть артиллерийский огонь по Белому дому и уничтожить большую часть руководства антисистемных сил, собравшихся там в тот день. Хотя мобилизованные общественные силы могут подтолкнуть политику страны в определенном направлении, они не всегда определяют, насколько далеко зайдет такой толчок и как долго он продлится. Роль Ельцина в дальнейшей поляризации российской политики и в срыве усилий Горбачева по восстановлению своей политической роли неоспорима. Если бы после августа 1991 года не стало Ельцина и даже если бы путч

окончательно провалился после такого кровопролития, политический ландшафт был бы совсем другим. Но справедливо и обратное: успешное неподчинение Ельцина заговорщикам превратило его из весьма популярного политика в практически легендарную харизматичную персону. Казалось, что он в одиночку справился с путчем, совершив подвиг, по крайней мере не менее великий и внушающий трепет, чем его успешное политическое возрождение в ходе избирательной кампании 1989 года²⁵.

Ельцин, как казалось, совершил чудо, и именно этого ждут последователи от своих харизматичных лидеров. После этого Горбачев оказался в его власти — а он редко бывал милосердным и тем более великодушным. Ельцин, возможно, до ноября-декабря 1991 года еще не решил, будет ли он тайно сотрудничать с лидерами двух других республик с целью распустить Советский Союз и передать Кремль (и подконтрольные ему общесоюзные учреждения) под юрисдикцию России. Возможно, в августе-сентябре он еще не определился с тем, хочет ли он сменить Горбачева на посту лидера нового конфедеративного Союза суверенных государств. Но к осени 1991 года становилось все более очевидным, что с Горбачевым как серьезной политической силой покончено и что будущее России будет определяться решениями президента Ельцина.

Понижая и повышая ставки

В установившихся демократических режимах, в которых уровни социального конфликта и поляризации относительно низки, а электоральное соперничество ведется по принципу «победитель получает все», политические конкуренты в ходе кампании обычно борются за голоса умеренной середины элек-

²⁵ Во всяком случае, так это выглядело в глазах публики. Есть те, кто утверждает, что Ельцину во время путча смерть не грозила, что заговорщики предпочли бы оставить его в живых. Оставим ответ на этот вопрос будущим историкам.

тората. Когда социальный конфликт и поляризация нарастают, начинается обратный процесс. Умеренная середина сокращается в размерах, и кандидатам приходится бороться за лояльность набирающих силу крайних концов политического спектра. В таких условиях язык политики становится более экстремистским в обоих направлениях. Более того, конкуренты на одной стороне идеологического спектра часто стремятся перебить друг друга ставки в борьбе за лояльность избирателей-максималистов. В контекстах, отмеченных поляризацией этнических или расовых конфликтов, реакционная стратегия иногда бывает озаменована разыгрыванием этнической (или расовой) карты. Она принимает двоякую форму: осуждение идеологических оппонентов за их позицию по тому или иному вопросу и перебивание ставок соперников, находящихся на той же стороне политического спектра, путем показа большей приверженности общим ценностям по сравнению с ними.

В ситуациях нарастания поляризации электората конкуренты по обе стороны политического спектра могут попытаться перехватить инициативу у соперников из собственного идеологического лагеря, разбивая политическую защиту друг друга или, используя терминологию карточных игр, «поднимая ставки», «повышая ставки» или «перебивая взятки». Эти действия часто принимают форму попыток преувеличить степень приверженности конкурента к противоположной стороне спектра. Окажется ли это выигрышной стратегией, зависит от типа выборов (внутрипартийные или всеобщие), электоральных правил (пропорциональное представительство или принцип «победитель получает все»), а также размера и настроений «умеренного» блока среди голосующей публики. В случае с Ельциным особые обстоятельства, созданные реформами Горбачева, предоставили ему благоприятную возможность укрепить свое политическое положение за счет такого «перебивания взяток».

Советская политика до Горбачева определенно не была политикой электоральной, ограничиваясь конкурентной борьбой за лояльность внутри групп элит. При такой конкуренции чем выше уровень поляризации проблем в истеблишменте, тем

больше соблазн повысить ставки, чтобы перехватить инициативу у соперников. Так было в период политической борьбы за престолонаследие, последовавшей за смертью Сталина, и до решения «сталинского вопроса». Именно Хрущев успешно разыграл игру с перекупом. Постсталинский консенсус призывал к разрыву с атмосферой террора и улучшению ситуации с потреблением. Но Хрущев своим неожиданным осуждением Сталина заставил своих политических соперников обороняться. В сфере социально-экономической политики он обвинил своих соперников в непонимании масштабов чрезвычайной ситуации с продовольствием, поскольку сам продвигал кампанию («освоение целинных земель») по быстрому возделыванию новых земель с целью уменьшения нехватки зерна. Тем самым он обыграл Маленкова с его более реалистичным (и более дорогостоящим) перспективным планом дальнейшего развития традиционных сельскохозяйственных районов. Затем Хрущев еще больше повысил ставки, совершив поездку по стране и призвав колхозы в течение трех-четырёх лет выйти на рекордные уровни производства мяса и молока. Соперники Хрущева в руководстве постоянно оказывались застигнуты врасплох этими намеренными попытками повысить потребительские ожидания населения и разрушить политические штампы. К тому времени, когда в 1957 году они попытались свергнуть Хрущева, его поддержка в Центральном комитете выросла до такой степени, что взамен ему удалось изменить ситуацию и уничтожить своих конкурентов.

Когда в 1964 году Хрущев был окончательно свергнут, консенсус в руководстве был гораздо большим, чем после смерти Сталина. Антисталинская кампания была остановлена, чтобы интеллигенция не могла больше ставить под сомнение мудрость коммунистической партии и верность ее линии. Также негласно решено было отказаться от из ряда вон выходящих обещаний Хрущева добиться «полной и окончательной победы коммунизма» в СССР и «догнать и перегнать Америку» в промышленном производстве и уровне жизни. В совокупности руководство лучше осознало, что система неспособна выполнить такие обещания. Учитывая эти изменения, уровень поляризации внутри

него снизился до такой степени, что рецептом успеха стал отказ от «повышения ставок», создание коалиции, объединяющей умеренную середину политического спектра. Еще совсем недавно Хрущев, а до него Сталин продемонстрировали политическому руководству опасность, исходящую «сверху», когда лидер получает слишком много власти и может использовать ее против зависимого от него номинально «коллективного» руководства. В таких обстоятельствах политическая конкуренция при Брежнев стала ограниченной: она сводилась к более узким политическим аренам и всегда подчинялась необходимости избегать вызовов политическим прерогативам партийного руководства, будь то «сверху» (автократия) или «снизу» (силы вне партийно-государственного аппарата). Способом избежать таких вызовов было сохранение видимости единства в руководстве; это сочеталось с умеренным консенсусом в руководстве и укрепляло его. Результатом стало то, что политическая конкуренция превратилась в значительной степени в вопрос снижения, а не повышения ставок. Это продолжалось около двадцати лет и способствовало возникновению того состояния, которое Горбачев и его единомышленники охарактеризовали как «застой».

Горбачев, как и Хрущев, столкнулся с ситуацией, когда атмосфера внутри политического истеблишмента сместилась в сторону смутного ощущения, что «так продолжаться не может». Не было единого мнения относительно того, как вылечить недуг, но широко распространилось стремление к переменам. Реакционный менталитет наследников Брежнева и Черненко (Тихонов, Гришин, Романов, Кунаев и др.) был аналогом неосталинистских настроений 1953 года, и обойти его было столь же легко. Предвыборная речь Горбачева в декабре 1984 года явилась аналогом кампании Хрущева по десталинизации. Он бросил вызов и объявил о невозможности продолжать по-прежнему. Укрепив свою власть в 1985–1986 годах, Горбачев снова перехватил инициативу, начав процесс непрерывной радикализации политики, что нашло отражение в его программах гласности и демократизации 1987–1988 годов. Однако, спонсируя эти инициативы, Горбачев не пытался перебить ставки своих соперников в руководстве. Те,

кто, как Шеварднадзе и Яковлев, соглашался с его программой, были не соперниками, а союзниками; не было нужды перебивать их ставки. Горбачев просто пытался вести страну в предпочтительном для себя направлении, а предпочитал он радикализацию постепенную, чтобы не дать общественным силам зайти слишком далеко и слишком быстро в направлении, способном обрушить систему или вызвать мощную реакцию сил внутри истеблишмента.

Таковы были условия, в которых Ельцин пытался играть с Горбачевым на повышение — сначала для того, чтобы заставить его радикализироваться более полно и быстро (1986–1987), а затем для того, чтобы обойти Горбачева с фланга в борьбе за лояльность недавно мобилизованных общественных сил (1988–1991). Ельцин проиграл первое из этих сражений, потому что оно шло в границах партийного истеблишмента и в то время, когда уровень поляризации внутри Политбюро и Центрального комитета был еще относительно низким. Тем не менее он выиграл второе сражение, потому что оно происходило на публичной арене, которая распространилась на недавно обретенный (и быстро радикализующийся) электорат. Фактически Ельцин смог победить Горбачева, когда были выполнены два условия: 1) резко усилилась политическая поляризация; 2) политическая конкуренция происходила на новых аренах и с новыми правилами — на аренах и по правилам, которые по иронии судьбы были созданы самим Горбачевым.

На XXVII съезде партии (февраль 1986 года) Ельцин показал, что теперь он радикальнее любого другого члена Политбюро, критикуя центральный партийный аппарат и социально-экономические привилегии номенклатуры и делая это перед широким партийным составом. Его речь была опубликована в «Правде» на следующий день. Ельцин повторял то же самое на нескольких заседаниях Политбюро, где он критиковал темпы перестройки (и тем самым — руководство Горбачева), из-за чего Горбачев в какой-то момент выбежал с заседания [Ельцин 1990: 98–99]. В какой-то момент Горбачеву могло бы показаться удобным, чтобы кто-то из членов Политбюро отстаивал идеи даже более

радикальные, чем то, что проповедовал сам Горбачев. Это укрепило бы его имидж как ответственного реформатора и, по крайней мере временно, усилило бы чувство зависимости от него пуритан и технократов в плане политической защиты от «безрассудных радикалов» в элите.

Однако когда в 1987 году Ельцин выступил с критикой Лигачева, привилегий и горбачевского руководства на заседании Центрального комитета — причем не согласовав свою речь заранее с Политбюро, — он нарушил некоторые из самых заветных правил Политбюро. Он разрушил показной фасад единодушия, которое Политбюро предпочитало демонстрировать более широкой аудитории, включая даже представителей политического истеблишмента, и стал настраивать членов ЦК против своих соперников в Политбюро. Словом, он пытался дискредитировать Горбачева, «жалуясь» на него Центральному комитету, обвиняя его в недостатке мужества и обвиняя Лигачева в стремлении саботировать перестройку. Язвительное осуждение, которое он получил в ответ на свои усилия, и последующее снятие с постов в Политбюро и региональном партаппарате показали, что перебивку ставок при все еще ленинском режиме лучше всего проводить с позиции силы. Козыри Ельцина, не имевшего ни сильных сторонников в Центральном комитете, ни институциональных каналов, через которые можно было бы мобилизовать более широкий круг сторонников, были легко побиты.

По-другому дело пошло в 1988–1989 годах, когда Ельцин воспользовался возможностью обыграть Горбачева перед более широкой и более сочувствующей аудиторией. Началось это на транслируемой по телевидению XIX партийной конференции в июне 1988 года, ставшей той самой трибуной, с которой Горбачев представил свои наиболее радикальные предложения. Если бы не вмешательство Ельцина, он мог бы покинуть эту конференцию с публичным имиджем великого демократизатора. Напротив, внеплановая речь Ельцина, ради которой ему буквально пришлось пробиться к микрофону, подняла ставки до такой степени, что Горбачев, уходя, выглядел в глазах самых радикальных сил умеренным или даже консерватором. Некоторые из

критических замечаний и предложений Ельцина были, пожалуй, чисто тактическими²⁶:

- Партийная конференция должна была состояться гораздо раньше.
- Делегаты на конференцию не всегда избирались демократично.
- Нынешние члены руководства, которые работали при Брежнев и терпимо относились к застою и коррупции, должны быть уволены из Политбюро.
- Когда генеральный секретарь покидает свой пост, другие члены Политбюро должны уйти вместе с ним.
- Основания перестройки не были подготовлены должным образом; недостаточно проанализированы причины «застоя».

Однако другие предложения и критические замечания соответствовали более радикальной и эгалитарной концепции демократизации:

- Предложение Горбачева о совмещении функций первых секретарей партийных комитетов и глав Советов должно быть вынесено на всенародный референдум.
- Генеральный секретарь также должен избираться прямым тайным публичным голосованием.
- Руководители всех политических организаций должны иметь ограничение на срок полномочий в два срока на каждую должность и возрастное ограничение в 65 лет.
- Политбюро должно представлять отчеты о своей деятельности: биографии своих членов, сколько денег они зарабатывают, чем занимаются и т. д.
- Бюджет ЦК должен обсуждаться открыто.
- Коррупция и привилегии среди высшей номенклатуры недопустимы и являются нарушением «социальной справедливости»; доступ к ресурсам должен основываться на том прин-

²⁶ Приведенные ниже предложения Ельцина взяты автором в [Горшков и др. 1992: 79–82].

ципе, что должностные лица партийного аппарата не должны быть исключением, когда все испытывают тяготы и лишения.

- Партийный аппарат слишком велик и силен; это может сорвать демократизацию. Сократить в 2–3 раза аппарат районных партийных организаций, в 6–10 раз — ЦК, ликвидировать различные отделы аппарата ЦК.
- Социализму не удалось «решить главные вопросы — накормить и одеть людей, развить сферу услуг, решить социальные проблемы».

Как бы то ни было, и Горбачев, и Ельцин предлагали в июне 1988 года радикальные демократические изменения, превосходящие все, что можно было услышать на партийных форумах с 1920-х годов. Советская доктрина при Брежневеве оправдывала гегемонию КПСС, утверждая, что только партия способна объединять заинтересованные группы в обществе и предотвращать превращение социальной напряженности в «антагонистические противоречия». Эта доктрина гласила, что конкурентные выборы и многопартийная система не нужны, потому что только КПСС понимает интересы общества в мере, достаточной для посредничества в решении социальных конфликтов и их сдерживания. Нет необходимости расширять политические права масс, поскольку такие права необходимы только в системах, в которых возникают антагонистические противоречия между интересами «народа» и его правителей²⁷.

Когда Горбачев начал попытки введения новых механизмов внутрипартийной демократии (в 1987 году) и новых механизмов ответственности избираемых чиновников (в 1988 году), он вышел далеко за рамки прежних доктринальных ограничений. Так, теперь он утверждал, что партия в существующем виде не совсем приспособлена для сглаживания противоречий, надлежащего

²⁷ Более полный разбор этой темы и аргументацию см. в [Breslauer 1982: 174–175]. См. также работу либерала внутри истеблишмента, который пытался расширить брежневское определение политического участия, включив в него «расширенные политические права»: [Бурлацкий 1970].

агрегирования и защиты общественных интересов, а не исключительно личных интересов класса чиновников. Следовательно, подлинная подотчетность «народу» требовала большего, чем просто декларируемые обязательства реагировать на потребности народа; требовалось, чтобы народу было дано право непосредственно налагать санкции на бездействующих чиновников или смещать их.

Эгалитарный популизм Ельцина в бытность его первым секретарем московского горкома привел его к пониманию антагонизма в отношениях между номенклатурой и населением. В то время он воспринимал номенклатуру как совокупность коррумпированных чиновников, нуждающихся в замене. Однако после 1987 года он все чаще стал понимать номенклатуру как системное явление: не как совокупность индивидов, а как набор правил. Это соответствовало тогдашним публичным заявлениям Горбачева. Но Ельцин двигался дальше и быстрее Горбачева в теоретической плоскости. Повышение им ставок стало одновременно свидетельством изменений в его убеждениях и актом политического соперничества, побуждавшего его разделять все более радикальные взгляды²⁸.

К июню 1988 года различие между Горбачевым и Ельциным состояло не в степени одобрения демократизации, а скорее в том, как каждый из них оценивал совместимость демократизации

²⁸ Перебивание ставок соперника — это расчетливый акт политической конкуренции. В любом случае, он может и не быть лицемерным. Со временем убеждения Ельцина радикализировались в ответ на узнавание нового, как, например, во время его поездки в США в сентябре 1989 года [Aron 2000, ch. 7]. Но взгляды Ельцина радикализировались также в ключевые моменты политической конкуренции с Горбачевым — например, в преддверии парламентских выборов 1989 и 1990 годов. Учитывая скорость, с которой люди способны рационализировать свое поведение как соответствующее их принципам, попытки определить степень оппортунизма Ельцина могут оказаться бесполезными. Кроме того, это не является необходимым, поскольку подход к укреплению авторитета в условиях политической конкуренции, используемый в этой книге, в основном сосредоточен на управлении имиджем и публичной самопрезентации. Достаточно продемонстрировать процесс повышения ставок и рассмотреть его влияние на политическую аудиторию.

с сохранением «ведущей роли партии». Оба формально продолжали поддерживать желательность и необходимость этой роли. Но Ельцин все чаще давал понять, что партийный аппарат в его понимании находится в антагонистическом и непоправимом противоречии с общественными интересами. Принятие предложений Горбачева сделало бы партийных чиновников более ответственными перед электоратом; принятие предложений Ельцина, кроме этого, сделало бы повседневную работу партийного аппарата более открытой для общественного контроля и для недовольства общества. Таким образом, Ельцин был на один большой шаг ближе, чем Горбачев, к той позиции, согласно которой КПСС следовало упразднить, поскольку преобразованию она не подлежала.

После июня 1988 года, по мере того как демократы в Советах настаивали на дальнейшей радикализации реформ, Горбачев стал смиряться с давлением. До осени 1990 года он постепенно, и часто весьма неохотно, соглашался со все более радикальными требованиями — либо потому, что верил в радикализацию как самоцель, либо потому, что, по его расчетам, сопротивление обошлось бы дороже уступчивости. Он играл в политическую игру выборочного приспособления, пытаясь сдерживать темп политической поляризации.

Ельцин, однако, играл в другую игру, используя газетные интервью и публичные выступления для борьбы с Горбачевым, постоянно перебивая его ставки в игре, где на кону стояла лояльность народа в процессе дальнейшей радикализации взглядов и представлений населения. Если бы публичные заявления Ельцина не повлияли на скорость поляризации, нам не пришлось бы называть это перебиванием ставок; мы просто утверждаем, что он выбрал иной круг сторонников, чем Горбачев, в быстро поляризующемся электорате. При таких обстоятельствах поведение Ельцина лишь подстраивалось бы под уровень поляризации общества, а не влияло бы на нее. Чтобы окончательно решить этот вопрос, потребуется масштабное и тщательное изучение взаимодействия между поступками Ельцина и поведением общественных сил, но имеющиеся данные позволяют мне

предположить, что Ельцин в 1988–1989 годах стал центром их внимания.

Безусловно, были силы радикальнее его. Но у основной части населения, которая в конце концов его поддержала, к 1988–1989 годам еще не развилось революционное сознание. Ельцин в понятной форме сформулировал для них то, что они чувствовали нутром. Он помог им объяснить точные причины их состояния. Он повысил их осознание того, что именно необходимо, чтобы положить конец их страданиям. И, что важно для человека, находящегося в центре внимания, своими последовательными политическими победами он показал, что мирные революционные изменения не только желательны и необходимы, но и *возможны*. Это отличало его от активистов некоторых общественных трибун, выдвигавших не менее радикальные предложения. Ельцин смог перебить ставки Горбачева, потому что делал это настойчиво и по всем внутренним вопросам без исключения²⁹, на многочисленных площадках и с явным намерением конкурировать с Горбачевым за лояльность населения (отрицал он такое намерение или нет).

Мы уже были свидетелями того, как Ельцин победил Горбачева на транслировавшейся по телевидению конференции в июне 1988 года. Но эта конференция завершилась многочисленными речами, где Ельцина распекали за его инакомыслие, а руководство отклонило его просьбу о «прощении» партией. Из-за всего этого он впал в длительное уныние [Agon 2000: 249]. Тем не менее усвоивший уроки партийной конференции и поддержанный потоком сочувствующих писем и телеграмм Ельцин решил баллотироваться в новый парламент, Съезд народных депутатов, выборы в который должны были состояться в марте 1989 года. Интеллектуальные и эмоциональные травмы, которые он недавно перенес, в сочетании с перспективой политического соревнования, в котором он сможет свести счеты с противниками и восстановить свой авторитет, заставили его еще более поднять

²⁹ Я не вижу подобного перебивания ставок по вопросам внешней политики, если только не считать таковыми межреспубликанские отношения.

ставки в риторике. В своей предвыборной платформе, опубликованной в «Московской правде» 21 марта 1989 года³⁰, Ельцин призвал ко всеобъемлющей децентрализации власти с передачей полномочий всем, кто желает их получить: «народу», Советам, предприятиям, потенциальным землевладельцам и даже республикам. Хотя Ельцин еще не сформулировал внятной платформы, альтернативной существующей системе, он двигался в этом направлении. Эта платформа подразумевала (хотя и не говорила об этом явно), что «руководящая роль партии» в политической, экономической и культурной жизни страны подлежит отмене.

Подобным же образом на транслировавшемся по телевидению Первом съезде народных депутатов 31 мая 1989 года Горбачев назвал КПСС «гарантом демократии», тогда как Ельцин охарактеризовал партию как главное препятствие на пути демократии [Горшков и др. 1992: 134]. Ельцин также требовал «предоставить больше политических прав, а также экономическую и финансовую самостоятельность <...> каждой союзной республике» и поддержал предложение одного из депутатов о том, чтобы в некоторых республиках было разрешено иметь два государственных языка [Горшков и др. 1992: 138]. В явно демагогической претензии на поддержку «маленького человека» Ельцин предположил, что годы правления Горбачева являются периодом «безделья»:

Уже на данном Съезде надо решить хотя бы один конкретный социальный вопрос, иначе люди нас не поймут. Допустим, установить бесплатное обеспечение лекарствами и проезд в городском транспорте для инвалидов и людей, живущих ниже черты бедности, решить пенсионный вопрос, хотя бы часть его [Горшков и др. 1992: 139].

Ельцин утверждал, что в одной сфере, однако, Горбачев сделал слишком много. Он сосредоточил слишком много власти в своих руках: «Мы можем вновь оказаться, сами того не заметив, в пле-

³⁰ Московская правда. 1989. 21 марта. Перепечатано в [Горшков и др. 1992: 118].

ну нового авторитарного режима, новой диктатуры». Ельцин предложил ежегодно проводить всенародный референдум по вопросу о доверии председателю Верховного Совета СССР [Горшков и др. 1992: 139].

Два месяца спустя в опубликованном интервью Ельцин прокомментировал, что съезд должен отменить статью 6 конституции (защищавшую монопольную роль коммунистической партии в политической системе), при этом власть будет осуществляться только органами, избираемыми народом [Горшков и др. 1992: 146]. В том же месяце он призвал к «резкому сокращению» КГБ, а Горбачев продолжал проявлять по этой теме сдержанность в публичных комментариях³¹.

В декабре 1989 года выступление Ельцина на Съезде народных депутатов повысило уровень обсуждения экономической реформы; он призвал к более полной экономической децентрализации, чем когда-либо раньше, и потребовал *быстрого* перехода к рынку — гораздо быстрее, чем за те шесть лет, которые предлагало правительство Рыжкова³². В том же месяце между Горбачевым и Ельциным произошел редкий прямой обмен мнениями относительно их политических убеждений. Ельцин сказал в интервью греческой газете: «Те, кто все еще верит в коммунизм, уходят в сферу фантастики. Я считаю себя социал-демократом». Горбачев ответил через несколько дней на заседании Верховного Совета: «Я коммунист, убежденный коммунист. Для некоторых это может быть фантастикой. Но для меня это моя главная цель» [Morrison 1991: 108].

В дальнейшем ситуация продолжила обостряться. В 1990 году повышение ставок охватывало: 1) вопросы внутрипартийной реформы (должна ли КПСС расколоться на две партии? Следует ли провести чистку от консерваторов и превратить партию в социал-демократическую? Должно ли нынешнюю систему сменить многопартийное либерально-демократическое политическое устройство?); 2) прямые нападки на пригодность Горбачева к пре-

³¹ FBIS-SOV. 1989. July 17; [Zlotnik 1999].

³² FBIS-SOV. 1989. December 18.

быванию во власти; 3) отношения между Москвой и республиками СССР; и, что наиболее важно, 4) право России вести свои собственные дела независимо от желаний союзного «центра». Это повышение ставок, одновременно отражавшее расклад радикализирующих сил в обществе и способствовавшее их укреплению, направило СССР на курс к окончательному распаду.

В январе 1990 года Ельцин заявил латвийской молодежной газете, что республикам Балтии нужен реальный суверенитет; он также обвинил Горбачева в том, что тот перешел на правые позиции ввиду своего нежелания принимать ключевые законы о собственности, земле и средствах массовой информации, а также в «нескрываемом желании» сохранить статью 6 конституции [Горшков 1992: 164–165]. Одиннадцать дней спустя Ельцин в интервью намекнул на свое намерение расколоть партию на ее предстоящем съезде, если не произойдет «серьезного обновления» [Горшков 1992: 169]. На пленуме ЦК 5 февраля 1990 года Ельцин подробно разъяснил смысл такого обновления. Моррисон хорошо резюмирует:

Его требования включали отказ от демократического централизма и гарантию свободы мнений для отдельных членов; отмену штатного аппарата; многопартийность; официальное признание внутрипартийных фракций; отмену шестой статьи советской конституции <...>; изменение партийной структуры с вертикальной на горизонтальную; демократические выборы; конец номенклатурной системы партийного контроля над назначениями; децентрализацию партийных финансов; превращение партии в федеративную структуру партий отдельных республик, в том числе России... [Morrison 1991: 118].

17 февраля Ельцин заявил, что Россия должна быть «автономной во внутренних и международных отношениях»³³. 20 февраля он сообщил, что стремится стать председателем Верховного Совета России в преддверии скорых выборов последнего, чтобы

³³ FBIS-SOV. 1990. February 20; [Zlotnik 1999].

добиться «радикализации всех реформ»³⁴. В ходе этой избирательной кампании Ельцин ясно дал понять то, на что он только намекал ранее: что СССР нуждается в либеральной демократии, основанной на полной свободе выбора, без ограничений, на которых продолжал настаивать Горбачев [Aron 2000: 366–370]. Ельцин использовал центробежные силы, которые расшатывали связи, скрепляющие Советский Союз, безоговорочно одобрял их и, по сути, приравнивал распад к «свободе выбора» и «демократии». Горбачев, напротив, видел в центробежных силах предвестие анархии и пытался обуздать их или подкупить.

В мае 1990 года ситуация еще больше обострилась, и снова по инициативе Ельцина. На Первом съезде народных депутатов Российской Федерации, где он с небольшим отрывом был избран председателем, Ельцин определил «суверенитет» республик как право решать, какими правами должен пользоваться «центр». Он утверждал, что с юридической точки зрения конституция России должна заменить общесоюзную конституцию. 30 мая он объявил, что готовятся законы для всенародных выборов президента Российской Федерации [Горшков и др. 1992: 200]. В июне 1990 года Горбачев и Ельцин полемизировали друг с другом по вопросу республиканского суверенитета, причем Ельцин поддерживал «сильные республики», а Горбачев отстаивал важность союза («изоляция» России — не решение проблем, настаивал Горбачев) [Горшков и др. 1992: 204–209]. В июле 1990 года состоялся роковой XXVIII съезд партии, на котором (как мы видели) Ельцин занял аболиционистскую позицию в отношении организационных полномочий КПСС, а ответ Горбачева был антимонополистическим и антиаболиционистским. Это не удовлетворило Ельцина, который снова поднял ставки, покинув съезд и сдав свой партбилет.

Так оно и продолжалось, по тому или иному поводу. Горбачев медленно двигался в более радикальном направлении, а затем Ельцин нападал на него, осуждал за осторожность или отсутствие обязательств и вызывал публичную конфронтацию. По

³⁴ Советская Эстония. 1990. 20 февр.; [Aron 2000: 364].

мере того как революционные силы в кругах интеллигенции союзных республик увеличивали свое влияние, Ельцин старался не отставать от них (или опережать их), оставляя Горбачева в незавидном положении, поскольку тому оставалось либо сдерживать их и подвергаться при этом критике как консерватор, или же связать свою судьбу с жесткими силами внутри партии. Так, летом 1990 года Ельцин вынудил Горбачева досрочно одобрить 500-дневную программу радикальной реформы экономики, пригрозив реализовать ее в России независимо от Союза. В январе 1991 года Ельцин призвал российских солдат, посланных в Прибалтику, отказаться от выполнения незаконных приказов своих командиров [Горшков и др. 1992: 295]. На следующий день Ельцин объявил, что Россия, Казахстан, Белоруссия и Украина могут заключить четырехсторонний договор — как раз в то время велись переговоры по союзному договору, — к которому позже смогут присоединиться другие республики и центр [Горшков и др. 1992: 296]. 19 февраля 1991 года Ельцин впервые призвал Горбачева уйти в отставку [Горшков и др. 1992: 314]. В марте, когда Горбачев выступал за общенациональный референдум по вопросу о том, хотят ли советские граждане сохранить Союз, Ельцин внес в бюллетень для голосования по РСФСР вопрос о том, следует ли создать институт всенародно избираемого президента России. После своего избрания президентом он подписал указ о прекращении деятельности политических партий в российских государственных органах, тем самым бросив вызов как коммунистам, так и Горбачеву [Горшков и др. 1992: 375–377].

Ельцин начал 1991 год с выражения публичной позиции, подразумевавшей стремление примирить автономию России с сохранением СССР в форме конфедерации. Изначально это не было призывом к отделению России от существующего государства. Действительно, 17 марта 1991 года он призвал избирателей поддержать на референдуме Горбачева во имя «обновленного союза». Однако, в отличие от Горбачева, Ельцин одновременно призывал к «укреплению российской государственности». Более того, он назвал такое укрепление необходимым условием для

эффективного членства в предполагавшемся Союзе суверенных государств. Он публично высказался по поводу этой двойственности:

Поддерживаю Союз. Но только такой, к которому республика присоединится по собственному желанию, а не насильственно. <...> Даже сегодня есть несколько республик, которые заявили о своем намерении выйти из него. <...> Единственная сильная власть — это власть, основанная на поддержке народа. Поэтому мы считаем, что президент России должен избираться не узким кругом, а всеми гражданами республики, всем народом. Введение поста президента позволит укрепить суверенитет республики. Выборы президента России всеобщим голосованием — это только начало усиления исполнительной власти в республике. Я считаю ваше «да» [на голосовании] как поддержку реформ в нашей республике, как ваш личный вклад в укрепление российской государственности, что позволит России стать полноправным участником обновленного Союза суверенных государств³⁵.

Ельцин получил то, о чем просил: президентские выборы в России, которые он легко выиграл в июне 1991 года. Теперь он был в состоянии действовать в соответствии со своими призывами к «усилению исполнительной власти в республике» как к средству дальнейшего «укрепления российской государственности», хотя и в контексте «обновленного Союза». По мере дальнейшего развития событий стало ясно, что приверженность Ельцина обновленному Союзу была намного слабее, чем его приверженность исполнительной власти внутри республики и независимости республики от каких-либо силовых вмешательств со стороны центральных союзных властей. В то же время, не желая публично пропагандировать расчленение СССР, он говорил о Российском государстве, которое станет ядром нового Союза суверенных государств³⁶.

³⁵ Радио России. 1991. 17 марта.

³⁶ См., напр., его заявление на пресс-конференции 26 июня 1991 года (Иновещание СССР. 1991. 27 июня).

Со временем события вынудили Ельцина выбирать между своей приверженностью независимости российской исполнительной власти и государственности по отношению к союзному «центру», с одной стороны, и, с другой стороны, своим стремлением уклоняться от публичных высказываний в пользу роспуска СССР. Это привело его к финальному шагу, когда в декабре 1991 года он переиграл Горбачева, не без колебаний (но успешно) сговорившись ликвидировать как Советский Союз, так и президентство последнего.

Выводы

Подводя итоги, скажем, что реформы Горбачева высвободили силы, которые в конечном итоге он не смог контролировать. Он вел политическую игру, требовавшую от него поддержки умеренных сил, даже когда он пытался подтолкнуть их ко все более радикальным действиям. Однако уровень поляризации среди политически мобилизованных граждан нарастал быстрее, чем того ожидал Горбачев. Эту брешь занял обиженный и решительный Ельцин. Он интуитивно чувствовал, что СССР переживает мирную революцию, а не управляемую трансформацию. Он чувствовал, что выигрышная политическая стратегия в такой ситуации заключается в том, чтобы идти в ногу с радикализирующими силами, разжигая страсти и одновременно препятствуя усилиям политических соперников сдерживать темп перемен. Он играл в эту игру неустанно, вероятно наслаждаясь возможностью отомстить Горбачеву за обиду 1987 года.

Это объясняет, почему занятие промежуточной позиции в конкурентной политике иногда рассматривается как рациональная стратегия, а иногда — как безрассудство. Когда уровень поляризации среди имеющих право участвовать в политике низок и когда «умеренные» численно преобладают среди активного электората, занятие промежуточной позиции может быть выигрышной стратегией, но когда уровень поляризации уже высок и все больше нарастает, когда «умеренные» движутся к той

или иной крайности и когда контрэлиты повышают ожидания народной аудитории, занятие золотой середины становится проигрышной стратегией: человек попадает в ловушку, под перекрестный огонь, обвиняемый обеими крайними группировками в измене.

Горбачев умело возвысился в советском политическом истеблишменте. Став генеральным секретарем, он продемонстрировал свою способность инициировать мирную трансформацию системы. Но в конце концов именно благодаря институтам, созданным Горбачевым, Ельцин получил возможность играть в публичную политику лучше, чем сам Горбачев. Горбачев оказался более опытен в построении власти в рамках советской политической структуры. Ельцин оказался более искусен в использовании публичной политики, которую вызвал к жизни Горбачев.

Глава 7

Господство Ельцина

Ельцин победил в борьбе за власть. Теперь ему предстояло пережить этап своего собственного господства, когда ожидалось, что он возьмет на себя политическую ответственность за решение проблем, стоящих перед Россией, связанных, в частности, с распадающимся государством и с экономикой на грани краха. Вызванные этим ожидания были во многом сформированы тем общественным имиджем, который он обрел в ходе обхода Горбачева с флангов. Ельцин построил свой авторитет и захватил политическую инициативу на базе расширенной, но в значительной степени основанной на отрицании программы: против коррупции, против привилегий, против партаппарата, против коммунизма, против Горбачева и, наконец, против «центра» (то есть советской власти Кремля). Апогей этого накопления авторитета пришелся на август 1991 года, когда в глазах многих граждан он приобрел статус почти легендарного героя, взобравшись на танк перед Белым домом и открыто выступив против путчистов, очевидно, исключительно благодаря своей силе воли. Позитивные аспекты в программе Ельцина тоже имелись, но в то время еще не разработаны и не реализованы. На протяжении 1991 года и особенно во время своей президентской избирательной кампании весной 1991 года Ельцин обещал России, что построит рыночную экономику по западной модели, интегрирует страну в мировую капиталистическую экономику, и уверял, что Россия займет свое место среди «нормальных» и «цивилизованных» мировых либеральных демократий. Однако у него не было необходимости определять стратегию для достижения всего этого, поскольку Россия еще не избавилась от кремлевского диктата.

Все, что ему нужно было сделать, чтобы выиграть борьбу за власть (что само по себе, конечно же, требовало незаурядных талантов), — это публично отождествить себя с этими отдаленными целями и на каждом шагу критиковать Горбачева за то, что тот не принял программу, которая позволила бы быстро их достичь в масштабах всей страны. В период радикализации и революционной поляризации, ставших возможными благодаря трансформации советской политики Горбачевым, это была выигрышная стратегия. Она помогла Ельцину объединиться с наиболее мобилизованными, уверенными в себе и энергичными силами общества: антисистемными избирателями и протестующими во всех республиках, а также с образованной городской молодежью и «западниками» из критически настроенной технической и гуманитарной интеллигенции. Это позволило ему выставить своих основных соперников либо исчерпавшими себя (Горбачев), либо консерваторами (Лигачев), либо реваншистами (путчисты). Это дало ему возможность укрепить собственный авторитет, играя в революционную игру по подрыву авторитета как других действующих лиц, так и государственных институтов. Это же позволило ему обзавестись политической поддержкой без необходимости детально разрабатывать свою позитивную программу и брать на себя ответственность за результаты проводимой политики.

У каждого из советских лидеров, которым мы уделяли внимание, — Хрущева в 1958–1959 годах, Брежнева в 1970–1971 годах и Горбачева в 1986–1987 годах — победа в политической борьбе сопровождалась коротким периодом, в течение которого его роль как руководителя росла и он получал полномочия и власть для реализации масштабной программы перемен во внутренней и внешней политике. Это «медовый месяц» лидера, первое время на высоком посту, когда авторитет на пике, а скептики пока молча прислушиваются к нему¹. Так же и Ельцин поднялся

¹ Горбачев, однако, столкнулся с большим сопротивлением при радикализации своей внутренней политики в 1987 году, чем Хрущев и Брежнев в сопоставимые периоды.

после своей победы на президентских выборах в России в июне 1991 года, а его авторитет резко возрос после августа 1991 года. Более того, во многих отношениях его руки были менее связаны, чем у предыдущих лидеров, поскольку он получил огромный мандат доверия от избирателей и потому, что больше не существовало могущественного коллективного руководства, поддерживаемого аппаратом Центрального комитета, перед которым ему следовало бы отчитываться. А в октябре того же года его парламент (Верховный Совет России), который позже станет противником его программы, декретировал ему особые полномочия сроком на один год. Его медовый месяц начался, но, как и у его предшественников, продлился он недолго.

Повестка дня политики постсоветской России

Восхождение Ельцина происходило в контексте, совершенно отличном от того, с которым столкнулись на аналогичных этапах своего правления Хрущев, Брежнев и Горбачев. Коммунистическая партия больше не играла «ведущей роли» и не имела возможности навязать стране свою «верную линию»; вместо этого она изо всех сил пыталась избежать экспроприации своих активов и сохранить свое право на существование. Политика, разумеется, перестала быть частным делом; вместо этого народные массы стали ареной конкурентной электоральной политики, а также широкое распространение получили гражданские свободы — слова, религии, организации, печати, передвижения и выбора места жительства. Командная экономика была разрушена, хотя институционализованный свободный рынок создан не был. На международной арене коммунизм перестал господствовать в Восточной Европе, Варшавский договор был разорван, и больше не было Советского Союза, который служил бы идеологическим и организационным центром мирового коммунистического движения.

Какую бы программу ни собирался разработать Ельцин, она не была ленинской. На аналогичной стадии своего правления

его предшественники в Кремле выступали с программами, направленными на адаптацию, реформирование или преобразование партийно-государственного аппарата; Ельцин же столкнулся с развалившимся партийным государством; перед ним встала проблема построения нового. Его непосредственный предшественник стремился преобразовать коммунистическую партию; Ельцин предложил разрушить ее и заменить новыми основами политической организации и идеологии. Горбачев стремился преобразовать командную экономику; Ельцин стремился не только справиться с быстро распадающейся, больше не управляемой экономикой, но и построить экономическую систему, призванную ее заменить. Его предшественник пытался определить новую миссию и этос для «советских людей»; Ельцину пришлось справляться с дезориентацией и потерей идентичности, возникшими после краха советской цивилизации, одновременно помогая формированию российского народа. Горбачев старался решить «национальный вопрос» в рамках СССР; Ельцину нужно было определить стратегию упорядочения международных отношений России с четырнадцатью другими государствами — преемниками бывшего Советского Союза. Его предшественникам приходилось разрабатывать программы одновременного сохранения или расширения глобального могущества СССР и поддержания мира между двумя ядерными сверхдержавами; Ельцину пришлось с нуля определять роль и обязанности России в международной системе после окончания холодной войны. В общем, Ельцин должен был стать одновременно строителем государства, строителем нации, создателем нового экономического порядка и государственным деятелем. Он получил свою власть как оппозиционный лидер, но должен будет поддерживать ее как творец.

Осенью 1991 года, когда Ельцин стал заранее готовиться к независимости своей страны от союзных властей, российский лидер начал работать над этими общими проблемами, а также над многочисленными практическими вопросами, с которыми он все еще сталкивался в повседневной спешке принятия решений. Эти проблемы были весьма значительными. Ему все еще приходилось

иметь дело с Горбачевым, который энергично работал над восстановлением своего политического статуса после путча августа 1991 года и его последствий, вкладывая большую часть своей энергии в попытки спасти Советский Союз от исчезновения. Ельцину также понадобилось набрать для разработки новых программ команду советников, помощников и членов кабинета министров. Ему нужно было решить, как справиться с давлением сторонников автономии в российских регионах, поскольку некоторые из них начали требовать большего суверенитета, чем могло одобрить большинство политиков в Москве; действительно, Чечено-Ингушская Республика официально объявила о своем выходе из состава России в ноябре 1991 года. Ельцину пришлось решать, позволить ли провести там новые местные выборы, запланированные на осень 1991 года, или изменить график выборов в свете новых политических реалий. Ему нужно было так или иначе отреагировать на оказываемое на него давление с требованием назначить внеочередные выборы в Верховный Совет и продвигать для участия в этих выборах «президентскую политическую партию», чтобы воспользоваться такой уникальной возможностью для избрания более радикального депутатского корпуса в этом законодательном органе. Кроме того, ему нужно было решить, использовать ли свой личный авторитет для увеличения формальных полномочий своего поста.

Если Горбачев в 1988–1989 годах выступил с масштабной программой преобразования Советского Союза, не вызывая при этом системного коллапса, то Ельцину теперь пришлось иметь дело с последствиями коллапса, которому он сам и поспособствовал. Также ему необходимо было выступить со всеобъемлющей программой преобразования новой независимой России в «нормальную», «цивилизованную» страну, то есть страну того типа, достоинства которого он ранее превозносил. Горбачев пытался преобразовать советскую систему на территории СССР; Ельцину теперь пришлось менять эту систему на территории России, причем именно таким образом, чтобы это соответствовало видению, которого он придерживался на своем пути к вершинам. На этом этапе оставалось достаточно места для политического

творчества. Личные предпочтения Ельцина могли преобладать — по крайней мере, на данный момент — в процессе принятия им решений по реализации своего видения. Вскоре начнут накапливаться ограничения, по мере того как будет становиться очевидной цена его политических инициатив.

Ельцин как строитель государства

Через несколько недель после неудавшегося августовского путча Ельцин провел встречу с журналистами зарубежных телекомпаний (7 сентября 1991 года), на которой он высказался о своем видении того, какое государство нужно России:

...я думаю, страна сейчас без всяких «-измов». Она не коммунистическая, не социалистическая, не капиталистическая; это страна переходного периода, которая хочет идти по цивилизованному пути, по которому шла и идет Франция, Великобритания, Соединенные Штаты, Япония, Германия, Испания и другие страны. Вот стремление идти именно по этому пути, то есть в сторону декоммунизации всех сторон жизни общества, деидеологизации всех сторон жизни общества, вдохновленные демократией...²

Четыре дня спустя, на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), он прибег к более чувствительным образам, говоря, что российская демократия подобна больному ребенку, однако главный выбор уже сделан и есть решимость пройти весь путь, поднимаясь по лестнице к цивилизации³.

Ельцин намеревался подражать западной цивилизации во многих ее особенностях. На пресс-конференции он отметил, что необходимо создать новую президентскую службу и с этой целью его соратники изучают организацию персонала Белого дома в Соединенных Штатах, где эта система просто проработана во

² РТВ. 1991. 7 сент. (FBIS-SOV-91-174. P. 66).

³ Радио России. 1991. 11 сент. (FBIS-SOV-91-177. P. 1).

всех деталях⁴. Впоследствии он говорил о необходимости создания независимой судебной системы и адвокатуры⁵, о политической оппозиции как нормальном явлении⁶ и о взаимной критике между исполнительной и законодательной ветвями власти⁷, о необходимости введения верховенства закона⁸, о желательности позволить Горбачеву уйти в отставку «достойно»⁹, о «формировании и развитии гражданского общества», «сильном и едином демократическом федеративном государстве», а также о необходимости реформы государственной службы и искоренения коррупции¹⁰.

Но как этого добиться? Как искоренить коррупцию, организовать надежную государственную службу и укрепить верховенство закона? Как защитить независимость судебной власти? Как создать сильное гражданское общество? И какую именно форму представительной демократии он имел в виду? С какой степенью разделения властей между исполнительной и законодательной ветвями — и с какой критикой себя и своей политики — он готов был согласиться? Как будут распределяться полномочия между федеральной властью и российскими регионами?

Ельцин назвал сильную исполнительную власть предпосылкой для построения нового порядка на руинах старого. Человек, которого раздражало подчиненное положение и который признает, что всегда хотел быть «начальником» [Ельцин 1990: 70], был готов извлечь выгоду из своего беспрецедентного политического авторитета, максимально расширив свои полномочия. Таким образом, он потребовал (и получил) от Верховного Совета чрезвычайные полномочия на срок в двенадцать месяцев. Он быстро предпри-

⁴ РТВ. 1991. 7 сент. (FBIS-SOV-91-174. P. 69).

⁵ Радио России. 1991. 17 окт.

⁶ Радио России. 1991. 17 окт.

⁷ РТВ. 1992. 19 февр.

⁸ Deutschlandfunk Network. 1991. November 17; Der Spiegel. 1991. November 18. S. 253-262.

⁹ Радио Маяк. 1991. 23 дек.

¹⁰ РТВ. 1992. 5 апр. (FBIS-SOV-92-066. P. 23).

нял шаги, необходимые, чтобы поставить армию и госбезопасность под контроль надежных соратников. Он пригласил бывших коллег из Свердловска руководить своей президентской администрацией¹¹.

Для Ельцина сильная исполнительная власть виделась чем-то большим, нежели способом максимизировать свою личную политическую безопасность. Он также называл это предпосылкой для сохранения единства России как территориального образования. Так, он объявил, что давление сторонников автономии в регионах будет компенсироваться назначением представителей президента в качестве «глав администрации» в каждом из них. Он на время отложил запланированные новые местные выборы и выборы губернаторов регионов. А когда Чечено-Ингушская Республика провозгласила свою независимость, он попытался применить военную силу для отмены ее решения, хотя парламент этого не допустил¹².

Подход Ельцина к исполнительной власти был основан на плебисците. Осенью 1991 года он не просто потребовал, чтобы парламент своим указом предоставил ему власть, но также отклонил предложение лидеров «Демократической России» продвигать

¹¹ Когда его спросили об этом в телеинтервью 19 февраля 1992 года, он отрицал, что это хоть сколько-нибудь значимо («это одна десятая того количества, которое Буш привел из Техаса»), но затем заявил, что это было необходимо в свете окружающей его политической нестабильности: «Как вы думаете, я хочу оказаться на позиции Горбачева? В такой сложный момент 19 августа все, от личной охраны до премьер-министра, действовали как предатели. Все они его предали. Я не хочу оказаться в таком положении» (РТВ. 1992. 19 февр.; FBIS-SOV-92-034. P. 51). Последний довод он повторил в интервью, переданном по телевидению 11 июня 1992 года, добавив, что его стратегия уже оправдала себя: «Если вы вспомните дни путча, 19 и 20 августа, ни один из выбранных мной товарищей по оружию не дезертировал» (РТВ. 1992. 11 июня; FBIS-SOV-92-114. P. 22).

¹² 28 октября 1991 года, за несколько недель до фиаско в Чечено-Ингушетии, он заявил Съезду народных депутатов РСФСР: «Есть предел, за который мы не можем выйти ни при каких условиях. Это территориальная целостность России, ее целостность и правовое единство. Мы не можем допустить и не допустим распада России или ее дробления на десятки воюющих друг с другом удельных княжеств» (РТВ. 1991. 28 окт.; FBIS-SOV-91-209. P. 54).

идею президентской партии, предпочтя вместо этого быть президентом «всего народа». Народ дал ему шанс на воскрешение в 1989 году; народ проголосовал за него как президента в июне 1991 года; к народу он обратился в августе 1991 года. Его стратегии построения государства и укрепления авторитета основывались на его способности напрямую мобилизовывать поддержку населения без посредничества партийной политической организации [Shevtsova 1999: 16; Reddaway, Glinski 2001, ch. 6].

Более того, Ельцин позиционировал себя как обладателя уникального набора навыков, необходимых для того, чтобы вывести Россию из трудной ситуации. Характеризуя Горбачева как робкого и склонного к полумерам человека, себя Ельцин изображал «имеющим смелость сделать этот суровый шаг» (то есть разморозить цены)¹³. Его имидж — пример жесткого человека, который сам всего добился и который требует от других, чтобы они были готовы взяться за решение архисложных проблем (которые и сам он был готов решать)¹⁴. Это был человек действия, изображавший себя революционным героем. После антикоммунистической революции он выглядел человеком, который вылечит Россию от ее болезней, а затем поведет ее по пути к «цивилизации».

Ельцин как строитель нации

Государственное строительство требует формального определения конституционных отношений и создания официальных институтов. Строительство нации, напротив, представляет собой скорее символический процесс привития населению ощущения собственного «мы», основанного на общем восприятии истории и судьбы. Оно обладает также формальным измерением в том смысле, что построение национального государства (в отличие от оппозиционного общественного движения) также влечет за

¹³ РТВ. 1991. 28 окт.

¹⁴ Интервью газете «Труд». 1991. 14 дек. (FBIS-SOV-91-241. P. 36).

собой конституционное определение границ политического сообщества: что такое «народ» и каковы его права и обязанности как граждан. Например, включает ли он в России, где прежнее понятие «советский народ» больше не применяется, всех жителей Российской Федерации, независимо от их этнической принадлежности, или только лиц русской национальности? Независимо от выбранного определения, каковы будут условия взаимной ответственности народа и государства? Будут ли эти отношения определены в гражданских и процедурных рамках, на основании универсалистских и либерально-демократических концепций ответственности перед людьми, наделенными полномочиями? Или легитимность государства будет основываться на таких более ограниченных и физических критериях, как материальные и символические блага, которые оно «поставляет» населению?

Подчеркивание Ельциным обретения Россией независимости существовало в его политической риторике с либеральным определением народа, которому будут служить эти институты. Он избегал ностальгических, шовинистических, имперских и этнических обозначений характера государства и вместо этого поддерживал в России неэтническое определение гражданства. Если его риторика государственного строительства с полным основанием может восприниматься как одобрение гражданских свобод, сильной исполнительной власти и плебисцитарной ответственности, то его подход к российской государственности можно охарактеризовать как либеральное, неэтническое строительство нации.

Риторика Ельцина на этот счет была последовательной как во время борьбы с Горбачевым, так и в последующий период его правления. Он обращался к этому вопросу с позиций, резко контрастирующих со взглядами на российскую политику как националистов, так и империалистических реваншистов. В своих выступлениях понятию «Русь» он предпочитал «Россию». Он последовательно ссылался на российские, а не на русские государственные интересы. Он называл граждан России россиянами, а не русскими. Он называл людей народом, а не нацией (термин, используемый в основном крайними националистами).

Следствием такого выбора лексики стало постоянное подчеркивание Ельциным многонационального характера Российской Федерации. Когда он имел в виду секуляризованное образование «российский народ», он ссыался на «интересы народов Российского государства»¹⁵. Ельцин предостерегал от любой политики, которая может разжечь межэтническую рознь, и часто предупреждал о необходимости построения такого политического порядка, в котором чувствовали бы себя представленными все народы страны¹⁶. В этой связи он категорически отказался от российского имперского наследия и отверг понятие тирании этнического большинства: «Российская государственность, выбравшая демократию и свободу, никогда не будет империей с разделением на большого и малых братьев; только равные среди равных»¹⁷. Он утверждал, что этнические меньшинства в России и входящих в ее состав республиках обладают собственными законами, которые Москва обязана уважать¹⁸. Одним из приоритетов, которые он провозгласил общенациональной телеаудитории, было возрождение традиционных ценностей всех народов России и развитие их культур¹⁹. Позже он заявил, что государство не должно посягать на духовную и культурную специфику наций внутри России. На деле это государство обязано содействовать сохранению родного языка, культуры и традиций народов России. Однако для того, чтобы его не обвиняли в игнорировании чаяний крупнейшей этнической группы в Российской Федерации, он добавил: «Это в полной мере относится и к русскому народу»²⁰.

Ельцин также отвергал притязания своих оппонентов на историю России. Он настаивал на том, что исторические традиции России необязательно противоречат новым ценностям свободы

¹⁵ Радио Москва. Парламентский час. 1990. 22 июня.

¹⁶ Радио Москва. 1990. 11 дек.; ТАСС. 1991. 29 марта; РТВ. 1992. 6 окт.; Россия-1. 1993. 9 нояб.

¹⁷ ТАСС. 1991. 3 сент.; Россия-1 — Восток. 1991. 29 дек.

¹⁸ ТАСС. 1991. 29 марта.

¹⁹ РТВ. 1992. 5 апр. (FBIS-SOV-92-066. P. 23).

²⁰ Россия-1. 1993. 9 нояб.

и демократии, ссылаясь на демократические эксперименты в российской истории как на традиции, которые необходимо возродить. В конце XIX — начале XX века, по его словам, Россия уверенно модернизировалась; она двигалась к рынку и демократии, а ее культура решительно отстаивала общечеловеческие ценности, естественным образом сохраняя национальные особенности. Поэтому тем более странно слышать обвинения в предательстве наших национальных традиций²¹.

В представлении Ельцина Россия как нация была травмированной страной с неуловимым духовным чувством единства, основанного на географии, истории и в высшей степени многонациональном составе ее граждан²². Он видел в этих особенностях ее сильные стороны, которые необходимо задействовать, чтобы залечить раны прошлого и построить возрожденную, но при этом новую нацию. Он призывал к патриотизму и гордости, но предостерегал от шовинизма и реваншизма²³. Он организовал реставрацию Кремля, чтобы восстановить объединяющие исторические символы государственности²⁴. Он допускал, что Русская православная церковь может сыграть определенную роль, содействуя объединению России, но не занимая при этом какое-либо исключительное место и не пробуждая враждебные чувства по отношению к другим религиям²⁵.

У Ельцина эта концепция сочеталась с часто высказываемыми им представлениями о гражданском политическом строе. В его выступлениях российский народ изображался как совокупность людей, которые обладают демократическими правами, вытекаю-

²¹ Российские вести. Выпуск от 21 апреля 1993 года. См. также: РТВ. 1993. 7 июня. Там он говорил о таких прошлых столпах российской государственности, как Новгород, реформы Петра I и Александра II, земства, сделав вывод, что процедурная демократическая государственность, таким образом, насколько не противоречит российским традициям.

²² Радио Москва. 1990. 4 дек.; Радио России. 1991. 1 апр., 4 июня; Радио Маяк. 1991. 29 авг.; Россия-1. 1992. 7 апр., 30 нояб.; Российские вести. 1993. 21 апр.

²³ ТАСС. 1991. 3 сент.; Россия-1. 1991. 29 дек.

²⁴ ТАСС. 1992. 1 сент.

²⁵ ТАСС. 1993. 6 окт., 5 февр.

щими из универсальных принципов прав человека: «Ни коммунистическая партия, ни нация, ни какая-либо другая партия, а сам человек является высшей ценностью»²⁶. В феврале 1992 года он заявил в ООН о своем намерении отказаться от всех государственных и основанных на принуждении коллективистских идеологий в пользу «прав и свобод человека, включая политические и гражданские права, достойные социально-экономические и экологические условия жизни людей»²⁷. Позже в том же году Ельцин заявил Верховному Совету, что России не нужны новые «-измы»²⁸, чтобы решить проблемы.

Тем не менее в своих речах Ельцин достаточно расплывчато описывал новый порядок как основанный, помимо процедурной приверженности «демократии» и «правам человека», на некоторых ключевых идеях. В том же обращении к Верховному Совету он определил это как «чувство долга и патриотизм»²⁹. А ранее в том же году, защищая свои экономические реформы, Ельцин утверждал, что они совместимы с его собственным «видением патриотизма», взглядом на «единую, обновленную Россию <...>, цивилизованную страну, способную обеспечить высокий уровень жизни и строгое соблюдение прав человека для своих граждан»³⁰.

Если сопоставить эти риторические утверждения с плебисцитарным подходом Ельцина к исполнительной власти, можно сделать вывод, что он считал пост президента символом, а себя на этом посту — защитником этого гордого многонационального народа. Безусловно, президент должен регулярно отчитываться перед народом и оправдывать его доверие. Он должен уважать законы, ограничивающие свободу действий государства по отношению к своим гражданам. Но в качестве общего символа, как в риторике, так и в конституционных формулировках, Ельцин

²⁶ ТАСС. 1991. 2 нояб.; Радио России. 1991. 21 мая, 1 июня; Российская газета. 1992. 3 февр.

²⁷ Российская газета. 1992. 3 февр.

²⁸ ТАСС. 1992. 6 окт.

²⁹ ТАСС. 1992. 6 окт.

³⁰ Российская газета. 1992. 7 апр.

считал президента олицетворением российского народа. Более того, он считал, что российский народ объединяют его здравый смысл, чувство долга и мягкая связывающая сила демократического патриотизма, а не его этническая принадлежность³¹.

Определение границ российской нации и государства

Сразу же после распада СССР возникли две специфические дилеммы, связанные со строительством государства и нации. Одна из них касалась территориальных границ нового Российского государства. Российская Федерация была побочным продуктом советской власти. Границы центральной части Российской империи в 1913 и 1917 годах не были идентичны границам Российской Федерации 1991 года. Корректировки вносились неоднократно, включая (из относительно недавнего) экстравагантную передачу Хрущевым Крыма Украине в 1954 году. Исходя из этого, у конкурирующих политиков имелось множество причин для серьезных разногласий по поводу желательности и возможности нового пересмотра границ Российской Федерации.

Вторая дилемма касалась обязательств Российского государства перед 20–25 миллионами этнических русских, которые проживали в ставших теперь независимыми бывших республиках Советского Союза. Формально они оказались резидентами или гражданами других суверенных государств. Тем не менее, с учетом той роли, которую Москва играла на протяжении как минимум шестидесяти лет в защите их интересов и обеспечении их безопасности, они, казалось, заслуживали со стороны Российского государства отношения, несколько отличающегося от относительного равнодушия, которое испытывали в XX веке русские диаспоры вдали от отчизны. Означает ли защита Россией этих

³¹ В этом отношении позиция Ельцина соответствовала идеологии советской эпохи, которая поддерживала советский патриотизм и избегала этнического национализма.

новых диаспор или их опека вмешательство во внутренние дела независимых государств? Или же этих русских в «ближнем зарубежье» следовало автоматически рассматривать как подразумеваемых или потенциальных граждан Российского государства? Если справедливо второе, то не следует ли изменить границы России так, чтобы включить в нее земли, которые в настоящее время в основном населяют русские?

Ельцин был и последователен, и настойчив в представлении свободной от национализма и гражданской концепции политического порядка, который он обещал построить в Российской Федерации. Однако вопрос о том, как трактовать обязательства Москвы перед русскими в ближнем зарубежье, расколол демократический лагерь сразу после распада СССР. Гневная риторика исходила из уст таких людей, как мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак — один из лидеров антикоммунистической и демократической революции в советской и российской политике³². На другом конце политического спектра как националисты, так и поборники реставрации империи могли воспользоваться этим вопросом для оправдания в высшей степени реваншистских заявлений, притом что такие имперские институты, как Советская армия, которая еще располагалась в ближнем зарубежье, могли послужить инструментом реваншистских действий. Ельцину, каковы бы ни были его предпочтения в этом вопросе, было бы трудно избежать возможной политической изоляции, если бы он выступил за политику невмешательства в отношении правительств в государствах — преемниках СССР или игнорировал якобы тяжелое положение новой российской диаспоры.

Ельцин ответил попыткой совместить универсализм своих стратегий государственного и национального строительства в России с осторожной защитой русских в ближнем зарубежье.

³² В интервью «Le Figaro» 4 декабря 1991 года, в ответ на недавнее голосование украинцев за независимость, Собчак решительно выступил против «угрозы насильственной украинизации Крыма, где русские составляют большинство населения». Он утверждал, что Россия «немедленно предъявит территориальные претензии», если Украина откажется присоединиться к политическому союзу.

Это было напряженное и в некоторых отношениях несовместимое сосуществование политических ориентаций, отражающее одну из наиболее сложных дилемм демократического строительства нации в постимперском и диаспорном контексте. С конца 1990 года, более чем за год до распада СССР, Ельцин однозначно выступал на стороне этнических русских и русскоязычного населения во все более автономных, а затем и независимых республиках СССР³³. Четко и последовательно он выражал озабоченность этими «соотечественниками» и обязал российское правительство защищать их права от дискриминации и преследований³⁴.

В спорах того времени он занимал центристскую (то есть умеренную) позицию. Он утверждал, в отличие от крайних националистов и имперских реваншистов³⁵, что права соотечественников должны отстаиваться «законными» и «политическими» средствами³⁶. В своей риторике он исключал использование военной силы и заявлял о своем желании, чтобы русские в ближнем зарубежье оставались на месте, а не эмигрировали обратно в Россию³⁷. Он рассматривал вопрос об их политических правах

³³ ТАСС. 1990. 13 нояб.; Аргументы и факты. 1991. № 3. С. 4–5; ТАСС. 1991. 9 февр.; Reuters. 1991. September 30; Комсомольская правда. 1992. 27 мая, 3 июля; Труд. 1992. 6 окт.; ТАСС. 1993. 17 и 22 марта.

³⁴ Правда. 1990. 26 сент.; Известия. 1990. 25 дек.; Красная звезда. 1992. 11 июня; ТАСС. 1992. 7 сент., 6 окт., 5 нояб.

³⁵ Радио России, иновещание. 1991. 20 сент.; Литературная Россия. 1991. № 42; Russian Press Digest. 1991. December 11; Комсомольская правда. 1992. 17 янв.; ТАСС. 1992. 17 янв., 21 янв., 27 февр., 1 июля, 8 окт., 15 окт., 17 окт.; 1993. 31 янв., 20 февр.; Московские новости. 1992. 12 февр.; Reuters. 1992. February 13; Радио России, иновещание. 1993. 28 янв. Например, вскоре после распада Советского Союза В. П. Лукин (председатель комитета ВС РСФСР по международным делам и внешнеэкономическим связям) обратился с письмом к председателю Верховного Совета Р. И. Хасбулатову, в котором утверждал, что Украина должна отказаться от Черноморского флота или от Крыма (Toronto Globe and Mail. 1992. January 23).

³⁶ Известия. 1990. 25 дек.; Reuters. 1991. September 30; Комсомольская правда. 1992. 27 мая; Красная звезда. 1992. 11 июня.

³⁷ Правда. 1990. 26 сент.; ТАСС. 1990. 13 нояб.; Аргументы и факты. 1991. № 3; Комсомольская правда. 1992. 27 мая.

в этих странах как вопрос, который должен быть предметом обсуждения на международных переговорах и закрепления в межгосударственных договорах³⁸. Он призывал западные правительства и международные организации присоединиться к защите этих якобы оказавшихся в трудном положении и преследуемых групп населения, обосновывая это международными конвенциями по правам человека³⁹.

Безусловно, в самом кабинете Ельцина имелись противоположные мнения. Министр обороны Грачев время от времени делал язвительные заявления, которые подчеркивали умеренность замечаний Ельцина или противоречили им⁴⁰. Более того, реальная политика Москвы в ближнем зарубежье порой основывалась на угрозах применения силы или материальном принуждении⁴¹. Сам Ельцин колебался между определением этих групп в ближнем зарубежье, основанным на этнической принадлежно-

³⁸ Красная звезда. 1991. 15 янв.; Аргументы и факты. 1991. № 3; ТАСС. 1991. 9 февр.; The New York Times. 1992. June 22; Труд. 1992. 6 окт.; ТАСС. 1993. 29 июня.

³⁹ ТАСС. 1992. 10 июля; 1993. 30 апр., 29 июня; Reuters. 1992. November 6.

⁴⁰ Еще в середине июня 1992 года Грачев заявил, что на применение силы против россиян Россия ответит силой (The New York Times. 1992. June 22). К концу 1993 года Козырев сформулировал возможность более серьезной реакции. Он заявил, что Россия будет «жестко защищать российское население и интересы России, где бы это ни было необходимо и кого бы это ни волновало, даже если это будут наши друзья» (Reuters. 1993. November 24). Однако, учитывая характер взглядов Козырева на межгосударственные отношения, можно предположить, что это заявление с его стороны было скорее фразерством. Тем не менее тот факт, что он почувствовал необходимость высказаться в подобном тоне, является хорошим индикатором меняющегося климата мнений в российской политике.

⁴¹ Например, Россия прекратила поставки в Эстонию природного газа, в чем Эстония полностью зависит от России (The New York Times. 1993. June 26). Хотя номинальная причина заключалась в том, что Эстония не выплатила задолженность, этот шаг последовал сразу за введением в действие нового Закона Эстонии об иностранцах, который, по словам Ельцина, «грубо нарушает правовые, гражданские, имущественные, социальные и жизненные интересы россиян и русскоязычного населения» (ТАСС. 1993. 25 июня).

сти, и таким определением, которое также включало бы многие миллионы нерусских («русскоязычное население»)⁴².

Таким образом, сохранялись противоречия между распространением Ельциным предполагаемых прав на защиту со стороны России на этнических русских и русскоязычных жителей ближнего зарубежья с его одновременным убеждением в том, что внутри России гражданство следует определять исходя из территориальных, а не этнических критериев. Это противоречие отражало интеллектуальные и политические дилеммы формирования не основанной на этнической принадлежности стратегии построения нации в постимперском контексте ее рассеянного состояния и конкурирующих стратегий ее построения. Возможно, это была наилучшая смесь несовместимых предпосылок, которую только мог бы надеяться придумать любой либеральный политик того времени. Но Ельцин, двигаясь вперед, обещал уравновесить и устранить это противоречие.

Построение нового экономического порядка

Одна из наиболее неотложных задач, с которыми Ельцин столкнулся осенью 1991 года, состояла в том, чтобы определиться со стратегией спасения тонущей российской экономики. Он побеседовал с несколькими экономистами и людьми, связанными с экономической деятельностью, ища их совета и оценивая их пригодность к занятию должностей в администрации. Он остановился на малоизвестном экономисте по имени Егор Гайдар, который убедил его в том, что без сильного лекарства российская экономика рухнет. Гайдар предлагал предотвратить этот коллапс с помощью стратегии быстрой трансформации, которую в Ла-

⁴² Ельцин постоянно перемежал отсылки к «русскоязычному населению» (ТАСС. 1991. 9 февр.; Комсомольская правда. 1992. 27 мая, 3 июля; Труд. 1992. 6 окт.; Reuters. 1992. October 8; ТАСС. 1992. 27 окт.; Reuters. 1992. November 6; ТАСС. 1993. 17 марта, 30 апр., 25 июня) упоминанием «этнических русских» (Аргументы и факты. 1991. № 3; Reuters. 1991. September 30; ТАСС. 1993. 17 марта; Reuters. 1993. April 4).

тинской Америке и Польше назвали шоковой терапией. Он планировал положить конец контролю цен, сбалансировать государственный бюджет за счет резкого сокращения субсидий промышленности и сельскому хозяйству и демонаполизовать экономику за счет быстрой приватизации государственных активов. Результатом, как он утверждал, будет экономическая стабилизация, введение конкурентной рыночной экономики и, в конечном итоге, производство в больших количествах таких товаров, которые потребители действительно захотят покупать. Так обстояло дело в теории⁴³.

Ельцин этому поверил, вероятно, по причинам как личного, так и политического характера. Он был свидетелем экономического развала, имевшего место в стране на тот момент, но ему также импонировала революционная стратегия построения в России нового экономического порядка. Шоковая терапия обещала быстрые результаты на макроэкономическом уровне, без прокрастинации и компромиссов, которые он критиковал в политике Горбачева⁴⁴. Она напоминала о кампанейщине, командном стиле и «борьбе» — общих чертах сталинской и пост-сталинской административной культуры, в которой был воспитан Ельцин и которая была характерна для стиля его руководства в Свердловске и Москве. Как отмечает Федоров, она заполнила когнитивный вакуум, образовавшийся в результате исчезновения всякой уверенности в прежней идеологии, а также апеллировала к менталитету агитаторов: она была проста, имела четко сформулированные принципы и требовала решительности и политической твердости для реализации [Федоров 1995: 27, 28, 55]⁴⁵.

⁴³ См. воспоминания Гайдара о первой беседе с Ельциным перед приемом на работу осенью 1991 года в [Гайдар 1996: 105].

⁴⁴ Как он говорил, анонсируя реформы (Советская Россия. 1991. 29 окт.): «Пришло время действовать решительно, твердо, без колебаний... Период движения маленькими шажками закончился — необходим большой реформаторский прорыв». См. также [Aslund 1995: 64].

⁴⁵ См. также [Гайдар 1996: 105; Батурин и др. 2001: 173–174].

Помимо этого, шоковая терапия была редукционистской в том смысле, что фокусировала внимание на трансформации отдельного гражданина; она обещала «излечить» россиян от летаргии, в которую они впали. Эта стратегия не только являлась рецептом для макроэкономической стабилизации, но также имплицитно основывалась на теории поведенческих и культурных изменений. Это была своего рода культурная революция. Если люди окажутся в ситуации, когда выживание будет зависеть от их предпринимательской инициативы, и если государство прекратит диктовать людям, какую инициативу следует проявлять⁴⁶, тогда они наконец преодолеют свою летаргию и будут искать этих возможностей. Как выразился потом Ельцин, «только так — на слом, на разрыв — порой человек продвигается вперед, вообще выживает» [Ельцин 1994: 149]; это наблюдение основывалось на его собственном опыте — он прошел через такую мучительную когнитивную и ценностную трансформацию в 1988 году после чистки в советском руководстве [Ельцин 1990: 155–161, 166–167, 221–245]⁴⁷. Предполагалось, что существенные поведенческие изменения в конечном итоге приведут к возникновению нового поведения, а культура летаргии и зависти трансформируется в культуру инициативы и достижений.

В представлении Ельцина культурная трансформация также должна была произойти в результате смены поколений. Те, кто не смог (или не сможет) адаптироваться к новым строгим требованиям, будут сменены новыми поколениями, теми, кому в 1990-е годы исполнится 20–30 лет. Он представлял себя лидером революции, которая предоставит этим новым поколениям важные должности в государстве, экономике и обществе. По большей части он полагал, что старшее поколение граждан не имеет потенциальных шансов стать капиталистами, будучи изувеченным

⁴⁶ Ельцин называл это «сбросить... смирительную рубашку бюрократии» (РТВ. 1991. 28 окт.; FBIS-SOV-91-209. P. 47).

⁴⁷ Наблюдения по поводу этой параллели между шоковой терапией в обществе и его собственной переоценкой ценностей были сделаны Д. Ф. Михеевым в [Mikheev 1996: 89].

старой системой. Но в его откровениях прослеживался и ленинский «агитационный» менталитет. Например, еще будучи главой московского горкома, Ельцин говорил, что стремится заменить скомпрометированных продавцов московских магазинов «молодыми», «незараженными» работниками [Ельцин 1990: 90]⁴⁸. Обсуждая шоковую терапию в своих вторых мемуарах, он хвалит жестких, независимых, амбициозных молодых людей, обладающих «совершенно новой психологией» [Ельцин 1994: 146]. Отсталость России невозможно преодолеть, пока не произойдет смена поколений:

Надо наконец признать тот факт, что Россия плохо воспринимает демократию не только в силу каких-то глобальных исторических причин, но и по причинам весьма банальным — новое поколение никак не может прорваться к власти. <...>

Социалистическая манера мыслить сказывается на нас всех. <...>

Новое поколение должно выйти на авансцену как можно быстрее [Ельцин 1994: 372]⁴⁹.

Нет таких преград, которых «незараженные» молодые люди не могли бы преодолеть, если дать им право голоса на выборах, привлекать их к работе в большом количестве, освободить от

⁴⁸ С другой стороны, следует отметить, что, как видно и в русской, и в английской версиях, Ельцин в достаточной мере опасался нежелательных коннотаций, чтобы заключить слово «незараженный» в кавычки.

⁴⁹ Другие упоминания Ельциным в мемуарах решающей роли молодого поколения см. [Ельцин 1990: 122, 169–170; Ельцин 1994: 126–127, 151–152, 291; Ельцин 2000: 23, 27, 28, 39, 63, 79–83, 103, 114, 274]. Вскоре после августовского путча 1991 года Ельцин провозгласил, что независимо от того, насколько это сложно, каждый из нас должен стремиться сделать все возможное, чтобы коренным образом перестроить себя, чтобы можно было идти цивилизованным путем; молодым людям, чьи сердца, умы и головы не вовлечены в систему, будет легче это сделать (встреча с журналистами зарубежных телекомпаний, организованная Президентом России Борисом Ельциным в Доме Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в Москве 7 сентября 1991 года (FBIS-SOV-9–174. P. 68).

командной экономики и позволить деньгам находиться в центре экономических амбиций и обмена.

Ельцин знал, что очень рискует. В ближайшем будущем эта стратегия прорыва обещала оказаться крайне болезненной для населения; в то же время существовали демократические институты, которым Ельцин был подотчетен и которые могли подвергнуть его публичной критике, порицанию со стороны законодателей, импичменту или привести к его поражению на выборах. Более того, при всей своей харизме и легитимном характере его власти, полученной в результате победы на выборах 1 июня, Ельцин знал, что зарождающаяся в России демократия все еще хрупка. В конце концов, в августе 1991 года была предпринята попытка государственного переворота. Несмотря на то что путч потерпел поражение, Ельцин продолжал руководить в условиях неопределенности, на фоне возможности новой попытки государственного переворота, которая, возможно, будет успешнее предыдущей. Архитектор шоковой терапии Гайдар говорил ему, что болезненные последствия для населения будут сильными и что в результате ему, Гайдару, возможно, придется принести себя в жертву как политику [Гайдар 1996: 105]. Таким образом, понятны опасения Ельцина в конце 1991 года, когда он неоднократно пытался убедить публику, что боль от шоковой терапии продлится всего полгода, самое большее год⁵⁰.

Ельцин как государственный деятель

В ситуации возникновения независимой России Ельцин был вынужден также заняться отношениями Востока и Запада и их влиянием как на безопасность России, так и на ее благополучие. От предшественника он унаследовал радикально изменившееся положение России в мире, поскольку теперь она лишилась системы восточноевропейских сателлитов СССР и его статуса ми-

⁵⁰ Советская Россия. 1991. 29 окт.; Радио России, иновещание. 1991. 20 нояб.; РТВ. 1991. 20 нояб.

ровой державы. Горбачев в своей компромиссной внешней политике старался извлечь максимально возможную в этом положении пользу, делая хорошую мину при плохой игре, пытаясь интегрироваться в западные многосторонние организации, исполняя требования Запада по большинству спорных вопросов и добиваясь как можно большей западной экономической помощи. Ельцин, находясь в оппозиции к Горбачеву, не противоречил ему в этих внешнеполитических аспектах⁵¹. Он не пытался переиграть Горбачева в сфере отношений между Востоком и Западом.

Однако после августовского путча, когда Ельцин начал сам определять независимую внешнюю политику России, он пошел даже намного дальше того, за что ратовал Горбачев. Он призвал к «существенному сокращению расходов на оборону», которые вскоре (1992) приняли огромные масштабы⁵². Он настроен на «более радикальную позицию в отношении уничтожения ядерного, бактериологического и химического оружия, прекращения подземных испытаний ядерного оружия»⁵³. В угоду европейской аудитории он сообщил, что Россия будет двигаться к полной отмене смертной казни⁵⁴. В декабре 1991 года Ельцин публично заявил, что Россия заинтересована во вступлении в НАТО⁵⁵. Он согласился с тем, что условия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (1990) применимы к России, хотя в договоре речь шла о территориях в границах Советского Союза, а не России.

После января 1992 года, когда Россия формально стала независимым государством, Ельцин проводил твердую прозападную внешнюю политику. Он превзошел Горбачева в области сокращения вооружений, объявив в июне 1992 года, что Россия уже

⁵¹ Исключением стал спор о Курильских островах с Японией; в 1991 году Ельцин настаивал, что Горбачев больше не имеет полномочий вести переговоры о возвращении Японии территорий, которые формально входили в состав России; см. [Hasegawa 1998: 374].

⁵² 1-й канал Останкино. 1991. 3 сент. (FBIS-SOV-91-171. P. 10); [Aslund 1995: 66].

⁵³ РТВ. 1991. 7 сент. (FBIS-SOV-91-174. P. 66).

⁵⁴ Радио России. 1991. 11 сент.

⁵⁵ Пресс-конференция в Риме: ТАСС. 1991. 23 дек.

начала в одностороннем порядке уничтожить межконтинентальные баллистические ракеты SS-18. Он положил конец продолжавшимся, и очень крупным, субсидиям своей страны Кубе и Афганистану⁵⁶. Ельцинская Россия взяла на себя ответственность за выплату советского долга, поддержала сдерживание Соединенными Штатами Ирака, заявила, что готова пересмотреть Договор по противоракетной обороне и оценить возможность разработки совместной глобальной системы противоракетной обороны с США, пошла на активное сотрудничество в освоении космоса и открыла свои секретные архивы для американцев, расследующих дела военнопленных и катастрофу сбитого СССР рейса 007 авиакомпании Korean Air Lines⁵⁷.

В июне 1992 года Ельцин выступил на совместном заседании Конгресса США, где ему тринадцать раз аплодировали стоя, и пообещал:

Мир может вздохнуть с облегчением. Идол коммунизма, повсюду сеявший социальную смуту, вражду и неслыханную жестокость, наполнявший человечество страхом, рухнул. Он рухнул, чтобы никогда не подняться. Я здесь, чтобы заверить вас: мы не позволим ему снова восстать на нашей земле [Dobbs 1992].

Ельцин действовал прямо. Явным вознаграждением за эту последовательную поддержку целей внешней политики США стала финансовая помощь. Ельцин заявил на совместном заседании Конгресса, что у демократии в России только один шанс:

...второго шанса не будет. <...> Реформы должны увенчаться успехом. <...> Если мы [то есть вы, американцы] не примем сейчас мер для поддержки России, это будет не только крах

⁵⁶ О своем намерении это сделать он говорил еще осенью 1991 года.

⁵⁷ Батулин и его соавторы пишут, что Ельцин и его министр иностранных дел Козырев в значительной степени продолжили курс Горбачева и Шеварднадзе во внешней политике, добавив, что между двумя командами даже было своего рода соревнование — кто больше всего понравится Западу [Батулин и др. 2001: 467].

России, это будет крах и Соединенных Штатов, потому что это будет означать новые триллионы долларов, потраченные на гонку вооружений [Dobbs 1992].

По возвращении домой Ельцин преподнес свою внешнюю политику как предвестие интеграции России в цивилизованный западный мир, что обеспечит финансовую помощь и безопасность, в которых так нуждалась Россия в этот переходный период.

В первые дни после распада СССР Ельцин представил новое образование, Содружество Независимых Государств (СНГ), соучредителем которого он стал в декабре 1991 года, в знак того, что Россия решительно порывает с имперским прошлым и будет вести себя как «нормальное, цивилизованное» государство, стремясь при этом нивелировать политический и экономический хаос, вызванный исчезновением СССР. 12 декабря, обсуждая идею СНГ в российском Верховном Совете, он объяснял, что выбор Минска (Беларусь) в качестве центра СНГ не означает, что этот город стал столицей нового союза; но это кладет конец домыслам о том, что Россия стремится занять место союзного центра и лелеет какие-то имперские амбиции⁵⁸. Двумя днями позже в интервью газете «Труд» он говорил, что это цивилизованный способ налаживания отношений между дружественными государствами: «Был только один способ — объединиться, но не в рамках одного государства, а в рамках сообщества государств. Так же, например, сейчас поступают европейские страны». В своем выступлении в Верховном Совете России 25 декабря Ельцин также ясно дал понять, что для такой децентрализованной организации, как СНГ, существует важное практическое обоснование: «Содружество Независимых Государств сегодня является оптимальным и, возможно, единственным вариантом сохранения стабильности. И в России, и в других государствах. Наш принцип: не государства ради Содружества, а наоборот, Содружество ради народов, граждан и государств»⁵⁹.

⁵⁸ РТВ. 1991. 12 дек. (FBIS-SOV-91-239. P. 40).

⁵⁹ Радио России. 1991. 29 дек. (FBIS-SOV-91-248. P. 38).

Большие обещания и мерила прогресса

В периоды трансформации или кризиса лидеры обычно пытаются обеспечить поддержку своих взглядов, рисуя перспективу лучшего будущего, ради достижения которого требуются напряженные усилия, значительные труды и страдания. Уинстон Черчилль уверял, что военная победа будет невозможна без «крови, пота и слез». В России Хрущев обещал полномасштабное построение коммунизма, если только все советские граждане в полной мере приложат свои силы к движению в указанном им направлении. Горбачев пообещал создать третий путь между капитализмом и государственным социализмом, если все граждане перестроятся психологически и ответственно будут пользоваться правами, которые он им предоставил. Ельцин предъявил видение свободного, мирного и процветающего общества, интегрированного в западную цивилизацию. Но он никогда не говорил, что это будет легко.

Метафорическая структура выступлений Ельцина осенью 1991 года говорит о его усилиях как по легитимации большого скачка вперед, так и по предупреждению своей аудитории о том, насколько далеко ей придется зайти, особенно в плане экономики. Не случайно, что это также помогло ему защититься от обвинений в том, что он вызывает ненужные тяготы. Это можно было бы назвать метафорой пути «из ада в рай», основанной на образе восхождения из глубочайшей бездны. Так, в своем выступлении 11 сентября 1991 года он сказал, что Россия вот-вот начнет процесс сложнейшего восхождения к нормальной жизни; чтобы понять масштаб проблемы, нужно принять во внимание бездну, в которой оказалась страна. Но, помимо мужества и стойкости, у России есть решимость пройти весь путь, поднимаясь вверх к цивилизации⁶⁰. Для этого нужно освободиться от ком-

⁶⁰ Радио России. 1991. 11 сент. (FBIS-SOV-91-177. P. 1). Другие примеры этой метафоры: «Мы наконец начнем вытаскивать себя из трясины, которая засасывает нас все глубже и глубже» (РТВ. 1991. 28 окт.; FBIS-SOV-91-209. P. 47); «У нас есть шанс выбраться из канавы, в которой мы оказались» (РТВ. 1991. 29 дек.; FBIS-SOV-91-250. P. 27).

мунизма, который надел на людей «смирительную рубашку бюрократии»⁶¹. Только такое освобождение позволит стране окончательно встать на ноги», чтобы начать свое восхождение⁶². Связанная с этим метафора — образ болезни и угрозы жизни, что требует сильных лекарств и решительных действий, чтобы вернуть пациента практически с того света. Он утверждал, что наследие коммунизма сделало страну больной⁶³: «Мы пошли на это, чтобы не утонуть»⁶⁴. Учитывая серьезность ситуации, не было альтернативы, кроме как прибегнуть к таким мерам⁶⁵.

Но чтобы его апокалиптическая риторика не звучала излишне устрашающе, Ельцин также заверял свою аудиторию в том, что ее тяготы и лишения будут вознаграждены. На метафорическом уровне он развивал образ болезни, но классифицировал нынешнюю болезнь как излечимую: в отличие от человеческих недугов, в экономике нет неизлечимых болезней⁶⁶. На уровне конкретики Ельцин поспешил заверить аудиторию в том, что страдания будут относительно недолгими: «Если мы встанем на этот путь, — заявил он 28 октября 1991 года, — то к осени 1992 года мы увидим реальные результаты. <...> Примерно полгода жить всем будет тяжелее. Затем цены упадут, и товары начнут заполнять рынок. К осени 1992 года, как я обещал перед выборами, экономика стабилизируется, и жизнь людей постепенно улучшится»⁶⁷.

⁶¹ РТВ. 1991. 28 окт. (FBIS-SOV-91-209. P. 47).

⁶² Радио России. 1991. 11 сент. (FBIS-SOV-91-177. P. 1).

⁶³ Радио России. 1991. 11 сент. (FBIS-SOV-91-177. P. 2).

⁶⁴ Труд. 1991. 14 сент. С. 1–2 (FBIS-SOV-91-241. P. 36). «Россия тяжело больна, ее экономика больна» (РТВ. 1991. 29 дек.; FBIS-SOV-91-250. P. 29).

⁶⁵ РТВ. 1991. 29 дек. Не случайно, что аргумент «альтернативы нет» использовал также Горбачев в спорах с консерваторами, скептически относившимися к его политической радикализации.

⁶⁶ Труд. 1991. 14 дек. С. 1–2 (FBIS-SOV-91-241. P. 38). См. также выступление Ельцина в Верховном Совете от 29 декабря 1991 года (в эфире РТВ) с тем же аргументом. И, продолжая метафору, год спустя он будет называть банкротство иногда полезной «хирургической операцией» (1 декабря 1992 года, обращение к VII Съезду народных депутатов).

⁶⁷ РТВ. 1991. 28 окт. (FBIS-SOV-91-209. P. 48).

Так, по крайней мере, Ельцин обещал и, по-видимому, на это надеялся. В интервью в конце года он буквально горел желанием убедить журналистов в том, что тяготы будут недолгими. «Полгода, полгода», — повторял он⁶⁸. Он был в сложном положении и пытался защитить себя политически, определяя параметры, по которым будут оцениваться его успехи как политического лидера. Ельцин также осознавал как непредсказуемость ситуации, так и связь между своими обещаниями и своим политическим авторитетом. 19 февраля 1992 года он заявил: «Я верю, что реформы победят, и в этом году эта победа будет очевидна. В этом нет никаких сомнений. Я не отступлю от своего слова, которое я дал во время избирательной кампании. Я слово сдержу!»⁶⁹

В течение нескольких месяцев после разгрома августовского путча 1991 года Ельцин лихорадочно работал над тем, чтобы подорвать позиции Горбачева и сформулировать всеобъемлющую программу для независимой России. Он преуспел в обоих начинаниях, но программа оказалась полна уязвимостей. Подобно программам всех его предшественников у руля в Москве и многим комплексным программам, выдвигаемым президентами и премьер-министрами в либеральных демократиях, программа Ельцина была чрезвычайно амбициозной, скороспелой и нуждалась в корректировке. С середины 1992 года он начал эти корректировки вносить. Он не отказался от основных посылок, в отношении которых был тверд; он только пересмотрел издержки и риски, немного сместившись в сторону центра. Сделав два шага вперед, Ельцин отступил на шаг, продолжая указывать стране то общее направление, которое он все это время задавал.

Ответный удар

Кризис наступил очень скоро, поскольку отмена большинства мер контроля над ценами в январе 1992 года привела к тому, что они немедленно выросли в 3–4 раза, инфляция шла непрерывно,

⁶⁸ РТВ. 1991. 20 нояб.

⁶⁹ РТВ. 1992. 19 февр. (FBIS-SOV-92-034. P. 53).

а сбережения и пенсии множества российских граждан обесценились⁷⁰. Над страной нависла угроза гражданских беспорядков, поскольку из-за растущей инфляции люди, привыкшие к тому, что цены стабильны и не меняются десятилетиями, быстро обнищали. Также резкое сокращение бюджетных субсидий предприятиям вызвало волну протеста со стороны директоров этих предприятий, их лоббистских организаций и покровителей в Верховном Совете. Эти трудности вызвали широкомасштабную реакцию антиельцинских сил внутри самого Верховного Совета, во главе которого стоял бывший союзник Ельцина, спикер парламента Хасбулатов; к нему вскоре присоединился Руцкой, вице-президент.

Более того, в период 1991–1992 годов, когда Ельцин был занят ежедневными конфликтами с парламентом по вопросам стратегии и тактики, начала формироваться «красно-коричневая» коалиция русских националистов, неокommунистов и имперских реваншистов. Красно-коричневые были едины в своей поддержке авторитаризма и в оппозиции построению либеральной демократии по западному образцу. Они осуждали демократические процедуры, неограниченный индивидуализм и светский, гражданский характер Российского государства. Для них государство было моральным сообществом, а не просто набором формальных организаций и процедур, что давало им преимущество в борьбе с либералами, которым было трудно объединить либеральный национализм и преимущества индивидуализма с моральным содержанием, не ограниченным только рамками демократических процедур. Определение Ельциным нации как «многонациональности плюс демократического индивидуализма», его убежденность в том, что России не нужна новая коллективистская идеология, и его явно корыстное видение себя как гаранта новой светской нации позволили оппонентам перехватить инициативу в этом вопросе.

⁷⁰ Однако впервые потеря сбережений произошла весной 1991 года, при горбачевском премьер-министре В. С. Павлове, чьи «реформы» не имели никаких положительных последствий.

В сфере межгосударственных отношений стал звучать все нарастающий хор голосов — даже среди многих бывших сторонников горбачевского «нового мышления», — призывающих к непредвзятым размышлениям о «национальных интересах» России. Теперь, когда Россия и Советский Союз пошли на односторонние уступки и асимметричные сделки почти по всем вопросам внешней политики, где правительство готово провести черту? Что еще не отдано из того, что осталось? Если Россия — возрождающееся национальное государство и более не Российская или советская империя, то какие национальные интересы она должна преследовать, занимая свое место в мире? Группы влиятельных политических деятелей и парламентариев обсуждали и дискутировали эти вопросы в 1992 году, публикуя докладные записки и статьи, в которых настаивали на необходимости для России выработать свою идентичность в международных отношениях, избавившись от роли просителя, и занять позицию по защите этой идентичности и интересов, из нее вытекающих. Риторика, неизменно сопровождавшая эти тщательно продуманные и разумные заявления, включала тот постулат, что Россия является «великой державой» и должна рассматриваться как таковая. Люди, исповедавшие этот «реалистический» взгляд на международные отношения, стали известны как «государственники». Хотя большинство государственников не входило в формирующуюся красно-коричневую коалицию, они были яркими противниками уступчивой внешней политики, которая после распада СССР, при Ельцине, усилилась.

«И один шаг назад»

В речи, произнесенной Ельциным 5 апреля 1992 года, мы видим первые признаки того, что он осознал необходимость корректировки. Он защищал свои экономические реформы и предсказывал, что на предстоящем заседании Съезда народных депутатов «будет предпринята попытка реванша, [которая должна получить] решительный отпор»⁷¹. Но он также признал, что

⁷¹ РТВ. 1992. 5 апр. (FBIS-SOV-92-066. P. 20).

его правительство сделало ошибки и что теперь нужно внести корректировки:

Даже самые точные расчеты и самые продуманные модели не способны учесть все очень сложные области жизни с ее разнообразными сюрпризами. Ни одна программа не может быть реализована, если она не подвергается постоянным корректировкам и исправлениям. Последние месяцы многому научили правительство⁷².

Но корректировки — это не отказ от прежней политики:

Если мы остановим реформы, мы никогда не выйдем из бедности. Достичь прорыва невероятно сложно. <...> Сегодня имеет право на существование только один путь — продолжение радикальных реформ. <...> Я не сойду с этого пути. И, на мой взгляд, другого пути просто нет⁷³.

В той же речи Ельцин выступил против ностальгии побежденных коммунистов и националистов: «Не будет продолжаться изоляция нашей страны под предлогом сохранения исконного характера России. Это означало бы снова загнать Россию в исторический тупик, обрекая ее на отсталость, а ее народ — на скудное существование»⁷⁴. В заключение Ельцин повторил, что вопрос вестернизации России не обсуждается: «Историю вспять не повернуть»⁷⁵. Ко многим из этих тем он обратился вновь на следующий день в своем выступлении на Съезде народных депутатов.

Признав, что он совершал ошибки, Ельцин также почувствовал необходимость изменить конкретные параметры успеха, по которым будет оцениваться его эффективность как лидера. В ноябре 1991 года он говорил о шести месяцах тягот и лишений, за которыми последует поворот к лучшему. 27 мая 1992 года он изменил

⁷² РТВ. 1992. 5 апр. (FBIS-SOV-92-066. P. 20).

⁷³ РТВ. 1992. 5 апр. (FBIS-SOV-92-066. P. 20).

⁷⁴ РТВ. 1992. 5 апр. (FBIS-SOV-92-066. P. 23).

⁷⁵ РТВ. 1992. 5 апр. (FBIS-SOV-92-066. P. 23).

эту оценку. На вопрос о том, желает ли он отказаться от каких-либо из своих предыдущих обещаний, он сказал нет, но пересмотрел реальное содержание этих обещаний: «Я говорил еще во время президентской кампании, что в конце 1992 года начнется стабилизация в экономике. Я не сказал, что ситуация сразу улучшится. Сначала вы получаете стабилизацию экономики, а затем, как следствие, улучшение жизни людей»⁷⁶.

Затем Ельцин расширил временные рамки, в которых следует оценивать его успех:

Реформа не может быть завершена за один год. <...> [Мы] стремимся <...> определить этапы: что можно сделать сейчас, что через три года, а что возможно только через десять лет. Нам пришлось пережить этот критический период 1992 года. И я думаю, что сейчас, пожалуй, самый опасный момент миновал⁷⁷.

То, что сейчас для России «миновал самый опасный момент», конечно, было преждевременным утверждением, но это помогло выиграть время. Постепенно экономические трудности усугублялись, и политическая риторика Ельцина стала включать в себя другие оправдания. В своем выступлении по телевидению 19 августа 1992 года, в годовщину попытки путча, он поздравил правительство и народ с тем, что они выжили после лечения: «За последние шесть месяцев Россия разработала основы рыночной системы. Как говорится, мы вошли в воду, не умея плавать. Но мы не захлебнулись и не утонули»⁷⁸. Он сразу же расширил еще больше временные рамки для оценки результатов: «Именно сейчас мы получаем уникальный опыт, который принесет пользу нам, а тем более нашим детям и внукам»⁷⁹. В дальнейшем по мере обострения его противостояния с парламентом эволюциониро-

⁷⁶ Комсомольская правда. 1992. 27 мая. С. 2 (FBIS-SOV-92-103. 1992. P. 28).

⁷⁷ Комсомольская правда. 1992. 27 мая. С. 2 (FBIS-SOV-92-103. P. 28).

⁷⁸ РТВ. 1992. 19 авг. (FBIS-SOV-92-162. P. 19).

⁷⁹ РТВ. 1992. 19 авг. (FBIS-SOV-92-162. P. 19).

вали и его объяснения неудач. 14 апреля 1993 года он заявил, что «именно законодательная власть несет ответственность за трудности, связанные с реформами»⁸⁰; позже он еще больше расширит круг ответственных, обвинив институциональное и культурное наследие коммунизма⁸¹.

Ельцин не просто изменил свою риторику; он также внес существенные изменения в политику. Весной 1992 года, примерно через пять месяцев после начала реализации гайдаровской программы, Ельцин перетасовал кабинет и назначил на ключевые должности четырех представителей управленческого и оборонного лобби. Он также терпимо относился к вливанию новых денег в экономику для сохранения субсидий, имеющих целью предотвратить банкротство крупных предприятий, что могло бы привести к социальным волнениям среди людей, оказавшихся безработными. Он поддержал программу массовой приватизации («Нам нужны миллионы собственников, а не сотни миллионов», 7 апреля 1992 года и 19 августа 1992 года), которая тем не менее была ориентирована на продажу большей части акций инсайдерам (администрации и рабочим предприятий), а не сторонним инвесторам (внутренним или иностранным), чтобы предотвратить массовые увольнения (которые угрожали бы социальной стабильности) и широкомасштабные сокращения управленцев (что поставило бы под угрозу связи Ельцина с управленческим лобби).

Противоречивые цели экономической политики Ельцина постепенно стали привлекать к себе внимание. Он добивался макроэкономической стабилизации путем высвобождения цен и сокращения бюджета, быстро приватизировал экономику, в том числе энергично добивался одобрения парламента на приватизацию земли. Но он продвигал свои реформы в таком направлении, которое наименее угрожало социальной стабильности или интересам «красных директоров». В этом смысл его новообретенной формулы, которую он повторил с июня 1992 года: «Главная задача — ос-

⁸⁰ 1-й канал «Останкино». 1993. 14 апр. (FBIS-SOV-93-071. P. 13).

⁸¹ 1-й канал «Останкино». 1993. 14 апр. (FBIS-SOV-93-071. P. 13).

тановить падение производства»⁸². Такая гибридная политика не могла привести к значительной реструктуризации предприятий или многочисленным банкротствам [Blasi et al. 1997, ch. 4], но могла бы стать гарантом против коммунистического реванша, создав широкую заинтересованность в предотвращении ренационализации. Она могла получить поддержку только в том случае, если новые вливания займов и кредитов от Международного валютного фонда, Всемирного банка и иностранных правительств позволят Москве откупиться от недовольства внутри страны.

Но эти займы и кредиты получить было нелегко, поскольку предъявляемые с ними условия фактически увеличивали риск социальной нестабильности в России. Поэтому 4 июля 1992 года на телевизионной пресс-конференции в Кремле Ельцин взял на себя роль защитника российского народа от необоснованных и опасных требований благотворителей и кредиторов России:

Скажу прямо, в ходе обсуждений раздавались голоса, призывающие нас заморозить зарплаты. Конечно, это вызвало бы большое оживление в Международном валютном фонде, но мы не можем братья за это. Понятно? Тогда этим шагом мы сразу откроем, я бы просто сказал, какие-то локальные конфликты или конфликты на уровне отраслей или регионов. Напряжение точно будет. У людей обязательно будет недовольство. Обязательно будут довольно массовые забастовки. <...>

Если мы сегодня отпустим цены на топливо, то все остальные цены, в том числе и на хлеб, и на продукты питания, вырастут в 10 раз. Вынесет ли это народ? Не вынесет. <...> Когда у людей лопнет терпение, их доверие к президенту иссякнет, и начнется хаос⁸³.

Ельцин был готов признать свое отступление: «Мы прибегли к определенной умеренности реформ, даже когда это означало потерю определенной динамики»⁸⁴.

⁸² Программа «Время». 1992. 15 июня (FBIS-SOV-92-132. P. 35).

⁸³ РТВ. 1992. 4 июля (FBIS-SOV-92-129. P. 24).

⁸⁴ Программа «Время». 1992. 15 июня (FBIS-SOV-92-132. P. 35).

Его лекция от 4 июля 1992 года также позволила Ельцину примерить роль националиста и тем самым ослабить некоторую критику со стороны государственников и националистов:

Итак, сегодня мистер Камдессю <...> будет настаивать на снижении цен на топливо. Это сейчас главный предмет разногласий между нами. Мы не можем за это взяться, и я скажу ему об этом сегодня. <...> Если дело в этом, мы можем обойтись без 24 миллиардов, тем более что это не какая-то благотворительная подачка. За это придется заплатить позже. Сумма кредитная, цивилизованный кредит. Нас не следует ставить за это на колени. Нет, Россия — великая держава и себе этого не позволит. <...>

Мы знаем настроение людей. Но Международный валютный фонд и г-н Камдессю не знают границ терпения нашего народа⁸⁵.

Защита национальных интересов

Эта попытка примерить наряд националиста продемонстрировала направление, в котором Ельцин двигался в других сферах политики. В ответ на усилия государственников и шовинистов он стремился противостоять радикальному национализму не путем принятия его идей, а скорее путем попыток дополнить свой либеральный интернационализм не вызывающим раздражения и не накладывающим ограничений государственным центризмом.

В ответ на критику российской уступчивой внешней политики он сместился в сторону центра. В 1992–1993 годах благодаря Ельцину Россия заняла более твердую позицию. Он отменил свой визит в Японию и оставил мысль об уступках в вопросе возвращения Южных Курил. Москва начала настаивать на особом

⁸⁵ РТВ. 1992. 4 июля (FBIS-SOV-92-129. P. 25). См. также его интервью в программе «Время» 15 июня 1992 года, где затронуты многие из этих тем. Там он, среди прочего, сказал: «Наша основная задача — до конца года остановить спад производства. Главное условие достижения этой цели — сохранение стабильности в обществе».

статусе России в рамках «Партнерства ради мира», организованного Вашингтоном как комплексное военное дополнение к НАТО, куда входили все посткоммунистические государства. Москва стала более требовательно призывать Запад уважать ее исторически сложившуюся общность с интересами сербов в гражданской войне в Югославии. Как в политическом, так и в военном отношении Россия стала более напористой в ближнем зарубежье и объявила Западу, что СНГ является зоной исключительно российских интересов. Как отмечалось ранее, российское правительство использовало экономическое принуждение и военные угрозы в отношении Эстонии в ответ на принятый там дискриминационный закон о гражданстве 1992 года. В 1993 году Россия начала подталкивать страны СНГ к разрешению «двойного гражданства» для их этнического русского населения и для увеличения размаха и глубины экономической и политической интеграции в рамках Содружества. В феврале 1994 года Министерство иностранных дел разработало программу защиты русскоязычных граждан в бывших республиках СССР, которая предусматривала использование экономических санкций в знак протеста против нарушений прав. По словам представителя МИД, эта мера была включена, потому что они считали, что «дипломатических мер недостаточно»⁸⁶. Таким образом, в ответ на дискредитацию его идеалистических взглядов на международные отношения Ельцин двинулся в сторону *Realpolitik* в подходе к сферам влияния на ближайших соседей России и к занятию несколько более жестких позиций в дальнем зарубежье.

Тем не менее, несмотря на эти сдвиги, в сотрудничестве с Западной Европой и Соединенными Штатами в области контроля над вооружениями и других сферах отношений Востока и Запада Россия оставалась партнером. Кроме того, Ельцин пошел на беспспорные уступки в отношениях с двумя крупнейшими государствами — преемниками СССР после России: Украиной и Казахстаном. Коррекция курса 1992–1993 годов подразумевала поиск синтеза либерального интернационализма и реалистического

⁸⁶ Российская газета. 1994. 18 февр.; Moscow Times. 1994. February 18.

эгатизма, или, иначе говоря, поиск отношений, основанных на элементах как сотрудничества, так и конкуренции. Ельцин надеялся, что такая комбинация удовлетворит российских государственныхников при сохранении доброжелательного отношения западных столиц. Доминирующая цель его политики в отношениях Востока и Запада заключалась в том, чтобы заручиться максимальным сотрудничеством Запада в облегчении социально-экономических, политических и военных преобразований в России⁸⁷.

Конституционный кризис и парадокс государственного строительства

Единственная область, в которой Ельцин не изменил своей позиции, — его отношения с парламентом и президентская власть. Правда, в течение большей части 1992 года он пытался, хоть и безуспешно, договориться со Съездом народных депутатов⁸⁸. К осени 1992 года чрезвычайные полномочия Ельцина по указу истекли; парламент не был склонен их продлить и даже стремился сократить формальные полномочия президента. Некоторые депутаты также призывали к импичменту Ельцина⁸⁹.

⁸⁷ Он неоднократно говорил об этой цели и о перспективах европейской интеграции, выступая в Брюсселе 9 декабря 1993 года.

⁸⁸ В научной литературе о противостоянии 1992–1993 годов имеются разные мнения о том, виноват ли в тупике Ельцин или парламент и его спикер (Хасбулатов), или же это был безличный межведомственный конфликт, обреченный перерасти в раскол. «Институциональную» аргументацию см. в [Brudny 1997; Biriukov, Sergeyev 1997: 176–187]. Леон Арон винит в этом личные качества Хасбулатова [Aron 2000: 495, 510]; Джерри Ф. Хаф обвиняет Ельцина как личность [Hough 2001: 138–142, 159–161], а Л. Ф. Шевцова возлагает равную ответственность на обе стороны, обвиняя отдельных лиц и оплакивая упущенные возможности, а не рассматривая тупик как неизбежный продукт институционального соперничества [Shevtsova 1999: 38–40, 59–61, 76, 90]. Захватывающий журналистский рассказ об осаде парламента в сентябре-октябре 1993 года см. в [Куцылло 1993].

⁸⁹ The Independent (London). 1992. September 24; Los Angeles Times. 1992. December 2.

Похоже, в глазах Ельцина это была точка невозврата. Он приобрел авторитет как поборник доброжелательного, но индивидуального лидерства. Фактически он прилагал максимальные усилия для создания коалиций и достижения компромиссов между разрозненными силами в свою бытность председателем Верховного Совета РСФСР (1990–1991)⁹⁰, но это поведение было обусловлено тем, что избран он был с небольшим (в четыре голоса) перевесом в ходе закрытого внутрипарламентского голосования. Как только Ельцин получил подтверждение своего лидерства со стороны общественных масс (на президентских выборах в июне 1991 года), он заявил о себе. Оппозиция его руководству в 1992 году со стороны Съезда народных депутатов и его собственного вице-президента, присоединившегося к антиельцинским силам, угрожала его политическому авторитету и противоречила его пониманию принципов политического порядка. Он утверждал, что Съезд — пережиток времен СССР, в котором никогда не проводились по-настоящему свободные и справедливые выборы. Тем более казалось неприемлемо, что из-за конституционного тупика Верховный Совет претендовал на роль «высшей власти» в государстве, как было написано в устаревшей, но все еще не отмененной брежневской конституции 1977 года. Согласно ельцинской плебисцитарной концепции власти, высшим носителем власти являлся «народ», и Ельцин — но не парламент — выдержал это испытание⁹¹. Поэтому, когда парламентарии начали призывать к импичменту, президент России был готов к драке.

В речи 11 февраля 1993 года Ельцин признал, что политика экономических реформ 1992 года сопровождалась «множеством ошибок»⁹². Но вместо того, чтобы занимать оборону по поводу своей личной ответственности, Ельцин переложил вину на законо-

⁹⁰ Associated Press. 1990. July 16. См. также замечания Джона Моррисона [Morrisson 1991, ch. 13].

⁹¹ Конечно, «народ» — это источник легитимности любого понятия народного суверенитета, будь то плебисцитарного или репрезентативного, но в представлении Ельцина только он получил истинное одобрение всего народа на свободных и справедливых выборах.

⁹² 1-й канал «Останкино». 1993. 11 февр. (FBIS-SOV-93-029. P. 18).

дательную власть: «...растущая напряженность в сфере государственной власти нанесла в прошлом году огромный ущерб, в том числе экономический. Сегодня это может просто взорвать страну, торпедировать любую, даже самую лучшую, программу действий»⁹³. На следующей неделе он выразил недовольство по поводу недопустимости противостояния между законодательной и исполнительной ветвями власти, потребовав принятия новой конституции и проведения всенародного референдума⁹⁴. 28 февраля его стратегия прояснилась. Он довел свою политическую риторику до крайности, определив выбор как бинарную оппозицию. Он обвинил Верховный Совет в попытке навязать «возврат к абсолютной власти Советов». Это резко контрастировало с «нормальным разделением властей [между исполнительной и законодательной ветвями], которое принято во всем мире». Результатом этого раскола стал политический паралич, грозивший «взрывом контрреволюции в стране <...>, который разрушил бы не только реформы и демократию, но и саму Россию». Его вывод был предсказуем, но он впервые заявил об этом публично: «Я больше не могу терпеть такое положение дел»⁹⁵.

Однако Ельцин не желал политической изоляции. В той же речи он призвал свою аудиторию — умеренное объединение промышленников «Гражданский союз» — присоединиться к нему в широкой центристской коалиции, которая позволила бы изолировать экстремистов⁹⁶. Он вернулся к этой теме в телевизионном интервью 7 марта 1993 года⁹⁷. Четыре дня спустя, на VIII Съезде народных депутатов, он настоял на том, что Россия должна быть президентской республикой, и предупредил, то перед съездом встанет выбор между консенсусом или конфронтацией — с теми он или с другими⁹⁸.

⁹³ 1-й канал «Останкино». 1993. 11 февр. (FBIS-SOV-93-029. P. 18).

⁹⁴ РТВ. 1993. 18 февр. (FBIS-SOV-93-032. P. 13-15).

⁹⁵ РТВ. 1993. 28 февр. (FBIS-SOV-93-038. P. 20).

⁹⁶ РТВ. 1993. 28 февр. (FBIS-SOV-93-038. P. 20).

⁹⁷ 1-й канал «Останкино», программа «Итоги». 1993. 7 марта (FBIS-SOV-93-043. P. 9-12).

⁹⁸ 1-й канал «Останкино». 1993. 11 марта (FBIS-SOV-93-046. P. 18).

Ельцин, по-видимому, решил еще больше поляризовать ситуацию, демонизируя своих оппонентов и тем самым выставляя себя тем, кто примет необходимые меры для спасения страны от реакционной реставрации и неизбежного разрушения. В телевизионном обращении к российскому народу 20 марта он назвал Съезд народных депутатов пережитком бывшей большевистской, антинародной системы, которая сегодня вновь стремится вернуть себе утраченную власть над Россией. Он назвал прошедший VIII съезд генеральной репетицией мести бывшей партийной номенклатуры⁹⁹. Более того, на съезде, по его словам, царила имперская идеология. Эти силы, если бы им было позволено управлять страной, разожгли бы вооруженные конфликты со всеми бывшими союзными республиками, навязали бы возвращение к гонке вооружений, рост военных расходов и глобальную конфронтацию со всем миром¹⁰⁰. Возвращаясь к метафоре «из ада в рай», Ельцин изменил направление движения, предупредив, что если реваншисты вернуться к власти, «это будет падение в пропасть»¹⁰¹. Как избранный представитель всего народа и защитник благополучия России, объявил Ельцин, он подписывает указ о приостановлении полномочий парламента, о наделении президента чрезвычайными полномочиями по управлению, о назначении общенародного референдума о поддержке президента, съезда, социальной политики Ельцина и о назначении новых парламентских выборов. Ельцин снова пошел по плебисцитарному пути. 26 марта он говорил о том, что вверяет свою судьбу в руки самого справедливого и верховного судьи — народа¹⁰².

Через несколько дней Ельцин отказался от угрозы ввести чрезвычайное положение. Но он добился проведения общенародного референдума, а также получил общественное одобрение, довольно легко выиграв этот референдум (прошедший в конце апреля). Хотя

⁹⁹ 1-й канал «Останкино». 1993. 20 марта (FBIS-SOV-93-053. P. 13).

¹⁰⁰ 1-й канал «Останкино». 1993. 20 марта (FBIS-SOV-93-053. P. 13).

¹⁰¹ 1-й канал «Останкино». 1993. 20 марта (FBIS-SOV-93-053. P. 13).

¹⁰² Цит. по: РТВ. 1993. 26 марта (FBIS-SOV-93-057. P. 23). См. также: «Российские вести» от 15 и 16 апреля 1993; Аргументы и факты. 1993. 21 апр.

чрезвычайный режим был отменен, он все еще чувствовал необходимость возобновить переговоры с парламентом по условиям новой конституции и федеративного договора. В последующие месяцы эти переговоры зашли в тупик из-за несовместимых концепций отношений между исполнительной и законодательной властью и отношений центра и периферии. Ельцин становился все более нетерпеливым. Он снова усилил риторику, обвиняя парламент и местные отделения Советов в стремлении восстановить коммунизм, заявляя, что идет процесс репрессий против инакомыслящих внутри всей системы Советов, цель которого состоит в том, чтобы истребить все живое¹⁰³. Наконец, в сентябре 1993 года он сделал то, о чем размышлял весь год¹⁰⁴: он своим указом распустил Верховный Совет и объявил, что в декабре состоятся новые выборы. Это было несомненным нарушением действующей конституции, которая прямо запрещала любые попытки распустить или даже приостановить деятельность российского парламента. Но Ельцин оправдывал свои действия императивом национальной безопасности, считая, что эти меры необходимы для защиты России и всего мира от катастрофических последствий распада российской государственности, которые снова повторяются в стране, обладающей огромным арсеналом ядерного оружия¹⁰⁵.

В начале октября 1993 года, когда депутаты отказались покинуть здание Верховного Совета, объявленного Ельциным распущенным, ситуация обернулась насилием. Здесь не место для того, чтобы решать, кто виноват в эскалации; ясно, что с гуманитарной точки зрения вину несут обе стороны. Ельцин отключил электричество в парламенте; вскоре после этого вооруженное и невооруженное сопротивление его роспуску переросло в столкновения на улицах Москвы между сторонниками правительства и парламента. После нескольких напряженных дней Ельцину

¹⁰³ Радио «Маяк». 1993. 12 авг. (FBIS-SOV-93-154. P. 14).

¹⁰⁴ Коржаков утверждает, что весной 1993 года, если бы парламент тогда поддержал его импичмент, Ельцин был готов применить газ и захватить парламент силами армии [Коржаков 1997: 158–159].

¹⁰⁵ 1-й канал «Останкино». 1993. 21 сент. (FBIS-SOV-93-182-S. P. 2).

удалось убедить военное командование поддержать его. Он ввел в столицу огромные — некоторые сказали бы непропорциональные — военные силы и обстрелял из танков здание парламента, чтобы обеспечить захват и арест находившихся в нем депутатов. Говорят, что в те дни погибли сотни граждан России. Но Ельцин победил. Это дало ему возможность диктовать условия новой конституции и назначить выборы в новый парламент¹⁰⁶.

Эти выборы прошли в декабре, одновременно с референдумом о том, следует ли стране принимать одобренную Ельциным конституцию. Она отражала сильную версию той позиции, которую Ельцин отстаивал на протяжении 1992–1993 годов, и устанавливала в отношениях между центральными ветвями власти суперпрезидентские полномочия. Президент получил широчайшие возможности для управления посредством указов, тогда как парламент и Конституционный суд обладали лишь ограниченными полномочиями. Предложенная конституция не предусматривала поста вице-президента, так что никакой будущий вице-президент не смог бы восстать против президента, как это сделал вице-президент А. В. Руцкой в 1992–1993 годах.

Более того, по нормам новой конституции стало практически невозможно отрешить президента от должности, равно как и внести в нее поправки. Конституция отражала менталитет «начальника» Ельцина и плебисцитарную концепцию ответственности. Документ был разработан так, чтобы гарантировать, что президент будет безусловным высшим органом власти в стране, в значительной степени неподотчетным государственным институтам, а только избирателям на последующих президентских выборах¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Разные оценки ответственности за применение насилия см. в [Aron 2000: 540–550] и [Reddaway, Glinski 2001: 370–429].

¹⁰⁷ Руководитель ельцинской администрации того времени сообщает, что Ельцин лично редактировал проект конституции всего за несколько дней до его обнародования. Пожалуй, самая значительная его доработка, по словам Филатова, касалась статуса президентства: «...дополнения о том, что указы президента носят нормативный характер и президент может председательствовать на заседаниях правительства» [Филатов 2000: 329].

Что касается отношений между центром и периферией, то новая конституция основывалась на сочетании унитарных и федеративных принципов. Это было усиленной версией тех взглядов, которые Ельцин отстаивал в 1992–1993 годах на переговорах по федеративному договору. Задача осложнялась как мощными центробежными силами, действовавшими в 1990–1991 годах, которые Ельцин в то время поощрял, так и институциональным наследием советской власти. Сохранялась иерархия статусов, дифференциация их между внутрироссийскими территориальными единицами, которая предоставляла некоторым из них (национальным республикам) большую автономию, привилегии и политический статус, чем другим. В ходе переговоров республики стремились максимизировать свою автономию от центра, в то время как области и края стремились получить не меньшую автономию, чем республики. Ельцинская конституция стремилась обуздать обе эти тенденции, определить республики и области как равные «субъекты Федерации» и расширить формальные полномочия центра, чтобы он смог навязывать свою волю регионам. В то же время, в значительной степени уступая федеративным принципам, он дал руководителям регионов формальное представительство в Совете Федерации, верхней палате нового парламента, и назначил прямые выборы региональных губернаторов. Такое сочетание унитарных и федеративных принципов резко контрастировало с конфедерализмом (сильные регионы — слабый центр), де-факто существовавшим в то время¹⁰⁸.

Таким образом, демократическая риторика Ельцина как строителя государства 1989–1991 годов представляла собой смесь либеральных и нелиберальных принципов. Он придавал мало значения построению сильной системы политических партий, сбалансированному разделению властей между исполнительной и законодательной ветвями, системе сдержек и противовесов

¹⁰⁸ Филатов цитирует слова Ельцина во время доработки проекта конституции: прилагательное «суверенный» больше не должно было относиться в этом документе к республикам, потому что «позиция президента — защищать права наций, на какой бы части территории России они бы ни проживали, а не права «суверенных» национальных государств» [Филатов 2000: 333–334].

между ветвями власти и дальнейшему поощрению региональной автономии. Напротив, суперпрезидентство, плебисцитаризм, популизм и центр, достаточно сильный, чтобы не позволить регионам игнорировать приказы Москвы, были характерными чертами разрабатываемой ельцинской программы государственного строительства. Гражданские свободы и выборность в отношениях между государством и обществом, а также отношения между центром и периферией, которые еще нуждались в согласовании, оставались основными либеральными чертами его программы государственного строительства.

Выводы

В период своего восхождения и пребывания во власти Ельцин разработал программу для основных сфер политики, направленную на преобразование независимой России в новое, в полной мере постсоветское государство, самостоятельного экономического и политического игрока на международной арене. Программа эта развивалась в течение 1992–1993 годов. Ельцин расширил свою коалицию за пределы интенсивной, но узкой политической базы, на которой он построил свой авторитет во время борьбы за власть в 1989–1991 годах. Эта антикоммунистическая и антигосударственническая политическая база поддерживала «шоковую терапию» в экономике, либеральную стратегию построения нации, его готовность распустить СССР и его компромиссную внешнюю политику. Но уже в середине 1992 года, когда цена реализации этой политики выросла, стало ясно, что Ельцин вносит коррективы, чтобы приспособиться к тем силам и идеям, которые в противном случае могли быть мобилизованы против него.

С середины 1992 до конца 1993 года он окончательно сформулировал концепцию, в которой обещал: 1) продолжать усилия по проведению экономических реформ, одновременно предотвращая угрозы социальной стабильности; 2) построить светскую российскую нацию без ущерба для русских народных традиций и интересов русской диаспоры в ближнем зарубежье; 3) интегри-

ровать Россию в западные международные организации, не жертвуя самостоятельностью России как международного игрока или ее способностью защищать свои национальные интересы как «великой державы»; 4) поддерживать территориальную целостность России без применения военной силы против регионов; и 5) построить президентскую республику, в которой президент будет гарантом достижения всех этих целей.

Ельцин превратился из оппозиционной фигуры советской политики в президента независимого Российского государства и разработал всеобъемлющую программу, чтобы привести свою страну к земле обетованной. Эта программа представляла собой сложное сочетание различных направлений, но ни одна сфера политики не допускала почтительного отношения к неперестроившимся коммунистам и крайним националистам. Ельцин остановился на формуле кооптации центра политического спектра, продолжая при этом следовать повестке дня, которую он изложил в конце 1991 года. никоим образом не было очевидно, что такое сочетание политических мер приведет к желаемым результатам. Если этого не произойдет, Ельцин снова окажется в политической обороне и не сможет возложить на кого-то другого ответственность за неудачи. Его персоналистский стиль руководства и настойчивое стремление к чрезвычайным полномочиям в управлении на основании издания президентских указов означало, что некого будет винить в том случае, если эта синтетическая программа потерпит неудачу. Если он хочет получить одобрение за свои достижения, ему также придется брать на себя ответственность за неудачи. Люди будут судить его, учитывает он их мнение или нет. Как и в случае с Хрущевым и Горбачевым до него, именно это и произошло.

Глава 8

Ельцин в политической обороне

К декабрю 1993 года Ельцин, очевидно, достиг вершин. Он ликвидировал старый Верховный Совет и заключил в тюрьму своих врагов — Хасбулатова и бывшего вице-президента Руцкого. Он добился принятия своей конституции, которая наделяла его исключительными полномочиями по отношению ко всем остальным политическим институтам, делала его не подлежащим импичменту и закрепляла подход к отношениям между центром и периферией и к национальному строительству именно так, как он желал. Но Ельцин воспринимал это не совсем так. Хотя он торжествовал по поводу принятия конституции, его явно удивили результаты выборов в Думу: оппозиционные правительству националисты и коммунисты получили значительное число мест. Ельцин прокомментировал результаты выборов только через десять дней, 12 декабря. Затем он начал критиковать «демократов» за их разобщенность, оппозицию — за экстремизм, правительство — за то, как оно проводило политику, и себя — за то, что потерял связь с народом¹.

Мемуарная литература дает нам более полное представление о том, как Ельцин воспринял это разочарование. Президент России был очень доволен повышением своих формальных полномочий и принятием — наконец-то! — выгодной ему конституции. Но его огорчало резкое падение собственной популярности среди широкой публики. Он приложил огромные усилия,

¹ 1-й канал «Останкино». 1993. 22 дек. (FBIS-SOV-9 3-244. P. 1-8).

чтобы заручиться военной поддержкой для подчинения Верховного Совета силой — но и тогда едва не случилось самое плохое. Он знал, что, возможно, не сможет рассчитывать на такую же поддержку в будущем. Более того, опросы общественного мнения выявили негативное отношение к нему за применение военной силы в октябре 1993 года². Выборы в Думу привели к власти новую комбинацию оппозиционных сил (радикальных националистов и коммунистов), на этот раз мобилизованных политическими партиями, более организованными, чем парламентские фракции, поддерживавшие Хасбулатова и Руцкого. Через два месяца новая Дума объявила амнистию всем политическим деятелям, арестованным в октябре 1993 года, а также путчистам августа 1991 года.

Ельцин был взбешен амнистией и неспособностью своей администрации ее предотвратить. Он был полон дурных предчувствий относительно лояльности военных и разочарован итогом выборов. В январе 1994 года он на несколько недель пропал и, по мнению некоторых из его сотрудников, вернулся другим человеком. Мемуары показывают, что его немедленной реакцией на эти разочарования, помимо депрессии и выпивки, стал сдвиг к более авторитарному и непубличному стилю управления. Изучение эволюции его лидерства показывает, что его всегда персоналистский стиль работы раньше был доступным, открытым для предложений и консультаций. Однако после 1993 года Ельцин исключал окружающих из процесса принятия решений, позволял преобладать в отношениях со своим персоналом неоцаристскому компоненту, который я буду называть «патриархальным». Он замкнулся в себе³. В настоящей главе

² Associated Press. 1993. October 30.

³ Я впервые разработал эту периодизацию и концептуализацию в [Breslauer 1999]; с тех пор появилось несколько книг, в которых этот период исследуется с использованием различных методологий (на основе интервью, документов, мемуаров и инсайдерской информации). Обнадеживает тот факт, что все они указывают на такой поворот после декабря 1993 года, и все они считают, что Ельцин в это время вернулся к более замкнутому, монархическому стилю руководства [Aron 2000: 564–577; Shevtsova 1999: 99–100; Reddaway, Glinski 2000, ch. 8].

основное внимание будет уделено поведению Ельцина на этом этапе политической оборонительной позиции. Сначала мы рассмотрим трансформацию стиля управления Ельцина в отношениях с его администрацией и кабинетом, а затем проанализируем изменение его стратегии по поддержанию авторитета после 1993 года.

Ельцин как патриарх

В главе пятой я отмечал, что стили управления советских лидеров варьировались от в высшей степени персоналистских до «управленческих», что выражалось в степени, в которой они прорабатывали проблемы со своими кабинетами и администрациями (или без них, через их голову). Горбачев сочетал в себе некоторые персоналистские черты с по большей части исполнительным стилем управления. Но после того, как он был вынужден уйти в политическую оборону, он стал более независимым в своих действиях и менее склонным к советам, чем прежде. Ельцин всегда был гораздо более персоналистским лидером, чем Горбачев, но это его качество усилилось еще больше, когда он занял политическую оборону.

Персонализм необязательно означает деспотизм, хотя все деспоты по определению персоналистичны. Персонализм — это форма правления, при которой лидер не подготовлен — формально, регулярно и часто — институтам, имеющим возможность существенно ограничить его свободу действий. Кроме того, персоналистические правители могут быть щедрыми, порядочными и сдержанными; это необязательно тираны, капризные или развращенные. Патриархат — это форма персонализма, при которой политическое сообщество рассматривается как семья, где лидером является *pater familias*; патриархи обычно опираются на традицию, а не на харизму или рационально-правовые нормы, чтобы подтвердить свою привилегию править так, как им заблагорассудится [Weber 1947: 346; Bendix, Weber 1960: 330–360;

Chehabi, Linz 1998, ch. 1]⁴. Но это понятие ничего не говорит о том, как правитель распределяет вознаграждения, будь то раздача материальных благ или почетных званий, и насколько он великодушен или скуп, отзывчив или невосприимчив к личным чувствам своих подчиненных.

Изучение мемуарной литературы, подкрепленное личными беседами автора с некоторыми из подчиненных Ельцина, позволяет лучше понять природу его самооценки как лидера. Как было сказано в главе второй, Ельцин всегда правил своими административными владениями как царь и господин; у него всегда было о себе патриархальное представление. Таким образом, даже до 1994 года по отношению к своему ближайшему окружению он считал себя главой семьи, лидером, который требовал полной лояльности к себе и своим командам и который имел право на свое усмотрение распоряжаться общественной и (иногда) частной жизнью своих подчиненных. В этих отношениях не было ничего обезличенного, ничего основанного на процедурных правилах или прерогативах должности, кроме его собственного восприятия. Сотрудники и чиновники президентской администрации были его приближенными, а не помощниками. Он относился к своему окружению как к семье, главой которой он был, а не как к корпусу профессионалов, которым он руководил как исполнительный директор. Это не просто теория; это имело поразительные поведенческие последствия.

Ельцин заставлял своих подчиненных стремиться к совершенству в тех рамках, которые он диктовал. Бонет в своем исследовании работы Ельцина в Свердловске пишет, что он настаивал на том, чтобы все его помощники носили строгую одежду [Bonet 1995: 8]. Когда они оказывались одеты в его понимании недостаточно формально, он заставлял их вернуться домой и переодеть-

⁴ Обратите внимание на то, что у Вебера и его последователей патриархи — это мужчины; однако данное использование термина не соответствует его применению в современной феминистской литературе, где мужское доминирование над женщинами рассматривается как продукт или отличительная черта патриархата. В этой главе термин «патриарх» используется для обозначения лидера, который доминирует над подчиненными обоих полов.

ся. Он также «превратил обком в волейбольную лигу», разделив его на пять команд, в которых должны были играть работники обкома, как для воспитания дружелюбия, так и для улучшения физического состояния его политической элиты [Бонет 1994: 123; Бурлацкий 1997: 123]. На посту президента России Ельцин продолжил эту практику. После августовского путча 1991 года он приказал построить дом, где будут жить он, его жена и семьи его дочерей, а также все высшие должностные лица его администрации с семьями. Он настоял на том, чтобы одна квартира была общей для жителей этого многоквартирного дома, чтобы они могли проводить там совместные торжества. Точно так же Ельцин настаивал на том, чтобы члены его окружения разделяли его страсть к игре в теннис и проявляли должное почтение, проигрывая ему на корте. Он организовал Президентский клуб, в который избирательно принимали членов его аппарата и кабинета. Он требовал, чтобы в его присутствии или в Президентском клубе не звучал мат⁵.

Бывший пресс-секретарь Ельцина В. В. Костиков в своих воспоминаниях отмечает, что тот считал себя «чем-то вроде отца большого семейства». Ему нравилось выставлять напоказ свой авторитет как патриарха; ему нравилось, когда он мог потребовать от кого-нибудь извинений за бюрократическую халатность — «попросить у папы прощения». Ему нравились застолья с водкой, где он произносил длинные тосты и наслаждался своей ролью главы семейства [Костиков 1997: 8, 25].

В воспоминаниях коллег и мемуарах самого Ельцина встречается много примеров такого отношения. Костиков утверждает, что Ельцин питал к Гайдару сентиментальные чувства, почти любовь, и говорит, что для Ельцина Гайдар был его «вторым я» [Костиков 1997: 157, 278]. Сообщается, что Ельцин говорил, что Чубайс и Немцов ему «как сыновья»⁶. «Литературный негр»

⁵ Об общем доме см. [Коржаков 1997: 134–150]; о теннисе см. [Ельцин 1994: 65]; о Президентском клубе см. [Костиков 1997: 319; Коржаков 1997: 24–25; Ельцин 1994: 242–243]; о мате см. [Ельцин 1994: 245; Коржаков 1997: 309].

⁶ Financial Times. 1997. September 16.

Ельцина (а позднее глава администрации) В. Б. Юмашев в одном из мемуаров изображен на фотографии вместе с Ельциным; подпись под фотографией гласит: «Для президента В. Юмашев почти как сын. Недаром его отчество Борисович» [Стрелецкий 1998, посл. с., без номера]⁷. Воспоминания Костикова (1997) озаглавлены «Роман с президентом». Бывший пресс-секретарь и помощник Ельцина утверждает, что в начале 1990-х Ельцин любил своих молодых советников, а они любили его в ответ⁸.

В 80-е годы отношения Ельцина с его телохранителем Коржаковым были до такой степени близкими, что они дважды резали пальцы и смешивали кровь в знак своей вечной взаимной преданности как «кровные братья» (Ельцину тогда было за пятьдесят) [Коржаков 1997: 223]. Коржаков называет отпуск, который они провели с Ельциным в 1986 году, их «медовым месяцем» [Коржаков 1997: 63]. Ельцин был «свадебным генералом» на свадьбе дочери Коржакова [Коржаков 1997: 243]. Стрелецкий пишет о психологии тех, кто при Ельцине отвечал за охрану партийных и правительственных чиновников: «По сути, “прикрепленные” мало-помалу превращаются в “членов семей” своих охраняемых» [Стрелецкий 1998: 24]. Что характерно, когда Ельцин в мае 1996 года упрекнул Коржакова за участие в политике, кровный брат Ельцина заявил его дочери: «Таня, если я тебе скажу, что не люблю Бориса Николаевича, то это будет слишком мягко сказано». Татьяна от этих слов пришла в ярость [Коржаков 1997: 358].

В таком административном контексте для достижения политического долголетия и политического влияния требовалось привлечь внимание лидера и быть им услышанным. Но делать это нужно было со всем уважением. Так, когда в 1994 году семь сотрудников Ельцина написали совместное письмо своему боссу,

⁷ Отметим также, что по наблюдению российского журналиста, политика для президента давно стала семейным бизнесом, в который Юмашев допущен на правах родственника (Гамов А. Комсомольская правда. 1998. 8 июля). См. также [Батурин и др. 2001: 732, 780].

⁸ См. также [Попцов 1996: 269].

призывая не повторять его конфузное и явно пьяное выступление в Берлине, Борис Николаевич пришел в ярость. Его реакция, однако, была реакцией патриарха, а не руководителя: он потребовал, чтобы каждый из них индивидуально ему повiniлся и раскаялся [Коржаков 1997: 220–223; Костиков 1997: 328–331]⁹.

Патриархальное отношение Ельцина простиралось за пределы его непосредственного окружения и министров экономического блока. Так же он относился к представителям армейского руководства. На эту тему имеется подробное исследование — отчасти мемуары, отчасти исследовательский проект — Баранца [Баранец 1998]. Оно полезно и внушает доверие, хотя, конечно, это всего лишь отдельный источник, и написан человеком, для которого совершенно неприемлемо отношение Ельцина к российским военным. Здесь мы также сталкиваемся с использованием интимных, семейных метафор. Министр обороны Грачев «любил» Ельцина, и эти двое мужчин однажды заявили друг другу о «вечной дружбе и любви» [Баранец 1998: 170, 230]. Награждая на публичной церемонии Грачева специальной золотой президентской медалью, Ельцин заявил: «Это от меня лично» [Баранец 1998: 248–249].

Патриарх как суровый родитель

Язык семейной близости и любви — один из дискурсивных индикаторов патриархального самоопределения. Однако Ельцин, как и Хрущев, также оставлял за собой право словесно оскорблять представителей исполнительной власти. Как свидетельствует Баранец, в октябре 1993 года, когда Ельцин искал поддержки армии в борьбе с Верховным Советом, один из участников совещания отметил: «Мы сидели, как нашкодившие двоечники в школьной канцелярии, куда прибыл разгневанный отец» [Баранец 1998: 26]. Несколько лет спустя, решив уволить министра обороны И. Н. Родионова и начальника Генштаба В. Н. Самсоно-

⁹ Ельцин, однако, был отходчив. См. [Батурин и др. 2001: 523–524].

ва, Ельцин сначала оскорбил их словесно перед их подчиненными [Баранец 1998: 71, 122].

Жертвами были не только военные. Другие члены кабинета Ельцина подверглись открытым словесным оскорблениям; в мемуарах, в частности, упоминаются как получившие взбучку министр иностранных дел А. В. Козырев, министр внутренних дел В. Ф. Ерин и министр по делам национальностей Н. Д. Егоров, тогда как Костиков намекает, что среди них был и премьер В. С. Черномырдин [Гайдар 1996: 107–108, 333–334; Коржаков 1997: 52–53; Костиков 1997: 347].

Ельцин также считал себя вправе причинить физическое насилие. Он мог быть очень жестоким по отношению к самым верным своим помощникам, особенно когда пил. Какими бы ни были слабости других президентов и премьер-министров, трудно представить, чтобы они «играли на ложках» по головам своих высокопоставленных помощников и, в то время как остальные в зале смеялись, били сильнее и уже по большему числу голов [Коржаков 1997: 81–82]. Трудно также представить, чтобы кто-то из них поступил, как Ельцин на Енисее, когда он потерял терпение из-за перебивавшего его пресс-секретаря, и приказал своим телохранителям выбросить того за борт. Когда телохранители заколебались, подумав, что он шутит, он повторил, что настроен серьезно, и не успокоился, пока не увидел, как несчастный пресс-секретарь перелетает через борт [Коржаков 1997: 253–254].

Издательства Ельцина не ограничивались его наиболее зависимыми и раболепными подчиненными в исполнительной и президентской ветвях российской власти. Нам известно, что он играл ложками на голове президента Кыргызстана Аскара Акаева! [Коржаков 1997: 82]¹⁰. Если это не была добродушная шутка по взаимному согласию (что не вполне ясно из воспоминаний), это ярчайший показатель того, до какой степени Ельцин рассматривал государства СНГ как часть своей политической вотчины.

¹⁰ Это подтвердили мне и другие люди (далеко не поклонники Коржакова), с которыми я беседовал в Москве в июне 1998 года.

Патриарх как щедрый благодетель

Хотя Ельцин часто оскорблял своих подчиненных и тех, кто значительно от него зависел, он мог быть и щедр по отношению к членам своего политического семейства. Он любил одаривать своих сотрудников, обычно дорогими часами [Коржаков 1997: 54]¹¹. Его широкие жесты простирались и на находящихся за пределами внутреннего круга. К нему обращались с бесчисленными просьбами об особых услугах — например о налоговых льготах — представители заинтересованных групп в регионах и отраслях. Сообщают, что ему было трудно отказать перед лицом возможности помочь друзьям, что приводило в бешенство бережливого министра экономики, заботящегося о бюджете, хотя Ельцин нередко использовал такую раздачу благ как часть сознательной стратегии «покупки» политической поддержки [Костиков 1997: 216–217; Батулин и др. 2001: 339, 340, 435]¹².

При этом такие жесты распространились и за пределы Российской Федерации. Как пишет в своих воспоминаниях Гайдар, он опасался, что Ельцин, оставшись один на один с руководством Беларуси, уступит в экономической политике больше, чем Россия может себе позволить [Гайдар 1996: 183–184]. Один из моих собеседников добавил, что такие опасения были вполне обоснованны, но не из-за незнания (вполне вероятного) Ельциным экономики или идеологической приверженности интеграции в СНГ. Скорее Ельцин в таких разговорах руководствовался патернализмом и чувством общинности. Как выразился этот собеседник, Ельцин говорил: «Мы все здесь одна семья. Давайте откажемся от формальностей! Зачем нам ссориться? Вот, я дам

¹¹ Как отмечает Коржаков, традицию «шеф дарит» Ельцин любил практиковать и в свои свердловские дни.

¹² См. также [Huskey 1999: 137–138; Lieven 1998: 171; Sergeyev 1998: 117–118]. Как пишет Хаски, министр финансов Лившиц сетовал на то, что Ельцин не разбирается в экономике «и пытается помочь всем <...>, но некоторых в тюрьму нужно сажать, а не помогать» [Huskey 1999: 57]. А министр экономики Ясин жаловался на то, что у Ельцина есть «любимые директора, перед которыми открываются любые двери» [Huskey 1999: 137].

вам это!» По словам инсайдера, это не ограничивалось отношениями России и Белоруссии, что помогает объяснить гибкость России в отношениях с Украиной и Казахстаном (в последнем случае — по поводу каспийской нефти). Тот же собеседник утверждал, что в отношениях со странами СНГ Ельцин «мог быть слишком щедрым»¹³.

Ельцин также видел себя щедрым патриархом в своих отношениях с населением России, хотя его политика и причинила огромные страдания большинству людей. В 1992–1993 годах он считал себя «директором всея Руси», а то, что его избрали президентом, подтвердило его право истолковывать волю народа [Костиков 1997: 306–307; Попцов 1996: 283]. Из-за своих ярких побед в противостоянии со старой системой и на свободных выборах он считал, что ему не нужно перед кем-либо отчитываться или объясняться [Костиков 1997: 304]. Он также считал себя «народным царем» — доброжелательным и заботливым, но при необходимости и строгим [Бурлацкий 1997: 315]. Заверяя население, что его печали скоро утихнут, он чувствовал себя православным священником, поднимающим дух своей паствы [Костиков 1997: 21–22]. Во время поездки по России в 1992 году он вез с собой сотни миллионов рублей на «подарки трудящимся». Он знал, что это нарушает сложившуюся экономическую политику, «но считал возможным для себя делать царские жесты» [Костиков 1997: 42–43]¹⁴.

¹³ Хотя у меня нет прямых тому доказательств, но это могло повлиять на отношения Ельцина с президентом Татарстана М. Шаймиевым и на щедрые условия, которые Ельцин предложил для обеспечения подписания договора от февраля 1994 года, предоставлявшего этой республике существующую автономию в составе Российской Федерации. О том, что многие обвиняют его в излишней щедрости по отношению к лидерам СНГ, а также его самооправдание см. в [Ельцин 2000: 247–248].

¹⁴ Хаски утверждает, что Ельцин видел в президентстве выражение «главного институционального покровителя страны» [Huskey 1999: 119], а президента рассматривал как стоящего над всеми ветвями власти и посылающего к ним «эмиссаров» [Huskey 1999: 81]. Доводы, представленные в этой главе, подтверждают характеристики Хаски.

Эволюция ельцинского стиля управления

Ельцин на протяжении всей своей политической карьеры придерживался к себе персоналистских представлений; он всегда хотел быть «главным». Он был чрезвычайно требовательным начальником, который рассчитывал, что все его подчиненные будут работать и отдыхать так же усердно, как и он сам.

В Свердловске он ожидал от подчиненных, что те откажутся от выходных, чтобы поиграть в волейбол или отправиться на рыбалку или охоту, как только он того потребует [Бурлацкий 1997: 123]. В Москве их вызывали на теннисный корт. Однако со временем стиль работы Ельцина изменился. Он всегда сочетал персонализм с патриархальным самоопределением; закрытый, монархический стиль стал преобладать только после 1993 года. В воспоминаниях двух его ближайших помощников конца 1980-х, когда он был лидером оппозиции Горбачеву в Советском Союзе, редко упоминаются черты, которые я подчеркивал до сих пор; зато там говорится о харизматичной личности Ельцина того времени [Суханов 1992; Ярошенко 1997]. В воспоминаниях людей, работавших с Ельциным как до, так и после 1993 года, проводится различие между ранним президентом Ельциным и поздним президентом Ельциным, причем поворотная точка наступает где-то в конце 1993 года. До этого Ельцин был популистом, уверенным, как утверждают авторы этих воспоминаний, в своей способности мобилизовать массы против своих политических противников. Он также пользовался огромным харизматическим авторитетом в своем окружении и обладал легитимной властью, проистекающей из его победы на всеобщих президентских выборах в июне 1991 года. Кроме того, требуя почтения к патриарху от своего ближайшего окружения, он все же был доступен, консультировался, был восприимчив к советам в политике.

К концу 1993 года, однако, Ельцин потерял уверенность в своей способности сплотить массы — вывод, во многом подтвержденный результатами парламентских выборов в декабре 1993 года [Костиков 1997: 151–152; Гайдар 1996: 230–231, 313–314; Коржаков 1997: 330]. Предположительно это был не только удар

по его эго, но также и угроза для его стратегии сохранения авторитета, ибо плебисцитарный подход к достижению цели предполагает, что народ встает на сторону лидера против его политических врагов. В 1988–1989 годах Ельцин обратился к народу за защитой от коммунистического партийного государства. В 1989–1992 годах он добился власти на волне нескончаемого народного одобрения. В 1993 году издержки от его действий росли, и население потеряло веру в своего героя. Ельцин по-прежнему находился у власти и формально был сильнее, чем когда-либо, но он оказался на новой политической территории.

Гайдар пишет, что примерно в это время Ельцин начал представлять себя добрым царем в окружении огромного двора [Гайдар 1996: 295]. Как сообщает Костиков, со временем Ельцин все чаще говорил о себе в третьем лице [Костиков 1997: 308]. По словам Коржакова, Ельцин серьезно озаботился собственной безопасностью [Коржаков 1997: 133]. Он также сузил круг тех, к кому мог обратиться за советом, и позволил сотрудникам службы безопасности в своем окружении оказывать значительное влияние на политику [Гайдар 1996: 300]. Как сетовал Костиков, «демократы болезненно переживали, что в отношениях с Борисом Николаевичем постепенно исчезал демократизм, доступность, доверительность отношений» [Костиков 1997: 322]¹⁵. Один из бывших коллег объясняет эту тенденцию одновременным влиянием физической боли и истощения Ельцина в то время и эмоциональных страданий, связанных с «проигрышем» на парламентских выборах в декабре 1993 года — и это после того, как он вложил столько энергии в победу над Верховным Советом в 1993 году! Он тратил столько «негативной энергии» на протяжении стольких лет, что к 1994 году его окружение могло принести ему «плохие новости» только в том случае, если они были упакованы в три слоя «хороших»¹⁶.

¹⁵ Тогдашний руководитель администрации Ельцина С. А. Филатов пишет, что в 1994–1995 годах Ельцин стал относительно замкнутым и мало путешествовал по России [Филатов 2000: 401].

¹⁶ В беседе с автором, Москва, июнь 1998 года. См. также [Коржаков 1997: 251].

Это изменение привело к тому, что Гайдар заметил Костикову в январе 1994 года: «Нужно вернуть Ельцина Ельцину». Это означало, что им нужно было найти способ обуздать авторитарные замашки Ельцина, сделать так, чтобы он больше советовался, не дать ему чрезмерно искать утешения в алкоголе [Костиков 1997: 296]¹⁷. Ельцин эволюционировал из «народного царя» [Бурлацкий 1997: 315] во все более замкнутого монарха. Его персонализм, хотя и сохранялся на протяжении всего его президентского срока, эволюционировал из популистского, открытого советам и доступного для общения варианта в сторону более замкнутого и закрытого.

Патриарх как системный менеджер

Ощущение Ельциным своей политической уязвимости и его переход к более замкнутому стилю работы сопровождались также очевидным сдвигом в его стратегии поддержания авторитета. Начиная с 1994 года Ельцин публично показывал себя лидером, основной целью которого было укрепление построенного им нового порядка и преодоление противоречий внутри этого нового порядка. Он представлял себя скорее системным менеджером, чем строителем системы. Эта перемена заставила его еще дальше дистанцироваться от радикальных реформаторов и укрепить связи с центристами, что соответствовало его более ранней реакции на политический вызов.

В результате падения своей популярности и роста критики после экономических реформ начала 1992 года он переключился на поиск поддержки со стороны центристов во многих сферах политики. После военной победы над депутатами и их вооруженными сторонниками в октябре 1993 года, но до декабрьских вы-

¹⁷ В своих воспоминаниях, написанных после отставки, Ельцин признает, что в 1994–1995 годах «в какой-то момент почувствовал, что алкоголь действительно средство, которое быстро снимает стресс» [Ельцин 2000: 318–319]. Несколько иной взгляд на реакцию Ельцина на декабрьские выборы 1993 года см. в [Батурин и др. 2001: 402]. Любопытно, что в коллектив авторов «Эпохи» входит Костиков.

боров Ельцин начал подчеркивать тему «нормализации» и необходимость долгосрочного процесса культурной адаптации к новой системе¹⁸. На своей пресс-конференции после выборов он заявил, что Россия жаждет стабильности, России нужен мир¹⁹. Мемуары, которые он подписал для публикации в начале 1994 года, завершаются прозаическим обещанием дать российскому народу «устойчивость в политике и экономике» и заявлением о том, что «спокойствие России и является главной целью этого беспокойного президента» [Ельцин 1994: 299]. Успокоившись после своего приступа гнева по поводу амнистии в феврале 1994 года, Ельцин предложил (и выступил посредником) «меморандум о социальном согласии», направленный на то, чтобы побудить всех умеренных формально согласиться работать в системе, избежать разжигания общественных страстей и помочь ему изолировать экстремистов в Думе²⁰. По его мнению, конституция положила конец противоречиям двоевластия и создала цивилизованную основу для прочного мира и рационального развития.

Структурные преобразования перестали быть лейтмотивом правления Ельцина. Теперь упор делался на консолидацию достижений, рационализацию управления в новом структурном контексте, политическую изоляцию антисистемных сил и адаптацию народа к системе в том виде, в каком она строилась [Батурин и др. 2001: 16–17, 379–380, 397, 412].

Качественным показателем смены политических приоритетов стали новый упор в выступлениях Ельцина на тему консолидации и относительный отход от тематики преобразований, преобладавшей в 1992–1993 годах. В своем первом выступлении в Совете Федерации 11 января 1994 года он подчеркнул необходимость

¹⁸ Интервью. Известия. 1993. 16 нояб.

¹⁹ 1-й канал «Останкино». 1993. 22 дек. (FBIS-SOV-93–244. P. 2).

²⁰ Кроме того, в интервью 5 апреля 1994 года он ясно дал понять, что поставленные им цели включают еще один приоритет: «Я считаю, что одним из моих главных достижений к 1996 году будет создание гарантий, которые не позволят стране впасть в тоталитаризм. Наш общий долг — изолировать экстремистские силы в парламенте» (La Repubblica. 1994. 5 avrile. P. 14; FBIS-SOV-94–065. P. n–12).

укрепить рыночную экономику, придав ей правовую инфраструктуру²¹. 24 февраля в его знаменательном послании Федеральному собранию под названием «Об укреплении Российского государства» было заявлено: «Сейчас завершается важный этап преобразования России в демократическое государство. На основе Конституции формируется демократическая система власти»²². Раздел о самой экономической реформе, который раньше был бы приоритетным, теперь располагался в середине длинного обращения. В этой и последующих речах по-прежнему подчеркивается необходимость продолжения и углубления процесса реформ, но гораздо больший акцент делается на поддержании социального мира (то есть «всех здоровых сил в обществе») и укреплении правопорядка, причем уделяется внимание судам, снижению преступности, социальным программам, надежности административной системы, упорядочению отношений между Москвой и регионами, долгосрочной адаптации населения к новой системе и необходимости реформы государственной службы как средства снижения уровня коррупции. После амнистии Ельцин красиво резюмировал новое направление в своем обращении к правительству 4 марта 1994 года, заявив, что сегодня в России демократия означает прежде всего стабильность, порядок, сотрудничество²³. Гайдар почувствовал грядущий сдвиг и в январе 1994 года ушел со своего поста в правительстве²⁴.

²¹ Радио России. 1994. 11 янв.

²² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Об укреплении Российского государства. С. 11. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12590/> (дата обращения: 21.04.2021).

²³ Радио «Маяк». 1994. 4 марта (FBIS-SOV-94-043. P. 16).

²⁴ В интервью, опубликованном в «Известиях» 26 марта 1994 года, Ельцину было предложено объяснить тот факт, что он заметно дистанцировался от «демократов и радикальных реформаторов». Он отрицал, что это так, утверждая, что вместо этого идет по пути «...расширения спектра взаимодействия. <...> Для этого нужна тонкая, аккуратная и терпеливая работа. Накалять страсти дальше нельзя. Всем, кому не изменило здравомыслие, всем, кто искренне заинтересован в благополучии России, оказалась близка главная мысль послания — укрепление государства на основе Конституции. Это и есть платформа для взаимодействия, для углубления реформ, а не для

Ельцин был компетентным управленцем и партийным руководителем в Свердловске с 1950-х по 1970-е годы, когда он оставался бесспорным хозяином на своей территории и когда коммунистическая система сдерживала конфликты, насаждая социальный мир и политическое согласие. Затем, в последние годы правления Горбачева, он превратился в тактически выгодную революционную фигуру. Как президент независимой России он, к лучшему или худшему, провел страну через радикальный разрыв с наследием коммунизма. Но теперь, ослабленный возрастом, болезнью и явной усталостью от столь долгой борьбы, Ельцин столкнулся с необходимостью исполнять еще одну социальную роль: лидера как системного менеджера.

Ход программы приватизации отразил этот новый этап в ельцинском правлении. Как было запланировано ранее, второй раунд приватизации на основе нового свода правил прошел в 1994–1995 годах. Если правила, регулировавшие первый раунд («ваучерную приватизацию» 1992–1994 годов), отдавали предпочтение инсайдерам — работникам и менеджерам, то второй раунд стал одним из самых крупных и вопиющих случаев плутократического фаворитизма, какой только можно представить. Огромные отрасли промышленности, потенциально стоящие многие миллиарды долларов, были «проданы» нескольким богатым людям за номинальную сумму, в некоторых случаях менее одного процента от их реальной стоимости. Сомнительно, чтобы Ельцин разбирался в этих тонкостях или хотя бы стремился их изучить. Как он признался в своих вторых мемуарах: «Я не претендую на

движения вспять. Моя позиция такова: если разделяете дух послания — найдем общий язык, если нет — не занимайтесь демагогией, не сбивайте с курса на согласие граждан России» (Известия. 1994. 26 марта). В августе 1995 года он пошел еще дальше, заявив, что время меняет значение слова «демократ». До недавнего времени оно использовалось в основном для обозначения радикалов, жестких противников прежней системы и преданных участников митингов. Теперь же, на его взгляд, это в первую очередь относится к профессионалам, способным творить, людям, которые признают только конституционный метод прихода к власти и ухода из нее. Демократы — это люди, которые готовы сделать так, чтобы страна двигалась к нормальной жизни. (Комсомольская правда. 1995. 19 авг.).

то, чтобы говорить о философии экономической реформы» [Ельцин 1994: 235]²⁵. Но советники убедили его, что быстрая передача крупных активов в руки монополистических капиталистов поможет создать класс богатых собственников, которые станут сильными союзниками в продолжающейся борьбе против коммунистической реставрации. Эти капиталисты многого лишились бы при возвращении коммунистов к власти, и, соответственно, они будут готовы использовать все средства, чтобы этого не произошло; а поскольку до президентских выборов остается всего год, их финансовая и политическая (то есть через СМИ) поддержка Ельцина будет гарантирована. Ельцин на этой стадии политической обороны мог, таким образом, использовать новый раунд приватизации, чтобы одновременно укрепить свою личную власть и пересмотреть свою стратегию сохранения авторитета, выступив в качестве гаранта против коммунистической реставрации, невзирая на цену, которую придется заплатить.

В декабре 1994 года Ельцин принял роковое решение о вторжении в Чеченскую республику. К подоплеке этого решения мы обратимся в главе девятой, а здесь вкратце рассмотрим его последствия в контексте реакции Ельцина на разочарование его политикой. После вторжения представители политического, военного и журналистского истеблишмента подвергли Ельцина резкой критике. Ему пришлось объяснять свою стратегию целью сохранения целостности России. Сама цель возражений не вызвала, и он подчеркивал ее в своих посланиях Федеральному собранию в феврале 1995 года и в феврале 1996 года; фактически в своей речи 1996 года он определил самое важное достижение («первый успех») четырехлетних реформ — предотвращение распада России²⁶. Но, помимо этого, как он мог оправдать цену, заплаченную в Чечне за достижение данной цели? Как убедить русских, что потеря тысяч солдат стоит того, чтобы удержать преимущественно мусульманскую Чечню в рамках якобы либеральной Российской Федерации, не проливая при этом ни капли

²⁵ Это признание не вошло в английскую версию [Ельцин 1994: 145].

²⁶ ТАСС. 1996. 23 февр.

крови для защиты этнических русских в так называемом ближнем зарубежье? У Ельцина не было готового ответа, отражающего дилемму (возможно, неразрешимую) построения национального государства в постимперском, но диаспорическом контексте.

Вместо этого Ельцин вновь вернулся к националистическому дискурсу. Он поучал журналистов, что они якобы обязаны содействовать духовному и религиозному возрождению России²⁷, подобно тому как Горбачев и Хрущев пытались сдержать чрезмерную свободу журналистов в кампаниях за гласность и десталинизацию. Ельцин призвал подрастающее поколение «не позорить славу отцов», осознать важность защиты Родины²⁸. Он публично восхвалял казачьи организации — чтобы заручиться их лояльностью, а также напомнить об их прошлой и нынешней роли в обеспечении российской государственности и гражданственности²⁹.

Ельцин также воспользовался представившейся возможностью, чтобы расправиться с наиболее радикальными антисистемными

²⁷ РТВ. 1995. 16 февр.; Российская газета. 1995. 20 февр.

²⁸ ТАСС. 1995. 13 июня.

²⁹ Похоже, первая война в Чечне (1994–1996) послужила стимулом для романтических чувств Ельцина к казачьим организациям. В начале войны казаки немедленно оказались втянуты в военные действия, так как исторически казачьи станицы обстреливались и разрушались. Самоорганизованные батальоны казачьих добровольцев сразу же предложили свои услуги, а 30 января 1995 года казачьи атаманы попросили Ельцина «строго наказать» президента Чечни Дудаева за разжигание конфликта в России и пообещали оказать помощь в защите ее территориальной целостности (ТАСС. 1995. 30 янв.). В мае 1995 года Чрезвычайный совет казачьих атаманов заявил о своей готовности верно служить и защищать безопасность и территориальную целостность России (ТАСС. 1995. 19 мая). Ельцин ответил на это указами «О государственном реестре казачьих обществ» (Московские новости. 1995. 25 авг.) и «О Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации» (ТАСС. 1996. 20 янв.); в обоих указах казаки признавались официально, а также организовывались для государственной службы. В сентябре 1995 года Ельцин публично похвалил казачество за его роль в истории России (ТАСС. 1995. 7 сент.). В 1996 году он выразил уверенность, что казаки и впредь будут подавать хороший пример, «защищая границы и интересы России, как в древние времена» (ТАСС. 1996. 17 апр.). Соответственно, он отметил, что будет продолжать способствовать возрождению казачьей общины, «столпа российской государственности» (ТАСС. 1996. 6 июня).

силами среди русских националистов. 23 марта 1995 года он издал указ против «фашистских» организаций³⁰. Это было попыткой установить легальные границы, сдерживающие антирежимную деятельность, создать конструкт крайне правого врага русской нации и дать сигнал, что правительство Ельцина желает и может победить этого врага. Таким образом, в этом указе признавалось, как давно предупреждали все радикальные националисты, что «нация» находится под угрозой, но однозначно заявлялось, что нация находится под угрозой со стороны самих крайних националистов. Указ подразумевал, что ельцинское правительство является силой, которая спасет нацию от этой угрозы.

Тем не менее Ельцин сопротивлялся этнизации в риторике национального строительства. Так, призывая к единству применительно к политике в отношении Чечни, он заявил, что там умирают граждане России, независимо от их национальности³¹. Кроме того, Ельцин, говоря об обязанностях граждан, подтвердил демократические принципы свободы слова и печати. Его антифашистский указ был явно нацелен на радикальных националистов, готовых вывести ополченцев на улицы, а не на Зюгановых, Бабуриных и других, которые выражали свое несогласие в рамках законных политических институтов, созданных Конституцией декабря 1993 года.

Подводя итоги, можно сказать, что после декабря 1993 года Ельцин пересмотрел свои приоритеты и политические стратегии. Но переход от строителя системы к системному менеджеру не избавил его от необходимости иметь дело с противоречиями, заложенными в эту систему правления.

Системный менеджер как государственный деятель

Прозападная внешняя политика Ельцина образца 1992 года подвергалась критике, что подвигло российского президента задуматься о возможности синтеза прозападной, либеральной

³⁰ Российская газета. 1995. 25 марта.

³¹ ТАСС. 1996. 23 февр.

международной политики с мерами, направленными на продвижение и защиту национальных интересов России как «великой державы». Однако после думских выборов 1993 года он почувствовал необходимость еще более чутко реагировать на очевидные неудачи и недочеты на международной арене. В 1994 году Ельцин был уже не столько напористым лидером, наводящим мосты с Западом, сколько менеджером, защищающим фрагментированную и часто непоследовательную внешнюю политику. Изначально он возлагал на свою прозападную внешнюю политику неоправданно высокие надежды. Позже он вознамерился взять лучшее из двух подходов. К 1994 году западные державы действовали совсем не так, как обещал ранее Ельцин. Оппоненты, во главе с возглавляемой В. В. Жириновским Либерально-демократической партией России и Коммунистической партией Российской Федерации, господствовавшие в новоизбранной Думе, обрушились на Ельцина с критикой за якобы заискивание перед Западом в целом и США в частности.

Ельцин ради укрепления своего авторитета создавал нереалистичные ожидания. Теперь, в свете критики его политических решений в сочетании с личной изоляцией и не приносящими пользы международными событиями, его оптимистичный образ «брачного союза» России и Запада стал казаться и менее желательным, и менее осуществимым. В результате Ельцин как государственный деятель занял оборонительную позицию, изо всех сил пытаясь не только справиться с противоречиями между ожиданиями и реальностью, но и защитить свой политический авторитет как эффективного деятеля во внешней политике.

Россия и Запад (1994–1996)

Ельцин на всем протяжении своего пребывания на посту президента Российской Федерации искал помощи Запада для финансирования переходного периода. В первые годы Москва возлагала большие надежды на то, что богатые демократии предоставят ей огромные суммы, как в знак признательности за антикоммунистические взгляды правительства Ельцина, так и из

опасения того, что может прийти ему на смену. Вскоре стало очевидно, что эти надежды не оправдались, и после этого началась «игра» на западной боязни российского реваншизма с целью побудить к предоставлению любых кредитов, займов, гарантий и политических уступок, в необходимости которых можно было Запад убедить или которые можно было выпросить. Джерри Хаф в своем исследовании показал, как Ельцин и его правительство сыграли на увязывании Западом политического выживания Ельцина с продолжением так называемых реформ. Риторические выпады против оппонентов Ельцина в России и разговоры о предполагаемых угрозах «реформам» часто совпадали с моментами, когда Международный валютный фонд рассматривал вопрос о предоставлении новых займов. Эти займы, утверждает Хаф, в основном использовались для выплаты заработной платы рабочим в государственном секторе экономики, чтобы таким образом предотвратить потенциально возможные общественные волнения [Hough 2001].

Клинтон и Ельцин встретились в Москве в январе 1994 года. На совместной пресс-конференции Ельцин, хотя и был полон оптимизма и энтузиазма, озвучил длинный список беспокоивших Россию недостатков США как партнера в международных делах, пожаловался на дискриминационные торговые ограничения и обращение с русскими в странах Балтии (он говорил, что не должно быть двойных стандартов, будь то Гаити или Прибалтика)³². После саммита, провозглашая на обеде тост в честь Клинтона, Ельцин дополнил обширный перечень этих жалоб, обозначив раздражение и нетерпение по отношению к своему американскому партнеру и выразившись в том смысле, что Соединенные Штаты не вносят свой вклад в помощь России³³.

После того как утих прозападный романтизм начала 1992 года, Ельцин почувствовал необходимость заручиться финансовой поддержкой Запада, не отдавая слишком много взамен. Его

³² РТВ. 1994. 14 янв. (FBIS-SOV-94-011. P. 7).

³³ ИТАР-ТАСС. 1994. 14 янв. (FBIS-SOV-94-011. P. 12-13).

пересмотренная стратегия укрепления авторитета требовала, чтобы он разрешил противоречия между множеством целей. В своем послании «Об укреплении Российского государства» от 24 февраля 1994 года Ельцин пошел дальше, чем когда-либо прежде, определив огромное количество противоречивых целей, которых он обещал достичь:

В интересах России создание благоприятных внешних условий для развития страны. Этого необходимо добиваться корректной и дружественной, но вместе с тем твердой и последовательной внешней политикой, в которой стремление к сотрудничеству не вступает в противоречие с национальными интересами страны и чувством национальной гордости россиян³⁴.

Это была чрезвычайно сложная задача!

Помимо торговли, займов и сокращения вооружений, затрудняли реализацию этого видения и другие проблемы. Непосредственно в то время война в бывшей Югославии привела к кризису в американско-российских отношениях. С конца 1993 года НАТО грозило начать бомбить Сербию, если она не будет соблюдать установленную ООН «безопасную зону». Однако президент Сербии Слободан Милошевич отказался покоряться. Когда НАТО ответило бомбардировкой позиций боснийских сербов, несмотря на протесты России и без одобрения Совета безопасности ООН, Ельцин временно отложил свое обращение к Федеральному собранию и после этого неоднократно публично жаловался как на двойные стандарты Запада в Югославии, так и на «однбокость» действий Запада³⁵. После долгих внешнеполитических интриг российские войска заняли позиции бок о бок с войсками НАТО, но под командованием ООН, что оказалось

³⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики // Российская газета. 1994. 25 февр. С. 1, 3–7.

³⁵ 1-й канал «Останкино». 1994. 4 окт. (FBIS-SOV-94–193. P. 7–10); Российская газета. 1995. 10 авг. С. 1; Радио России. 1995. 8 сент.; ИТАР-ТАСС. 1995. 8 сент.

неудачной попыткой защитить безопасные зоны. Однако произошло это при неоднозначной поддержке Министерства обороны России. Лидеры НАТО все больше разочаровывались в Милошевиче и были готовы нанести авиаудары в ночь на 17 февраля 1994 года. Но в тот день русские неожиданно для НАТО в одностороннем порядке заключили соглашение о прекращении огня и высадили российский десант в Сараево и его пригородах. Ельцин выступил с заявлением, в котором разрекламировал «триумф» России, а позже призвал к проведению под руководством России саммита США, Великобритании, Франции и Германии для разрешения сербско-боснийского кризиса. Саммит этот так и не состоялся.

Югославский кризис совпал с расширением НАТО, что открывало перспективу присоединения к альянсу восточноевропейских стран. Этот вопрос еще больше осложнил усилия Ельцина по достижению многочисленных целей его пересмотренного взгляда на внешнюю политику и способствовал укреплению антизападных сил в политическом истеблишменте России и в среде интеллигенции. Западные державы предложили несколько компромиссов: «Партнерство ради мира», в котором будут участвовать Россия и все бывшие коммунистические государства; умеренные темпы расширения НАТО, учитывающие затруднительное политическое положение Ельцина; и наконец, хартию «Россия — НАТО», институционализирующую формы сотрудничества между расширенным блоком и не входящей в него Россией. Хотя эти компромиссные шаги были в конечном итоге согласованы, в Москве они рассматривались как не более чем паллиативы. Проблема расширения НАТО на восток (чего Москва не могла предотвратить) и вероятного отказа Москве в членстве серьезно осложнила поддержание Ельциным своего авторитета на протяжении 1994–1996 годов.

В октябре 1993 года госсекретарь США Уоррен Кристофер представил Ельцину идею «Партнерства ради мира», которую Ельцин ошибочно воспринял как альтернативу расширению НАТО. Кристофер вспоминает об этом недоразумении в своих мемуарах:

Ельцин очень воодушевился, когда я описал предложение о партнерстве. Русские очень нервничали по поводу НАТО накануне нашего визита. <...> Он назвал идею Партнерства «гениальным ходом», заявив, что это ослабит натянутость в отношениях России с восточноевропейцами на фоне их стремления вступить в НАТО... «Это действительно прекрасная идея, действительно замечательная, — возбужденно говорил Ельцин. — Скажи Биллу, что я в восторге от этого блестящего шага». Если оглянуться назад, становится ясно, что его энтузиазм основывался на ошибочном предположении, будто «Партнерство ради мира» не приведет к возможному расширению НАТО³⁶.

Однако уже через несколько месяцев и российским чиновникам, и Ельцину стало ясно, что либо они неправильно поняли, либо их ввели в заблуждение. Министр иностранных дел Козырев в 1994 году приложил максимум усилий, чтобы добиться возрождения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе вместо расширения НАТО³⁷. Но во второй половине 1994 года Соединенные Штаты активизировали свои усилия по обеспечению поддержки расширения альянса [Goldgeier 1999: 71–75]. Москва отреагировала раздраженно. На встрече глав европейских государств в Будапеште в декабре 1994 года Ельцин и Козырев гневно осудили расширение НАТО и отказались дать согласие на «Партнерство ради мира» [Goldgeier 1999: 85–87]. На встрече Клинтона и Ельцина в Москве в мае 1995 года риторический накал утих, но окончательного соглашения достигнуто так и не было, поскольку «Клинтон и Ельцин сошлись на том, что они расходятся во мнениях по вопросу о расширении альянса», а Клинтон отверг требования Ельцина о существенной отсрочке приема новых членов в НАТО [Goldgeier 1999: 92, 93]. Хотя Клинтон думал, что убедил на этом саммите Ельцина присоединиться к «Партнерству ради мира» [Goldgeier 1999: 93], только

³⁶ Цит. по: [Goldgeier 1999: 59].

³⁷ Сегодня. 1994. 25 февр.; ТАСС. 1994. 2 марта, 22 июня; UPI. 1994. March 10, August 17; Радио России, иновещание. 1994. 17 авг.

в декабре 1996 года преемник Козырева Е. М. Примаков согласился присоединиться к партнерству с НАТО, и даже после этого Россия участвовала в нем лишь в ограниченном объеме.

Учитывая этот узел противоречий, в течение 1994–1995 годов Ельцину становилось все труднее согласовывать с реальностью свое прежнее представление о дружественных и доброжелательных отношениях между США и Россией. После встречи на высшем уровне с Клинтоном в сентябре 1994 года Ельцин заявил: «В моей стране есть люди, хотя их мало, которые говорят, что наши отношения с США временны и что эра конфронтации вернется. Но я хотел бы сказать, что мы никогда не воевали с США, и я верю и могу сказать как президент России, что мы никогда не будем воевать с США»³⁸. К декабрю Ельцин был уже менее оптимистичен, предупреждая о «холодном мире» вместо холодной войны³⁹. Весной 1995 года министр иностранных дел Козырев объявил, что в американо-российских отношениях «медовый месяц закончился»⁴⁰.

Конечно, Ельцин очень часто положительно оценивал результаты своих встреч с лидерами процветающих демократий. На своих пресс-конференциях и в обеденных тостах на саммитах он откровенно перечислял сохраняющиеся разногласия и нередко строго отчитывал своих западных коллег за недостатки их политики. Но он говорил и о прогрессе, достигнутом в ходе обсуждений, о взаимопонимании в отношении позиций друг друга. Он часто восторженно отзывался о личных отношениях с ними. Это было важным компонентом его стратегии поддержания авторитета. Если бы он не сумел добиться конкретных положительных результатов по таким вопросам, как Югославия, НАТО, торговля и т. д., он мог бы, по крайней мере, рассчитывать на будущий прогресс, вытекающий из сохранения им тесных личных отношений с западными лидерами. Это, вероятно, объясняет то, что он постоянно упоминал «своего друга Билла», «своего друга

³⁸ Financial Times. 1994. September 24.

³⁹ Los Angeles Times. 1994. December 6.

⁴⁰ Financial Times. 1995. March 24.

Гельмута», а позже даже «своего друга Рю», японского лидера, с которым он встретился впервые. Так, в январе 1996 года после часового телефонного разговора с Клинтоном Ельцин провозгласил «второй медовый месяц» в отношениях между США и Россией, гордо заявив: «Я остался верен своему другу, а он — мне»⁴¹. Логичный послыл. Россия и Запад могут быть как никогда далеки друг от друга по разделяющим их вопросам, но Борис Николаевич все еще может рассматривать это как разногласия между близкими друзьями и может рассчитывать на преодоление таких разногласий в будущем⁴².

Содружество Независимых Государств

Уже в 1993 году Россия начала проводить все более интервенционистскую политику в ближнем зарубежье. Целью российской внешней политики стал прогресс в деле своего рода экономической реинтеграции государств бывшего Советского Союза. Более того, демонстрация возрастающего политического и военного сотрудничества между этими государствами, принудительного или добровольного, стала средством, с помощью которого Ельцин пытался успокоить своих критиков — националистов. Так, еще в январе 1994 года газета «Financial Times» сообщила, что Россия ведет переговоры о секретной сделке по объединению своей экономики с экономикой Беларуси⁴³. Ельцин подтвердил эти слухи в своем выступлении в феврале, когда он также подписал договор о военном сотрудничестве с Грузией⁴⁴. В последующие месяцы он объявил о нескольких договорах и соглашениях, углубляющих

⁴¹ The Washington Post. 1996. January 28.

⁴² В своих мемуарах, написанных после отставки, Ельцин обсуждает свои заключительные встречи на высшем уровне с западными лидерами именно в этом ключе. Он изображает себя великим лидером, который отвел мир от края пропасти, против западным коллегам их вызовы безопасности и гордости России [Yeltsin 2000, ch. 23].

⁴³ Financial Times. 1994. January 7. P. 1.

⁴⁴ ИТАР-ТАСС. 1994. 3 февр.

связи с Беларусью, Грузией, Казахстаном, Украиной, Таджикистаном и Арменией. В течение 1993–1995 годов Россия оказывала давление на государства Содружества, чтобы те приняли законы о «двойном гражданстве». Ельцин также высказывался во все более националистическом духе о «моральной и политической» ответственности России за обеспечение безопасности и валюты для стран СНГ⁴⁵, делал все более жесткие заявления в адрес европейских правительств, требуя наказать Эстонию и Латвию за их ограничительные законы о гражданстве (ставившие в невыгодное положение проживающих в стране русских), и провозгласил право России поддерживать порядок в ближнем зарубежье, когда появились угрозы нестабильности на границах России⁴⁶. Параллельно с этим Козырев также усилил патриотическую риторику, заявив в апреле 1995 года, что Россия готова применить силу для «защиты соотечественников за рубежом»⁴⁷.

Большая часть этой риторики оказалась простым бахвальством. Экономический и политический союз с Беларусью стоял в повестке дня российской политики с 1991 года, но ни один из этих планов не был реализован в такой степени, при которой Москве пришлось бы взять на себя значительные материальные расходы. Ельцин и президенты Украины Кравчук и Кучма в течение 1994–1996 годов несколько раз объявляли о достигнутых компромиссных решениях относительно конфликтов из-за контроля над Черноморским флотом, но только для того, чтобы увидеть, как принятые резолюции распадались, а переговоры возобновлялись. Вопрос о двойном гражданстве был постепенно снят, когда в ближнем зарубежье возникло массовое сопротивление этой идее со стороны местных правительств [Zevelev 1996]. Европейское давление на Эстонию привело к изменению законодательства этой страны, в результате чего Россия в объявленный

⁴⁵ Radio Free Europe/Radio Liberty Daily Report. 1995. № 126, Part I. June 29.

⁴⁶ РТВ. 1994. 14 февр. (FBIS-SOV-94-011. P. 6–7); Российская газета. 1994. 25 февр. (внешнеполитический раздел); Российская газета. 1994. 29 апр. С. 3; Известия. 1994. 21 июля. С. 1, 3.

⁴⁷ Известия. 1995. 20 апр.

срок вывела свои войска. Российские официальные лица на протяжении всего этого времени пытались повысить уровень экономической интеграции в рамках Содружества, но избегали использования «сильной руки» и обычно отступали, когда сталкивались с сопротивлением. С другой стороны, российский военный напор, как скрытый, так и явный, усилился в делах более беззащитных постсоветских государств: Грузии, Молдовы и Таджикистана.

Ельцин использовал перспективы интеграции стран СНГ, чтобы не идти на разрыв с националистами и сохранить свою широкую центристскую коалицию. Его приверженность защите русских в ближнем зарубежье могла быть искренней или не очень, но его жесткая риторика, безусловно, являлась легким способом набрать очки среди националистических групп. Он заявлял, что предпочитает, чтобы русские из этих стран не эмигрировали обратно в Россию, и что этот вопрос никогда не подорвет его отношений с развитыми демократиями. Столь же внимательно Ельцин относился к нестабильности на границах России. Он говорил, что Россия действует надлежащим образом, когда использует свои военные, политические и экономические рычаги для уменьшения или сдерживания нестабильности способами, соответствующими ее долгосрочным интересам. Тем не менее при обсуждении этих вопросов с европейскими и американскими лидерами он был готов уравновесить свой подход к «сферам влияния», приглашая европейские организации предоставить миротворческие силы и посредничество на территории бывшего Советского Союза.

Выводы

Когда к первоначальным обещаниям Ельцина было утрачено доверие, он попытался для расширения своей коалиции более активно апеллировать к умеренным и центристам. Его позиция «системного менеджера» представляла собой шаг назад по сравнению с трансформационным порывом его всеобъемлющей

программы; это была попытка закрепиться на занятых рубежах. Одним из основных его заявленных приоритетов теперь стала (негативная) цель изоляции экстремистов и предотвращения коммунистической реставрации. Ради этого он старался заручиться поддержкой как можно более широкого круга умеренных сил. Этот выбор, хотя и рациональный с точки зрения удержания власти, вынудил Ельцина представить себя человеком, способным справиться с противоречиями как внутренней, так и внешней политики. Одновременно он вынужден был показать, что консолидация не означает застоя и что продолжение реформ не означает радикального ухудшения жизни людей. Аналогичным образом, в международных отношениях он должен был показать, что сотрудничество с Западом не означает капитуляции и что продвижение интересов России за рубежом не приведет к тому, что богатые демократии откажутся от экономической и политической помощи России. Баланс был шатким. Ни одному из предшественников Ельцина не удавалось восстановить свой авторитет и реализовать свои политические приоритеты, после того как пошатнулись их всеобъемлющие программы. Ельцин продолжал эти попытки, поскольку у него был механизм — всенародное переизбрание, — недоступный его предшественникам. Но этому стало препятствовать серьезное решение, которое Ельцин принял в декабре 1994 года: решение вторгнуться в Чечню.

Глава 9

Ельцин в гневе: вторжение в Чечню (декабрь 1994 года)

Оборонительная политическая позиция Ельцина и поиск им средств, чтобы восстановить утраченный авторитет, стали решающими факторами, повлиявшими на его решение о вторжении в Чечню и определившими время этого вторжения. К концу 1994 года его личные рейтинги резко падали, экономика после обвала рубля 11 октября 1994 года находилась в шатком состоянии, Дума (хотя и менее могущественная) была настроена враждебно, муссировались обвинения в коррупции против членов его правительства, все еще мощные центробежные силы действовали в российских регионах, западная помощь и инвестиции составили лишь небольшую долю по сравнению с ожиданиями, интеграция в западные институты происходила медленными темпами, расширение НАТО стало фактом. Ельцин столкнулся с серьезными вызовами и нуждался в подтверждении качества своего руководства. В политическом плане он занимал оборонительную позицию, хотя и добился народной ратификации конституции, которая, по крайней мере формально, в значительной степени защищала его от угроз импичмента или наложения законодателями вето на его указы. Более того, уже в 1995 году начнется «избирательный сезон» в преддверии парламентских выборов, намеченных на декабрь 1995 года, и президентских выборов, намеченных на июнь 1996 года.

Именно в этом контексте Ельцин занялся проблемой Чечни. Его первое послание Федеральному собранию в феврале 1994 го-

да было озаглавлено «Об укреплении Российского государства»¹. В феврале 1994 года были заключены соглашения с Татарстаном, предоставившие этому региону исключительный уровень автономии в составе России, гораздо больший, чем тот, который имеют швейцарские кантоны, испанская Каталония или штаты в США. Однако президент Чечни на подобные условия не согласился; он настаивал на полной независимости от России и на проведении политики, угрожающей ее внутренней безопасности. В мае 1994 года Ельцин выступил перед офицерами пограничной службы с речью, в которой заявил о твердом намерении защищать территориальную целостность Российской Федерации².

Таким образом, постоянная угроза территориальной целостности России сопровождалась резким падением политической популярности и авторитета Ельцина. Не имея возможности выполнить многие из других своих обещаний, он, очевидно, чувствовал необходимость продемонстрировать, что он может как минимум защитить российскую государственность. Это обещание, являвшееся стратегией восстановления авторитета, лежало в основе его выступлений в феврале и мае 1994 года. Он добился успеха в отношении Татарстана, но не так обстояло дело с Чечней. Сначала он попробовал вести переговоры; после шести месяцев бесплодных усилий они потерпели неудачу. Затем, летом-осенью 1994 года, он попытался провести секретную военную операцию. Когда и это не удалось, он пошел на открытое вторжение³.

Первой важной переменной в моей реконструкции является сохранение авторитета: выбор времени вторжения стал результатом снижения популярности Ельцина. Вторая переменная — это характер проблемы: потенциально серьезная угроза целост-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики) // Российская газета. 1994. 25 февр. С. 1, 3–7.

² Цит. по: [Батурин и др. 2001: 457].

³ Напротив, Питер Реддэуэй и Дмитрий Глинский [Reddaway, Glinski 2001: 439] интерпретируют риторический упор Ельцина на «укрепление государства» как доктринальное прикрытие для усиления своего личного контроля над аппаратом центрального правительства.

ности или безопасности государства. Именно эта комбинация объясняет сам факт и время вторжения.

Это хорошо согласуется с выводами масштабного исследования Ричарда Неда Лебоу, посвященного вступлению великих держав в кризис в XIX и XX столетиях [Lebow 1981]. Лебоу обнаружил, что в тот момент, когда угроза радикальных изменений в международной политике совпадает с угрозой стабильности режима или существующей власти, порог принятия риска резко снижается, равно как и порог принятия желаемого за действительное. Этот аргумент согласуется с доводами обширной теоретической литературы по психологии принятия риска, где показано, что принятие риска возрастает перед лицом угрозы потерь больше, чем перед лицом возможностей получения выгоды [Vertzberger 1998: 36–37]. Более того, выводы Лебоу предполагают наличие исключительно-го стимула для принятия риска и принятия желаемого за действительное: это угроза *двойной потери* — совпадение внешней угрозы государственным интересам и внутренней угрозы стабильности режима или существующей власти. Применяя такой подход к Хрущеву, Брежневу, Горбачеву и Ельцину, мы можем найти параллели, помогающие лучше объяснить выбор времени вторжения в Чечню.

Советское и постсоветское

Если сравнить годы Хрущева у власти, правление Брежнева и Горбачева, мы обнаружим закономерность, поразительно похожую на ту, что наблюдалась при Ельцине. Во всех четырех случаях мы окажемся свидетелями аналогичных актов инициирования кризиса или войны на поздней стадии пребывания лидера у власти: кубинский ракетный кризис 1962 года; вторжение в Афганистан в декабре 1979 года; применение военной силы в Вильнюсе и Риге в январе 1991 года⁴, и вторжение в Чечню в декабре 1994 года.

⁴ По сей день Горбачев отрицает личную ответственность за эту трагедию, в то время как другие утверждают, что это он инициировал или допустил данные действия. Я не буду здесь вдаваться в эту дискуссию, однако предположу, что действия были предприняты не вопреки выраженной воле Горбачева.

Во всех четырех случаях мы видим лидера, укрепившего свой авторитет с помощью амбициозной программы, которая обещала гораздо больше, чем могла дать. Во всех четырех случаях акт насилия произошел вскоре после того, как стала очевидной неспособность программы лидера. Во всех четырех случаях развязывание войны или кризис произошли в то время, когда лидер внезапно столкнулся с необходимостью предотвратить или противодействовать как раз тому, чего он обещал не допустить: неминуемому вызову фундаментальным интересам государства.

В случае с Хрущевым в течение двенадцати месяцев, предшествовавших октябрьскому кризису 1962 года, Соединенные Штаты демонстрировали неполноценность советской стратегии и выражали решимость этим воспользоваться. Эти откровения и американская политика подорвали доверие оптимистическим заявлениям Хрущева о том, что соотношение сил решительно сдвигается в пользу социализма. С советской точки зрения администрация Кеннеди пошла на решительное изменение баланса сил. Кубинская авантюра Хрущева была задумана для того, чтобы противодействовать вызову, брошенному Америкой⁵.

Вторая половина 1979 года охарактеризовалась аналогичными последствиями для советских интересов. Договор о контроле над вооружениями ОСВ-2, казалось, был обречен на поражение в Конгрессе США. Кризис, связанный с появлением на Кубе бригадной группы советских войск (в августе), и незаинтересованность Америки в предоставлении Москве режима «наибольшего благоприятствования», несмотря на рекордный уровень эмиграции из СССР в том году, в очередной раз навели советских лидеров на мысль, что в американской политике вновь доминируют силы, противоборствующие разрядке. Хуже того, все это совпало с продолжавшимся уже год сближением между США и Китаем, быстро приобретающим масштабы военного союза против СССР. Всего за несколько дней до того, как было принято решение о вторжении в Афганистан, НАТО объявило о своем

⁵ Лучшее исследование кризиса, в котором собраны горы доказательств, ведущих именно к этим выводам, см. в [Lebow, Stein 1994].

намерении приступить к развертыванию американских «Першинг-2» и крылатых ракет в ответ на развертывание СССР SS-20s в 1977 году. Настроения в советском политическом истеблишменте, которые во время своей поездки в Москву в декабре 1979 года ощутил Роберт Легволд, сводились к тому, что настала пора «показать американцам» [Legvold 1980: 82].

Горбачев в 1990 году столкнулся с последствиями своей противоречивой политики, поскольку центробежные силы внутри СССР значительно усилились. Декларации о суверенитете, принятые несколькими республиками, стали предвестниками сепаратизма и отделения. В частности, прибалтийские республики уже настаивали на полной своей независимости. Обещание Горбачева создать «обновленный Союз» с сильными республиками и сильным центром столкнулось с серьезным противодействием. В январе 1991 года армия применила силу в Вильнюсе и Риге.

В этом плане время вторжения в Чечню было выбрано сходным образом. Провозгласив, что 1994 год станет годом укрепления Российского государства, притом что остальные его внутренние и внешнеполитические программы столкнулись с серьезными проблемами, Ельцин аналогичным образом отреагировал на угрозу со стороны Грозного, с решимостью продемонстрировав, что он способен усилить государственную власть на всей территории России и тем самым выполнить обещания, связанные с его резервной стратегией сохранения власти.

Между этими случаями наблюдается и еще одно сходство. Во всех четырех случаях лидер отреагировал на кризис власти путем сужения или переопределения круга своих советников и соратников или передачи контроля над политикой сторонникам жесткой линии в руководстве. Хрущев не стал широко обсуждать необходимость или целесообразность размещения ракет на Кубе и, поскольку его программы провалились, в 1961–1962 годах вел себя все более волюнтаристски, проводя чистки центральных и местных чиновников в обход высшего руководства, ставя его перед фактом своих решений и заставляя Президиум одобрить их.

У Брежнева не было ни здоровья, ни стимулов копировать политический стиль Хрущева. Мы знаем, что решение о вторже-

нии в Афганистан было принято и продвигалось небольшой частью Политбюро при очень незначительных консультациях с более широкими политическими или специализированными элитами. Оно во многом стало результатом решительных инициатив Андропова, Устинова и Громыко — соответственно руководителей КГБ, Вооруженных сил и Министерства иностранных дел — при решительной поддержке Суслова (секретаря ЦК по идеологии) и с согласия или одобрения Брежнева⁶.

Горбачев совершил свой знаменитый «сдвиг вправо» ровно за четыре месяца до январских событий 1991 года в Вильнюсе и Риге. В сентябре 1990 года он порвал с радикальными демократами из-за программы «500 дней», плана перехода к рыночной экономике, утверждая, что это приведет к распаду СССР. В ноябре того же года он поставил на ключевые руководящие должности сторонников жесткой линии, уволил нескольких либеральных советников и реорганизовал исполнительную власть в пользу имперских силовых министерств⁷. В этих обстоятельствах гневно объявил о своей отставке с поста министра иностранных дел Шеварднадзе — всего за несколько недель до принятия жестких мер в прибалтийских республиках.

Подход Ельцина к консультациям в 1994 году менялся в том же направлении. Его советники пишут в своих воспоминаниях, а газетные публикации подтверждают, что в течение этого года Ельцин сузил круг своих советников до сторонников жесткой линии в Совете безопасности, который обычно считается орга-

⁶ См. откровенные воспоминания Олега Гриневского: [Гриневский 1995: 14]. Гриневский, который во время вторжения возглавлял Ближневосточный отдел МИДа, приводит протоколы нескольких заседаний Политбюро, цитирует их участников, с которыми беседовал, а также буквальные выдержки из заявлений того времени министра иностранных дел Громыко. Его реконструкция дает неоднозначный ответ относительно степени причастности Брежнева, но подтверждает мнение о том, что Брежнев мог как отвергнуть, так и одобрить инициативы соратников по Политбюро.

⁷ Ближайший советник Горбачева Черняев сообщает, что именно в этот момент Горбачев перестал советоваться со своими либеральными помощниками, сознательно изолировав себя от их точек зрения [Черняев 1993: 401].

ном, принимавшим решение по вторжению в Чечню. Он также резко сократил свою прежнюю практику поиска множества различных вариантов и точек зрения, прежде чем сделать тот или иной выбор [Костиков 1997: 284–285, 296–297, 303–307, 325–326; Батурин и др. 2001: 598–599, 626, 635; Филатов 2000: 236, 254; Tishkov 1997: 212–216]⁸.

Сужение круга лиц, участвующих в консультациях, и передача контроля над разработкой политики сторонникам жесткой линии приводят к усилению еще одного атрибута, по крайней мере в трех из этих случаев: принятие желаемого за действительное относительно осуществимости отката назад или затрат на него. Судя по всему, Хрущев убедил себя, что Кеннеди отступит, и был искренне удивлен, сбит с толку и напуган его фактической реакцией [Lebow, Stein 1994: 80]. Брежнев с соратниками, по всей видимости, также сильно недооценили риски и затраты, связанные с отправкой Советской армии в Афганистан [Mendelsohn 1998: 63–64]. Расчеты Горбачева в январе 1991 года, как и его участие в принятии решений, были менее очевидными. Мы знаем, что он был напуган перспективой неконтролируемой фрагментации Союза и был полон решимости, по крайней мере в принципе, предотвратить это, особенно после краха коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 1989 года. Но нам также известно, что он выступал против применения силы для достижения своих целей. Меньше мы знаем о том, верил ли он, что демонстрация силы в Вильнюсе, Риге или где-либо еще сможет обратить вспять происходившие в то время центробежные процессы.

Ельцин ожидал, что вторжение в Чечню пройдет намного более гладко и ровно, чем оказалось впоследствии, отчасти потому, что чеченская оппозиция была очень близка к победе (при тайной поддержке России) в ноябре, а отчасти потому, что ми-

⁸ См. также статью в четырех частях Э. Пайна и А. Попова в «Известиях» (1995, 7–10 февр.) и статью М. Урнова в газете «Сегодня» (1995, 22 марта). Большинство упомянутых авторов в то время не обладали политическим влиянием.

нистр обороны Грачев обещал одержать легкую победу [Lieven 1998: 89ff.].

Трудно измерить такое субъективное явление, как принятие желаемого за действительное. Но в рассматриваемых нами случаях, похоже, закономерность присутствует. Лидеры в положении политической обороны иницируют или попустительствуют усилиям, направленным на то, чтобы обратить вспять крайне неблагоприятные для них тенденции посредством показательной демонстрации силы. Это создает политически мотивированную predisposition к вере в успех инициативы.

Перспектива политической коалиции

При сравнении этих четырех случаев выявляются закономерности, которые нельзя объяснить уникальными чертами личности каждого лидера и которые выходят за рамки различий в объеме политической власти, которую каждый из них накопил, руководя страной. Если сравнивать четырех лидеров, Хрущев и Ельцин имели больше личной власти, то есть автономии для принятия решений, после того как их авторитет начал падать, чем Брежнев и Горбачев. И Хрущев, и Ельцин самостоятельно принимали ключевые решения о применении силы.

Напротив, Брежнев был болен в марте 1979 года, когда Громыко, Андропов и Устинов впервые попытались протолкнуть в Политбюро решение о военном вмешательстве в Афганистан. Узнав об этом решении, Брежнев наложил на него вето, заявив, что не хочет портить предстоящую встречу на высшем уровне с президентом Картером в Вене (в июне 1979 года), на которой он надеялся подписать договор ОСВ-2 по контролю над вооружениями. Позже в том же году, когда перспективы улучшения американо-советских отношений стали туманными, три «тяжеловеса» в Политбюро предприняли новую попытку; на этот раз Брежнев уступил, поскольку ему почти нечего было терять. Таким образом, Брежнев вначале наложил вето, а затем одобрил, но не иницировал решительные действия [Гриневский 1995].

В случае с Горбачевым, который, безусловно, был здоров и активно занимался политикой, мы все еще не уверены, принял ли он лично окончательное решение об использовании военной силы в Прибалтике (впоследствии правдоподобно отрицая свою ответственность), допустил ли, чтобы это произошло, делая вид, что ничего не знает, просто принял это к сведению или для него это стало неожиданностью. При этом некоторые исследователи полагают, что, хотя ответ достаточно ясен и согласуется с неприятием Горбачевым применения силы [Brown 1996: 279ff.], факты неоднозначны. Вполне возможно, что так и было, поскольку Горбачев часто лицемерил перед своими коллегами по руководству, чтобы правдоподобно снять с себя ответственность, если потом что-то пойдет не так (см. главу пятую).

Если Хрущев и Ельцин явно были инициаторами действий, связанных с принятием решения, тогда как Брежнев им не был, а роль Горбачева не вполне ясна, то как нам сделать обобщение относительно природы советской и постсоветской политики таким образом, чтобы объяснить все эти четыре случая? Возможно, подход, основанный на концепции укрепления авторитета, согласно которому каждый лидер делает тот или иной выбор с прицелом на укрепление своей политической позиции, слишком ограничен, когда речь идет об определенных решениях лидеров, обладающих разной степенью личной власти и подотчетности коллективному руководству или конкурирующим институтам. Однако вместо замены этой точки зрения политико-социологическим или основанным на интересах подходом, отрицающим автономию руководителя и приписывающим результаты исключительно безличным институциональным силам («военно-промышленному комплексу», «партийному аппарату», «партии войны» и т. п.), мы можем объединить подход, основанный на идеях и выборе, с точкой зрения, учитывающей роль политической коалиции. Такой синтез подчеркивает как наличие политических групп, на интересах которых лидеры основывают свою политику, так и относительную автономию лидера от этой политической базы.

При Хрущеве, Брежневе и Горбачеве лидер сначала консолидировал свою власть и авторитет, умиротворяя интересы домини-

нирующих сторонников жесткой линии: партийно-идеологического аппарата и военно-промышленного комплекса. Так было с Хрущевым в 1953–1954, Брежневым в 1965–1968 и Горбачевым в 1985–1986 годах. Как только каждый из них уверялся в том, что укрепил свои позиции и обошел своих соперников в Политбюро, все трое предлагали комплексные программы, которые импонировали более широкому кругу избирателей, чем предыдущие. Но после того, как каждая из этих всеобъемлющих программ проваливалась, каждый лидер снова сужал свою коалицию, избирательно подыгрывая сторонникам жесткой линии в надежде сохранить политическую базу. Так Хрущев повел себя во внутренней (экономической и административной) и внешней политике с середины 1960-х годов до Карибского кризиса; это объясняет пересмотр Брежневым внутривнутриполитического курса в 1973–1975 годах и поведение Горбачева во внутренней политике с сентября 1990 года по апрель 1991 года. Все обсуждаемые здесь конфликтные ситуации имели место в описанные периоды ограниченной политической коалиции и умиротворения жестких сил.

Когда к началу 1994 года его всеобъемлющая программа потеряла доверие, Ельцин сузил рамки своих коалиций, продвигаясь все дальше в направлении жесткости и все больше полагаясь на «государственников». Этот период сужения коалиций совпал с повышением им роли государственного строительства в качестве приоритетной задачи, по которой надлежало оценивать его руководство, а также с его пересмотром отношения к Чечне; чеченский вопрос потребовал безотлагательного решения.

Таким образом, все четыре лидера столкнулись с вызовом государственным интересам в то время, когда их коалиции сузились и они стали покровительствовать политическим группам сторонников жесткой линии. Конечно, они не были заложниками у неких сил, являвшихся их реальными начальниками. Степень, в которой каждый политический лидер сохранял свободу маневра и относительную автономию от своих политических сторонников, в этих четырех случаях варьировалась. Однако они располагали общим политическим полем, на котором сторонники жесткой линии либо перехватывали инициативу, либо полу-

чали поддержку и возможность поступить по своему желанию. Мобилизованная аудитория для пересмотренной стратегии сохранения авторитета была более жесткой, чем та, к которой апеллировали на средней стадии правления лидера.

С этой точки зрения беспомощность Брежнева и отказ Горбачева от ответственности не противоречат моей теории. Каждому из этих двух силовых вмешательств поспособствовало ранее принятое лидером решение о сокращении своей политической коалиции и уступке части политической инициативы сторонникам жесткой линии.

В поисках ковариации

Моя аргументация до сих пор основывалась на трех источниках: 1) сопоставимость с моделями баланса сил между великими державами в XIX и XX веках (которые исследовал Лебоу) и соответствие психологическим теориям принятия риска; 2) многочисленные источники, позволяющие проводить сравнения с другими случаями применения силы постсталинскими советскими лидерами на аналогичных этапах своего правления; и 3) специфическая теория сохранения коалиции в советской и постсоветской политике, предсказывающая различия в реакции лидеров на угрозы государственным интересам в зависимости от хрупкости их политического авторитета на тот момент.

В социальных науках имеется не так много доказательных и убедительных критериев. Можно лишь добавлять дополнительные критерии, чтобы увидеть, подтверждаются или опровергаются ими наши предварительные выводы. Следующий шаг в моем анализе феномена Чечни и его более ранних аналогов наиболее сложен: эмпирически исследовать, имели ли место сопоставимые действия на более ранних этапах правления этих лидеров. Если бы это было так, то это противоречило бы утверждению, что подобные действия являются продуктом политических обстоятельств стадии «упадка», следующей за дискредитацией программы лидера. Для документирования ковариации или

ее отсутствия требуются объемные исследования в советских архивах. Некоторые из этих исследований в настоящее время проводятся (и скоро будут опубликованы) такими учеными, как Марк Крамер, Хоуп Харрисон и другие. На данный момент я просто остановлюсь на некоторых возможностях.

Советские вторжения и инициирование кризиса, безусловно, происходили и на более ранних этапах правления обсуждаемых лидеров. Вторжения в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968) имели место на этапе политической борьбы за престолонаследие. Ультиматум Хрущева Западу по поводу Берлина (ноябрь 1958 года) был сделан после того, как он укрепил свое политическое влияние. Таким образом, политическая оборонительная позиция сама по себе не является предпосылкой для военного вмешательства или начала кризиса.

Этот контраргумент довольно многообещающ. Однако можно утверждать, что интервенции в Восточной Европе были достаточно предсказуемы, как из-за того, что политический протест в Восточной Европе имел тенденцию усиливаться в периоды советского коллективного руководства, так и из-за того, что это коллективное руководство (до Горбачева) не было готово «потерять» Восточную Европу, расценивало потерю контроля коммунистической партией как неприемлемую (фракционирование партии и крах цензуры являлись ключевыми индикаторами) и не потеряло свою коллективную волю к применению силы⁹. Точно

⁹ Кристофер Джонс утверждал (до прихода Горбачева к власти), что крах «ведущей роли партии» явился спусковым крючком для советских интервенций в Восточной Европе [Jones 1981]. Советские архивы о вторжениях в Венгрию и Чехословакию уже несколько лет как доступны; они показывают, что советское руководство надеялось избежать применения войск и выступало с многочисленными дипломатическими инициативами, чтобы его предотвратить. Но эти архивы также показывают, что советские лидеры были полны решимости тем или иным способом предотвратить либо фракционирование коммунистической партии, либо отказ от Варшавского договора. Они стремились убедить местные власти восстановить контроль над ситуацией, при необходимости военными средствами, и вторгались только после того, как теряли надежду на такой исход (личные сообщения профессора Эндру Яноша из Калифорнийского университета в Беркли, доктора Чарльза

так же решение проблемы Германии при Хрущеве путем применения, при необходимости, угроз и конфронтации могло в равной степени быть вопросом существенного (хотя и не единодушного) консенсуса — или недоверия к оптимизму Хрущева — в руководстве¹⁰. Напротив, военное вмешательство, имевшее место в наших четырех случаях, было менее предсказуемо с точки зрения этих обычных соображений и предполагало гораздо меньший консенсус внутри руководства. Кубинский ракетный кризис, вторжение в Афганистан, применение военной силы в Вильнюсе и Риге, а также вторжение в Чечню застали большинство сторонних наблюдателей врасплох и были далеки от консенсусных решений руководства в целом.

Еще один способ поиска ковариации — задать вопрос, были ли времена, когда политическая власть существовала в похожих условиях, но ее реакция на угрозы государственным интересам

Гати из Школы передовых международных исследований Университета Джона Хопкинса и профессора Хоуп Харрисон из Университета Джорджа Вашингтона). В своих воспоминаниях бывший член Политбюро А. И. Микоян утверждает, что в 1956 году не было необходимости вторгаться в Венгрию, потому что он уже договорился о мирном выходе из кризиса [Микоян 1999: 598]. Я благодарен Хоуп Харрисон, что она обратила мое внимание на этот источник. См. также [Khrushchev 2000: 195–197]. Но у Микояна, по-видимому, было не слишком много единомышленников (если таковые вообще были) в советском руководстве, и невозможно узнать, утишил ли «мирный выход», о котором он договаривался, революционную волну в Венгрии. Меня беспокоит не то, проявляло ли советское руководство нерешительность, неуверенность, метания, стремление найти мирный выход, имелись ли в нем политические разногласия, а вопрос в том, проявляло ли руководство хоть когда-нибудь в период 1950–1970-х годов коллективную готовность смириться с крахом «ведущей роли партии» в государствах — членах Варшавского договора. Единственным исключением могут быть архивные свидетельства, представленные Марком Крамером, о том, что в течение одного дня (30 октября 1956 года) Президиум КПСС, по-видимому, единогласно решил отпустить Венгрию и позволить ей стать некоммунистической страной. Решение было отменено на следующий день, и, похоже, оно отражает скорее замешательство, чем потерю приверженности идеалам [Kramer 1998b].

¹⁰ Так считают Майкл Содаро [Sodaro 1990] и Ханнес Адомейт [Adomeit 1982]. Напротив, Хоуп Харрисон (в личной беседе) отмечает, что Микоян осенью 1958 года тоже не был согласен с этим решением [Микоян 1999: 598]. В воспоминаниях Микоян, однако, не пишет, что кто-либо был с ним согласен.

была иной. Иными словами, были ли на поздних этапах правления того или иного лидера случаи, когда возникали такие же проблемы, но вмешательство в ответ не происходило?¹¹ На ум приходят два примера: Польша в 1980–1981 годах и Восточная Европа в 1989-м. Ситуация в Польше напрямую зависела от того, будет ли Политбюро готово вторгнуться в эту страну, если генерал Ярузельский откажется ввести военное положение. Это до сих пор остается предметом разногласий [Kramer 1998a]¹². Но даже если Политбюро доказало свое нежелание вторгаться в Польшу в 1981 году, это необязательно опровергает теорию, потому что Советский Союз уже завяз в войне в Афганистане. Война на два фронта одновременно была бы для постсталинских лидеров беспрецедентной.

Второй пример более сложен. Неспособность Горбачева применить военную силу, чтобы предотвратить крах коммунизма в Восточной Европе, объединение Германии и вступление ее в НАТО, определенно шла вразрез с прошлыми советскими образцами поведения. Однако этот случай не противоречит нашей теории, если рассматривать всеобъемлющую программу Горбачева 1987–1989 годов как уже исключаящую применение силы для сохранения контроля над Восточной Европой, а позицию, занятую им в 1990 году, рассматривать как сохранение права на применение силы для предотвращения распада СССР. Кроме того, политический авторитет Горбачева начал снижаться лишь

¹¹ Я исключаю из рассмотрения неудачную попытку Сталина вторгнуться в Югославию в 1948–1949 годах, поскольку моя теория распространяется только на политически конкурентные режимы.

¹² Крамер вскоре опубликует книгу на эту тему, используя все имеющиеся архивные свидетельства. Как он пишет, Советы говорили Ярузельскому, что не будут вторгаться, чтобы он сам позаботился о «Солидарности» и что они ограничатся демонстрацией силы. Однако если бы Ярузельский не прислушался и не предпринял жестких мер или если бы подавление протестов не достигло результата, советское руководство, вероятно, пересмотрело бы решение не вторгаться (если такое решение было); это не было пустыми словами, чтобы произвести впечатление на руководителя Польши. Я благодарен Марку Крамеру за краткое изложение (в личном общении) содержания его книги по этому вопросу.

с 1990 года — гораздо позже краха коммунистических режимов в Восточной Европе, — и за рубежом о нем одобрительно отзывались за то, что он не использует военную силу¹³.

Имеется еще один случай применения силы, противоречащий моей теории. В ноябре 1991 года, на более раннем этапе своего правления — несомненно, в то время, когда его авторитет был чрезвычайно высок, — Ельцин привлек силы МВД для применения в Грозном после государственного переворота Дудаева и провозглашения независимости Чечни от РСФСР (как тогда еще называлась Россия). Учитывая, что Ельцин на тот момент не занимал позиции политической обороны, мы имеем здесь еще один пример отсутствия ковариации первого типа, о котором говорилось ранее.

Хотя этот случай поразителен тем, что он также касается военного вмешательства Ельцина в Чечне, он не ставит под сомнение мою теорию до такой степени, как могло бы показаться на первый взгляд. Ельцин был не так уж убежден в необходимости этой акции, и она завершилась, едва успев начаться. В Грозный был отправлен довольно небольшой контингент войск МВД — в расчете на то, что само их присутствие поспособствует наведению порядка. Войска не стали инициировать конфликт; они были неожиданно обстреляны чеченскими войсками, но не ответили огнем. Когда парламент раскритиковал действия милиции в ситуации обстрела чеченцами, Ельцин немедленно отступил и отозвал милицейский контингент, невзирая на то, что имел законное право довести дело до конца (несмотря на неодобрение парламента), и несмотря даже на то, что войска были обстреляны и что вице-президент Руцкой активно выступал за эскалацию.

Трудно представить себе, чтобы Ельцин вел себя так же в ноябре-декабре 1994 года. Его решимость ответить на провокации силой, довести начатое до конца и проигнорировать

¹³ О нежелании Горбачева применять силу в Восточной Европе и о том, как он пришел к такому решению, см. [Levesque 1997]. Однако Горбачев публично (в 1990–1991 годах) никогда не исключал применение силы для предотвращения распада СССР.

протесты в парламенте была в более поздний период очевидна и представляла резкий контраст с той легкостью и быстротой, с какой он вывел войска ранее. К этому времени политический авторитет Ельцина и степень его политической обороны заметно изменились.

Альтернативные объяснения вторжения в Чечню

Давайте теперь вернемся непосредственно к вторжению в Чечню и рассмотрим несколько альтернативных объяснений принятия этого конкретного решения. Чем более такие объяснения оказываются несовершенными, тем более убедительным они делают мое объяснение. Научная и медийная трактовки этого решения включают в себя несколько интерпретаций. В некоторых из них такой исход считается в значительной степени неизбежным, учитывая нежелание Дудаева идти на компромисс в вопросе, представляющем для России фундаментальный интерес. Другие вовсе не считают, что результат был таким уж неотвратимым, и в значительной степени возлагают ответственность на воинственный настрой Ельцина. Промежуточная точка зрения заключается в том, что результат рассматривается как продукт всевозрастающего количества обязательств — на фоне неуверенности и непредвиденности последствий, аккумулирующихся до такой степени, что руководство невольно попадает в безвыходную ситуацию.

Безвариантные интересы государства

Можно возразить, что отсылки к внутренней политике не имеют смысла, поскольку речь идет о жизненно важных государственных интересах. Государства нетерпимо относятся к отделению своих частей, а именно это пытался сделать Дудаев. В каком бы состоянии ни находился политический авторитет Ельцина, он желал и чувствовал необходимость ликвидировать сепаратизм. Территориальная целостность государства и контроль государ-

ственной власти над территорией являются «первоочередными принципами» для лиц, принимающих решения, независимо от уровня их политической легитимности или степени оборонительного поведения.

Такое обобщение внешне привлекательно, но мне оно представляется чрезмерным. С одной стороны, эта теория несовместима с мирным распадом СССР в 1991 году и Чехословакии в 1993-м. С другой стороны, она не может объяснить характер отношений Москвы с Чечней в течение трех лет до вторжения. Первоначальная реакция Ельцина на провозглашение Чечней независимости в ноябре 1991 года была именно такой, как предполагает эта теория: он призвал российские органы охраны правопорядка усмирить желающих отделения. Но реакция парламента оказалась непредвиденной, как и быстрое изменение Ельциным своего решения.

После этого вопрос Чечни более чем на два года отошел на задний план. Дудаев продолжал настаивать на провозглашенной независимости своей республики от России, а Москва не муссировала данный вопрос, вместо этого заключая соглашения с другими республиками и регионами и предоставляя им различные степени автономии, за исключением отделения. Почему Москва так долго фактически игнорировала Дудаева? Возможно, потому, что угроза, исходящая от провозглашения Чечней независимости, не воспринималась как нечто серьезное. Международное сообщество отказалось признать независимость Чечни, и чеченские власти не могли вступить в союз с другими государствами, чтобы подтвердить свою независимость от Москвы. Многие представители элиты в Москве считали существующий уровень чеченского неповиновения вполне терпимым, в то время как другие даже выступали за то, чтобы избавить Россию от необходимости удерживать этот бедный, маленький, периферийный, мятежный мусульманский регион. Почему же в 1994 году Чечня вышла в политике на передний план? Почему Москва внезапно перестала терпеть? Без учета иных соображений, помимо неизменных, «объективных» государственных интересов, нельзя убедительно ответить на эти вопросы. Являлась ли ситуа-

ция в Чечне терпимой или угрожающей, в конечном итоге зависело от субъективных соображений: от представлений данного человека о России и, в случае с высшими руководителями, от того, насколько его политический авторитет был заложником конкретных представлений.

Постепенное вовлечение

Этот взгляд заключается в том, что все более усиливающаяся обуза в виде Чечни постепенно «засасывала» российское руководство. Если теория «безвариантных государственных интересов» случайности не признает, то инкрементализм предполагает высокий уровень случайности.

Соответственно этой точке зрения, следует отметить следующие факты. Москва в начале 1994 года уже вовлекла Дудаева в интенсивные переговоры в рамках более масштабных усилий по развитию договорных отношений с наиболее активно стремящимися к автономии этническими республиками. Однако, в отличие от правительства Татарстана, Дудаев не желал принимать даже максимальную автономию в составе России. Переговоры длились около шести месяцев, и за это время у Москвы была возможность снять вопрос или усилить давление. Москва предпочла помогать с вооружением оппозиции Дудаеву и проводить секретные операции, пытаясь свергнуть его и отрицая свою причастность на тот случай, если они станут достоянием общественности. Эти операции почти достигли успеха в ноябре 1994 года, но в конце того же месяца внезапно потерпели крах. И тут Ельцин вновь мог отказаться от решения этого вопроса. Но средства массовой информации в Москве ухватились за эту проблему и начали широко освещать участие российских военных в антидудаевском сопротивлении. Такая огласка вынуждала правительство продемонстрировать, что оно в состоянии завершить начатое и избежать поражения от рук сепаратистских сил.

Это не объясняет, почему после провала переговоров летом 1994 года Москва решила на эскалацию конфликта. Что меша-

ло ей отодвинуть вопрос на задний план, где он благополучно оставался на протяжении 1992–1993 годов? Почему Москва не могла продолжать жить, смирившись с преступными вызовами Дудаева — до тех пор, пока он не атаковал в лоб жизненно важные интересы России, например, саботируя перекачку нефти или проводя погромы против этнических русских в Чечне? Тот факт, что Чечня стала крупным центром организованной преступности — торговли оружием и наркотиками, угона поездов и кражи нефти и газа, — возможно, заставлял российское руководство задуматься, тем более что число таких преступлений в 1991–1994 годах росло. Вполне вероятно, что рост и распространение ущерба, причиняемого Чечней российским экономическим и общественным интересам, уже не позволяли российским руководителям тянуть время. Все же надо было показать, что лица, принимающие решения, считают необходимым как можно скорее положить конец этим проблемам, что они не будут с этим мириться и готовы пресечь это всеми средствами, вплоть до вторжения.

Точно так же трудно поверить, что после провала тайных операций СМИ спровоцировали Ельцина и его соратников на то, что они в противном случае не пожелали бы сделать. Они могли отстраниться и попытаться приглушить чеченскую проблему; могли заблокировать этот регион; могли предпринять новые секретные операции, в том числе, возможно, дальнейшие попытки убийства Дудаева; могли активизировать свои усилия по поддержке политической оппозиции в ожидании выборов в Чечне, назначенных на октябрь 1995 года. Этому они предпочли военное вторжение. Вместо того чтобы списывать это решение на публичную огласку, гнев или боязнь потерять лицо, я более склонен искать объяснение, которое прояснило бы всю картину событий, происходивших на протяжении 1994 года. И хотя воспоминания одного лица, принимающего решения, необязательно могут считаться достоверными, примечательно, что вице-премьер Н. Д. Егоров, министр по делам национальностей и регионов, один из сторонников жесткой линии, призывавший Ельцина начать военные действия, в частном

порядке выразился в том плане, что «нужна маленькая победоносная война, как на Гаити. Надо поднимать рейтинг президента»¹⁴.

Личное: необходимость борьбы

Согласно такому истолкованию, вторжение в Чечню просто отражало личные качества Ельцина. С этой точки зрения Борис Николаевич был предрасположен максимально энергично браться за проблемы и преодолевать их в титанической борьбе. Чечня была просто одним из примеров в череде подобных кампаний.

Несомненно, есть доля правды в утверждении, что вторжение в Чечню соответствовало поведенческой тенденции, которую Ельцин проявлял на протяжении всей своей жизни. Как отмечалось в главе второй, в своих первых воспоминаниях он предстает искателем риска, склонным решать проблемы традиционным большевистским способом. Вторжение в Чечню, если исходить из этих соображений, было просто вопросом выбора Ельцина в 1994 году и отражало типичный для него способ решения проблем. В крайнем варианте этого объяснения Чечня может рассматриваться как ежегодная доза напряженной борьбы, необходимая ему для достижения психодинамического катарсиса; если бы Чечни не было, ее бы следовало выдумать.

Проблема с только что приведенной интерпретацией заключается в том, что такой подход сильно недооценивает Ельцина и игнорирует другую сторону его личности и его послужной список. Он намного сложнее, чем можно было бы предположить, если ограничиться простым перечислением его титанических сражений. Его коммунистическое воспитание привило ему оп-

¹⁴ Цит. по: [Tishkov 1997: 218]. Тишков, советник Ельцина по национальным вопросам, считает, что «чеченский кризис можно было разрешить различными средствами и методами, без использования армии. Такие возможности существовали вплоть до декабря 1994 года» [Tishkov 1997: 226]. Он также считает, что «главной причиной решения президента [о вторжении в Чечню] было поддержание собственной падающей популярности» [Tishkov 1997: 218].

ределенную осторожность и прагматизм, которые сложились в противоречивый набор предпочтений, составляющих его личность. Его опыт взаимодействия с демократами в 1989 году, в частности с Сахаровым, дал ему более ясное представление о том, что именно он отстаивает, и это дополняло его понимание того, с чем он борется [Colton 1995, ch. 3]. Его созревание как личности включало рост терпимости к неоднозначности, которая часто сдерживала его авторитарные наклонности или противоречила им. Действительно, мы уже отмечали различные аспекты политической деятельности Ельцина, свидетельствующие о его благоразумии, прагматизме, терпимости к неоднозначности и сознательном избегании менталитета «борца»: его усилия по построению нации в России, позиция в отношении ближнего зарубежья и стремление развивать отношения России с Западом.

Более того, даже с учетом реальности персоналистических побуждений Ельцина в его титанической борьбе с оппонентами, не следует закрывать глаза на его способность выбирать разные стили поведения в зависимости от контекста, в котором он действовал, и от политической силы его оппонентов. Я насчитываю по крайней мере шесть «Ельциных» с 1987 года. Трое из них эгоцентричны и непреклонны; трое в разной степени договороспособны и интерактивны.

В первую группу входит Ельцин — *грозный противник*, метавший громы и молнии в Лигачева, Горбачева, путчистов, Верховный Совет и Чечню, когда его терпение иссякало или его отношения с ними достигали точки невозврата. Есть еще Ельцин — *героический мобилизатор народа*, получивший почти 90% голосов на выборах 1989 года и стоявший на танке во время августовского путча 1991 года. Затем есть Ельцин — *патриарх*, относящийся к своим политическим иждивенцам как к своей большой семье, от которой он требует послушания и отпускает грехи тем, кто «согрешил», и рассматривающий Россию как свою вотчину, внутри которой он распределяет наказания и награды.

Во второй группе (в которой автократические тенденции Ельцина сдерживаются или подавляются) он — *жесткий, но гибкий делец*, который попеременно умоляет, торгуется, угрожа-

ет и соглашается, чтобы заключить сделку, как, например, в его ежегодных сражениях с Думой за бюджет. Кроме того, есть Ельцин — *уважительный, деловитый собеседник*; эту позицию он занимал (когда был здоров и трезв) в своих отношениях с главами государств, над которыми Россия практически не имела контроля: Китая, Восточной Европы, а также небольших или средних стран¹⁵. Наконец, есть Ельцин — *рубаха-парень*; эту позицию он занимал, имея дело с главами государств G-7 («мой друг» Билл, Гельмут и даже Рю).

Безусловно, личностные качества Ельцина играли роль в принятии им решений. В частности, если говорить о 1994 годе, чувствительность Ельцина к пренебрежению со стороны оппонентов сделала его менее склонным к достижению компромисса с Дудаевым. Президент Татарстана Шаймиев рассказывал Валерию Тишкову:

Во время своего визита в Татарстан в марте 1994 года Ельцин сказал мне, что несмотря на то, что в Совете безопасности с ним не все согласны, он готов к переговорам с Дудаевым по татарстанской модели. Но потом вдруг пресса сообщила (вероятно, это было сделано намеренно), что Дудаев отзывается о нем негативно. Видимо, с этого момента Ельцин (несомненно, под влиянием помощников и некоторых членов правительства, лелеющих президентское эго) исключил Дудаева из списка тех, с кем он мог хоть как-то общаться¹⁶.

Тем не менее переговоры о компромиссе — это одно; вторжение — дело другое. Имелось много промежуточных альтернатив. То, что Ельцин избрал в декабре 1994 года наиболее радикальный вариант, нельзя объяснить только его личностными качествами.

¹⁵ Сюда можно отнести подкатегорию «благоговейный собеседник», о чем свидетельствует его более раннее поведение при встрече с патриархом Алексием. См., напр., [Костиков 1997: 134, 240].

¹⁶ Цит. по: [Tishkov 1997: 187].

Сила против авторитета

Еще одна альтернатива моей политической интерпретации касается степени, до которой в 1994 году Ельцин чувствовал для себя необходимым заняться политической обороной. Известно, что отношения между парламентом и исполнительной властью в течение этого года были намного более стабильными, чем в период, предшествующий принятию в декабре 1993 года конституции, которая предусматривала сильную президентскую власть и слабую законодательную ветвь и формально защищала президента от импичмента. Если бы Ельцин верил в надежность и долговечность этих формальных договоренностей, он не должен был бы ощущать потребность в политической обороне и мог бы решать проблему Чечни не столь безотлагательно. Предположительно он мог бы иначе отреагировать на провал переговоров с Дудаевым и / или провал секретных операций. Он был в объективно сильной позиции.

Этот аргумент предполагает, что политика в слабо институционализированных режимах работает примерно так же, как политика в сильно институционализированных режимах. Я бы решительно оспорил это предположение. Политика в Москве, как советская, так и постсоветская, характеризовалась необычайно высокой степенью неопределенности относительно срока пребывания лидеров у власти. Лидеры постоянно беспокоились о том, как застраховаться от преждевременной политической кончины. В отличие от лидеров в более строго институционализированных (или конституционализированных) режимах, которым достаточно стремиться в политике лишь к «минимальным выигрышным коалициям», как советские, так и постсоветские лидеры чувствовали необходимость в существенной *перестраховке*. Это может объяснить, почему все они принимали программы, которые обещали множество благ практически всем и, следовательно, оказывались невыполнимы. На фоне нарушенных обещаний шаткость обладания полномочиями становится все более серьезной, а лидер — все более чувствительным к растущей враждебности или скептицизму внутри политического исте-

блишмента. Временные горизонты лидера сокращаются, а его порог принятия риска снижается. Как мы видели в главе восьмой, мемуарные свидетельства подтверждают такую интерпретацию настроений Ельцина в 1994 году. Несмотря на то что он (в отличие от своих предшественников) был избран на фиксированный срок полномочий, он, как и они, всегда был вынужден думать о своей политической безопасности и не мог воспринимать ее как должное. Он опасался неконституционных действий со стороны представителей элиты, а также был разочарован результатами опросов общественного мнения, свидетельствующих о резком падении его популярности. Основывая свои отношения с военачальниками на личных связях, он не мог принимать как должное их лояльность процессуальному конституционному порядку. Ельцин мог все еще обладать властью, но он терял авторитет и знал это.

Политическое объяснение не отрицает роли личности и влияния возрастающего масштаба угроз государственным интересам на выбор, который делают лица, принимающие решения. Скорее в данном случае этого недостаточно для объяснения сроков и результатов или же для объяснения различий между аналогичными случаями. В политическом объяснении предполагается, что вмешивающаяся политическая переменная — необходимость сохранения авторитета — может определять разницу между выбором милитаризованных и немилитаризованных реакций на угрозы интересам государства. Лидеры в политической обороне часто излишне остро реагируют на вызовы¹⁷.

¹⁷ Ельцин не в восторге от такой трактовки. В своих последних воспоминаниях он деликатно выражает свое несогласие: «Существовала такая теория: мол, Ельцин пошел на обострение с Чечней ради укрепления своего авторитета, ради ужесточения режима президентской власти. Чушь! Бред!» [Ельцин 2000: 58].

Глава 10

Последние успехи Ельцина

Ельцин вторгся в Чечню отчасти для того, чтобы вернуть себе политический авторитет. Однако это обернулось очевидной катастрофой. Год спустя парламентские выборы в декабре 1995 года привели к тому, что в составе новой Думы радикальные националисты и коммунисты преобладали даже больше, чем в предыдущей. Популярность Ельцина упала до беспрецедентно низкого уровня: процент респондентов (в социологическом опросе в январе 1996 года), которые выбрали бы его в тот день президентом, находился в пределах однозначных чисел¹. В июне 1996 года ожидалось президентские выборы, и оставалось неясным, сможет ли Ельцин вернуть себе популярность у электората в достаточной степени, чтобы победить на них.

Президентские выборы 1996 года

Ельцину пришлось решать, какую позицию занять в президентской избирательной кампании. Следует ли ему, выступая на патриотической и жесткой платформе, пытаться апеллировать к тем избирателям, которые поддержали его оппонентов? Или же следует попытаться отстраниться от оппонентов, мобилизовав умеренные и антикоммунистические группы? Изначально Ельцин

¹ «Вечерняя Москва» (1996. 24 янв. С. 1) сообщала о результатах правдоподобного социологического опроса, где Ельцин занял шестое место среди потенциальных кандидатов с 4 % поддержки.

склонялся к националистической платформе и к образу защитника целостности Российского государства и нации. Однако в марте 1996 года новые советники убедили его сменить курс. Он заменил свою старую команду консультантов и решил представить себя кандидатом мира, порядка, стабильности и прогресса. Он решил изобразить своего главного соперника на выборах Г. А. Зюганова реставратором тоталитаризма, а себя представить как того, кто спасет нацию от возврата к сталинизму. Он уничтожил коммунизм, и теперь он позаботится о том, чтобы тот остался мертвым. Он пообещал положить конец военным действиям в Чечне и начал переговоры об этом непосредственно в ходе избирательной кампании. Он использовал свой контроль над государственными ресурсами и поддержку медиамагнатов для того, чтобы доминировать в эфире и очернять своих оппонентов. Он безнаказанно нарушил законы о финансировании избирательной кампании. Перед вторым туром выборов в борьбе против Зюганова он привлек умеренный националистический электорат, включив в свою правительственную команду генерала А. И. Лебеда. Он работал с международными организациями над сроками объявления об экономической помощи России. Это была блестящая и успешная стратегия, хотя и сопровождавшаяся процедурными нарушениями избирательного законодательства. В результате Ельцин легко победил на выборах².

В 1989–1991 годах Ельцин успешно вел политическую игру на поляризацию, постоянно переигрывая Горбачева в борьбе за активную поддержку, голоса и одобрение сил, выступающих против истеблишмента. В 1996 году он также играл в игру на поляризацию, но иного рода. Он успешно определил эту кампанию как выбор между стабильным мирным прогрессом и насильственным восстановлением тоталитаризма. Поскольку манипуляции со СМИ позволили ему внедрить такое представление о выборе в сознание рядового избирателя, он оказался в состоянии апеллировать как к радикальным антикоммунистическим избирателям, так и к умеренным, «центристским», которые —

² Это краткое изложение президентской кампании основано на [McFaul 1997].

сколь бы сильно ни отталкивала их политика Ельцина — опасались тоталитарного реванша больше, чем сохранения статус-кво. Если в 1989–1991 годах Ельцин способствовал свержению коммунизма, играя на наиболее революционных силах в обществе, то в 1996 году он защищал свою позицию во власти, полагаясь на умеренную середину политического спектра.

В отличие от своих предшественников, Ельцин вернул себе политический авторитет. Ему удалось это лишь благодаря тому, что избирательная система обеспечила ему для подтверждения своего авторитета каналы связи с обществом. Эти каналы коренным образом отличались от политических структур, в рамках которых осуществляли руководство его предшественники. Горбачев мог пойти по тому же пути в 1989 году, но к тому времени, когда он осознал, насколько уязвимой стала его программа перед лицом центробежных сил, ему не хватило уверенности в себе, чтобы проверить собственный авторитет, организовав публичные президентские выборы.

Восстановив свой разрушенный авторитет, Ельцин получил четырехлетний срок, в течение которого он должен был исполнить свое обещание наступления стабильного и светлого будущего. Во внутренней политике он выступал как за стабильность, так и за отчетливый прогресс на пути к более благополучному будущему; во внешней политике — как за защиту интересов России в качестве «великой державы», так и за сотрудничество с Западом. Чтобы реализовать мандат, полученный им при переизбрании, Ельцин должен был и дальше устранять противоречия между своей политикой и трениями в созданной им системе, и на этот раз с лучшими результатами.

Но заниматься этим ему пришлось в очень ослабленном физическом состоянии. В 1995 году у него случился сердечный приступ; в июле 1996 года последовало еще несколько. В ноябре 1996 года он перенес пятикратное шунтирование сердца, после чего последовала длительная пневмония. Он смог снова стабильно функционировать только в феврале 1997 года. Больше он никогда не будет здоров. В период до своей добровольной отставки (31 декабря 1999 года) Ельцин периодически попадал в боль-

ницу с бронхитом, пневмонией или сердечными заболеваниями. Он никогда не был по-настоящему здоров, но время от времени вновь обретал работоспособность. На протяжении этих периодов он стремился продвигать ту программу, за которую выступал, заботясь при этом и об обеспечении твердой поддержки своей личной власти.

Оглядываясь назад на то, как Ельцин одновременно преследовал свои противоречивые цели, словно созданные для высокой драмы, но с элементами трагедии, героизма и зачастую — фарса, можно сказать, что у него было много последних успехов и много трудностей, но в конце концов он оказался тем, кто смеется последним.

Изменение значения понятия «реформа»

После залоговых аукционов 1995 года во многих секторах российской экономики доминировали около 15–20 чрезвычайно богатых людей, контролировавших крупнейшие финансово-промышленные группы и связанные с ними банки³. Тесные связи с высокопоставленными правительственными чиновниками позволяли им выкачивать из государства огромные суммы, в том числе гранты и ссуды от международных организаций. Имена некоторых из этих плутократов знакомы читателям западных газет: Б. А. Березовский, В. А. Гусинский, В. О. Потанин, П. О. Авен, М. Б. Ходорковский, Р. И. Вяхирев и многие другие. Эта новая, кланово-капиталистическая экономика отражала симбиоз государственных и частных интересов, эффективно ремонополизировавший ключевые секторы экономики. Некоторые из этих так называемых олигархов в обмен на финансирование президентской кампании Ельцина получили должности на уровне кабинета министров в его правительстве. Доказано, что привилегии, которыми пользовались некоторые из этих людей (особенно Березовский) в 1994–1999 годах, развратили семью

³ Подробный обзор см. в [Johnson 1997].

Ельцина и заставили его выбирать между терпимостью к коррупции или расправой с собственной семьей⁴.

В правительство Ельцина и в круг его влияния также входили самопровозглашенные «реформаторы», чьи заявленные цели заключались в борьбе с коррупцией, повышении собираемости налогов, маркетизации экономики, реструктуризации промышленности и поощрении конкуренции в недавно монополизированных секторах⁵. Среди этих «реформаторов» были Е. Т. Гайдар, Б. Г. Федоров, А. Б. Чубайс, С. В. Кириенко, Б. Е. Немцов и др. Премьер-министр В. С. Черномырдин до своего увольнения в 1998 году лавировал между лагерями. Ельцин сознательно занял в своем президентском и правительственном «судилище» место выше двух основных группировок. Он настраивал их друг против друга, оставляя за собой роль «верховного арбитра». Обе группировки хотели, чтобы Россия оставалась открытой для Запада, не в последнюю очередь потому, что интересы обеих требовали непрерывного получения займов от МВФ и Всемирного банка. Таким образом, они объединились в противостоянии изоляционистским и реваншистским силам в парламенте. Но когда те ослабевали или речь шла о не касающихся их вопросах, «олигархи» и «реформаторы» чаще всего были готовы перегрызть друг другу глотки⁶.

В результате этой новой комбинации политических сил слова «радикальная реформа» приобрели новое значение. В 1992–1994 годах, в период пребывания Ельцина на вершине власти,

⁴ Наилучшим образом эти запутанные обстоятельства описаны в [Reddaway, Glinski 2001, ch. 8].

⁵ Я помещаю слово «реформаторы» в кавычки, потому что некоторые из них использовали свою власть только для того, чтобы свить себе теплое гнездышко за счет плутократов, и не были заинтересованы в сокращении коррупции или демонополизации экономики. «Олигархи» — термин, который «реформаторы» применяли к плутократам как группе. Наиболее убедительную разработку этой точки зрения, где Чубайс предстает в виде вожака волков в овечьей шкуре «реформаторов», см. в [Wedel 1998].

⁶ Я благодарен за этот комментарий Леониду Килю, докторанту отделения политических наук Калифорнийского университета в Беркли.

они означали прорыв в новую систему. Однако в 1996–1997 годах Ельцин пересмотрел свою программу, усилив роль постепенного прогресса в рамках созданной им новой системы. В этом контексте «радикальная реформа» стала означать конкретные политические мероприятия — легализацию собственности на землю, улучшение собираемости налогов, снижение коррупции, бюджетные ограничения, стабилизацию обменного курса рубля, — которые, как казалось, соответствовали требованиям для получения кредитов МВФ, хотя иногда (но не всегда) противоречили укоренившимся материальным интересам олигархов. Поскольку и олигархи, и реформаторы выступали за получение кредитов МВФ, один наблюдатель даже пришел к выводу, что разногласия между ними были инсценированы с целью манипулирования аудиторией на международной арене [Hough 2001].

Учитывая усиление олигархов и их связь как с правительственными чиновниками, так и с представителями организованной преступности, реформистские мероприятия имели гораздо меньше шансов изменить экономический порядок, чем программа макроэкономической стабилизации 1992 года и программа приватизации 1992–1995 годов. Это привело к тому, что наблюдатели восприняли второй срок Ельцина у власти преимущественно как фарс. Подобно тому как Брежнев в течение своих последних шести лет у власти использовал прогрессивную риторику, руководя при этом углубляющимся застоєм, Ельцина также изображали цинично произносящим правильные слова, не делая ничего, чтобы попытаться изменить реальную ситуацию⁷.

Хотя мы не можем точно знать, что было на уме у Ельцина, маловероятно, чтобы он оценивал свои действия в таком ключе. Как обсуждалось в главе второй, Ельцин всегда жил на грани, всегда стремился к риску, считал своим предназначением вести страну к земле обетованной [Ельцин 1994: 84, 197; Ельцин 1990: 11]⁸, ненавидел брежневский застой и горбачевские полумеры.

⁷ Эта тема также рассматривается в [Hough 2001].

⁸ Еще примеры этого в изложении соратников и наблюдателей см. в [Федоров 1995: 58; Суханов 1992: 225].

Вряд ли он согласился бы на то, чтобы просто держаться за власть в условиях системного застоя на фоне личного одряхления. Верно, что в последние годы он постарел и утратил здоровье. Но он был усталым и больным и тогда, когда решил баллотироваться на второй президентский срок, причем не из-за денег; личные материальные блага, похоже, никогда не мотивировали этого человека. В собственном сознании, судя по риторике его президентской кампании, он по-прежнему считал себя одновременно гарантом против коммунистической реставрации и проводником в прогрессивное будущее⁹.

Это не должно удивлять; лидеры склонны развивать самооценку и некое собственное видение. Ельцин когда-то считал себя и старался выглядеть великим революционером, а затем и великим строителем системы. Он, вероятно, после 1995 года не осознавал пределов своих возможностей изменить структуру интересов, но он проводил свою кампанию за переизбрание на основе идей стабильности и прогресса, хотя и в рамках созданной им системы. Его модель поведения в 1997–1998 годах можно рассматривать как модель сбитого с толку, но решительного лидера,

⁹ См., напр.: ИТАР-ТАСС. 1996. 6 марта (FBIS-SOV-96-045. P. 24); РТВ. 1996. 6 апр. (FBIS-SOV-96-068. P. 22, 25, 26); Российские вести. 1996. 30 апр. (FBIS-SOV-96-084. P. 26); 1-й канал «Останкино». 1996. 19 мая (FBIS-SOV-96-098. P. 5). Его представление о себе как о гаранте против коммунистической реставрации неоднократно фигурирует в его последних мемуарах [Ельцин 2000: 17, 24, 187, 211–213, 218, 240, 268, 333]. Эти воспоминания написаны в основном для самооправдания и не могут использоваться как достоверный источник информации о тех или иных событиях и их причинах. Но, как и большинство документов подобного рода, они могут быть полезны тем, что в них раскрываются важные идеи и взгляды автора и рассказывается о том, чем он больше всего хочет запомниться. Кроме того, можно считать правдивыми раскрытые там нелестные для автора факты, как, например, когда Ельцин сообщает, что он практически был готов в 1996 году отменить президентские выборы и запретить коммунистическую партию [Ельцин 2000: 245], или о своей алкогольной зависимости в 1994–1995 годах [Ельцин 2000: 318–319]. Несмотря на то что Ельцин не сам писал эти (как и более ранние) мемуары, у нас есть все основания полагать, что его «литературный негр» Юмашев очень хорошо понимал, как Ельцин хотел увидеть себя изображенным.

пытавшегося исполнить свои обещания, но обладавшего лишь ограниченным пониманием политики и узким диапазоном интуитивных реакций на разочарование.

В то же время Ельцин был прирожденным политиком, действующим в слабо институционализированной системе. Он не мог быть уверен, что обезопасил себя от смещения с должности, только потому, что подтвердил свою власть на публичных выборах. Он также не мог ожидать, что уход в отставку будет для него приятным, если его все еще можно будет привлечь к судебной ответственности за нарушения, якобы совершенные во время президентства. Поэтому на время операции на сердце он передал контроль над «ядерным чемоданчиком» премьеру Черномырдину. Но одним из его первых действий после прихода в сознание было возвращение контроля над «чемоданчиком» и подтверждение того, что исполняющий обязанности президента больше не нужен; еще одним — отставка Лебедева, его советника по национальной безопасности. В общем, весь второй срок Ельцин был занят как решением политических дилемм, так и защитой своей личной политической безопасности.

После того как в начале 1997 года он выписался из больницы, пережив приступ пневмонии, оставшуюся часть второго срока Ельцина можно разделить на два периода, разделенных финансовым кризисом августа 1998 года. В течение первого периода Ельцин проводил политику, в которой «движение вперед» уравновешивалось со стабильностью. Во второй период (сентябрь 1998 года — декабрь 1999 года) он сосредоточился главным образом на поддержании стабильности, в значительной степени признав свою неспособность на дальнейшее реформирование системы и активизировал поиск стратегии собственного ухода. После финансового кризиса возросли угрозы его личной безопасности: импичмент, принудительная отставка и судебное преследование его и членов его семьи за коррупцию. Стратегия ухода Ельцина была направлена на поддержание социальной стабильности с одновременным созданием политических условий, которые обеспечили бы ему достойный выход в отставку и иммунитет от судебного преследования.

Балансирование между стабильностью и реформами (февраль 1997 года — август 1998 года)

Осенью 1996 года, в свете недееспособности Ельцина, ведущие политики начали готовиться к очередной президентской гонке. Лебедь, Зюганов и другие вели себя так, словно считали скорую кончину президента неминуемой. Политическая атмосфера, казалось, воспроизводила экстремистскую риторику первого тура президентских выборов 1996 года. Таким образом, Лебедь и Зюганов публично призывали Ельцина уйти в отставку. Оба в апокалиптическом духе вещали о предстоящих волнениях среди рабочих, о мятеже в армии, о конфронтации с Украиной и о зловещих планах США в отношении России¹⁰. Другой потенциальный кандидат в президенты, мэр Москвы Ю. М. Лужков, тоже включился в гонку, сделав весьма провокационные заявления о правах России на Крым¹¹. Без кота мышам раздолье, а мыши и правда резвились, движимые комбинацией амбиций и стимулов, встроенных в избирательную систему: она предполагала проведение новых президентских выборов в течение 90 дней после смерти или недееспособности президента.

Когда Ельцин оправился от операции на сердце и пневмонии, он энергично взялся за дело. Казалось, он был полон решимости продемонстрировать, что остается главным и что способен активизировать систему и преодолеть источники застоя. В своем ежегодном обращении к Федеральному собранию 6 марта 1997 года обозреватель Би-би-си отметил, что «президент выглядел вполне прилично и его голос был сильным. Он без посторонней помощи и довольно быстро подошел к трибуне и произнес речь стоя»¹².

¹⁰ НТВ, РТР. 1996. 5 авг.; Известия. 1996. 7 сент.; ИТАР-ТАСС. 1996. 9 сент., 1 окт., 14 окт.; РТВ. 1996. 8 окт.; Вечерняя Москва. 1996. 25 сент.; Флаг Родины. 1996. 5 окт. Поиск источников проведен по Lexis-Nexis.

¹¹ Известия. 1996. 3 окт.

¹² BBC Summary of World Broadcast. 1997. March 7. Группа бывших советников Ельцина и правительственных чиновников пишет, что двойное выздоровление президента — сначала после операции на сердце, а затем от пневмонии — создало у него иллюзию возвращения в прежнюю форму [Батурин и др. 2001: 732].

Речь была резко критической; он признал множество проблем, заявил, что «терпение народа на пределе», и обвинил в кризисе коррумпированных, привилегированных «авторитетов» и «высокопоставленных чиновников» — да и вообще всех, кроме себя самого. Он заявил, что собирается заменить высокопоставленных государственных чиновников «компетентными и энергичными людьми» и что берет некоторые из этих вопросов под свой личный контроль. Необходимо было собирать налоги, бороться с коррупцией, отменять льготы, вовремя выплачивать пенсии и заработную плату, улучшать социальные услуги — целый ряд грандиозных задач.

Ссылаясь на свою роль строителя системы, Ельцин назвал многие из этих изменений политики реформами: налоговая реформа; реформа пенсионной системы; реформа ЖКХ; реформа армии; реформирование социальной сферы. Но предлагаемые им решения являлись в основном внутрисистемными политическими изменениями и заявлениями о стремлении, а не стратегиями преодоления ограничений на изменения, представленных существующей конфигурацией бюрократической, экономической и политической власти. Основная стратегия заключалась в замене ленивых чиновников («основные причины наших проблем кроются здесь») и «наведении порядка». Он закончил свое выступление банальным заявлением: «Вместе мы наведем порядок — порядок в России, для России, во имя России»¹³. В считанные дни Ельцин перетряхнул высшие круги своего правительства. Он вернул Чубайса и привлек реформатора Немцова, молодого губернатора Нижегородской области; обоим было присвоено звание «первый вице-премьер». Он уволил министра сельского хозяйства и министра энергетики, которые были близки премьеру Черномырдину. Он также сменил министра обороны. Чубайс и Немцов во имя радикальной реформы начали наступление на некоторых олигархов, но не на того из них (Потанина), кто был

¹³ Позднее Ельцин писал об этой речи: «Необходимо наводить порядок. Прежде всего — во власти. И я его наведу. Правительство оказалось не способно работать без президентского окрика» [Ельцин 2000: 74].

наиболее тесно связан с самим Чубайсом. Премьер Черномырдин, которого часто считают защитником олигархов из-за его тесных связей с лобби, занимающимся экспортом энергоресурсов, уравновешивал мощный альянс игроков, в основные цели которых не входила защита близких к Черномырдину олигархов.

Борьба продолжалась весь 1997 год с попеременным выигрыванием каждой из сторон. Ельцин в значительной степени стоял над схваткой, позволяя противоборствующим силам сражаться и натравливая их друг против друга. Это отвечало его целям как высшего арбитра и, как казалось, не препятствовало экономическому прогрессу, поскольку 1997 год был отмечен относительной стабильностью в экономике и первыми признаками экономического роста. Тем не менее к концу декабря премьер Черномырдин восстановил свою власть в правительстве и вновь утвердился в качестве ведущего лидера российской экономической политики. Он убедил Ельцина освободить Чубайса и Немцова от их портфелей министра финансов и министра энергетики и топлива соответственно, хотя они и остались в кабинете министров.

Однако статистика роста за 1997 год была обманчива; накапливались признаки надвигающегося экономического и политического кризиса. Даже будучи не вполне здоров, Ельцин наверняка был в курсе публичных заявлений некоторых олигархов о том, что они более могущественны, чем политическое руководство. Он также не мог игнорировать тот факт, что его риторические призывы к увеличению автономии государства от олигархов, увеличению собираемости налогов и переходу от «олигархического капитализма» к так называемому «народному капитализму» не находили практического применения¹⁴. К марту 1998 года он, должно быть, знал, что прошлогодние успехи в выплате зарплат нивелировались и что задолженность по зарплатам снова накапливалась. Ему, безусловно, сообщили, что на 9 апреля заплани-

¹⁴ См. его выступление от 24 сентября 1997 года, где он призвал к передаче государственных доходов государственному банку, который должен быть создан в ближайшее время как средство уменьшения зависимости государства от магнатов (Российские вести. 1997. 25 сент.).

рованы протесты рабочих и что коммунистическая и националистическая партии попытаются использовать события этого дня, чтобы придать импульс парламентским выборам 1999 года и президентским выборам 2000 года. Фактически Дума планировала вынести вотум недоверия его правительству. Падение цен на нефть, а также влияние на российские фондовые рынки азиатского финансового кризиса только усугубили экономические проблемы, угрожая повернуть вспять движение в сторону экономического роста.

От Ельцина не требовалось разбираться во всех сложностях; ему нужно было только ощутить тенденцию, которая могла привести к зловещим экономическим и политическим последствиям. Когда Ельцин был моложе и здоровее, политическая интуиция сочеталась у него со сложным расчетом. Теперь, когда он стал старше и потерял здоровье, интуитивное чутье у него сохранилось, хотя его способности к расчету снизились. В первые месяцы 1998 года Ельцин почувствовал, что дела идут не так, как он планировал. В своем «Послании о состоянии Федерации» от 17 февраля 1998 года¹⁵ он признал улучшение темпов экономического роста, но вернулся ко многим мрачным темам своего выступления 1997 года, потребовав от правительства «положить конец росту неплатежей» и пригрозив: «Если правительство не может выполнить эти стратегические задачи, у нас будет другое правительство».

В прошлом при аналогичных обстоятельствах Ельцин, как правило, погружался в раздумья и после краткого периода уныния или сознательного личного отсутствия возвращался с планом, позволявшим вновь перехватить инициативу. Это же произошло и в марте 1998 года. Оставаясь вне поля зрения общественности на протяжении многих недель¹⁶, он вернулся

¹⁵ BBC Worldwide Monitoring. Former Soviet Union — Political. 1998. February 17. Internet edition. «Yeltsin warns government must reduce public indebtedness or be replaced» («Ельцин предупреждает, что правительство должно уменьшить государственную задолженность, или он его заменит»).

¹⁶ The New York Times. 1998. March 24.

с неожиданным заявлением о том, что увольняет высших государственных деятелей, отвечающих за управление экономикой: Чубайса; А. С. Куликова, министра внутренних дел; и, что самое поразительное, самого Черномырдина, премьера-ветерана. Такой внезапной и полной «генеральной уборкой» Ельцин, по-видимому, надеялся показать, что все еще находится у власти, что его следует бояться; по-видимому, он также надеялся создать новую команду и сформулировать новую стратегию, направленную на выход из тупика в управлении экономикой и реализацию его заявления о намерении двигать историю вперед посредством более энергичной «реформаторской» политики. По крайней мере, именно такой образ он пытался создать для публики¹⁷.

На смену Черномырдину Ельцин назначил бывшего заместителя министра топлива и энергетики С. В. Кириенко. Кириенко мог импонировать ему по нескольким причинам: он был профессионалом, хорошо осведомленным о макроэкономической ситуации в России; он был откровенен, прагматичен и склонен считать, что знает, как спасти экономику от возобновившейся стагнации¹⁸. Кроме того, Кириенко был молод (всего 36 лет), ранее успешно строил свой бизнес (то есть понимал и старую, и новую систему), а также был выходцем из провинции (а значит, еще не попал под контроль каких-либо московских олигархов). Кириенко являлся ставленником первого вице-премьера Немцова, но был еще слишком молод и не имел потенциала, чтобы угрожать президенту в политическом плане; следовательно, он, вероятно, мог оказаться и способным, и политически верным. В лице Кириенко Ельцин, похоже, нашел умного, лояльного, энергичного, профессионального технократа, готового играть по установленным президентом политическим правилам и способного, возможно,

¹⁷ В [Батулин и др. 2001: 732, 795] утверждается, что Ельцин руководствовался чувством собственной миссии, желая войти в историю как успешный реформатор.

¹⁸ Об этом см.: Независимая газета. 1998. 27 марта. С. 1–2. См. также разговор Ельцина с Кириенко в [Ельцин 2000: 103–114].

добиться положительных экономических результатов. Он мог вдохнуть новую энергию во все более застойный правящий режим и, возможно, подготовить его к серьезным политическим испытаниям 1999–2000 годов. И все это он мог сделать, не пытаясь заставить президента России уйти в отставку. Таким образом, Ельцин сделал выбор, способствовавший, как казалось, одновременно успехам его политической власти и экономической политики. Этот выбор, безусловно, соответствовал его избирательному мандату — сочетать экономический прогресс с социальной стабильностью.

Более того, Ельцин был готов пойти на реальный политический риск, чтобы добиться ратификации назначения Кириенко в Думе. Ему потребовался целый месяц, чтобы победить, и то только после третьего и последнего голосования. Ельцин попеременно угрожал, уговаривал, увещевал, агитировал и подкупал депутатов парламента, чтобы те согласились с его выбором. Проиграв первые два раза, он мог предложить альтернативного кандидата. Но вместо этого он решил пойти ва-банк, позволив Думе отклонить его кандидата в третий раз и тем самым добиться ее роспуска и досрочных парламентских выборов. Это в равной мере было угрозой как для Думы, так и для самого Ельцина, поскольку российский президент, популярность которого падает в опросах, должен был бы опасаться, что в результате новых выборов получит парламент еще более враждебный, чем нынешний. Тем не менее Ельцин продолжил держаться за Кириенко, сделал очень мало политических или кадровых уступок оппозиции в Думе и в конечном итоге победил. Кириенко сформировал кабинет чиновников-экономистов, в основном из числа молодых технократов из провинции. Ельцинский «переворот» в марте-апреле 1998 года увенчался успехом. Ельцин подтвердил и усилил свою власть, вновь взял инициативу в свои руки и создал правительство, которое давало надежду на преодоление некоторых из препятствий на пути экономического прогресса.

Однако Ельцин не знал, что он купил себе отсрочку всего на несколько месяцев.

Балансирование между стабильностью и личной властью (август 1998 года — декабрь 1999 года)

В первые годы своего второго президентского срока Ельцин стремился совместить политическую стабильность, личную власть и экономический прогресс. В последние полтора года перед своей отставкой он пытался обеспечить стабильность и личную власть, добываясь иммунитета от судебного преследования после своего ухода с должности. Этот поиск личной безопасности сочетался с заботой Ельцина о социальной стабильности. Если произойдет «социальный взрыв», он вполне может смести и Ельцина. Поиски иммунитета также соответствовали его представлениям о себе как гаранте против коммунистической реставрации, поскольку никакая гарантия неприкосновенности не стоила бы бумаги, на которой она написана, если бы коммунисты выиграли парламентские и президентские выборы 1999–2000 годов. Что Ельцин исключил из своих приоритетов в этот период, так это прежний упор на прогресс в экономике. Это упущение явилось косвенным результатом финансового краха в августе 1998 года, продемонстрировавшего несостоятельность созданной Ельциным экономической системы и дискредитировавшего как «олигархов», так и «радикальных реформаторов». Не имея представления, как исправить экономическую ситуацию, Ельцин сосредоточился на поиске правительственной команды, которая воссоздала бы хоть какую-то экономическую и политическую стабильность, при этом защищая его от угроз импичмента и обвинений в коррупции, которые все накапливались¹⁹.

Возвращение Ельцина к акценту на «стабильности» привело к тому, что после августовского финансового кризиса он уволил Кириенко и призвал обратно Черномырдина²⁰. Дважды Ельцин

¹⁹ В [Батулин и др. 2001: 778] утверждается, что если до августа 1998 года Ельцин находился во власти реформистской миссии, то после этого он полностью посвятил себя поиску преемника.

²⁰ Ельцин утверждает, что видел в Черномырдине «тяжеловеса», способного найти компромиссы, которые стабилизируют ситуацию [Ельцин 2000: 176, 181]. Он также утверждал, что для продвижения вперед необходимо молодое

выдвигал Черномырдина на пост премьер-министра; дважды Дума отклоняла его кандидатуру. Ранее, в 1998 году, когда он выдвинул кандидатуру Кириенко, Ельцин был готов пойти на риск войны с Думой; на этот раз его нервы не выдержали. На третий раз он неохотно предложил кандидатуру министра иностранных дел Примакова, чей профессионализм придавал ему ауру человека, достаточно компетентного для выполнения этой работы; его стремление отстаивать «национальные интересы» России делало его приемлемым для националистов в Думе; его опыт работы в компартии (наряду с работой в органах безопасности) делал его приемлемым для многих парламентариев-коммунистов²¹.

Выдвижение Ельциным Примакова — и радостное одобрение его кандидатуры Думой — означало, что президент России потерял политическую инициативу. Но Примаков, по крайней мере, мог бы придумать какой-то способ стабилизировать шатающуюся финансовую систему и использовать свои связи за границей, чтобы помочь России получить новую помощь от Запада. Не менее важно и то, что Примаков мог склонить противников Ельцина в Думе отозвать свои постановления об импичменте, прекратить расследование коррупции против семьи Ельцина и предоставить президенту России полный иммунитет от судебного преследования после его ухода в отставку.

Примаков проработал на посту премьера более полугода, пытаясь с определенным успехом стабилизировать внутреннюю

поколение; этим он объясняет роспуск кабинета министров в марте 1998 года и его замену новой командой молодых реформаторов во главе с 36-летним Кириенко (Комсомольская правда. 1998. 1 апр.). Когда эта обновленная стратегия «прорыва» привела, напротив, к обвалу рубля в августе 1998 года, Ельцин попытался вернуться к упору на социальную стабильность. Назначение им для этой цели Черномырдина перекликается с тем, что написано в его мемуарах 1994 года [Ельцин 1994: 131–133, 161, 173, 174, 205–206, 227–229], где он хвалит молодые кадры за их вклад в дело преобразования, в то время как «опытные» кадры — за их вклад в достижение консолидированных целей — эффективности и поддержания социальной стабильности.

²¹ Обращение Примакова к широкому кругу оппозиционных сил и сил истеблишмента можно понять, прочитав его воспоминания [Примаков 1999].

ситуацию, но без особого прогресса в обеспечении политической безопасности Ельцина. Политическая температура повысилась как внутри страны, так и за рубежом. НАТО разбомбило Сербию, несмотря на возражения России, незадолго до этого приняв в свои ряды три восточноевропейских государства — также несмотря на недовольство России. Экономическая программа Ельцина внутри страны терпела неудачу, его отношения с Западом были на низком уровне, а его личная политическая безопасность снова оказалась под угрозой. Как он отнесется к тому факту, что его авторитет еще больше упал, а его власть оказывалась под все большей угрозой?

В апреле 1999 года Ельцин выступил с ежегодным посланием Федеральному собранию. Это было короткое, сумбурное, несколько бессвязное выступление, в котором он явно пытался самооправдаться²². Он начал с отрицания масштаба неудач во внешней политике. Он сказал о них несколько фраз, оправдываясь необходимостью и подчеркнув вместо этого свою роль проводника стабильности:

Серьезные испытания, с которыми сегодня столкнулась Россия, возлагают на нашу внешнюю политику повышенную нагрузку. Взаимоотношения России со всеми государствами мира строятся на неконфронтационной основе. При этом внешняя политика должна быть нацелена на жесткое отстаивание национальных интересов.

Что действительно важно, сказал он, это поддержание порядка, стабильности и безопасности для всех, включая его самого: «Необходимо согласие, объединение всего общества перед угрозой прихода в российскую власть любых деструктивных, радикальных, экстремистских и криминальных сил». Но некоторые стремились подорвать эти усилия, делая безответственные и нервные заявления.

²² Переписка по Проекту Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 марта 1999 года. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/101579/> (дата обращения: 21.04.2021).

Затем Ельцин попытался опровергнуть заявления о том, что август 1998 года доказал полное банкротство его правления. Но он явно занял по этому поводу оборонительную позицию: «Наиболее драматические события 1998 года, во многом определившие последующее развитие экономической и политической ситуации, связаны с 17 августа. Объявленные в этот день решения до сих пор являются предметом острейших дискуссий <...> Считалось, что кредиты МВФ и антикризисная программа действий помогут переломить негативные настроения инвесторов». Затем он переложил вину на Думу, предположив, что августовский кризис можно было предотвратить, если бы она действовала более ответственно: «И они переломили бы, но сама программа не была принята Государственной Думой».

Отвергнув личную вину, Ельцин затем переложил ответственность за разрешение нынешней дилеммы на Примакова: «Правительство Примакова сейчас должно сделать <...> решительные шаги». Эти шаги не могли включать передачу инициативы реваншистским политикам. Действительно, Ельцин воскресил реваншистский призрак, с которым он сражался за победу на президентских выборах 1996 года. Он говорил о врагах реформ, чьи идеи устарели, которые хотят мстить и все еще призывают к директивной и плановой экономике, к цензуре в СМИ и к новому витку холодной войны и отказу от интеграции в мировую экономику. Он заявил, что еще один виток централизации только разрушит хрупкие рыночные институты, и утверждал, что не следует допускать незаконных действий оппозиции.

Возродив это бинарное противостояние сил добра и зла, Ельцин объявил, что не будет принимать никаких поправок в конституцию до проведения новых выборов в Думу в декабре 1999 года. Тем самым он подорвал процесс, который Примаков пытался запустить за кулисами: принятие поправок к конституции, направленных на сокращение полномочий президента в обмен на прекращение процедуры импичмента и предоставление президенту неприкосновенности. Далее Ельцин угрожающе перешел к прогнозам результатов декабрьских парламентских

выборов, заявив, что новая, более молодая политическая элита возьмет на себя власть, чтобы вести страну вперед: «...в депутаты будут избраны люди, чьи профессиональные способности не вызывают каких-либо сомнений <...>. Нам нужны патриотически настроенные профессионалы, а не “профессиональные патриоты”. Отдавая предпочтение тем или иным кандидатам, сравнивая их программы, лозунги, опыт работы, российские избиратели должны проявить ответственность, доказать, что за годы перемен они научились не только пользоваться свободой, но и ценить и отстаивать ее». Такое предсказание могло быть риторикой демократического политика, стремящегося создать эффект группового давления. Однако более вероятно, что это были заявления лидера, пытавшегося запутать как оппозицию, так и губернаторов регионов, намекая, что он может сфальсифицировать выборы.

Примакову дали понять: он должен стабилизировать экономическую ситуацию, добиться помощи Запада и убедить парламент отказаться от импичмента. Более того, он был вынужден сделать это, не обещая парламентской оппозиции поправок к конституции. Примакову было дано на это слишком мало времени, да, вероятно, он и не мог бы это сделать в любом случае. Таким образом, повторилась уже знакомая закономерность: вскоре после своего послания Федеральному собранию в марте 1997 года Ельцин произвел перестановки в правительстве; через месяц после своего выступления в феврале 1998 года он уволил Черномырдина. Как и следовало ожидать, через месяц после своего выступления в апреле 1999 года Ельцин уволил Примакова. Если в сентябре 1998 года он уступил парламентской оппозиции, когда выдвинул Примакова, вместо того чтобы заставить Черномырдина провести третье голосование, то теперь он, что более характерно, был готов к критике. Он выдвинул на пост Примакова бывшего главу МВД С. В. Степашина. Ельцин словно подбивал Думу бросить ему вызов.

Накал риторики в Москве сразу же усилился. Возмущенные парламентарии выразили негодование по поводу увольнения

Примакова и пообещали, что кандидатура Степашина никогда не будет утверждена. Выдвигая Степашина, олицетворявшего силовые структуры, Ельцин сигнализировал о том, что он готов прибегнуть к силе или объявить чрезвычайное положение, если эта кандидатура не будет одобрена после третьего голосования. Он ясно давал понять, что не откажется от третьего голосования, как это было в сентябре 1998 года. Он распустит Думу и заставит провести досрочные парламентские выборы, что может изменить (а может и не изменить) политический баланс в Думе, но, безусловно, многие при этом лишатся занимаемых мест и привилегий. Все это соответствовало духу его выступления месяцем ранее, что, должно быть, добавило убедительности его угрозам. В конце концов он победил, вынудив Думу утвердить предложенную им кандидатуру²³.

Степашин продержался всего несколько месяцев. Он доблестно трудился дома и за рубежом, стараясь стабилизировать экономику и призвать экономическую помощь Запада. Но в августе 1999 года Ельцин нанес еще один удар, внезапно заменив Степашина еще более темной фигурой, В. В. Путиным, в то время 46-летним бывшим сотрудником КГБ, который был с виду лояльным членом истеблишмента от органов безопасности в президентском окружении Ельцина. Ельцин заявил, что Путин представляет новое поколение лидеров и, скорее всего, сменит его на посту президента, когда в июне 2000 года состоятся новые выборы. Утомленная Дума утвердила кандидатуру Путина уже в первом туре голосования, 16 августа 1999 года. Зачем форсировать досрочные выборы, если запланированные выборы должны были начаться в течение четырех месяцев?

²³ Косвенное подтверждение тезиса о том, что после августа 1999 года Ельцин стремился в первую очередь совместить экономическую стабилизацию с личной политической защитой, можно найти в [Ельцин 2000], где он говорит, что Примаков был готов пойти на негласный союз со злодеями для достижения власти и уничтожения президентского правления [Ельцин 2000: 202–205, 211–213, 218, 268], и где он аналогичным образом отзывается на действия мэра Лужкова [Ельцин 2000: 227, 229–231, 244, 290ff.].

Самый последний триумф Ельцина

Летом 1999 года резко возросла напряженность на юге России. Вторжение чеченских боевиков в соседний Дагестан угрожало дестабилизировать эту многонациональную (но в основном исламскую) республику в составе Российской Федерации. Действительно, некоторые чеченские лидеры заявили о своем намерении создать в Дагестане исламское государство. Российская армия совместно с местной милицией Дагестана пыталась отразить эти вторжения. Затем в Москве начались взрывы многоквартирных домов, унесшие жизни около 300 москвичей и наводившие ужас на город. Неизвестно, кто заложил взрывчатку: была ли это работа чеченских террористов, стремящихся деморализовать русский народ и отомстить за военные действия России в ответ на события в Дагестане? Или это была провокация российских органов безопасности, ставящая целью создать политический предлог для нового вторжения в Чечню?

Как бы то ни было, Ельцин и Путин ссылались на взрывы как на основание для массового вторжения в Чечню. Возможно, это была «нормальная», согласованная реакция на провокацию или неудачу в жизненно важной сфере. Но более вероятно, что вторая чеченская война была не менее «политической», чем первая. Путин поддержал националистическую риторику и сказал, что готов на все в борьбе с террористами («в сортире замочим»). Для участия в декабрьских парламентских выборах спешно была сформирована проправительственная политическая коалиция под названием «Единство». В ее программе было мало конкретики, кроме патриотического (хотя и лишнего шовинистического национализма) дискурса, шаблонного этатизма и желания отомстить чеченским террористам. Правительство начало опустошительные и беспощадные операции против чеченских боевиков и мирных жителей с помощью авиации, артиллерии и сухопутных войск.

Эта политическая стратегия сработала. Благодаря фальсификации результатов выборов и обращению к разочаровавшемуся электорату, который стремился к сильному руководству, «Един-

ство» набрало 23,8 % голосов по партийным спискам в новой Думе, в основном за счет коалиции во главе с бывшим премьером Примаковым и мэром Москвы Лужковым. Ельцин и Путин были в восторге. В телевизионном ролике Ельцин поздравил Путина и горячо похвалил российский народ за его мудрый выбор²⁴.

Голосование состоялось 19 декабря 1999 года. В последующие дни Ельцин задумался о будущем и принял решение уйти в отставку. Он объявил об этом удивленному народу в своем новогоднем обращении. Это был блестящий ход. В течение многих лет он заявлял, что отбудет до конца свой срок и станет первым свободно избранным президентом своей страны, который мирно передаст власть своему преемнику. Он предупреждал, что коммунисты его преемниками не будут и что он уйдет в отставку как успешный гарант защиты страны от коммунистической реставрации, хотя никогда и не разъяснял, как именно намерен этого добиться. Несомненно, самооценка Ельцина как строителя государства подтолкнула его к реализации этого видения. В идеале он предпочел бы отбыть до конца свой президентский срок, но после августа 1998 года возник более высокий приоритет: обеспечение личной безопасности — и безопасности семьи — после ухода. Напряжение между идеалистическими целями и личной безопасностью Ельцина было реальным, но он не собирался жертвовать последним в погоне за первыми.

Результаты парламентских выборов, а также опросы общественного мнения, показавшие уже высокую и продолжающую расти популярность Путина, определили время отставки Ельцина. Уйдя в конце декабря, он добился проведения новых президентских выборов, в соответствии с конституцией, в течение 90 дней. Рейтинг Путина за три месяца вряд ли мог упасть. Напротив, если подождать и провести выборы в июне, в Чечне могут случиться военные неудачи, а избиратели могут отказаться от своей поддержки Путина. Более того, Путин с большей вероятностью, чем любой из его предшественников на посту

²⁴ РТВ показало их вдвоем в Кремле в среду, 22 декабря 1999 года, через три дня после думских выборов (Интерфакс. 1999. 22 дек.).

премьер-министра, пролагал Ельцину путь к безопасной и комфортной отставке.

Путин его не разочаровал. Его первым действием в качестве исполняющего обязанности президента было предоставление Ельцину пожизненного иммунитета от судебного преследования. Началась борьба за преемничество, но результат казался предreshенным. Ельцин посмеялся последним. В преддверии нового тысячелетия, на его взгляд, он перехитрил своих оппонентов, обеспечил свое личное будущее, предотвратил восстановление коммунизма, построил новую систему, сохранил территориальное единство России и обеспечил свое видение ее интеграции в мировое сообщество и капиталистическую экономику. Цена, которую страна заплатила, была огромна, за что он извинился, объявляя о своей отставке. Но альтернатива, как он не устал повторять, была бы хуже.

Выводы

Оглядываясь назад, скажем, что второй срок Ельцина на посту президента России представляется чередой инициатив, направленных на то, чтобы постоянно выводить из равновесия политических оппонентов и политических союзников. Этот образ, в свою очередь, легко приводит нас к выводу, что все, в чем был заинтересован Ельцин, — это сохранение власти. Однако, как я уже утверждал в этой книге, это недалекоевидный способ мышления о политике, поскольку у политиков обычно имеются более важные заботы, чем просто поддержание власти. Сблaзн сделать вывод, что власть для них — это все, становится еще больше, когда мы наблюдаем за лидерами, находящимися в политической обороне. Они склонны уделять больше внимания смене политических союзов или устранению потенциальных соперников на этом последнем этапе, чем на этапе своего нахождения на вершине. Стоит напомнить, например, что Хрущев проводил непрерывные чистки высших чиновников на протяжении всего третьего этапа своего правления. И Брежнев, и Горбачев также

действовали по этой схеме. Ельцин не стал исключением. Может быть, трудно избежать того, чтобы запомнить Ельцина как дряхлого старика, увлеченного византийскими политическими интригами. Но если подумать о его политических стратегиях с 1985 года до последнего момента во всем их размахе, мы увидим человека, разработавшего серию амбициозных политических программ, где он поставил на карту свой политический авторитет и в которые он предположительно вложил свою политическую идентичность. К 1996 году он, вероятно, исчерпал себя как лидер трансформации²⁵. Несмотря на это, он продолжал попытки (когда у него были на это силы) объединить более крупный политический проект со стратегией дискредитации реальных и потенциальных политических соперников. Лишь после августа 1998 года он стал выглядеть лидером, практически единственной заботой которого являлась его личная политическая безопасность.

²⁵ Более подробная аргументация приведена в [Reddaway, Glinski 2001, chs. 8–9].

Глава 11

Объяснение решений лидеров (1985–1999)

Основная цель этой книги — выявить особенности эволюционирующих стратегий Горбачева и Ельцина по укреплению, поддержанию и восстановлению своего авторитета как лидеров. В этой главе я перейду от описания и анализа к объяснению. Почему Горбачев и Ельцин выбирали именно такие стратегии на каждом этапе своего правления? То, что эти два человека занимают центральное место в книге, не должно заставить нас предположить, что их личные качества и убеждения всегда являлись основными — а тем более единственными — определяющими факторами их выбора. Другие факторы также определяли и формировали их поведение в те или иные моменты времени: 1) политическая организация режима и доминирующие в нем интересы; 2) идеологические традиции режима и легитимизирующие его символы веры; 3) климат мнений, преобладающий в политическом истеблишменте; 4) процесс политической конкуренции за власть и влияние между представителями элиты; 5) мобилизация социальных сил внутри страны; и 6) прямое и косвенное давление из-за рубежа.

Когда у власти находились Хрущев и Брежнев, эти факторы были относительно ограничены, стабильны и предсказуемы. Политика являлась делом частным и определялась политическими и организационными интересами партийно-государственного аппарата и бюджетными интересами военно-промышленного

комплекса. Враждебность марксизма-ленинизма к либерализму определяла границы выигрышной политической защиты. Политическая конкуренция за власть и влияние происходила в узких рамках, продиктованных политической организацией и антилиберальной идеологией. Социальные силы внутри страны находились во власти партийно-государственного аппарата; они могли косвенно повлиять на климат мнений внутри политической элиты, но не имели возможностей для автономной мобилизации против этой элиты. Давление из-за рубежа могло повлиять на отдельные решения и стабильность политических коалиций в Москве [Snyder 1989]¹. Однако возможность иностранных правительств повлиять на выбор советской политики была ограничена решимостью Советского Союза избежать зависимости от мирового капитализма и возглавить альтернативную автономную мировую систему — «социалистическое международное разделение труда» и «мировое коммунистическое движение» [Jowitt 1978]. Остается открытым исторический вопрос о том, иной ли была бы траектория советской политики внутри страны и за рубежом, если бы иной была политика США в ключевые поворотные моменты в отношениях сверхдержав. Но поразительно, насколько сильнее оказалось влияние прямого и косвенного международного давления на Горбачева и Ельцина, чем на Хрущева и Брежнева.

Влияние многих из этих факторов резко возросло после начала реализации радикальной политики Горбачева. По мере распада традиционной советской организации и идеологии резко возрастало влияние автономных социальных сил, прямого и косвенного международного давления, новых правил политической конкуренции и новых политических субъектов. Это была ненадежная почва. Старые ограничения не оказались немедленно заменены новыми ограничениями другого типа. Социальные и международные силы не сразу поспешили заменить советскую идеологию и организацию. Скорее период 1987–1993 годов стал

¹ О влиянии международных событий на поворотные точки в советской политике 1953–1966 годов см. [Richter 1994].

временем больших возможностей. Вот почему личные черты и убеждения Горбачева и Ельцина имеют большое значение при любом объяснении их выбора — в большей степени, нежели это было в случае с Хрущевым и Брежневым. Поскольку структуры советской власти распадались, лидеры имели большую свободу действовать, как пожелается. Тем не менее оба лидера сыграли важную роль в разрушении этих структур.

Личность и индивидуальные убеждения на некоторых этапах правления играли большую роль, чем на других. Советская организация и идеология, например, продолжали определять поведение Горбачева в первые годы его правления. Его личные качества и убеждения сыграли более заметную роль на втором этапе. Социальные силы и прямое международное давление сыграли большую роль на последнем этапе. Ельцин использовал, поощрял и выборочно направлял эти социальные силы, чтобы способствовать своему приходу к власти. Впоследствии личные качества и убеждения Ельцина повлияли на выбор, сделанный им в ответ на внутреннее и международное давление на втором этапе его правления. Однако на третьем этапе Ельцин в значительной степени уступил накопившимся интересам внутри страны и за рубежом — интересам и давлению, которые он сам ранее поощрял.

Политическая конкуренция в течение 1985–1999 годов присутствовала неизменно, хотя ее правила за эти годы несколько раз изменялись. Так, если давление со стороны внутренних социальных сил и международных акторов росло по мере того, как рушились советские институты и идеология, то влияние этого давления фильтровалось посредством политической игры, в которую играли претенденты на власть с четко выраженными личными качествами и убеждениями. В главе девятой я постарался показать, как эта политическая игра влияет на порог чувствительности лидера для ответа на угрозы. В настоящей главе мы обсудим, в какой степени личность, убеждения, политика, социальные силы и международное давление могли повлиять на выбор той или иной политической стратегии на каждом из этапов правления Горбачева и Ельцина.

Такое упражнение, очевидно, более умозрительно, чем анализ, представленный в эмпирических главах этой книги. Для оценки относительной результативности многочисленных причинных воздействий потребуется больше доказательств, чем собрано мною на настоящий момент, а также различные виды анализа, призванные исключить альтернативные объяснения. Без этого исследования мои суждения обречены оставаться далеко не окончательными. Однако не стоит избегать рассмотрения причинно-следственных связей лишь на основании их неубедительности. Имеет смысл опираться на доказательства, представленные в этой книге, включая сравнения между четырьмя лидерами, чтобы расширить наш запас правдоподобных гипотез о том, почему все произошло именно так, а не иначе.

Горбачев, 1985–1986

Сходство поведения Горбачева на первом этапе правления и Хрущева с Брежневым на их этапах борьбы за преемственность предупреждают нас об организационных и идеологических ограничениях, накладывающихся на выбор ими решений. На первом этапе своего правления и Хрущев, и Брежнев укрепили свой авторитет, объединившись с группами, выступавшими за относительно жесткий курс (партийными аппаратчиками и военно-промышленным комплексом), хоть они и выступали за инновации, необходимые, чтобы вывести страну из болота, в которое она попала. Также оба энергично работали над расширением своих политических команд и своей патронажной базы в партийно-государственном аппарате. Во всех этих отношениях стратегия Горбачева напоминала стратегии его основных предшественников. Горбачев в 1985–1986 годах подчинялся пуританам и технократам в большинстве сфер внутренней политики и сторонникам жесткой линии — во многих областях внешней политики, хоть он уже и выстраивал свою базу власти, поднимал некоторые сложные вопросы о советской внешней и оборонной политике и начал менять политический язык для легитимации

предстоящей политической радикализации внутри страны и за рубежом.

Во всех трех случаях лидеру партии удавалось занять свою политическую нишу, сочетая стремление к динамичным новым целям с защитой традиционных ценностей. Конечно, конкретное содержание этих сочетаний было различным, поскольку отражало как условия своего времени, так и отличительные черты характера и убеждений соответствующих лидеров. Но имеются поразительные параллели в том, что они говорят нам о влиянии политического и идеологического контекста на выбор на этом первом этапе правления каждого лидера. Чтобы объяснить политические стратегии всех трех лидеров, гораздо легче учесть «частную» структуру политической организации (которая еще не начала рушиться в 1985–1986 годах), интересы, преобладающие внутри политического истеблишмента, процесс политической конкуренции, доминирующие предубеждения, обусловленные идеологическим наследием, и климат мнений в обществе, чем объяснить их личные качества или убеждения. На этом этапе все трое подчинялись доминирующим интересам и идеалам в истеблишменте своего времени. В этом контексте Горбачев (как и Хрущев) создал себе имидж ответственного реформатора, Брежнев — образ просвещенного консерватора.

Горбачев, 1987–1989

Консолидировав свою власть, укрепив свой авторитет и утвердившись в качестве лидеров, все трое сменили направление движения, хотя и в очень разной степени. Все они выступили с комплексными программами прогрессивного развития внутри страны и за рубежом, хотя брежневское определение прогресса (соответствовавшее настроению в ЦК в то время) не являлось реформаторским. Содержание этих программ сильно отличалось, но все они были очень амбициозными, оптимистичными и перспективными. Хрущев и Горбачев обещали «большой скачок» к утопическому идеалу, хотя и говорили о разных сторо-

нах утопического наследия². Брежнев отказался и от утопизма, и от реформаторства, но пообещал существенный прогресс в деле примирения многочисленных и противоречивых внутренних и внешнеполитических амбиций. Все три программы выглядели соответствующими ключевым элементам марксистско-ленинской традиции.

Нет нужды ссылаться на личностные качества, чтобы объяснить тот факт, что все три программы были амбициозными. Скорее это сходство отражало идеологическое наследие советского режима; советская политическая организация способствовала напористой манере лидерства и порождала ожидания, что лидер, консолидировав власть, наметит программу всестороннего прогресса внутри страны и за рубежом. Идеологическое наследие, в свою очередь, порождало ожидание того, что победитель обеспечит динамичное и разностороннее лидерство, продвигающее страну вперед посредством крупномасштабных кампаний. «Руководящая роль партии» усиливалась и подтверждалась проведением таких кампаний. Советское руководство мировым коммунистическим движением в сочетании со статусом этой страны как великой державы еще больше усиливало надежды на амбициозное, убедительное, показательное лидерство внутри страны и за рубежом.

Однако для объяснения различий в содержании этих всеобъемлющих программ необходимо задействовать и другие специфические факторы. Например, программа Горбачева была основана на тех убеждениях, которые он выработал как реформатор-коммунист за два десятилетия, предшествовавших его избранию на пост генерального секретаря (см. главу вторую). Гипотетическая «программа Лигачева» выглядела бы иначе. Программа Хрущева отражала его стремление реализовать различные элементы марксистского видения общества и ленинского видения политики (как это изложено у Ленина в «Государстве и революции»). Программа Брежнева отражала его (и его сорат-

² О различных утопических направлениях в марксистском и ленинском наследии см. [Hanson 1997].

ников) разочарование в хрущевском утопизме, а также разочарование его политических союзников в реформаторстве.

Но имелось и другое различие между стадиями нахождения на вершине власти Хрущева и Брежнева, с одной стороны, и Горбачева — с другой. И Хрущев, и Брежнев продвигали комплексные программы, куда выборочно включались элементы программ побежденных ими реформистски настроенных политических соперников. Ранее осудив упор Маленкова на легкую и химическую промышленность наряду с его торопливостью в налаживании отношений разрядки с Соединенными Штатами, Хрущев включил обе эти цели в свою программу на 1959–1960 годы, хотя продолжал при этом преследовать цели, которые он установил для себя во время борьбы за преемственность. Точно так же, после поддержки на этапе борьбы за власть тяжелой промышленности и воинственной позиции по отношению к Западу, Брежнев включил в свою политическую пропаганду 1970–1971 годов программу развития легкой промышленности, а также масштабную программу разрядки напряженности, хоть и продолжал преследовать традиционные цели.

Такая частичная реинкорпорация могла быть результатом того, что они ощущали потребность в расширении коалиции на фоне политической незащищенности, с которой сталкивается даже партийный лидер на этапе нахождения на вершине в системе, не обещающей фиксированного срока пребывания в должности и сулящей мрачные перспективы в случае ухода³. Какими бы ни были истинные мотивы, это приводит к тому, что програм-

³ Парламентские режимы не предполагают фиксированного срока полномочий, но премьер-министр может проиграть при переизбрании и все же надеяться на возвращение в политику позже, или продолжить успешную карьеру в частном секторе, или иным образом сохранить свой социальный статус. У свергнутого советского лидера не было таких возможностей, он исчезал из политической и публичной жизни и сталкивался с угрозой уголовного преследования. Это не было непреложным «законом» коммунистического режима, поскольку некоторые лидеры в Восточной Европе и Китае возвращались в политику. Но ни одному члену советского Политбюро в советское время это не удалось.

ма лидера становится еще более амбициозной, обещая множество благ максимально широкой аудитории.

Примечательно, что Горбачев не прибегал к избирательной реинкорпорации. Столкнувшись в 1985–1986 годах с неспособностью «ускорения» улучшить экономические показатели и с сохраняющимся тупиком в отношениях между Востоком и Западом, Горбачев не предложил комплексной программы, основанной на сочетании «ускорения» и реформ, жесткой внешней политики и избирательных уступок. Вместо этого он отказался как от «ускорения», так и от традиционалистской внешней политики и предложил всеобъемлющую радикальную программу. Правда, как мы видели в главах пятой и шестой, Горбачев все чаще пытался сдерживать слишком быструю или слишком далеко заходящую радикализацию внутренней политики, но это означает лишь то, что он опасался, как бы чрезмерный радикализм не привел к обратным результатам. Верно также и то, что Горбачев последовательно выступал против видения будущего, которое являлось бы чисто рыночно-капиталистическим или либерально-демократическим; но это означает лишь то, что он на протяжении всех лет своего правления не представлял себя ни капиталистом, ни либеральным демократом. По сравнению с тем, что он предлагал в 1985–1986 годах, радикальные программы Горбачева 1987–1988 годов, хотя и были разработаны с некоторой тактической осторожностью, оставляли довольно мало возможностей традиционалистам внутри режима; поэтому многие консерваторы порвали с ним в политическом плане в 1988–1989 годах. В 1987–1988 годах он не поддавался искушению искать безопасную политическую гавань в компромиссной, «промежуточной» программе. Вместо этого он пришел к выводу, что всесторонний переход к новому курсу внутри страны и за рубежом невозможен без трансформации политической системы. Поклонник программы Горбачева мог бы утверждать, что это было частью его «величия» как трансформирующего лидера.

Изложенные выше закономерности позволяют сделать следующие обобщающие выводы. Тот факт, что Горбачев предлагал всеобъемлющую и амбициозную программу перехода к идеали-

зированной будущему, не следует приписывать главным образом его уникальной личности или исключительным убеждениям; идеология и организация режима подтолкнули бы любого лидера к подобной идеализированной всеобъемлющей программе, но конкретное содержание программы Горбачева и ее всеобъемлющий радикализм внутри страны и за рубежом, безусловно, можно приписать личным качествам и убеждениям этого человека. Другие аргументы, претендующие на объяснение причинно-следственной связи, не представляются убедительными. Радикальные стратегии Горбачева не представляли собой согласованной реакции Политбюро на объективные обстоятельства; на деле они были весьма спорными. В 1986–1987 годах радикальные общественные силы не были достаточно мобилизованы, их слишком легко было запугать, чтобы возложить на них, как на причину, ответственность за появление горбачевской программы⁴. Климат мнений в политическом истеблишменте ожидал перемен и, таким образом, был фактором, способствующим и помогающим, но не определяющим масштаб или содержание желательных политических изменений. Идеологическая традиция могла поддержать разные подходы к «возобновлению движения страны вперед».

Международные влияния были как косвенными, так и прямыми. Косвенно привлекательность западного благополучия и при-

⁴ Отметим, например, что еще весной 1988 года, когда было опубликовано письмо Нины Андреевой с призывом к откату перестройки, критически настроенные московские интеллигенты ушли в кусты, ожидая репрессий со стороны КГБ. Они набрались смелости только после того, как Горбачев и его соратники протолкнули через Политбюро публикацию опровержения письма Андреевой [Taubman, Taubman 1989: 146–186; Urban et al. 1997: 90]. Более того, Урбан с соавторами в своем тщательном исследовании появления неформальных организаций и гласности в 1986–1988 годах делают вывод, что общественные силы не пользовались политической инициативой и не выступали против власти до выборов марта 1989 года: «До начала избирательного процесса неформальное движение в России оставалось маргинальным явлением <...> выборы возродили ослабевшее движение» [Urban et al. 1997: 121–122]. Митинг в Москве 22 марта 1989 года «стал поворотным моментом, когда политическое общество почувствовало себя достаточно сильным, чтобы открыто бросить вызов репрессивному партийному государству» [Urban et al. 1997: 135].

тягательность культурной вестернизации росли по мере того, как падала уверенность советской элиты в превосходстве или хотя бы работоспособности собственной системы. Напрямую политические реформы Горбачева одобрялись зарубежными правительствами, тогда как военная политика США при Рональде Рейгане подчеркивала неспособность неререформированного Советского Союза продолжать конкуренцию в качестве глобальной сверхдержавы. Однако ни одно из этих влияний не объясняет внутривнутриполитических реформ Горбачева 1987–1988 годов. Его комплексная программа сулила демократию «социалистическую» и отвергала подражание западной либеральной капиталистической демократии. Западные правительства в то время не оказывали давления на Горбачева с целью демократизации советской системы. Более того, вывод о том, что Советскому Союзу необходимо реформироваться в более либеральном направлении, чтобы конкурировать в современном мире, был сделан Горбачевым и другими «коммунистами-реформаторами» еще до прихода к власти Рейгана.

Короче говоря, мы могли бы с уверенностью утверждать, что любой лидер, в том числе Лигачев, консолидировал бы власть и представил бы программу всестороннего прогресса в стране и за рубежом. Можно также предположить, что программа эта была бы направлена на то, чтобы остановить спад советской экономики. Но за тем, как Горбачев использовал авторитет, накопленный им к 1987 году, позволяют проследить его обязательства по прекращению холодной войны, возрождению советского общества (предпочтительно ненасильственными методами) и построению социалистической демократии в СССР, наряду с его стремлением делать все это с помощью средств, позволяющих сохранить как основные «социалистические» ценности, так и его собственную политическую роль⁵.

⁵ Западная литература о лидерстве Горбачева предлагает различные объяснения радикализации его программы. Браун, Хаф, Левек и Инглиш рассматривают этот поворот как выражение убеждений Горбачева и как результат накопленной им политической власти, хотя не исключают наличия в программе амбициозности, широты и утопизма вне ее конкретного содержания.

Радикализацию внешней политики Горбачева в этот период также можно приписать его личностным качествам и личным убеждениям. Не существовало определенного политического консенсуса, определяющего выбор уступчивой внешней политики; ни общественные силы, ни идеология, ни логика политической конкуренции не диктовали выбора. Западники из числа интеллигенции поддерживали Горбачева и побуждали его к действиям, но их было относительно немного и они не имели возможности покарать его, если он не последует их совету. Он решил прислушаться к их советам и учиться у них. Идеологическая традиция

Следовательно, они не ищут альтернативных причинно-следственных факторов для объяснения соотношения формы программы и ее содержания [Brown 1996; Hough 1997; Levesque 1997; English 2000]. Михеев, Волкогонов и Малия также изображают Горбачева как добившегося исключительной власти к 1987 году; они тоже рассматривают отказ от «ускорения» как выбор, продиктованный главным образом разочарованием Горбачева в результатах этой программы. Но их описание всеобъемлющей программы Горбачева больше подчеркивает ее ограниченность, чем масштаб ее радикализма. Однако все эти работы объединяет акцент на личности и убеждениях Горбачева как непосредственных детерминантах изменения курса [Mikheyev 1992; Volkogonov 1998; Malia 1994]. Д'Агостино, напротив, в своем ярком и оригинальном исследовании видит в идеях важные факторы для политической культуры советской элиты, но рассматривает их исключительно как инструменты борьбы за власть [D'Agostino 1998]. Они эффективны как инструменты, потому что находят отклик в политической культуре, но используются исключительно по причинам, обусловленным политической властью. Таким образом, Д'Агостино рассматривает радикализацию как часть исторической модели: Сталин, Хрущев и Горбачев «ринулись вперед», столкнувшись с политическим вызовом. Следовательно, он рассматривает политические вызовы, брошенные Горбачеву в 1987 году прежде всего членом Политбюро Лигачевым, как стимул для генерального секретаря радикализировать свою программу, чтобы вывести своих оппонентов из равновесия и не дать им ограничить его власть. Хотя это имеет сходство с моей концепцией, которая также уделяет серьезное внимание роли идей в политической культуре и рассматривает способность лидера перехватывать и поддерживать политическую инициативу как решающую для построения власти и поддержания авторитета, это сходство лишь поверхностно. Д'Агостино утверждает, что советский лидер должен избегать ограничений коллективного руководства, но не объясняет, почему он должен это делать; он нигде не заявляет, что альтернативу следует отвергнуть, и не объясняет, почему Брежнев занял гораздо более умеренную позицию, чем Сталин, Хрущев или Горбачев.

позволяла Горбачеву оправдывать свой выбор идеалистическими, даже утопическими идеями, но вряд ли эта традиция давала повод к отказу от антиимпериалистической борьбы. Политическая конкуренция могла предоставить Горбачеву стимул перехватить инициативу. Однако в прошлом такая конкуренция приводила к выборочной реинкорпорации и учитывающей различные интересы программе, а не к далеко идущей радикализации, которую теперь отстаивал Горбачев.

Большинство западных наблюдателей считают, что Горбачев сам сделал такой выбор; некоторые, однако, принимают его роль, утверждая, что стратегия администрации Рейгана не оставила совет-

Д'Агостино рассматривает власть как главную цель, а «принцип» — как одноразовый инструмент в борьбе за власть. Он пишет, например, что ни Горбачев, ни Ельцин «не занимали должности, ради которой были бы готовы стерпеть даже малейшую потерю политического влияния» [D'Agostino 1998: 295]. Учитывая крайне затруднительные обстоятельства, в которых два лидера должны были сделать трудный выбор (обстоятельства, о которых Д'Агостино говорит далее [D'Agostino 1998: 341–343]: Горбачев не имел плана, с помощью которого можно было бы предсказать последствия его выбора), и учитывая политические риски, на которые каждый из них шел в разное время, это утверждение о фиксации Горбачева и Ельцина на власти кажется мне эмпирически необоснованным. Более того, я не вижу смысла в попытках придать вес причинно-следственной роли власти и принципа. Я убежден, что политики стремятся достигнуть обеих целей: найти и защитить как заслуживающую доверия, принципиальную политическую нишу, так и политическую идентичность, на которых они будут строить (и пытаться сохранить) свою власть и авторитет. Д'Агостино пишет, например, что «идеи реформ становились более радикальными по своим последствиям по мере усиления борьбы с оппозицией» [D'Agostino 1998: 343]. Я бы перевернул эту формулу и вместо этого утверждал бы, что оппозиция усиливалась по мере того, как идеи реформ становились более радикальными. Частично разница здесь в том, что я, как и другие исследователи, рассматриваю Горбачева как очень могущественного, влиятельного лидера, сформировавшегося в этом качестве к 1987–1988 годам. Д'Агостино принижает причинно-следственную роль личности и личных убеждений, потому что (как и Михеев, Волкогонов и Малия) он осуждает радикализм программы Горбачева, противопоставляя ее либерально-демократическому, капиталистическому и в международных вопросах капитуляционистскому идеалу. Наконец, Д'Агостино вводит в заблуждение читателя (или, по крайней мере, меня как читателя), используя схему, которая рассматривает идеи как простые инструменты борьбы за власть, в то же время в нескольких местах характеризует Горбачева как идеалиста [D'Agostino 1998: 9, 349].

скому лидеру альтернативы. Они утверждают, что *международные* силы вынудили Горбачева выбирать между проводимой им политикой и политикой бескомпромиссной, которая еще менее отвечала бы его интересам⁶. Доводы в пользу такого толкования имеются. Горбачев в 1985–1987 годах безуспешно пытался убедить президента Рейгана пойти на компромиссные решения. После этого Горбачев решил, что пойти на радикальные уступки будет выгоднее, чем жить в условиях отсутствия соглашения. Учитывая его убежденность в том, что прекращение холодной войны является необходимым предварительным условием успешного реформирования советского общества, он уступил максималистским требованиям Рейгана по нескольким направлениям. Но здесь вновь большую роль сыграли личность и убеждения Горбачева, поскольку многие другие члены советского руководства не испытывали энтузиазма по поводу его внешнеполитических решений. Если бы все контролировали они, они не сделали бы такого же выбора. Отсюда следует, что у Горбачева имела определенная политическая свобода выбрать нечто иное. Он мог в своей внешнеполитической программе участвовать в выборочной реинкорпорации, но, как и во внутренней политике, он предпочел этого не делать.

Таким образом, хотя политические ограничения, по-видимому, повлияли на решения Горбачева в 1985–1986 годах, его личность и индивидуальные убеждения, вероятно, были более существенными определяющими факторами его решений, принятых в 1987–1988 годах⁷.

⁶ Эту точку зрения см. в [Fischer 1997].

⁷ Постараемся избежать подмены тезиса. Эта интерпретация не предполагает, что идеи Горбачева были продуктом откровения или всеведения. На его мышление повлияли радикальные реформистские советники и соратники как дома, так и за рубежом, и он действовал в условиях неуверенности в том, что именно нужно делать и что именно сработает. Но эти условия (влияние и неопределенность) являются универсалиями принятия политических решений. В контексте таких универсалий некоторые лидеры вырабатывают амбициозные, трансформационные программы, в то время как другие уступают ограничениям и принимают программы «наименьшего общего знаменателя». Именно личность и убеждения Горбачева привели его к первому, а не ко второму.

Горбачев, 1989–1991

Когда в 1989 году программы Горбачева начали давать сбои, он мог отреагировать так же, как ранее Хрущев и Брежнев: искать новой поддержки со стороны традиционалистов, которых он умиротворял на первом этапе своего правления. Но Горбачев сначала отреагировал на разочарование иначе. Вместо этого, пусть и продолжая пытаться ограничить радикальные изменения, он в целом поддерживал радикализацию, а не пытался повернуть ее вспять. Он приспособился к радикальным силам, отказавшись от «ведущей роли партии», проведя республиканские выборы весной 1990 года, введя пост советского президента, независимого от коммунистической партии, и политически лишив номенклатуру избирательных прав. Он еще более либерализовал законодательство о совместных предприятиях, чтобы открыть советскую экономику для экономики мировой, и еще более либерализовал политику в отношении эмиграции, инакомыслия, свободы объединений и свободы религии. За границей он вывел советские войска из Афганистана и смирился с крахом коммунистических режимов в Восточной Европе. Нет никаких оснований приписывать все это политическому давлению внутри партийно-государственного истеблишмента; большинство официальных лиц посоветовали бы сдерживать дальнейшую радикализацию. КГБ в то время (1989–1990) сохранял силу и мог бы принять жесткие меры, если бы получил приказ сделать это. Советские танки могли ворваться в Восточную Европу; или как минимум Горбачев мог пригрозить действиями. Но советский лидер предпочел не идти этим путем⁸.

⁸ Михеев не считает, что Горбачев радикализировался в ответ на разочарования 1988–1989 годов [Mikheyev 1992]. Скорее, полагает он, тот сдвигался вправо (к жесткой линии), по крайней мере по внутренним вопросам, уже с осени 1988 года, и там и остался. Но большая часть приводимых Михеевым доказательств в равной степени согласуется с версией об усилиях Горбачева по ограничению радикализации, что не отличает его поведение 1987–1988 годов от его поведения в 1989–1991 годах. Точно так же Д’Агостино полагает, что Горбачев в 1989–1990 годах «убегал вперед», стремясь к абсолютной власти, проводя чистки соперников и пытаясь разрушить способность партии его сдерживать. Но эта неоспоримая стратегия консолидации власти

Другой вопрос — почему он изначально выбрал радикализацию, а не сужение своей коалиции. Идеалистическое объяснение могло бы заключаться в том, что Горбачев искренне стремился верить (или уже поверил) в свое видение демилитаризованного международного порядка и консенсуса между населением и властью внутри страны. Следовательно, он продолжал двигаться вперед, несмотря на связанные с этим риски и неопределенности. Но чисто идеалистическое объяснение игнорирует изменения в социальном контексте внутри страны и за рубежом⁹. В рамках объяснения, сочетающего идеализм с материалистическим расчетом, можно утверждать, что к 1989 году общественные силы как в России, так и в других республиках СССР, наряду с общественными силами в Восточной Европе и правительственными силами на Западе, активизировались настолько, что издержки от их подавления стали слишком высоки, так что Горбачев посчитал, что цена репрессий превышает цену терпимости. Поэтому он решил присоединиться к менее бескомпромиссной из этих общественных сил, чтобы извлечь максимальную пользу из неконтролируемой ситуации, обернуть ее в свою пользу и по возможности сохранить свой авторитет «человека, изменившего мир»¹⁰.

лишь по своей степени отличается от того, что делал Горбачев в 1985–1988 годах; все генеральные секретари выстраивали политические механизмы, чтобы победить в борьбе за преобладание, и стремились расширить эти механизмы и убрать соперников в ответ на разочарование в своих программах. Что отличало Горбачева, так это его решимость и дальше укреплять свой личный контроль и проводить дальнейшую радикализацию политики посредством передачи власти от партии к государственным институтам, подотчетным избирателям.

⁹ Браун и Инглиш предлагают идеалистические объяснения и одобряют решение Горбачева [Brown 1996; English 2000]. Хаф также концентрируется на видении Горбачева, но выражает недоумение по поводу того, что он мог быть настолько наивным, чтобы предполагать, будто его отказ от применения силы не приведет к хаосу и краху [Hough 1997]. Однако никто из этих авторов не игнорирует общественные и международные силы; следовательно, никого из них нельзя в полной мере назвать «чистым идеалистом».

¹⁰ Я выступил в пользу этой интерпретации в [Breslauer 1989: 299–340]; статья была написана в июле 1990 года (поскольку журнал отставал от графика). Фраза «человек, изменивший мир», конечно, взята из книги Шихи с таким

Это комбинированное идеалистически-материалистическое объяснение придает равный вес личности и убеждениям Горбачева, с одной стороны, и общественным силам внутри страны и за рубежом — с другой. Ведь именно радикализация внутренних общественных сил, посредством их самостоятельной мобилизации и поддержки со стороны Горбачева, Ельцина и других ведущих политиков, подняла издержки от возможных репрессий до такого высокого уровня. И именно углубляющийся экономический кризис в Советском Союзе настолько увеличил цену возможного отчуждения западных правительств, что Горбачев все больше рассчитывал на оказание этими правительствами материальной помощи (включая договоры о сокращении вооружений) для его преодоления. Но как раз идеалы Горбачева и удерживали его от попытки контрреволюционной реставрации. Он явно заботился о своем имидже за границей и о том обществе, которое он пытался построить в стране, однако в 1989–1990 годах сохранял институциональные возможности для принятия суровых мер.

Как известно, осенью 1990 года Горбачев отказался от дальнейшей радикализации и вступил в союз с консервативными силами. События сентября 1990 года — марта 1991 года наводили на зловещую мысль о том, что предпринимаются шаги по борьбе с радикализацией общества. Маловероятно, что этот сдвиг был навязан Горбачеву сторонниками жесткой линии в Центральном комитете или Верховном Совете. Всего двумя месяцами ранее, в июле 1990 года, он изгнал Лигачева и многих других консерваторов из руководства и ЦК. Скорее объяснение этого сдвига кроется во взаимодействии между убеждениями Горбачева и ускоряющимися темпами мобилизации и поляризации общества. Объяснение, сформулированное с учетом исключительно личностных качеств, предполагает, что Горбачев потерял самообладание перед лицом каскада неудач (внутри страны и за ру-

названием [Sheehy 1990]. Хоть и без явного одобрения, такое объяснение поведения Горбачева, кажется, используется также в исследовании Левека [Levesque 1997].

бежом) и растущей неуверенности в том, что он может остановить эту волну. Объяснение на уровне убеждений указывало бы на то, что мобилизация общества теперь явно угрожала разрушить сам Советский Союз — ту ценность, которую Горбачев никогда не хотел терять. Следовательно, когда уровень социальной мобилизации стал чреват угрозой распада СССР, его расчеты изменились. Допустимая цена терпимости выросла до такой степени, что цена репрессий показалась несколько более приемлемой¹¹.

И все же этот сдвиг вправо продлился всего шесть месяцев, после чего Горбачев вернулся к поддержке радикалов в вопросе отношений между центром и периферией. Следовательно, нам не следует слишком быстро соглашаться на объяснение поведения Горбачева, корнящееся исключительно во взаимодействии между его внутренними убеждениями и уровнем радикализации общественных сил. Но не следует также полагаться на объяснения, основанные исключительно на максимизации власти¹². Горбачев действительно был полон решимости защитить свою власть. В 1990 году он сопротивлялся призывам радикальных соратников порвать с коммунистической партией и сделать основой своей власти исключительно Советы и президентскую должность. Он опасался, что это оставит влиятельные институты в руках людей, которые будут использовать их для уничтожения его самого и его политики [Brown 1996: 195–196]. Однако помимо сохранения своей власти и авторитета Горбачев пытался также предотвратить распад СССР. Было совершенно неясно, как ему сделать и то и другое.

Более того, когда дело дошло до выбора соответствующей всему этому политики, Горбачев испытывал как внутренний конфликт, так и перекрестное давление извне. Цена репрессий

¹¹ Напротив, Д'Агостино утверждает, что этот сдвиг на самом деле был попыткой Горбачева укрепить свою личную власть [D'Agostino 1998: 280–297].

¹² Д'Агостино, например, пишет: «Жесткая линия Горбачева <...> больше не укрепляла его личную власть. Поэтому он сбросил ее, как старое пальто. Действительно, теперь он мог спасти себя только посредством еще одного резкого поворота» [D'Agostino 1998: 297].

была тяжелой. Внутренне он испытывал конфликт между различными ценностями и неопределенность; внешне он опасался реакции западных правительств, если прибегнет к репрессиям.

Горбачев выразил свое отвращение к применению силы («не стрелять») еще в 1985 году. Когда в 1990–1991 годах это стало препятствовать как сохранению его политического авторитета, так и его возможности сдерживать поляризацию, Горбачев был вынужден выбрать между важными для него ценностями. Его двойственное отношение могло выразиться в том, что репрессии в Прибалтике были ограниченными как по размаху, так и по продолжительности. Отдал Горбачев приказ войскам атаковать Вильнюс и Ригу или нет, но он создал для таких репрессий благоприятный политический контекст и тем не менее предотвратил их эскалацию до такой степени, чтобы они могли оказаться эффективны для устрашения сепаратистских сил.

На Горбачева также оказывалось перекрестное давление, поскольку цена репрессий оказалась бы ощутимой и в международных отношениях. Репрессивная стратегия могла привести к суровому осуждению Горбачева со стороны правительств, на экономическую помощь которых он больше всего рассчитывал. Ему также требовалась добрая воля этих правительств, чтобы иметь возможность продемонстрировать внутри страны, что он остается незаменимым связующим звеном с международным сообществом, которое, как надеялись многие советские граждане, окажет материальную помощь и создаст в их обездоленной стране психологический комфорт. Репрессии также могли привести к его осуждению политическими лидерами за рубежом, которых он очень уважал. В самом деле, возможно, не будет преувеличением сказать, что Горбачев нашел для себя на международной арене примеры для подражания (Джордж Буш, Маргарет Тэтчер, Фелипе Гонсалес, лидеры Коммунистической партии Италии), чье мнение о себе он очень ценил, независимо от их способности причинить ему вред.

Таким образом, возвращение Горбачева к поддержке радикалов в федеральной политике в апреле 1991 года, по всей видимости, было реакцией на тот факт, что его поддержка консерваторов

практически не дала результатов — как с идеальной, так и с материальной точки зрения. Радикалами, в отличие от консерваторов, были мобилизованы общественные силы, и они казались восприимчивыми к идее заключения договора, который, по крайней мере на бумаге, сохранял бы какое-то единство между республиками СССР. У консерваторов оставалась только угроза репрессий, со всеми психологическими, политическими и материальными издержками, которые она могла повлечь за собой как в стране, так и за рубежом. Стоило еще раз попытаться вернуться к обсуждению договора.

Все это помогает понять одну из самых необычных особенностей 1991 года: примирение Горбачева с крахом государства, которому он служил всю свою жизнь. Как мы видели, для него это не было предпочтительным исходом. Он постоянно боролся в течение 1990 и 1991 годов за то, чтобы предотвратить это, разрываясь между *принятием и сдерживанием* коллапса посредством поддержания конфедеративной формулы, которая, как он опасался, не сработает, и *предотвращением* распада страны путем широкомасштабного и кровавого подавления сил сепаратистов. Он оказался между молотом и наковальней и поочередно лавировал в обоих направлениях, не переходя полностью ни в одну из крайностей. Даже когда он в июле 1991 года согласился с формулой конфедерации, он выразил свою неуверенность, намекая коллегам на необходимость чрезвычайного режима. Он так и не разрешил для себя эту амбивалентность.

Таким образом, зигзаги Горбачева в 1990–1991 годах стали результатом сочетания трех вещей: 1) потери самообладания, по мере того как он последовательно наблюдал за потенциальными издержками каждой политической крайности; 2) заблуждения относительно того, что он преуспеев в примирении своих противоречивых личных и политических целей; и 3) попыток изменить свою позицию, чтобы поддержать авторитет и восстановить доверие «здоровых сил» различных убеждений. Как выяснилось, доля умеренных все сокращалась среди мобилизованных и уверенных в себе сил в советской политике и обществе. Горбачев больше не мог позиционировать себя как связующее звено между правыми

и левыми. Уровень поляризации достиг такой точки, где маятниковая стратегия Горбачева только подчеркивала обоим сторонам тот факт, что он перестал быть незаменимым лидером. После неудавшегося путча августа 1991 года Горбачев действительно оказался в положении проигравшего. Если бы он осенью 1991 года захотел применить силу, чтобы предотвратить распад Советского Союза, у него было бы мало сторонников. Все, что ему оставалось сделать, — это согласиться на принудительную отставку.

Ельцин, 1985–1991

В период правления Горбачева Ельцин выглядит поистине грандиозной фигурой. Заманчиво объяснять его поведение в 1985–1991 годах исключительно его личностными качествами: стремлением к риску, необычайной силой воли, страстью к борьбе и необычным «чутьем», интуитивным пониманием того, как следует общаться с массами после того, как в 1988 году публичная политика стала реальным фактом. Действительно, личностные черты и правда в значительной степени могут объяснить многие решения, принятые Ельциным. Без этих черт характера трудно представить, чтобы секретарь областного комитета партии и кандидат в члены Политбюро так реагировал на разочарование, как Ельцин в 1987 году. Трудно также представить себе кого-то другого, кто демонстративно нарушил бы регламент партийной конференции в июне 1988 года и пробился на трибуну. Личность также объясняет решение добиваться в Москве на первый взгляд тяжелой победы на парламентских выборах в марте 1989 года, а не той легкой победы, которая дождалась его в Свердловске. Личные качества Ельцина также оказались необходимы для того, чтобы бросить вызов Горбачеву в 1989–1991 годах, занять пост председателя Верховного Совета РСФСР в мае 1990 года, создать пост президента России и затем победно вступить на этот пост в июне 1991 года, отразить августовский путч в 1991 году и пережить распад СССР в декабре 1991 года. Более того, риторический стиль Ельцина — и его интуиция, помогающая в выборе слов,

способов выразаться и действовать, которые находили отклик у массовой аудитории, — хорошо объясняют его успехи в публичной политической игре на протяжении 1988–1991 годов¹³.

Личные убеждения Ельцина также были достаточно необычными для члена советского руководства того времени, так что, наряду с его своевольным характером, они подкрепляют идиосинкразические объяснения его поступков. У многих чиновников «штурмовщинный» менталитет сочетался со склонностью к чистке коррумпированных кадров; каждая из этих черт имеет глубокие корни в советской политической традиции. Многие чиновники понимали также, что для обхода бюрократических ограничений на изменения необходима «популистская» стратегия. Реже встречалось сочетание популизма и эгалитаризма, когда привилегии элиты рассматривались как несправедливые и препятствующие прогрессу. Хрущев и Ельцин были в этом похожи: изначально оба определяли проблему бюрократической коррупции дискретно, как «кадровую проблему»: удалите коррумпированных, замените их «здоровыми» кадрами — и система заработает. Но по мере того, как их ответственность за результативность росла, а разочарование углублялось, каждый из них переходил к системной критике. Безусловно, оба обладали личными качествами, необходимыми для движения в этом опасном направлении: нетерпеливостью в стремлении к результатам и политическим мужеством.

Если признать, что личность и убеждения Ельцина были решающими детерминантами его поведения в 1985–1991 годах, стоит ли вообще говорить о вкладе советской идеологии, настроении общественного мнения, политике, общественных силах и международных факторах в объяснение его поведения и выбора им политической стратегии? Вероятно, в некоторой степени эти факторы поспособствовали такому поведению и санкционировали его, но они не были решающими. Позвольте мне обратиться к ним по очереди.

¹³ Журналисты «London Times» после интервью с Ельциным в 1990 году с восхищением писали о «его инстинктивном восприятии важного компонента политики: доверия улицы». Цит. по: [Aron 2000: 364].

Советская идеология. В марксистско-ленинскую идеологическую традицию включалось эгалитарное видение («государство рабочих»; «каждому по потребностям»; «вся власть Советам»; «бесклассовое общество»), подпитывавшее самосознание как Хрущева, так и Ельцина и придававшее им уверенность в собственной правоте в их атаках на привилегии номенклатуры. Эти черты марксистско-ленинской традиции позволили Ельцину в 1985–1987 годах представлять себя лидером борьбы за «социальную справедливость» и заявлять, что он действует в полном соответствии с ленинской традицией. Таким образом, многогранная, внутренне противоречивая идеологическая традиция способствовала формулированию политических стратегий Ельцина на протяжении 23 месяцев его работы в качестве главы московского горкома и помогла их осуществлению, но не эффективности.

После 1988 года традиционная советская идеология все меньше и меньше влияла на решения Ельцина, разве что в негативном отношении; она представляла собой набор доктрин, которые Ельцин быстро отвергал. Он в это время находился в поисках альтернативной идеологии, которая позволила бы ему объяснить свое разочарование и помогла развернуть общественную борьбу за идеи. В этих поисках ему помогали такие либеральные демократы, как Сахаров и другие радикалы со Съезда народных депутатов. Пересмотр его взглядов ускорился, когда он в сентябре 1989 года убедился воочию в изобилии, обеспечиваемом американским капитализмом. К 1990 году Ельцин перешел к либерально-демократической, а затем рыночно-демократической риторике. Советская идеология после 1988 года играла для него причинную роль только в определении нежелательного «другого», против которого он мобилизовал, поощрял растущие общественные силы или вступал с ними в союз.

Климат мнений. Атмосфера мнений в советском истеблишменте в 1985–1987 годах также могла повлиять на некоторые решения Ельцина того времени. С одной стороны, широко распространенное стремление «заставить страну снова двигаться вперед» привело его к мысли, что радикальные меры в этом направлении следует считать допустимыми (и даже желательными).

ми)¹⁴. Поскольку во время своего руководства московским горкомом он нес ответственность за достижение результатов, понимание атмосферы общественного мнения политически усиливало его природное нетерпение. С другой стороны, смешанное и неоднозначное содержание преобладающего климата мнений и его стремление найти способ заставить систему работать, не угрожая самому ее существованию, усиливало разочарование Ельцина в низких темпах перемен. Горбачев в такой же неоднозначной обстановке изначально создал себе имидж ответственного реформатора. В том же климате Ельцин терял терпение и казался безответственным.

Политическая организация и политическая конкуренция. Политика также являлась независимым причинным фактором в нескольких аспектах. Политическая организация режима в 1985–1987 годах все еще была сильно ограничена. Разочарование Ельцина в попытках «расчистить» московскую политику в то время стало до некоторой степени результатом круговой поруки и взаимной поддержки чиновников центрального и московского партаппарата. Решение Ельцина уйти в отставку было во многом продиктовано признанием того, что при таком режиме он может стать козлом отпущения за свою неспособность изменить Москву. Его личность и убеждения, возможно, послужили причиной его обращения в ЦК в 1987 году, но политическая организация объясняет как источник его разочарования, так и ту легкость, с которой он потерпел поражение.

Политическая организация изменилась после 1987 года в результате горбачевских реформ, позволивших политике стать еще более весомой причинной силой, хотя и в ином плане. Изменились определения «политики» и «политической организации». Тот факт, что политическая конкуренция теперь стала публичной, увеличил возможности для политической игры с высокими ставками, позволив темпу политической поляризации в общест-

¹⁴ Напомним, что на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 года, где Ельцин выступил с довольно радикальной речью, он объяснил свою неспособность сделать это пятью годами ранее (при Брежнев) тем, что в то время ему не хватало политической смелости.

ве, а не только внутри истеблишмента, определять ниши, которые политики могли стремиться занять. Более того, открывая новые возможности для политической конкуренции, Горбачев, намеренно или нет, позволил своему собственному этапу нахождения на вершине стать, по сути, новым этапом политической борьбы за преемственность. Его реформы предоставили контрэлитам возможность апеллировать к только что сформировавшимся группам сторонников и тем самым по-настоящему бороться за голоса граждан. Ни один из предыдущих партийных лидеров не использовал свою стадию господства таким образом. В результате факт публичной политической конкуренции и поляризующие эффекты этого процесса в контексте системных преобразований создали постоянно расширяющееся поле возможностей для Ельцина и других политиков. Решение Ельцина использовать эти возможности было следствием его личностных качеств и убеждений, но само существование таких возможностей являлось результатом изменившейся структуры политической конкуренции. В этом контексте решения Ельцина периодически повышать ставки в соперничестве с Горбачевым были лишь отчасти выражением его личностных качеств; они также отражали логику публичной политической конкуренции в поляризующемся контексте. Точно так же восприятие Ельциным альтернативной либерально-демократической и рыночно-демократической идеологии ускорилось из-за усиленной борьбы за идеи, поощряемой публичной политической конкуренцией.

Общественные силы. Решения Ельцина 1985–1988 годов не были продиктованы какими-то попытками утнаться за радикализирующимися общественными силами; он в то время их опережал¹⁵.

¹⁵ С первых дней своего пребывания на посту первого секретаря московского горкома Ельцин предсказывал социальную и политическую нестабильность, если власти не изменят своего пути и не улучшат ситуацию с потреблением. Он мог искренне полагать, что расплата придет в будущем, но в 1985–1988 годах он не реагировал на конкретные проявления или вспышки общественного недовольства. Во всяком случае, он пытался побудить людей выражать свое недовольство; это для него было способом давления на чиновников или оправданием чистки этих чиновников.

Однако в 1989–1991 годах баланс между лидером и автономными радикализирующимися общественными силами сильно изменился. Некоторые действия Ельцина в этот период были ответом на внезапные всплески массового неповиновения, которых он не ожидал: забастовки шахтеров в 1989 году и радикализация требований об автономии или независимости в прибалтийских республиках. Во многих случаях Ельцин в 1988–1989 годах играл на опережение (см. главу шестую), а его поступки воодушевляли радикальные силы мобилизоваться и выразить свое мнение без боязни. Ельцин стал центром внимания общественных активистов, которые рассматривали его политическое возрождение как верный признак того, что ненасильственные революционные изменения действительно возможны. Более того, реакция Ельцина на непредвиденные вспышки общественного недовольства — в отличие от Горбачева в 1990–1991 годах — обычно заключалась в том, чтобы поддержать и одобрить их, тем самым побуждая их на продолжение своего неповиновения Кремлю.

Общественные силы и политическая конкуренция были вспомогательными, а не определяющими факторами поведения Ельцина. Большинство других политиков того времени, не обладающих чертами характера и убеждениями Ельцина, вели бы себя в ответ на открывшиеся возможности совершенно иначе.

Международные факторы. На решения Ельцина в 1985–1991 годах лишь минимально или косвенно повлияли факторы международной обстановки. На нем, конечно, косвенно сказался упадок советской экономики по сравнению с ее капиталистическими конкурентами. Однако, судя по его воспоминаниям и заявлениям того времени, Ельцин уделял международному контексту не больше внимания, чем секретари других региональных парторганизаций. Действительно, в 1976–1985 годах Горбачев как сторонник реформ был более внимателен к международным факторам, чем Ельцин. Во время своего пребывания на посту первого секретаря московского горкома (1985–1987) Ельцин проявлял очень мало интереса к международному контексту советской политики.

Во время его политического возрождения в 1988–1989 годах и затем вновь во время его прямого соперничества с Горбачевым в 1990–1991 годах сравнения с другими странами стали у Ельцина более заметными. В своих поисках мировоззрения, способного прийти на смену ленинизму, он пришел к альтернативе — рыночной демократии и либерализму, — которые идеологически преобладали в мировой системе во второй половине 1980-х годов. Говоря более конкретно, посещение супермаркета в Хьюстоне в 1990 году, по его словам, стало для него травмирующим опытом; это привело его к выводу, что социализм — несбыточная мечта и что капитализм, вероятно, — единственный реальный путь к процветанию. При этом в руководстве и вокруг него было много других политических деятелей, уже сделавших подобные выводы. Таким образом, гегемония рыночной демократии на международном уровне стала фактором, который повлиял на всех, кто отвергал ленинизм, и подвиг их рассматривать либерализм как единственно возможную альтернативу. Однако, учитывая его политическое соперничество с Горбачевым, Ельцин переиграл бы Горбачева в направлении антисистемных действий независимо от того, имелась ли серьезная международная альтернатива существующему строю. В публичной политической риторике Ельцина 1989–1990 годов слишком мало ссылок на соображения международного порядка, чтобы утверждать обратное.

Что касается непосредственного международного давления, то оно еще меньше влияло на политические решения Ельцина. Действительно, в 1989–1990 годах он был сильно разочарован, что западные правительства отказываются признать его законным политическим лидером СССР. Соединенные Штаты и их западноевропейские союзники в то время пытались заручиться поддержкой Горбачева и считали Ельцина неудобной персоной, если не нарушителем спокойствия. Еще осенью 1991 года президент Буш пытался предотвратить формальный распад Советского Союза. Фундаментальный политический выбор Ельцина в 1989–1991 годах был в основном сделан вопреки, а не в ответ на прямое давление со стороны международных игроков.

Ельцин, 1991–1993

Осень 1991 года обычно считается поворотным моментом в советской и российской истории. Это был звездный час Ельцина и начало этапа его политического господства. Уровень его харизматического авторитета поднялся до новых высот в августе 1991 года, и он воспользовался этим моментом, чтобы начать разработку всеобъемлющей программы по преодолению унаследованного им развала и для создания основ нового порядка. Нарастающий экономический кризис в стране, центробежные силы в республиках и дальнейшая дезинтеграция государственных институтов являлись косвенными факторами, которые привлекли внимание Ельцина, но пока не заставили его реагировать. Кроме того, организованные общественные и политические силы в России оказались бессильны заставить его реагировать так, как им того хотелось. Игроки на международной арене практически не повлияли на политический выбор Ельцина, но повлияли на его решения по экономической реформе. В целом осенью 1991 года у Ельцина были как никогда развязаны руки. Он имел возможность выбрать для себя опции реагирования на кризис. Соответственно, его личность и убеждения стали определяющими факторами его выбора. Его решение добиваться права на руководство посредством указов, его сопротивление созданию президентской политической партии и решение дистанцироваться от демократических сил — выбор, который ему никто не навязывал. Выбор этот отражал его личные предпочтения.

Решения Ельцина относительно экономической реформы были сформированы под влиянием более широкой комбинации сил и обстоятельств. Чтобы получить контроль над распадающейся экономикой, необходимо было что-то делать. Неолиберальные советники (как российские, так и иностранные) при поддержке международных финансовых институтов решительно настаивали на определенном курсе действий; российские экономисты предлагали в том числе и другие варианты. Восприимчивость Ельцина к советам неолибералов еще нуждается в объяснении.

Эта восприимчивость отражала его социализацию в советской системе и личностные качества, которые привели его к исполнению роли «штурмовика» в этой системе. Учитывая свидетельства его воспоминаний, а также тех, кто на него работал (см. главу седьмую), мы можем понять, почему Ельцину в то время импонировала «шоковая терапия». Его привлекла революционная стратегия по устранению препятствий на пути построения новой социально-экономической системы — стратегия, контрастировавшая с «полумерами», за которые он критиковал Горбачева. «Шоковая терапия» в восприятии Ельцина напоминала широко-масштабную кампанию по преобразованию общества — болезненное, но необходимое лекарство от летаргии для российских граждан; она напоминала культурную революцию. Требовалось, чтобы все граждане решились преодолеть свою лень; в противном случае им грозили суровые тяготы и лишения. Ставка была сделана на молодежь.

Эти предпочтения были чем-то большим, чем просто выражением личностных качеств Ельцина. Они были укоренены в марксистско-ленинской традиции — миссионерской, прогрессивной и оптимистичной. Сталин, Хрущев и Горбачев стремились преобразовать общество, видоизменив «человеческий фактор» (или реализовав его потенциал) и открыто обращаясь к молодому поколению. Они тоже начали общенациональную мобилизацию с целью построения не имеющего прецедентов общественного порядка. Действительно, Ельцин оправдывал свою экономическую революцию с помощью понятий, поразительно похожих на те, к которым прибегали его предшественники. По мнению Хэнсона, Ельцин подражал марксистско-ленинскому «преодолению исторических барьеров» [Hanson 1997], в этом конкретном и узком смысле не отличаясь от Сталина, Хрущева или Горбачева. Несмотря на то что Ельцин публично отрекался от марксизма-ленинизма, кое-что от этого образа мышления у него оставалось. «Строительство капитализма» при Ельцине отвергало социалистическое содержание, однако оно имитировало тот подход к «первоначальному накоплению капитала», который отличал как ранний капитализм, так и строительство социализма в СССР.

Хотя организованные общественно-политические силы внутри России не вынуждали Ельцина принять именно эту экономическую стратегию, международное воздействие в реальности оказало серьезное влияние на сделанный им выбор. К косвенным международным влияниям можно отнести воцарившийся после окончания холодной войны дух времени, сопряженный с торжеством рыночной демократии и необычайной привлекательностью «западной цивилизации» как модели для подражания и спасения от краха. Такое косвенное влияние осуществлялось независимо от политики западных правительств и международных финансовых институтов; но свою роль сыграло также и прямое давление из-за границы. Финансы России были в ужасающем состоянии, и правительства западных стран обещали крупномасштабную помощь, если она примет догматы Международного валютного фонда. Следовательно, хотя Ельцин в силу своих личных качеств и своих убеждений был предрасположен к принятию революционной экономической стратегии, он также осознавал, что в этом направлении его подталкивают «кнут и пряник» из-за рубежа. Возможно, он чувствовал себя пленником обстоятельств. Другие политические деятели, включая Горбачева до него, не шли на уступки западным советникам. Вместо того чтобы рассматривать Ельцина как лидера, которого Запад заставил выполнять свои приказы, нам следует видеть в нем человека, личность и убеждения которого предрасположили его к согласию с доводами Запада. «Штурмовик» счел «шоковую терапию» подходящим лекарством от болезней своей страны¹⁶.

Тем не менее начиная с весны 1992 года «штурмовик» стал сдавать назад. Социальные, экономические, психологические и международные издержки его прорывной стратегии начали накапливаться. Гиперинфляция, массовое обнищание, коллапс производства внутри страны и продолжающееся отступление за

¹⁶ Напротив, Джерри Хаф уверен, что Ельцин выбрал «шоковую терапию», потому что она наиболее соответствовала его цели быстрого достижения независимости России от СССР [Hough 2001: 129].

границей — все это привело к мобилизации антиельцинских настроений среди интеллигенции, в корпусе управленцев и на Съезде народных депутатов. Российский народ в основном безмолвствовал в своих страданиях, но апокалиптические прогнозы о том, что его терпение скоро лопнет, появлялись в бесчисленных газетных статьях и звучали в публичных выступлениях видных деятелей. Настал момент, когда Ельцин должен был решить, продолжать ли ему свою программу в полном объеме или вместо этого модифицировать и умерить ее. Он мог бы настоять на своем: у него была власть сделать это, а западные правительства и международные организации обещали вознаградить за это Россию, но он решил внести в свой курс коррективы.

Чем объяснить этот сдвиг? Возможно идиосинкразическое объяснение: Ельцин, «штурмовик» советского типа, был также неоленинистом, понимающим необходимость консолидации достижений после первоначального удара. Согласно такой интерпретации, Ельцин проявил политическое благоразумие не потому, что был вынужден это сделать, а скорее потому, что предвидел или опасался последствий того, что случится, если он этого не сделает. Продолжим аргументацию следующим образом.

Оказавшись в авангарде революции, свергнувшей коммунизм и разрушившей СССР, и сразу после этого выступив за революционный подход к «построению капитализма», Ельцин считал благоразумным не испытывать удачу. Он не знал, в какой момент может иссякнуть народное терпение¹⁷. Он знал, как пришел к власти, и знал, что помог уничтожить Горбачева политически, перебив его ставки в борьбе за лояльность пробудившегося простого народа. Он также знал, что реакционные силы пытаются применить против него ту же стратегию. Он не хотел отправлять умеренных в объятия своих противников в Верховном Совете; он также не хотел укреплять доверие населения к коммунистам и шовинистам. Он не хотел остаться уязвимым для обвинений в том, что не имеет стратегии защиты национальных ин-

¹⁷ Вспомним его настойчивые обещания в ноябре 1991 года, что через полгода ситуация начнет улучшаться (глава седьмая).

тересов России за рубежом или интересов россиян в ближнем зарубежье. Короче говоря, поведение Ельцина было обусловлено представлением о том, что накапливающиеся издержки его революционной стратегии могут превратиться для него в угрозу, если не предпринять коррекцию курса¹⁸. Таким образом (согласно этой интерпретации), организованные политические силы в парламенте, климат мнений в стране и в средствах массовой информации, мольбы директоров страдающих предприятий и политическая незащищенность президентского статуса на фоне слабо институционализированного и плохо поддающегося контролю режима вызвали осторожную реакцию Ельцина. Благоразумие, конечно, не то же самое, что капитуляция. Ельцин не отклонялся от общей траектории своей политики внутри страны и за рубежом; он просто внес поправку в свой курс.

Такое поведение можно также объяснить как акт создания политической коалиции. Это похоже на выборочную реинкорпорацию, к которой прибегали Хрущев и Брежнев (но не Горбачев) на стадии своего господства. Такое объяснение не противоречит только что изложенному, но в нем несколько меньше акцентируются идиосинкразические и идеологические источники поведения Ельцина и больше внимания уделяется политической стратегии и тактике как процессу политического соперничества. С этой точки зрения Ельцин позиционировал себя таким образом, чтобы занять политическую нишу, где он не будет изолирован на крайнем конце внутривнутриполитического спектра: он выбрал позицию, позволявшую доминировать как в «центре», так и в «радикальном крыле» спектра. Его программа оставалась в целом радикальной, поскольку она отвечала стремлению осени 1991 года

¹⁸ Ряд наблюдателей и единомышленников отметили интуитивное предчувствие Ельциным надвигающихся сдвигов в настроениях масс [Попцов 1996: 55, 107, 167, 384; Бурлацкий 1997: 259; Гайдар 1996: 106–107]. Независимо от того, справедливо ли их мнение, видно, что Ельцин принял эти решения, прислушиваясь только к себе, и что он стремился предвидеть реакцию потенциальных противников, делая свой выбор. Более того, в своих вторых мемуарах (опубликованных в начале 1994 года) Ельцин признает корректировку курса и разумно оправдывает ее [Ельцин 1994: 164–167].

к прорыву и не делала никаких уступок ни неперестроившимся коммунистам, которых он в 1991 году победил, ни усиливающимся российским шовинистам и имперским реваншистам¹⁹. Одним из объяснений выборочной реинкорпорации Хрущева и Брежнева была их потребность в создании масштабных коалиций перед лицом политической нестабильности. Ельцин, согласно этой интерпретации, также мог бы рассматривать свой частичный сдвиг в направлении центра как акт политического самострахования в весьма спорном политическом контексте. Даже значительных различий в структуре политики в 1990-х годах (по сравнению с 1950–1970-ми годами) было бы недостаточно, чтобы нивелировать эту общую реакцию на политическую незащищенность лидера²⁰.

Конечно, как и в случае с Хрущевым и Брежневым, выборочная реинкорпорация только увеличила амбициозность всеобъемлющей программы Ельцина, поскольку в ней обещалось достижение

¹⁹ Точно так же Хрущев и Брежнев при разработке своих всеобъемлющих программ отказались от крайне жестких позиций, когда-то сформулированных Молотовым и Шелепиным. Вместо этого они выборочно использовали реформаторские положения, сформулированные Маленковым и Косыгиным.

²⁰ Питер Реддэуэй и Дмитрий Глинский, напротив, утверждают, что Ельцин «перешел к центру» уже весной 1990 года, стремясь к союзу с менеджерами крупных промышленных предприятий и дистанцируясь от экстремистов из «Демократической России» [Reddaway, Glinski 2001: 167–172, 234–235]. Затем авторы пишут, что «шоковая терапия» была основана на коалиции нелибералов и управленческой элиты в ущерб демократам, коммунистам и радикальным националистам. Этот аргумент согласуется с представлением о Ельцине как о человеке, который поднялся до должности председателя Верховного Совета РСФСР (май 1990 года) как оппозиционный экстремист, а затем стремился расширить коалицию, на которой будет основывать свое «правление» в России. Реддэуэй и Глинский предлагают то, что равносильно политической интерпретации поведения Ельцина на этапе его господства (то есть поиску политической безопасности). Хотя они не предлагают «поэтапного анализа» правления Ельцина, стоит отметить, что их периодизация стадии политической преемственности и стадии господства не сильно отличается от моей. С другой стороны, Реддэуэй и Глинский [Reddaway, Glinski 2001: 288] также утверждают, что Ельцин продвинулся еще дальше к центру в середине 1992 года и по причинам, аналогичным тем, которые я указал здесь.

новых целей с меньшим отступлением от традиционных понятий и интересов, чем ожидалось ранее. Тем не менее коррекция его курса не повлияла на снижение уровня политической поляризации между законодательной и исполнительной ветвями власти.

Поскольку политический тупик продолжился и в 1993 году, Ельцин решил выйти из него путем конфронтации. Это было решение, принятое им самим, при поддержке советников, но без принуждения со стороны общественных сил, международных игроков или политических императивов. Это был выбор, продиктованный комбинацией его личного реактивного порога, продолжительного разочарования и его изначальной веры в высшее благо персоналистического лидерства. Таким образом, конституция, которую он представил избирателям в декабре 1993 года, стала наиболее четким отражением суперпрезидентского, плебисцитарного и антицентробежного видения политического порядка, за которое он выступал с осени 1991 года.

Ельцин, 1994–1999

Как мы видели, Ельцин был рад принятию своей конституции, но шокирован победой коммунистов и шовинистов на парламентских выборах в декабре 1993 года. Он был разочарован падением своей личной популярности и возмущен объявленной (в феврале 1994 года) амнистией лидерам парламентского сопротивления в октябре 1993 года. В ответ на это разочарование Ельцин стал более замкнутым, авторитарным и патриархальным. Если направленность его стратегии укрепления авторитета в 1991–1993 годах была преобразующей, то направленность его последующей стратегии по поддержанию и возмещению этого авторитета стала консолидирующей.

Почему он так отреагировал? Учитывая то, что нам известно о личности Ельцина, а также акцент на личностных факторах в воспоминаниях его помощников, у нас может возникнуть соблазн приписать эту реакцию исключительно идиосинкразическим факторам. Ельцин, исходя из этих соображений, был

предрасположен к персоналистическому лидерству и патриархальной самооценке. В этом отношении он, как и многие другие аппаратчики этого типа в постсталинскую эпоху, был продуктом советского социализма. Перед лицом разочарования он позволил этой своей особенности доминировать; он вернулся к своим корням.

Хотя такой аргумент определенно правдоподобен, он кажется неполным. В конце концов, личностные качества Ельцина также включали любовь встречать вызовы лицом к лицу и отвращение к застою. Это тоже особенности советского аппаратчика определенного типа. Более того, его самооценка — как и его стратегия укрепления авторитета — основывалась на обещании построить новый политический и экономический порядок, что было в 1994 году еще далеко от завершения.

Альтернативное объяснение возврата Ельцина к более затворническому политическому стилю — политическое, в частности его политическая незащищенность. Хотя он был публично избран президентом России и пользовался огромным харизматическим авторитетом после августа 1991 года, эти источники политической популярности — ненадежные активы. В период своей борьбы с Верховным Советом в 1992–1993 годах он никогда не мог быть уверен, что его не снимут с должности силой; неудавшийся путч 1991 года был совсем недавним воспоминанием. В октябре 1993 года Ельцину было нелегко заручиться армейской поддержкой для атаки на парламент; многие военные отказывались выполнять его приказы. Он никогда не мог быть уверен, что его окружение в администрации посвятило себя реализации заявленной им политики; в одном из воспоминаний фактически утверждается, что парламент, по мнению Ельцина, объявил амнистию его политическим противникам только в результате халатности или вероломства его собственных сотрудников [Костиков 1997: 286–287, 299–300]. Следовательно, даже если он еще не был склонен подозревать всех (а он был), обстоятельства подтолкнули Ельцина к усилению требований подтверждения личной лояльности, к привычке постоянно проверять личную преданность соратников и назначенцев, к более выраженному

стремлению показать всем, кто здесь главный. Одновременно он испытывал потребность обеспечить свою личную безопасность, завязывая все более близкие личные отношения с министром обороны Грачевым и своими телохранителями. Кроме того, он решил, что разделенное правительство просто не работает²¹.

Таким образом, политическая неопределенность оставалась постоянным фактором на протяжении всех лет его пребывания на посту президента России, тогда как политическая уверенность в себе, власть и авторитет — факторами переменными. По мере того как падала вера Ельцина в собственную способность решать проблемы страны, мобилизовывать массы, контролировать силовые министерства и поддерживать свою власть и авторитет как эффективного лидера, его затворнический авторитаризм повышался. Конституция могла наделить президента огромными формальными полномочиями, но Россия была молодой республикой. Ельцину по-прежнему приходилось постоянно беспокоиться о том, не станет ли он жертвой неконституционных действий. Будучи избран в 1991 году на пятилетний срок, он не мог оставаться уверен в том, что, несмотря на резкое падение его популярности в массах, силы внутри политического истеблишмента не будут стремиться отстранить его от должности до окончания срока. И он не мог считать чем-то само собой разумеющимся, что электорат дарует ему второй срок на выборах, назначенных на июнь 1996 года.

Как указывалось в главе девятой, ощущение политической незащищенности Ельцина в 1994 году во многом повлияло на его решение вторгнуться в Чечню в конце того же года. В более широком смысле реакция Ельцина на разочарование после 1993 года заключалась в стремлении консолидировать систему, которую он начал строить, а не завершить ее строительство. Он позиционировал себя как человека, который никогда не допустит распада России. Помимо обеспечения территориальной целост-

²¹ По последнему пункту см. [Ельцин 1994: 245], где он (написано в начале 1994 года) заявляет о своем разочаровании в разделении полномочий между ветвями власти.

ности, Ельцин определял свою главную роль как гаранта против коммунистической или реваншистской реставрации, что привело его к формированию коалиции заинтересованных групп, куда вошли умеренные и те, кого он называл «реформаторами». Он закрывал глаза на рост коррупции в своей администрации. Он одобрил проведение в 1995 году приватизации по схеме залоговых аукционов, в результате чего образовался небольшой класс могущественных магнатов, которые будут бороться против восстановления коммунизма и претендовать на свою долю по итогам переизбрания Ельцина. Он заигрывал с идеей отмены президентских выборов 1996 года и запрета Коммунистической партии Российской Федерации. Безусловно, он продолжал сотрудничать с США и Западной Европой, старался интегрировать Россию в западные международные институты и получать от Запада займы и кредиты. Однако эти цели все чаще рассматривались им как предварительные условия для успешной консолидации нового порядка внутри страны, как гарантии против нестабильности, способной привести к коммунистическому реваншу, и как подтверждение его незаменимости в качестве лидера, который благодаря своим отношениям с западными лидерами может осыпать страну благами.

Решение Ельцина отреагировать таким образом на свои разочарования не было продиктовано политической «необходимостью». После 1993 года не существовало комбинации политических сил, которые толкали бы его на этот путь. Ни Дума, ни общественные организации не имели возможности ни принудить Ельцина принять консолидирующую стратегию, ни помешать ему придерживаться более радикального политического курса. Дума была более послушной организацией, чем Съезд народных депутатов, отчасти в результате принудительного роспуска последнего, а отчасти из-за новых правил игры, продиктованных конституцией декабря 1993 года [McFaul 2001, chs. 6–7]. Общественные организации, хотя и многочисленные, были менее сильны, чем в 1990–1991 годах, в результате спада революционной волны, восстановления некоторых политических ограничений и обнищания большей части общества из-за шоковой терапии [Urban

et al. 1997, part IV]. Зарубежные правительства не подталкивали Ельцина в этом направлении, хотя и полагали, что его пребывание у власти является неизбежной альтернативой коммунистической реставрации.

Итак, у Ельцина была возможность проводить иную политику. Он мог бы настаивать на радикализации, как это в конце концов стали делать Горбачев и Хрущев, но для этого ему не хватало желаний, энергии, здоровья и достаточной политической самоуверенности. Вместо этого он попытался управлять незавершенной системой, которую построил, укреплять свою власть и подавать себя как человека, долголетие которого является гарантией, что коммунисты никогда не смогут разрушить основы этой системы.

Ельцин, кроме того, стал жертвой ограничений, созданию которых сам и способствовал; в результате ему не хватало многих инструментов для завершения здания, строительство которого он начал. Он оказывался все более обременен результатами своих же решений, что часто парализовало разработку политики. В этом отношении он частично стал жертвой собственного успеха в деле разрушения коммунистической системы, поскольку он правил как президент, не обладая преимуществами наличия сформировавшегося аппарата чиновников для организации входящего потока информации и для исполнения своих запросов. Даже здоровый лидер был бы этим обременен, но Ельцин не был здоров: у него было слабое сердце, он страдал из-за последствий болезненной травмы спины, полученной в Испании в 1990 году, от алкогольной зависимости, принимал лекарства, которые усугубляли маниакально-депрессивные с виду перепады настроения. Со временем, по словам его пресс-секретаря, перегрузка, связанная с необходимостью постоянно что-то решать, нанесла еще больший урон, и Ельцин начал уклоняться от работы с документами, встреч и (все чаще) решений²². Более того,

²² Костиков вспоминает: «Приходя в нему в кабинет, я нередко заставал его за пустым столом в глубокой и грустной задумчивости. Он точно бы скучал по своей прежней роли “директора Всея Руси”. И было впечатление, что Ельцин

учитывая его политическую незащищенность, Ельцин сопротивлялся неизбежному — тому, чтобы делегировать другим больше ответственности за принятие решений, — возможно, опасаясь ослабления своего авторитета или кристаллизации угроз своей власти²³.

Упор Ельцина на консолидацию, а не на продолжение преобразований (например, установление верховенства закона), подкреплялся его фатальной убежденностью в невозможности реформировать российскую бюрократию. В своих вторых воспоминаниях, где он размышляет об уроках своего пребывания у власти, Ельцин пишет, что российская бюрократия — это болото, от которого нельзя ожидать большой пользы; и русской бюрократии, и русскому народу нужна «сильная рука», чтобы отвлечь их от косности и нигилизма. Единая сильная власть важнее верховенства закона: «Вообще у нас в России очень не любят выполнять всякие правила, законы, инструкции, указания, в общем, соблюдать какой-то заранее установленный регламент. Непунктуальный мы народ, и регламент для нас — острый нож» [Ельцин 1994: 145–146]. Лидер нужен всегда: «Главный парадокс России заключался в том, что ее государственная система давно брела сама собой, по большому счету, ею никто не управлял. По-настоящему властного лидера в России давно уже не было». Люди разучились делать что-либо самостоятельно. По его словам, прежде чем что-то изменится, пройдет два-три президентских

растерялся перед масштабом деяний, которые он сам определил для себя в Конституции» [Костиков 1997: 306–307]. Костиков также сообщает, что на протяжении всего своего пребывания в должности президента Ельцин постоянно испытывал физические страдания от различных недомоганий, включая серьезную боль в спине и ноге [Костиков 1997: 196]. Это наблюдение подтверждает и Коржаков в [Коржаков 1997: 202].

²³ Коржаков сообщает, что осенью 1993 года премьер-министр Черномырдин пытался убедить Ельцина наделить его большей ответственностью и обязанностями с целью снизить нагрузки на президента. Ельцин, по словам Коржакова, отнесся к этому с большим подозрением, опасаясь, что Черномырдин, возможно, стремится к большей формальной власти или планирует составить ему конкуренцию на выборах в 1996 году [Коржаков 1997: 310].

срока [Ельцин 1994: 11, 13, 24–25]. В этих воспоминаниях Ельцин очень редко говорит о верховенстве закона, а если и говорит, то это либо ритуальные заклинания, либо недоумение относительно того, как добиться подотчетности российской бюрократии: «...должен быть один ограничитель — закон. Другое дело, что приравниваются к новому правоохранительные органы медленно, плохо. Но это типично русский стиль» [Ельцин 1994: 154].

Фатализмом в отношении «системы», которой он руководил, также можно объяснить то, что он все чаще обращал внимание на рост коррупции в своем правительстве. Это любопытная особенность ельцинского президентства. Мало кто из исследователей верит, что Ельцин занимал свой пост в основном ради личной материальной выгоды. В Свердловске он не был коррумпирован, вел кампании против коррупции и привилегий. Фактически его продвинули на должность в Москве именно потому, что он был «чист» и зарекомендовал себя как борец с коррупцией. Будучи в 1985–1987 годах первым секретарем московского горкома, он прославился своими антикоррупционными кампаниями и критикой формальных привилегий номенклатуры. Тем не менее, несмотря на регулярные речи уже в качестве президента о необходимости искоренить коррупцию, есть сведения, что он все чаще избегал расследований в связи с сигналами о коррупции в своей собственной администрации [Стрелецкий 1998: 155–156; Костиков 1997: 216]. Тем, что он смирился с невозможностью переделать российскую бюрократию и заставить россиян вести себя по закону и по правилам, можно также объяснить и его неспособность бороться с коррупцией. Разочарование, явная усталость и отсутствие идей о том, как справиться с коррупцией без дальнейшего увеличения своей политической уязвимости, могли в совокупности удерживать его от решения этой задачи.

Есть и другие, не менее правдоподобные объяснения. Во-первых, возможно, что для Ельцина борьба с коррупцией была только средством прихода к власти, и он отказался от нее, став президентом России. Второе состоит в том, что Ельцин на самом деле стремился коррумпировать всех в своем окружении, чтобы сохранить их лояльность и зависимость от него в плане полити-

ческой защиты от преследования²⁴. Третье объяснение заключается в том, что Ельцин не мог бороться с коррупцией, не нанося вреда своей семье, и особенно дочерям с их мужьями. Хотя данных о личной коррупции Ельцина после 1994 года мало, свидетельств растущей коррупции в семьях его детей с 1994 года достаточно много [Reddaway, Glinski 2001, ch. 8]. В частности, бизнес-магнат Березовский, похоже, опутал семью Ельцина сетями незаконных сделок и незаконных связей, о чем Ельцину, возможно, было известно. Это повысило для Ельцина цену борьбы с коррупцией в его ближайшем кругу.

Какое бы объяснение ни являлось правильным (а они не исключают друг друга), в конечном итоге — по психологическим, физическим, политическим или личным причинам — Ельцин боролся с коррупцией только на словах. Это соответствовало его общей позиции в отношении трансформационных изменений в период после 1993 года.

Тем не менее, даже делая в 1994–1999 годах акцент на стабильности и консолидации, Ельцин периодически вел себя так, как если бы ему было важно продемонстрировать свою способность продвигать историю вперед, к завершению капиталистического проекта. Периодически (1995, 1997, 1998 годы) он внезапно выходил из своего уединения, увольнял или понижал в должности членов своего правительства и назначал министров — Немцова, Кириенко и Степашина — молодых, независимых от олигархов и склонных строить государство, основанное на рыночном регулировании. Он поручил им преодолеть помехи на пути построения капиталистического общества (см. главу десятую). Невозможно определить, действительно ли Ельцин верил в то, что говорил. Возможно, это был его способ убедить себя, что он не поддался брежневскому застою. Возможно, это был его способ убедить других, как дома, так и за рубежом, что он еще сохраняет политическую силу. Возможно, это был способ убедить Международный валютный фонд, что он не будет тратить впустую его деньги. Или же это могла быть простая стратегия сохра-

²⁴ Этот аргумент приводит Джерри Хаф [Hough 2001].

нения власти: постоянно выводить всех чиновников из равновесия и вводить во власть молодых людей, не имевших статуса или связей, которые позволили бы им угрожать его авторитету. Только когда Ельцин стал искренне опасаться, что он или члены его семьи могут быть привлечены к ответственности после его ухода с должности, он отказался от претензий на осуществление реформаторских прорывов. Даже тогда, оглядываясь назад, он пытался убедить читателей своих последних мемуаров, что главная цель увольнения министров в 1998–1999 годах заключалась не в самозащите, а в том, чтобы найти человека, способного предотвратить возврат коммунистов к власти [Ельцин 2000б, Р. 24].

Выводы

В главе первой я утверждал, что структурные объяснения лидерского поведения в системах советского типа могут быть эффективны лишь до определенного момента. Эти объяснения подчеркивают сдерживающее влияние политической организации и марксистско-ленинской идеологии на объем свободы потенциального строителя авторитета действовать по своему усмотрению. Однако в рамках этих параметров лидеры могут разрабатывать различные стратегии укрепления авторитета.

Структурные объяснения решений лидеров становятся еще менее убедительными в ситуации прихода к власти Горбачева, и особенно после того, как он консолидировал власть и начал реализовывать свою всеобъемлющую программу. После 1986 года личностные качества и убеждения отдельных лидеров начинают играть все более определяющую роль в принимаемых ими решениях. Безусловно, многие из их личных убеждений уходят корнями в советскую идеологическую традицию, а их стили руководства отражают стиль работы аппаратчиков постсталинских поколений региональных партийных чиновников. Следовательно, мое внимание к присущим только им факторам не означает, что Горбачев или Ельцин были генетическими мутантами или

инопланетянами, которым каким-то образом удалось захватить власть в советской системе. Ни в коем случае. Фактически концепция построения и поддержания авторитета, использованная в этой книге, заставляет нас обратить внимание как раз на противоположное: исследуются способы, с помощью которых лидеры привлекают политическую аудиторию, а затем используют это для укрепления своего авторитета и, следовательно, своего влияния в качестве лидеров.

Если признать, что несколько различных призывов могут найти отклик у одной и той же аудитории, а формирование авторитета также является актом манипулирования аудиторией со стороны лидеров, тогда мы снова возвращаемся к вопросу о том, до какой степени им приходилось изменять структурные ограничения (организационные и идеологические) самой системы. С этой точки зрения Горбачев и Ельцин становились все менее и менее ограниченными, по мере того как в 1980-х годах их усилия по преобразованию советской системы продвигались вперед. После того как организация и идеология советской системы дали трещину, а затем рухнули, личностные качества и менталитет Горбачева и Ельцина стали в гораздо большей степени определять сделанный ими выбор.

Роль все более автономных общественных сил на протяжении 1987–1993 годов также неуклонно возрастала. Горбачев высвободил эти силы, а затем положился на них как на опору для запугивания старой гвардии внутри истеблишмента. К 1989 году уже можно говорить об автономных общественных силах как о факторе, постоянно взаимодействующем с лидерами в сфере изменении контекста советской и постсоветской политики — и о «совместном производстве» их стратегий лидерства. В конечном итоге Горбачев в этом процессе проиграл. Ельцин взял на себя руководство процессом в 1989 году, но его тоже иногда удивляли новые уровни радикального самоутверждения групп в обществе.

К 1993 году радикальная общественная мобилизация утихла или была направлена в область законодательства. В этих обстоятельствах Ельцин выбрал стратегию поддержания авторитета, обращенную к определенной комбинации реформистских и кон-

сервативных сил как в политическом истеблишменте, так и в обществе в целом. К 1996 году он заложил основы новой системы. В некоторой степени эта система налагала структурные ограничения, которые во время второго президентского срока Ельцина могли уменьшать его свободу действий почти в той же степени, в какой сложившаяся советская система уменьшала свободу действий Брежнева в последние годы его правления. Мучительные усилия президента Путина разработать программу существенных изменений, по-видимому, свидетельствуют об устойчивости этих ограничений. Но это тема другой книги.

Глава 12

Критерии оценки трансформационных лидеров

Большая часть этой книги посвящена *анализу* политических стратегий Горбачева и Ельцина. Однако в главах девятой и одиннадцатой рассматривалась проблема *объяснения* их выбора. Остается обратиться к еще одному дополнительному параметру, имеющему ключевое значение для изучения лидерства: критериям его *оценки*. Исходя из чего следует оценивать Горбачева и Ельцина как лидеров? Это, безусловно, наиболее сложная задача, поскольку она включает две других. Прежде чем оценить эффективность их лидерства, следует определить, что именно они пытались сделать, и указать, какой степенью свободы они обладали для достижения этих целей. Мы должны прибегнуть к альтернативным рассуждениям («что было бы, если бы»), чтобы ответить, привели ли их действия к результатам, которых не было бы в отсутствие их руководства. Нормативный компонент любой оценки усложняет эту задачу¹. Начнем с короткой главы, в которой определим критерии оценки трансформационных лидеров. Затем последние две главы книги будут посвящены оценкам Горбачева и Ельцина как лидеров трансформации.

¹ Не будем забывать, что корень слова «оценка» — это «цена».

Требования к эффективному трансформационному лидерству

Трансформационное лидерство — это процесс, который Шумпетер назвал «созидательным разрушением»: такой демонтаж старой системы, при котором одновременно создаются основы для системы новой [Schumpeter 1942: 81–86]. Это непростая задача даже для самых талантливых руководителей. Как утверждалось в главе первой, лидеры, стремящиеся к созидательному разрушению, должны:

- публично подчеркивать несовместимость между возникающими требованиями внешней среды, с одной стороны, и текущими принципами управления и культурными допущениями — с другой;
- обрисовать альтернативное видение политической организации и культуры, которое восстановит гармоничные отношения между преобразованным объектом и средой;
- мобилизовать соратников в поддержку этого видения;
- не дать защитникам существующего порядка саботировать трансформацию;
- реализовать конкретные программы, которые приведут к замене существующего порядка на более отвечающий требованиям внешней среды завтрашнего дня.

Когда отправной точкой является монополистическая система ленинизма, трансформационный лидер должен:

- создать и легитимизировать автономные общественные арены;
- рассредоточить социальные, экономические, политические и информационные ресурсы по этим аренам;
- создать новые институты для координации децентрализованного общественного обмена и интеграции нового общественного порядка;
- заложить основы новой политико-экономической культуры, созвучной новому общественному порядку.

Таким образом, он должен разрушить структуры и культуру старого порядка, заменить их новыми структурами и помочь сформулировать новую культуру. Это в любом случае — идеал. Редкий лидер может добиться успеха как в разрушении системы, так и в построении новой. Горбачев и Ельцин пытались добиться успеха по обоим направлениям.

Стандарты оценки лидерства

Как в публицистике, так и в академической науке оценка лидерства проводится постоянно, но обычно без размышлений о применяемых стандартах. Следовательно, разные наблюдатели могут применять к одному и тому же лидеру разные стандарты, что приводит к разным оценкам итоговых показателей.

Один стандарт является чисто нормативным, а его нормы определяются наблюдателем: согласен я или не согласен с ценностями и целями, которые преследует лидер? Если я согласен с его ценностями и целями, я называю его «великим». Если мне не нравятся его ценности и цели, то назвать его «великим» нельзя. Нормативный подход может также фокусироваться на результатах политики лидера. Если я одобряю эти результаты, я даю положительную оценку; если я не согласен, мое мнение будет отрицательным. Как выразился Хоффманн, «человек, который для моего соседа герой, для меня может быть истинным проклятием» [Hoffmann 1967: 113]. Сплошь и рядом нормативный подход к оценке объединяет намерения и результаты, рассматривая последние как продукт первых.

Например, противники того, за что выступал Горбачев, часто с большой страстью высказывали свои негативные мнения, а те, кому это нравилось, часто склонялись к «горбимании». «Тайм» мог объявить Горбачева «человеком десятилетия», советские реакционеры проклинали его за вестернизацию страны, тогда как советские сторонники свободного рынка — за упорную приверженность «социалистической идее». Люди на обоих концах советского политического спектра недоумевали по поводу того,

что Горбачевым так восхищаются за границей, но так недолюбливают дома. Когда итог споров о «достижениях» лидера в значительной степени зависит от принятия или неприятия ценностей, которым он привержен и которые реализует, таким спорам не следует уделять много внимания. Убедить оппонента, приводя доказательства, невозможно. Споры имеют тенденцию к уходу в сторону философского обсуждения относительных достоинств различных ценностей, но это иная задача по сравнению с оценкой лидерства как такового.

Хотя чисто нормативный подход слишком ограничен, нам все же нужен стандарт, по которому можно судить о работе лидера. Следовательно, второй подход к оценке лидерства зависит главным образом от суждений об *эффективности*. Поскольку эффективность может быть определена только относительно набора целей (эффективных для достижения *чего?*), цели и ценности должны стать частью уравнения. Но принятие за эталон ценностей *наблюдателя* не слишком нам поможет, если они отличаются от ценностей самого рассматриваемого лидера. Нет смысла оценивать эффективность лидера в достижении целей, которых он не преследовал. Оценка достижений, основанная на стандарте эффективности, должна принимать за стандарт цели и ценности самого лидера и оценивать его эффективность в достижении этих целей. Именно такой подход я применяю в последних главах этой книги. Насколько хорошо Горбачев и Ельцин проявили себя как лидеры в достижении поставленных ими целей?

Такой подход необязательно предполагает одобрение целей лидера. Наблюдатель, который не согласен с его целями, тем не менее может неохотно согласиться, что тот был весьма эффективен в их достижении. И наоборот, наблюдатель, согласный с целями, может с грустью признать, что лидер оказался неэффективен в их достижении. Перечислим оставшиеся возможности: наблюдатель может не соглашаться с целями и отмечать неэффективность лидера в их достижении, или же наблюдатель может соглашаться с целями и отмечать эффективность лидера в их достижении.

За эффективность обычно приходится платить. Лидеры могут достичь своих целей высокой или низкой ценой по сравнению с другими ценностями. Сталин — очевидный тому пример. Он создал военную и промышленную мощь страны ценой огромных людских и экономических потерь. Таким образом, оценка лидерства будет зависеть от цены, которую приходится платить за достижение цели. Лидеры, которые достигают своих целей с низкими издержками по сравнению со смежными ценностями, могут считаться более эффективными, чем те, кто устанавливает очень высокую цену за достижение цели.

Однако из этого не следует, что наблюдатели назовут таких лидеров «великими». Такие характеристики больше зависят от ценностей наблюдателя. Если мы глубоко дорожим ценностями, принесенными в жертву ради достижения цели — такими как миллионы человеческих жизней, принесенных в жертву Сталиным, — то следует признать, что Сталин был эффективным, но мерзким лидером, который достиг своих целей неприемлемой ценой. Применяя такой подход к недавнему времени, можно признать, что Ельцин был эффективен в поддержании территориального единства Российской Федерации, но при этом осудить его за ту цену, которую он был готов заплатить за достижение этой цели, развязав две чеченские войны. Или, по аналогичной логике, можно высоко оценить Горбачева за достижение его целей — либерализации и демократизации, — но осудить его (если есть такое желание) за готовность сделать это за счет распада Советского Союза.

Неудивительно, что те, кто наиболее громко осуждает руководство Ельцина, также склонны считать социальные и человеческие издержки его политики огромными. Они к тому же утверждают, что эти издержки (например, сокращение продолжительности жизни российских мужчин и женщин) стали прямым результатом его политики, то есть издержками, которых в отсутствие его политики не было бы [Hough 2001; Reddaway, Glinski 2001]. Точно так же наиболее активные критики Горбачева, как правило, принадлежат к тем, кто больше всего ценит советскую систему, СССР и / или статус великой державы и возлагает пря-

мую ответственность на Горбачева как причину утраты этих ценностей². Иначе говоря, цена достижения цели оказывается приемлема или неприемлема в соответствии со шкалой ценностей наблюдателя. Это подходящий стандарт для оценочного анализа, хоть при нем и не удастся избежать некоторой нормативной составляющей. Но вопрос не поддается разрешению путем сбора доказательств. Следовательно, в социально-научном подходе к оценке лидерства логично будет задать другой набор вопросов: какова была альтернатива? Насколько эффективны были бы альтернативные стратегии в достижении целей при более низких издержках?

Неизбежность контрфактуальности

Лидеры и их сторонники часто защищаются от критики издержек своей политики, ссылаясь на понятие непреодолимых ограничений. Подразумевается, что продвижение или защита заветных ценностей не могли быть достигнуты другими средствами. Это утверждение контрфактуально. Так, В. М. Молотов, один из ведущих членов Политбюро при Сталине, назвал человеческие и экономические издержки сталинской политики «достойной сожаления необходимостью». Во многих странах упертые сталинисты отвергали критику в адрес сталинизма, говоря, что «нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц»³. Горбачев и его сторонники пытались парировать критику партийных консерваторов, утверждая, что «альтернативы нет» и «иного не дано». Защитники политики Ельцина в Чечне утверждали, что даже Аврааму Линкольну пришлось вести кровавую гражданскую войну, чтобы сплотить Соединенные Штаты. Защитники неоли-

² Это редко встречается в западной науке, но распространено среди российских публицистов реваншистского толка.

³ На что Чалмерс Джонсон спрашивал: «Сколько яиц нужно разбить, чтобы приготовить яичницу из одного яйца?» См. предисловие к [Dallin, Breslauer 1970: vi].

беральной макроэкономической политики Ельцина часто утверждали, что альтернативы предпочтительной для них политике не «сработают».

Во всех этих случаях противоречия фактам обычно подкрепляются претензиями на теоретическое подтверждение. Сталин использовал теорию государственного строительства, национального строительства и экономического развития во враждебном международном окружении, которая, казалось, резко сужала набор политических стратегий и тактик, способных оказаться эффективными в таких условиях. Защитники Горбачева полагали, что только политика, разрушающая иммунитет партийно-государственной элиты, может преодолеть системную стагнацию, присущую старому режиму. Защитники Ельцина утверждали, что даже в демократических системах для предотвращения вооруженного сепаратизма необходима сила. Неолиберальные советники Ельцина аналогичным образом говорили, что «шоковая терапия» представляет собой единственную жизнеспособную стратегию перехода от командной экономики к рыночной.

И критики, и защитники Горбачева и Ельцина часто прибегают к аргументации не теоретического характера, а основанной на эмпирической оценке интеллектуальной доступности, политической осуществимости и практической реализации альтернативной политики в данном историческом контексте. Так, когда люди критикуют Горбачева за то, что он не продвигал экономическую реформу в китайском стиле и не провел на раннем этапе пребывания на посту радикальную реформу ценообразования [Hough 1997], его защитники утверждают, что он был совсем не уверен в том, сработают ли китайские реформы в советских условиях, и испытывал сомнения в отношении совместимости либерализации цен с политической стабильностью [Breslauer 1989]. Когда Ельцина осуждают за проведение в январе 1992 года неолиберальной политики [Reddaway, Glinski 2001], его защитники настаивают, что в конкретных экономических обстоятельствах того времени альтернативная политика привела бы к финансовому и экономическому коллапсу с еще более ужасными последствиями [Aslund 1995; Shleifer, Treisman 2000]. А когда

Ельцина критикуют за его неготовность работать с политической оппозицией в Верховном Совете и Думе⁴, его защитники утверждают или подразумевают, что оппозиция была более мощной и более реакционной по своей ориентации, чем это допускают критики Ельцина. Они говорят, что у оппозиции были и сила, и желание завоевать власть и восстановить старый режим в том или ином варианте, а следовательно, альтернатива (по шкале ценностей данного наблюдателя) была бы хуже⁵.

Таким образом, оценка эффективности лидера в достижении своих целей по адекватной цене зависит также от собственного представления наблюдателя о силе ограничений, с которыми лидер сталкивался в данный момент. Если ограничения обременительны, мы обычно ожидаем меньших достижений, чем если бы ограничения были умеренными. Лидер, которому удастся смягчить (но не стереть) ограничения в своем окружении и тем самым инициировать существенное движение при приемлемых издержках, обычно считается эффективным и значительным. Напротив, лидер, потерпевший поражение из-за этих ограничений, может считаться неэффективным, но заранее обреченным, если ограничения воспринимаются как неизменные, или же может быть признан неэффективным и некомпетентным, если не сумел воспользоваться доступными ему возможностями. Если лидер добивается многого, но в контексте, где ограничений было немного и их границы легко растягивались, его можно считать эффективным, но не значительным («любой мог бы это сделать»).

Таким образом, невозможно оценить лидерство без некоторого представления о его обратной стороне — возможностях. Если задача настолько серьезна, что ее невозможно решить, то (по определению) никакие умения не помогут преодолеть ограниче-

⁴ Стандартное утверждение многих ученых — авторов интернет-ресурса Johnson's Russia List. URL: <https://russialist.org> (дата обращения: 01.04.2020).

⁵ Это главная тема у Арона [Aron 2000], в противоположность Хафу [Hough 2001], описывающему силу и воззрения оппозиции. Промежуточную позицию занимают Шевцова [Shevtsova 1999] и Реддэуэй и Глинский [Reddaway, Glinski 2001].

ния. В таких условиях отсутствуют возможности, которые можно было бы использовать. С другой стороны, если задача была простой или если существующие социальные и политические силы в любом случае добились бы изменений, свидетелями которых мы стали, тогда вряд ли лидеру можно приписать титул «вошедшего в историю».

Обратите внимание, что для вынесения этих суждений мы должны мыслить в контрфактуальных категориях. Мы можем собрать большое количество свидетельств относительно природы ограничений, мощи социальных сил и т. п., но если мы не попытаемся представить себе, как эти ограничения и силы развивались бы *в отсутствие рассматриваемого лидера* или при наличии лидера более сильного или более слабого, то мы не сможем оценить ни масштабов возможностей, ни незаменимости данного лидера для их использования. Поскольку другие лидеры не были у власти и другие подходы не применялись, мы не можем с высокой степенью уверенности оценить масштаб доступных возможностей. Трудность рассмотрения «возможных событий» истории побудила многих историков принижать такие умозрительные эксперименты, считая их не более чем бесплодными домыслами или салонными играми⁶.

Однако в полной мере оценить лидерство без анализа альтернативных сценариев невозможно. С точки зрения методологии убедительный анализ при оценке лидерства должен сочетать контрфактуальные рассуждения с традиционными методами анализа и истолкования. Он должен включать упорядоченное рассмотрение доступных альтернатив с анализом силы ограничений и попытками определить причины результатов. Таким образом, при оценке лидерства нужно стремиться определить,

⁶ Историки склонны отвергать анализ альтернатив как научный инструмент, тогда как специалисты в области общественных наук нередко к нему прибегают. Среди таких исследователей — Э. Х. Карр, А. Дж. П. Тейлор, Э. П. Томпсон. См. [Tetlock, Belkin 1996] — социологическое исследование, посвященное методологии и практическому применению контрфактуального мышления: рассмотрению альтернативных сценариев в международных отношениях.

в какой степени причинно-следственные связи ответственны за наблюдаемые результаты; кроме того, нужно выяснить, действительно ли существуют гипотетические альтернативы. Следует проанализировать масштаб задачи, масштаб и изменчивость существующих ограничений на изменения, а также масштаб отклонения от традиционных (и имеющихся в настоящее время) навыков и менталитета, необходимого для выполнения задачи с учетом этих ограничений. В конечном счете, в ходе анализа нужно ответить на такие вопросы: в какой степени диапазон лидерских навыков данного человека и принятая им стратегия лидерства были необходимым (пусть и недостаточным) условием для достижения результатов, наблюдаемых за годы его пребывания у власти? Насколько все было бы иначе, если бы он не пребывал у власти? Могли ли другие лица, действовавшие в тот период, добиться того же или даже большего, чем он? Насколько сильны были политические ограничения в отношении его выбора? Мог ли он преуспеть даже в большем, чем то, на что он реально решился? Или он лишился бы власти — или, по крайней мере, испытал бы разочарование — если бы попытался это сделать?

Учитывая все эти неопределенности, может возникнуть соблазн отказаться от задачи оценки лидерства или отдать ее на откуп публицистическим спекуляциям в спецвыпусках популярных журналов⁷. Это было бы неразумно. Историки и социологи не отказываются от своего ремесла из-за того, что доказательства неубедительны; они стремятся извлечь максимум из того, что у них есть, а затем представить свои выводы, которые, как всегда, могут быть пересмотрены в будущем. То же самое и с контрфактуальными предположениями, которые не так уж сильно отличаются, методологически или эпистемологически, от исторического объяснения, как считают многие историки⁸. К тому же

⁷ См., напр., специальный выпуск журнала «Тайм» от 13 апреля 1998 года, посвященный оценке лидеров XX столетия.

⁸ См. Breslauer G., Lebow R. N. Gorbachev, Reagan, and the end of the Cold War // Learning from the Cold War / ed. by R. K. Herrmann, R. N. Lebow (ожидает издания).

независимо от того, насколько неокончательным является их анализ, люди будут продолжать оценивать лидеров, в лучшую или худшую сторону, и их оценки лидеров, находящихся у власти, иногда будут влиять на политический процесс. То, как ученые, политики и публицисты оценивают нынешних или прошлых лидеров, может влиять на сегодняшнюю политику. В самом деле, если речь идет о действующих лидерах, оцениваемых во время своего пребывания в должности, то такая оценка может стать частью социальных ограничений, с которыми они сталкиваются, и повлиять на возможности, которыми они пользуются, тем самым влияя на их перспективы успеха или неудачи! Следовательно, отказаться от оценки лидерства из-за ее неубедительности или неопределенности — значит отринуть науку, а отказ от такой оценки из-за нормативных требований и возможного политического воздействия — ненужный акт отречения от научного познания.

Горбачев и Ельцин, несомненно, были «творцами событий»⁹. Оба начинали как реформаторы системы, а затем стремились преобразовать или заменить ее, хотя выбрали очень разные стратегии для достижения своих целей. Оба столкнулись с огромными трудностями в стране и за рубежом. Оба были уникальными фигурами в кругах элиты. Трудно представить себе других лидеров того времени, которые так изменили бы положение вещей. Таким образом, при оценке эффективности Горбачева и Ельцина как лидеров следует рассмотреть степень, в которой они достигли своих заявленных целей, и цену, которую они готовы были заплатить для достижения этих целей.

Построение авторитета и оценка лидерства

Трансформационное лидерство — это процесс, а не событие. Такие лидеры должны уделять внимание множеству проблем и дилемм, неравномерно раскрывающихся в течение определен-

⁹ Это понятие (англ. *event-making man*) взято у Сиднея Хука [Hook 1943: 154].

ного периода времени. На протяжении всего этого процесса они также должны учитывать состояние своего личного авторитета. Строят ли они свой авторитет таким образом, чтобы он дал им возможность совершить толчок, прорыв, который позволит преодолеть ограничения на фундаментальные изменения? Сделав это, они должны заняться проблемой сохранения авторитета. Обосновали ли они свой прорыв перед аудиторией, у которой есть возможность осознать эти изменения? И, что не менее важно, сохранит ли эта аудитория доверие к ним в ходе последующих действий, необходимых для дальнейшего развертывания изменений?

Чтобы разрушить старые структуры и лишить легитимности старую культуру, необходим прорыв. Но для создания новых структур и легитимизации нового порядка потребуются многочисленные и повторяющиеся инициативы. Способность лидера участвовать в таких последующих действиях зависит от его власти и авторитета. Не растратил ли он их, проводя политику прорыва? Или он добился позиции, дающей ему *власть* проводить дальнейшие действия, и сумел объяснить их в достаточной степени, чтобы сохранить для таких действий *авторитет*? Как мы увидим, и Горбачев, и Ельцин добились по этим показателям неоднозначных результатов.

Глава 13

Оценка Горбачева как лидера

Среди наблюдателей, разделяющих его цель трансформации коммунистической системы, те, кто наиболее одобряет результаты действий Горбачева как лидера, подчеркивают, до какой степени он сломал старый режим. Среди той же группы наблюдателей наиболее недовольные итогами действий Горбачева, напротив, фокусируют внимание на том, в какой степени он не смог построить новую систему, которую планировал. Ни один из этих подходов не может быть признан вполне удовлетворительным; не удовлетворяет и их комбинация. Оба они сводятся к линейному, механическому сравнению результатов, основанному на некоей точке отсчета. Но они служат полезными отправными пунктами для более комплексного анализа.

Если точка отсчета — это прошлое, и если пока отложить задачу определения собственного вклада Горбачева в результат, легко подытожить, что при нем изменилось. Мы были свидетелями следующих событий:

- десакрализация брежневского политико-экономического порядка в глазах широкой общественности, включая официальные принципы и образ мышления, лежавшие в его основе, такие как ведущая роль партии, «единая общность народов», плановая экономика, гордость за достижения, оптимизм по поводу потенциала государственного социализма, приверженность «классовой борьбе» за границей и одержимость национальной безопасностью, оправдывающая репрессивный милитаризованный режим;

- резкое сокращение влияния групп, служивших столпами брежневского политического строя, в частности партийных чиновников, министров и военных;
- принципиальная легитимизация движения в направлении рыночного экономического устройства, многопартийности и превращения унитарного государства в демократическое и федеративное;
- изменения в политике и структуре, которые а) значительно децентрализовали политическую инициативу; б) создали более открытые и конкурентные общественные политические арены, включая парламенты, основанные на конкурентных выборах, проводимых тайным голосованием; в) практически маргинализировали номенклатуру; и г) привели к власти радикальное большинство в органах местного самоуправления крупных городов;
- демонтаж большей части командной экономики и зарождение частного сектора («кооперативов»);
- введение гражданских свобод в отношении инакомыслия, эмиграции, СМИ, передвижения, религии и собраний;
- значительное открытие страны для западных политических, культурных и экономических влияний;
- ликвидация советского контроля над Восточной Европой, сокращение советского военного потенциала, сокращение политического влияния на страны третьего мира и вывод советских войск из Афганистана;
- изменения во внешней политике, положившие конец холодной войне.

Исторически сложилось так, что только революции снизу достигают большего за более короткий период времени. А революции снизу редко сопровождались столь малым насилием, как сопутствовавшее горбачевской революции.

Однако, используя ту же методологию, представляется возможным указать, до какой степени не изменилось в эпоху Горбачева или изменилось в худшую сторону (по краткосрочным гуманитарным стандартам) следующее:

- плачевная ситуация в сфере потребления, которая в 1990–1991 годах была хуже, чем в 1985 году;
- экономика, которая переживала ускоряющийся отрицательный рост национального дохода, страдала от огромного бюджетного дефицита и избытка денежной массы и от потенциально взрывоопасной скрытой инфляции;
- дезорганизация экономики, отсутствие координации и массовая коррупция в результате разрушения институтов командной экономики без создания институтов экономики рыночной;
- широкое распространение межнационального насилия в южных республиках СССР;
- распад унитарного государства, а также центробежное давление, поставившее страну на грань сепаратизма со стороны половины республик Союза;
- резкий рост числа насильственных преступлений по всей стране;
- неспособность побудить богатые демократии поддержать переходный период в советской экономике.

Были ли в целом перемены 1985–1991 годов позитивными или негативными? Это нормативное суждение. Ответ зависит от относительного веса, который мы приписываем рассматриваемым ценностям. Очевидно, достаточно посмотреть на этот перечень, чтобы увидеть ухудшение экономического положения и сплоченности СССР как единого целого, улучшение же — в области политических свобод, культурной открытости и в отношениях между Востоком и Западом, где «улучшение» измеряется согласно шкале ценностей, заявленной Горбачевым¹.

Подойдя к вопросу иначе, можно было бы взять за основу не прошлое, а представление о будущем новом порядке. Самый простой вариант такого подхода — измерить разрыв между со-

¹ Наблюдатели, оплакивающие потерю Советским Союзом статуса сверхдержавы и контроля над Восточной Европой, не поместили бы окончание холодной войны в категорию улучшений.

ветской действительностью середины 1991 года и горбачевским видением стабильного социал-демократического государства, которое интегрировано в западные институты и воспринимается на международном уровне как великая держава, умеренная федерация или конфедерация со все более процветающей смешанной экономикой, основанной на сочетании частной, коллективной и государственной собственности². По этим стандартам Горбачев определенно не оправдал себя как лидер трансформации. Ему не удалось направить эволюционный переход от советской системы в сторону системы, основанной на этих принципах. Вместо этого все обрушилось, а он сам был отстранен от должности.

Горбачев — творец событий?

Если рассматривать перечень позитивных перемен 1985–1991 годов как основу для положительной оценки Горбачева как лидера, значит, мы предполагаем, что он сам несет ответственность за эти перемены, являясь их причиной. Подобное суждение было бы преувеличением, поскольку известно, что многое из достигнутого после 1989 года было результатом действий сил, над которыми он имел мало контроля. Но все же можно задаться вопросом, был ли Горбачев в конце концов «творцом событий», чьи необычные личные качества привели к результатам, которые не были бы достигнуты в отсутствие обеспеченного им руководства. В этом анализе проблема носит не нормативный, а причинный характер. Не имеет значения, одобряем мы или нет полученные результаты, важно лишь то, верим ли мы, что Горбачев был ответственен за их достижение. По этим меркам Горбачев действительно был творцом событий.

² Для целей настоящего исследования я буду рассматривать период с марта 1985 года по конец августа 1991 года (то есть включая путч) как «эру Горбачева». После этого дезинтеграционные тенденции резко усилились, а политический авторитет Горбачева практически испарился.

Изменения в социальной структуре на протяжении постсталинских десятилетий недостаточны для объяснения изменений, происшедших в 1985–1989 годах, хотя акцент на социальных инициативах, вероятно, действительно объясняет многое из того, что произошло в 1990–1991 годах. Общественные силы, поддерживающие перестройку, гласность, демократизацию, а во внешней политике — «новое мышление», поощряли Горбачева и способствовали переменам. На деле они, вероятно, были необходимыми условиями для принятия, реализации и сохранения изменений в политике. Например, трудно представить, что Горбачев добился бы того же, если бы руководил Советским Союзом в 1955, а не в 1985 году. Но изменения, происшедшие в советском обществе, обеспечивая Горбачеву основу для запуска его политики, в то же время были недостаточны, чтобы заставить и высших должностных лиц проводить политику, им продвигаемую. Отношения между общественными силами и социально-политическими изменениями сильно зависели от политического руководства.

В годы после консолидации власти Горбачев осуществлял активное и решительное руководство. Он неоднократно вмешивался в процесс, выпуская из бутылки джинна гласности, побуждая общественность к критике бюрократии, сдерживая неблагоприятные реакции, освобождая из ссылки Сахарова, выпуская на свободу политических заключенных и продвигая программу демократизации, с которой начался процесс передачи власти от партии Советам. Горбачев принимал решения, которые привели к неуклонному расширению гражданских свобод во всех областях. Он делал доктринальные заявления, поощрявшие или допускавшие публичную десакрализацию брежневского строя. Эта десакрализация побудила общественных активистов поверить в то, что фундаментальные изменения не только желательны и необходимы (во что многие из них, вероятно, уже верили), но и возможны. Заявления Горбачева одновременно мешали твердолобым бюрократам думать, что они способны сдержать эту волну. Он делал все это на том этапе своего правления, когда его предшественники (Хрущев и Брежнев) погрязли в выборочном

реинкорпорировании — то есть на этапе господства (см. главу одиннадцатую).

Подобным же образом Горбачев взял на себя инициативу в вопросах внешней политики, часто удивляя свою политическую аудиторию внутри страны заявлениями об уступках Советского Союза в области контроля над ядерными и обычными вооружениями, приняв фундаментальное решение сократить потери в Афганистане и выбив почву из-под ног консервативных восточноевропейских элит путем лишения их советских гарантий защиты от революционных сил. Горбачев сформулировал свое видение мира после окончания холодной войны, интеграции Советского Союза в европейский культурный, политический и экономический порядок и демилитаризации внешней политики, что стало основой как для планирования, так и для легитимизации перемен в его внутренней и внешней политике. Горбачев решил снова открыть поток эмиграции, позволив советским гражданам более свободно уезжать на Запад.

Строго говоря, общественные силы, достаточно осмелев и организовавшись, подтолкнули Горбачева к радикализации политики быстрее и полнее, чем это было для него удобно в то время. Перед лицом этой движимой обществом радикализации у Горбачева все еще был выбор: он мог бы объединиться с консерваторами, чтобы «провести черту» и установить строгие ограничения. Вместо этого — до корректировки своего курса в конце 1990 года и за исключением своей реакции на межнациональное насилие на юге — он обычно старался обратить неизбежное в свою пользу. Он сопротивлялся соблазну применить силу, часто вступая в союз с более радикальными силами, используя тактическую внезапность для дальнейшего укрепления своей власти в высших кругах и избавляясь от тех (или сдерживая их), кто предпочел бы использовать такую радикализацию в качестве оправдания для отмены или прекращения процесса реформ. Так, в 1989–1990 годах Горбачев скорее реагировал на происходящее, чем выступал инициатором; но он все еще создавал события благодаря своей способности предотвращать применение государственного насилия против волны радикализма. Трагическое исключение —

события в Тбилиси в апреле 1989 года³. Когда же осенью 1990 года его нервы не выдержали, то он перестал быть творцом событий и фактически, хотя и непреднамеренно, создал предпосылки как для кровопролития в Вильнюсе и Риге, так и для путча в августе 1991 года.

Творец событий не просто отличается от других, но отличается от них благодаря своим исключительным личным качествам. Доказательства на этот счет кажутся убедительными. Даже те, кто критикует Горбачева за его ограниченную гибкость в последние годы пребывания у власти, признают, что при Черненко он был необычным членом Политбюро. Ни один член этого Политбюро не был способен перехватить инициативу по социально-политическим и международным вопросам, как в конечном итоге это сделал Горбачев. Интеллектуальные способности и гибкость Горбачева, его сила аргументации, его безмятежность на фоне социальных потрясений и вера в то, что турбулентность «сгладится» в долгосрочной перспективе [Tiersky 1990: 114]⁴, его «устойчивая, целеустремленная мотивация <...> неудержимый оптимизм»⁵, его энергия, решительность и тактическое политическое мастерство [Doder, Branson 1990: 31, 304, *passim*] и его способность учиться по ходу дела [Doder, Branson 1990: 31, 75, 106, 126–128, 157, 163, 218–219, 374–376]⁶ отмечали как сторонние

³ Следственная комиссия, в которую входили люди, более близкие к Ельцину, чем к Горбачеву, сняла с Горбачева обвинения в приказе о применении силы [Brown 1996: 264–267], но остается открытым вопрос, мог ли он это предотвратить.

⁴ См. также: Time. 1990. June 4. P. 27–34.

⁵ Дойг и Харгроув находят эту характеристику типичной для тех успешных лидеров публичной бюрократии, которых они изучали [Doig, Hargrove 1967: 19].

⁶ См. также [Brown 1996, chs. 4, 7; English 2000, chs. 5, 6]. Генри Киссинджер утверждал, что «это иллюзия — полагать, будто лидеры приобретают глубокие познания, приобретая опыт. Убеждения, сформированные лидерами до того, как они достигнут высокого поста, являются тем интеллектуальным капиталом, который они будут потреблять, пока продолжают работать на своем посту» [Kissinger 1979: 54]. Эволюция мышления Горбачева в течение первых пяти лет его правления ставит под вопрос, насколько применимо

наблюдатели, так и его собеседники. По прежним советским стандартам, а также по стандартам международным он выделяется как человек необычайных лидерских качеств. Если бы Горбачев не был избран генеральным секретарем после смерти Черненко, такие события, как разрушение брежневского политического строя, создание и возвращение новых демократических институтов и практик, а также радикальный поворот в советской внешней политике произошли бы в 1980-е годы иначе — или же не произошли бы вовсе.

Стратегия Горбачева: «Прежде всего культура и политика»

Горбачев быстрее продвигался в направлении к политической либерализации («гласности»), политической демократизации и прекращению холодной войны, чем к экономической реформе и федерализации Союза. Таким образом, он рассматривал культурные и политические преобразования как в стране, так и за рубежом в качестве предварительного условия для устойчивого улучшения экономических показателей и межнациональных отношений. Действительно, Горбачев довольно четко сформулировал свой вывод о том, что культурные изменения («человеческий фактор») являются предпосылкой экономической реформы: «Начинать надо прежде всего с перестройки в мышлении и психологии, в организации, в стиле и методах работы, — заявил он в апреле 1986 года. — Скажу откровенно, если мы сами не перестроимся, я глубоко убежден в этом, то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь» [Горбачев 1987–1990, 3: 330].

к нему это обобщение Киссинджера. Если оно применимо, это усиливает позитивную оценку лидерских качеств Горбачева. С другой стороны, можно утверждать, что «убеждения» Горбачева сформировались до его прихода к власти и что он учился в значительной степени «тактике» в рамках своих уже существовавших убеждений. Отчасти проблема в решении этого вопроса связана с определением, относится ли «убеждение» только к ценностям или также к пониманию причинно-следственных связей внутри системы, общества и международной среды.

Некоторые из первых поклонников политики Горбачева быстро заметили и одобрили эту мысль [Tucker 1987, ch. 7; Naylor 1988].

Горбачев использовал свои полномочия, чтобы делегитимизировать старый порядок — как его институциональную основу, так и общественные ценности, которые тот якобы защищал. Одновременно он создавал новые публичные арены, на которых пробудившееся общество могло проявлять инициативу во имя политического и экономического блага страны. Он начал перестройку, определив положение СССР в мире как ситуацию, требующую неотложного хирургического вмешательства, чтобы страна не опустилась до второразрядного положения. Он отреагировал на неприятные сюрпризы (чернобыльская катастрофа в апреле 1986 года; приземление молодого немца на самолете «Cessna» на Красной площади в мае 1987 года) чисткой старой гвардии и утверждением, что эти события продемонстрировали острую необходимость культурных и институциональных изменений. Он установил тесную связь между своей внешней и внутренней политикой, используя силы на международной арене для продвижения политических и культурных изменений в самом Советском Союзе. В каждом случае это служило организационным и техническим целям, но также и более важным задачам преобразования политики, идентичности и культуры. Горбачев стремился преобразовать культуру, одновременно изменив идеологию и организацию советской политики.

Так, открывая советскую экономику для глобальной конкуренции, Горбачев пытался не только усилить давление на советских управленцев и привлечь иностранный капитал, но и заставить в равной степени элиты и массы поверять прогресс достижениями развитых капиталистических стран, а не сравнивать с российским или советским прошлым. Открыв в Москве «Макдоналдс», показывая по телевидению уровень жизни на Западе и поощряя телевизионные дискуссии о ходе экономических реформ в Китае, он не только разжигал аппетиты потребителей, но и подрывал традиционные представления о «капиталистическом аде», посредством которых правящие элиты привыкли оправдывать поддержание малоспособной системы. Открыв страну для

культурной вестернизации, Горбачев не просто уменьшил политические, научные и международные издержки, связанные с попытками изолировать страну от информационной революции; он также бросил вызов идее русской или советской «самобытности», оправдывавшей как брежневский порядок, так и ксенофобию русских националистов. Работая над снижением для СССР международных угроз, он создал предпосылки для уменьшения оборонного бюджета и ослабил фобии относительно национальной безопасности, которые использовались для оправдания ключевой роли в экономике военно-промышленного комплекса. Отвергая классовую борьбу за рубежом и подчеркивая приоритет «общечеловеческих ценностей», он не только ослабил региональные кризисы и проложил путь к контролю над вооружениями (и другим формам сотрудничества сверхдержав), но и подорвал обоснование сохраняющейся монополии КПСС на силу и правду. Действительно, чрезвычайная значимость идей и доктрин в ленинистских системах сделала еще более настоятельной необходимость того, чтобы трансформационные лидеры в таких режимах сначала делегитимизировали соответствующие аспекты традиционной идеологии элиты — и ее влияние на понимание массами достижимости их целей, — в качестве предварительного условия для создания политического пространства для новых моделей поведения и организации.

Горбачев признал, как и следует успешным трансформационным лидерам, что предварительным условием фундаментальных изменений является разрушение старых идентичностей и терпимость к социальным конфликтам, неизбежно сопровождающим такие изменения. Он использовал социальные и политические конфликты как повод для внушения гражданам и политикам идеи о том, что не бывает изменений без боли и демократии без конфликта. Он реагировал на непредвиденные конфликты (за исключением межнационального насилия и применения насилия против государственных органов), объявляя их доказательством того, что прежний образ действий недопустим и, что еще важнее, его теперь можно изменить. Он сформулировал видение СССР как «нормальной» современной страны по образцу социал-демо-

кратического европейского государства всеобщего благосостояния, пусть и вынужден был уверять, будто рыночная плюралистическая демократия не противоречит социализму. Он говорил на языке эволюции, определяя изменения (как в стране, так и за рубежом) как долгосрочный процесс, требующий адаптации к постоянным переменам. Хоть он и не изменил менталитет большей части населения, он укрепил широко распространенную веру в плюрализм (социалистический) и рынки (социалистические) как желательные и возможные альтернативы политическому угнетению и экономической стагнации.

Горбачев также постарался легитимизировать создание правовой культуры, которая деперсонализировала бы государственные правовые институты и тем самым обеспечила бы основу для устойчивых ожиданий перемен к лучшему в отношении защиты личности и частной собственности. Он призвал к принятию нового гражданского правового кодекса, формированию более независимой судебной системы, передаче власти от партийных органов к Советам всех уровней и преобразованию Советов в парламентские институты, создающие законы, обязательные для всех. Это были лишь некоторые из компонентов его декларируемой приверженности «правовому государству», призванному заменить произвол партийных чиновников прежней системы. Конечно, построение законности и привитие гражданам правосознания — долгосрочные процессы. Но Горбачев начал свой путь с легитимизации предсказуемой процедурной альтернативы произвольному, персоналистическому управлению и с прекращения доминирования в правовой сфере партийных органов.

Подобным же образом Горбачев стремился изменить культуру международных отношений. Он ополчился против доминирующей «реалистичной» парадигмы, которая подчеркивала необходимость военной силы, «образ врага», готовность к наихудшему исходу, необходимость накопления оружия и менталитет «двух лагерей», определяя соревнование сверхдержав как конфронтационную игру с нулевым результатом. Вместо этого Горбачев оправдывал свою уступчивую внешнюю политику тем, что

предлагал идеалистическое видение международной политики, ставящей целью преобразовать имидж СССР в образ партнера для решения общечеловеческих проблем. Похоже, он был убежден, что такая трансформация представлений о противнике является предпосылкой для прекращения холодной войны и что прекращение холодной войны может обусловить создание такого международного климата, который необходим для поддержки внутренних преобразований в СССР. Таким образом, «новое мышление» было нацелено как на отечественную, так и на зарубежную аудиторию. В обоих случаях целью было изменение идей, образа мыслей; в обоих случаях цель состояла в том, чтобы разрушить старый образ мышления и привить новый.

Таким образом, исходя из его собственных целей, Горбачев преуспел в делегитимизации привычного подхода к политической жизни внутри страны и за рубежом, а также враждебности к демократической политике и международному порядку, сложившемуся после холодной войны. На деле такое изменение может быть важнейшей основой для его притязаний на роль трансформационного лидера.

Теперь перейдем от трансформационной стратегии Горбачева к политической тактике, которую он использовал, чтобы сделать эту трансформацию мирной и эволюционной. Рекомендации для этого можно найти в обильной литературе, посвященной переходу к демократии. Приведенные в ней рецепты не во всем применимы к случаю ленинистской многонациональной империи, но дают пищу для размышлений о тактике мирного политического перехода. Можно судить о лидерстве Горбачева по этим стандартам. Если он потерпел неудачу, несмотря на использование такой тактики, то причина этого скорее заключается в неприменимости его стратегии в целом к советским условиям, чем в неуместности его политической тактики. Кроме того, поскольку первоочередной задачей Горбачева внутри страны была политическая реформа и трансформация, есть смысл рассматривать его как лидера, пытавшегося осуществить переход к демократии, и оценивать его по стандартам лидерства, описанным в литературе.

Тактика Горбачева и переход к демократии

Западные исследователи в своем изучении перехода к демократии прошли несколько этапов. Первое поколение этой литературы рассматривало демократизацию как процесс, успех которого зависит от социальных, культурных и экономических предпосылок. Лидерству уделялось мало или вообще никакого внимания; косвенно его изучение считалось безнадежным занятием в отсутствие социально-экономических и культурных предпосылок. Более свежая литература, напротив, в гораздо меньшей степени детерминистична и пессимистична. В ней оптимизм и волюнтаризм (чрезмерный, как сказали бы некоторые) основываются на пересмотре исторического опыта Западной Европы и на наблюдении за недавними успешными переходами к демократии стран Южной Европы, Латинской Америки и Восточной Азии⁷.

В этой группе исследований многие ограничивающие условия рассматриваются как устранимые, а не решающие препятствия на пути демократического прорыва и демократической консолидации, хотя и признается, что некоторые условия могут подорвать даже самую искусную стратегию лидеров. Здесь акцент делается на стратегиях создания коалиций внутри элит и «политического пространства» для новых общественных групп, мобилизованных в политику в результате краха авторитарных режимов. Следовательно, в первую очередь проявляется интерес к лидерству как фактору, который не только способствует демократическому прорыву и консолидации, но и защищает от постоянной угрозы военного переворота и других форм регресса. Поскольку именно это пытался сделать Горбачев — хотя в социально-экономических и этнических условиях менее благоприятных, чем условия в традиционных авторитарных режимах, — из подобных литературных источников можно почерпнуть ряд рецептов успешной тактики лидерства и применить их для анализа действий Горбачева.

⁷ Самая волюнтаристская и оптимистичная из таких недавних работ — книга Джузеппе ди Пальма [Palma 1991].

Тактика № 1. Попытка дискредитировать альтернативы демократическому пути, сделать их менее легитимными в сознании общества и элит, чем предлагаемый демократический вариант. Как пишет Адам Пржеворский, «для стабильности любого режима важна не легитимность данной конкретной системы правления, а наличие или отсутствие предпочтительных альтернатив» [Przeworski 1986: 51–52]. С этой точки зрения стратегия Горбачева по исходной десакрализации старого порядка была целесообразна; его тактическое утверждение, что продолжению реформистского пути «нет альтернативы», также было удачным с политической точки зрения. Его аргументы о том, что национальной безопасности СССР и его конкурентоспособности в XXI веке будет угрожать неспособность присоединиться к «современному» миру, стать «нормальной» страной и «научиться демократии», убедительно подкрепляли идею, что гипотетические альтернативы перестройке просто неприменимы и неприемлемы как с точки зрения выживаемости государства, так и в плане его национальной безопасности.

Тактика № 2. Мобилизация в политику новых общественных сил, вступающих в союз с реформаторскими силами в истеблишменте. Именно к этому гласность и демократизация привели в период до 1989–1990 годов — до момента, когда эти общественные силы разорвали связь с истеблишментом. Когда Горбачев в 1987–1988 годах обнародовал свою стратегию трансформации, он, вероятно, не предполагал, как далеко она зайдет. Но столкнувшись с ее результатами в последующие два года, он не пошел на откат; скорее он приспособился к течению, легитимизировал его «экстремизм» (в силу необходимости), сдвинулся «влево» (в сторону радикализма) в политическом спектре элиты и постарался создать новые политические институты, которые регулировали бы конфликты, теперь ставшие очевидными. Это был важный шаг, которым он подал первые сигналы о привлекательности демократизации, что предотвращало разочарование на раннем этапе, столь часто встречающееся во время неудачных трансформаций.

С этой точки зрения удачно, что Горбачев в выступлении на пленуме ЦК в январе 1987 года призвал к тайным конкурентным

выборам и всеобщей плюрализации политического строя. Удачно сложилось и то, что партийную конференцию в июне 1988 года, а также первые заседания Съезда народных депутатов и Верховного Совета можно было смотреть по национальному телевидению. Сочетание плюрализации и гласности позволило демистифицировать политику и дало людям возможность поверить в то, что участие в политике может принести пользу. Горбачев одновременно мобилизовал новые общественные силы, дискредитировал старый политический порядок и создал новые политические институты для урегулирования конфликта между новыми общественными силами и «старой гвардией». Также было создано новое политическое пространство, в котором демократическая оппозиция могла установить связи с умеренными внутри режима.

Тактика № 3. Создавать возможности для кооптации лидеров и активистов оппозиционных групп на новые политические арены, где они вместе с реформаторски настроенными членами истеблишмента смогут изучать и применять прагматические и адаптивные тактики демократического процесса. В самом общем смысле создание Горбачевым новых политических институтов было направлено на поддержание стабильности за счет расширения возможностей для подлинного политического участия со скоростью, равной или превышающей скорость вызванной гласностью политической мобилизации⁸. Однако на конкретном уровне межэлитного взаимодействия эти институты стали аренами, где на первый план вышли общие вопросы соблюдения процедур, верховенства закона, парламентской практики и т. д. Этот путь был тернист и изобилдовал конфликтами, что неудивительно при любом переходе к демократии. Важно, что медленный процесс институционализации сдвинулся с мертвой точки и набирал силу. Ранние исследования этого процесса показали, что уважение к процедурному принципу выросло не только среди

⁸ Согласно Сэмюэлю Хантингтону, поддержание баланса между уровнем политического участия и уровнем институционализации является ключевым фактором в поддержании политической стабильности во время перемен [Huntington 1968].

реформаторов, но также среди колеблющихся и консерваторов [Sergeyev, Viryukov 1993]. Ди Пальма утверждал, что умеренные консерваторы, когда они приходят к выводу, что альтернатив демократизации нет, становятся легкообучаемы [Palma 1991, ch. IV].

Тактика № 4. Лишить привилегированные корпоративные заинтересованные группы старого режима их политического иммунитета, но предоставить достаточную защиту от отчуждения, чтобы избежать их массового отхода и помешать им искать союзников, с которыми они могли бы насильственно повернуть вспять процесс демократизации. Тех, чей иммунитет при старом режиме был гарантирован, нужно лишить этого иммунитета, однако предоставить им достаточное пространство в новом порядке, не ставя их в безвыходное положение [Palma 1991: 110–111]. Императив здесь — «сделать ощутимой институциональную неопределенность» [Palma 1991: 32], достаточно ощутимой, чтобы значительная часть старой гвардии поняла, что выгоднее вступить в игру, чем отстраниться. Идея состоит в том, что они не только будут играть в новые игры, но также научатся этому и оценят (в конечном итоге) новые правила. Совершенно необходимо запугать консерваторов, заставив их поверить в то, что у них нет другого выбора, кроме как присоединиться к новой демократической игре, а также заверить их в том, что у них в этой игре есть место и оно защищено лидером⁹.

С этих позиций политическая тактика Горбачева выглядит мудрой. Его реформы разрушили политический иммунитет старой гвардии и уменьшили влияние вооруженных сил на внутреннюю и внешнюю политику. В то же время он дистанцировался от радикальных аболиционистских сил и, таким образом,

⁹ Эта силовая тактика применима к плюралистическому лидерству в целом. Так, говоря о президентской власти, Ричард Нойштадт советует лидеру «вызвать как можно больше неуверенности, проистекающей из последствий игнорирования желаемого им. Если он не может заставить людей думать, что обязательно победит, ему не нужно давать им повод думать, что они без риска могут обойтись без него или что они точно знают, какому именно риску они подвергаются. В то же время (немалый подвиг), он должен избавить их от страха, что он может их бросить, если они его поддержат» [Neustadt 1960: 64].

какое-то время поддерживал связи с консервативными силами истеблишмента. Эта стратегия проявилась: 1) в его нежелании поддерживать призывы к уничтожению социально-экономических привилегий элиты; 2) в отправке в почетную отставку многих членов Политбюро и Центрального комитета; 3) в его готовности позволить многим представителям консервативных и реакционных сил открыто выступать на транслируемых по телевидению заседаниях ЦК и Съезда народных депутатов; 4) во введении избирательной системы, изначально оставлявшей значительную часть мест за элитарными назначенцами от партии, профсоюзов, ВЛКСМ и Академии наук; 5) в разрыве между его предложениями на XIX партконференции (июнь 1988 года) и теми, что были внесены там Ельциным; 6) в его подходе к экономической реформе, когда многие чиновники получили долю в частном секторе экономики посредством «стихийной» или «номенклатурной» приватизации (некоторые аналитики назвали бы это массовым хищением активов инсайдерами); и 7) в его осторожном отношении к КГБ.

Для многих радикалов в Советском Союзе и за рубежом эти уступки казались неприемлемым консерватизмом и свидетельством того, что Горбачев был воспитан как верный коммунист и аппаратчик. Однако с точки зрения людей, хорошо разбирающихся в сравнительных исследованиях перехода к демократии, все это имело смысл.

В то же время Горбачев ловко использовал кризисы, некоторые из которых создавались искусственно, а некоторые были естественными, для чистки или маргинализации консерваторов в руководстве и разоружения реваншистов, а также для поощрения выжидающих, чтобы они примкнули к победителю, создавая у них опасения, что они многого лишатся, если не поддержат его сейчас¹⁰. Кризисы Горбачева не компрометировали; напротив, он

¹⁰ О важности создания побудительных факторов для выжидающих, стимулируя их примкнуть к победителю, см. [Goldstein 1991]; о важности использования власти таким образом, чтобы увеличить свою легитимность как лидера, см. [Neustadt 1960].

использовал их, чтобы перехватить политическую инициативу и далее радикализировать свои программы.

Тактика № 5. В тупиковых ситуациях идти на обострение, чтобы увеличить предполагаемые издержки отката назад. Этот рецепт основан на известном изречении Роберта Даля о том, что демократические прорывы напрямую зависят от того, чтобы издержки подавления оппозиции превышали предполагаемые издержки терпимости [Dahl 1971: 15]. Вопрос не в том, являются ли нынешние издержки терпимости желательными или приятными; вопрос в том, воспринимаются ли они как более терпимые по сравнению с издержками резкой ответной реакции¹¹.

В этом отношении Горбачев последовательно проводил успешную стратегию в течение первых пяти лет своего правления (до середины 1990 года). Он был «радикальным центристом», стремившимся сохранить движение «влево», в то же время доминируя (и защищая) в плавающем центре политического спектра. Поощряя активизацию общественных сил, стремящихся к более радикальным изменениям, или присоединяясь к этим общественным силам, когда они действовали неожиданно, Горбачев мог с большей легкостью утверждать, что издержки восстановления прежнего статус-кво стали непомерно высокими. Поощряя публичное выражение взглядов народа, так нетерпеливо ждущего перемен и так возмущенного привилегиями и коррупцией представителей старого порядка, Горбачев мог более убедительно утверждать, что любые попытки восстановить прежний статус-кво, даже если они будут успешными в краткосрочной пер-

¹¹ Обратите внимание на параллель с теорией относительности применительно к легитимности Пржеворского [Przeworski 1986]. В каждом случае, идет ли речь о легитимности среди масс или о терпимости элит, вопрос не в том, воспринимается ли ситуация как «лучшая» или даже «желательная», а в том, воспринимается ли она как «наименее плохая» среди альтернатив, которые в данный момент определяются как реально возможные. Отметим также, что в каждом случае мы имеем дело с предположением об относительно рациональных расчетах со стороны вовлеченных субъектов. Критику, подчеркивающую страсть и гнев в Советском Союзе, делавшие такой рациональный расчет маловероятным, см. в [Lyday 1994].

спективе, только отсрочат день расплаты. В то же время избирательная защита Горбачевым умеренных и консервативных интересов позволяла ему доминировать в центре политического спектра, добиваясь того, что центристы воспринимали его как своего защитника от радикального отчуждения.

Наконец, создавая возможности для реального участия в политике высвобожденных общественных сил, в 1985–1990 годах Горбачев смог разоружить силы реакционного реванша, лишив их предлога для «подавления контрреволюции». Вместо того чтобы допустить такое развитие ситуации, в котором общественные силы могли быть вовлечены в анархические беспорядки или акты революционного насилия, Горбачев избрал политику, сразу же повысившую издержки подавления и снизившую издержки терпимости. В этом процессе он доминировал в левоцентристском политическом спектре, усиливая политическую зависимость от него со стороны различных радикальных реформаторов, умеренных левых и центристов в равной степени. Этим объясняется тот факт, что многие реформаторы в 1989–1990 годах критиковали «консерватизм» Горбачева, но опасались того, что могло прийти ему на смену.

Тактика № 6. Поставить себе на службу те силы в международном окружении, которые помогут сохранить импульс реформ, а также повысить издержки регресса. Это и было целью «нового мышления» Горбачева во внешней политике, его подхода к внешне-экономическим отношениям и его процесса культурной вестернизации. Открыв страну для западных экономических и культурных влияний, в том числе дав свободу выезда за границу, он резко поднял издержки терпимости народа к усилиям по восстановлению закрытого общества, одновременно повысив фактические и предполагаемые преимущества открытости. Урегулировав конфликты с процветающими антагонистами, он увеличил шансы на получение экономической помощи для финансирования своей программы, уменьшив при этом бремя оборонных расходов. Более того, его уступчивая внешняя политика была направлена как на сокращение потерь, так и на преобразование международной системы, на то, чтобы зарубежные страны, компании и обще-

ственность проявили осознанный интерес к политике, благопритствующей продолжению перестройки.

Одновременно проводя радикальные реформы как во внутренней, так и во внешней политике, Горбачев расширил круг проблемных областей, в которых он мог перехватить инициативу, сохранить динамику своего правления и вывести потенциальных соперников из равновесия. Повышая свою популярность за границей, он смог укрепить свой авторитет государственного деятеля и тем самым компенсировать отсутствие экономического прогресса у себя дома. Выполнив свое обещание снизить напряженность в международных отношениях, он создал обстановку, в которой потенциальным соперникам было трудно утверждать, что они могут добиться большего, чем он¹². Таким образом, его внешняя политика являлась не только центральным элементом его стратегии внутренней культурной и политической трансформации, но и была важна для его тактики одновременного расширения политического авторитета и все большего затруднения обращения перестройки вспять.

Итак, Горбачев успешно выполнял (знал он об этом или нет) многие из предписаний тех ученых, которые изучили уроки эволюционных стратегий для преобразования режимов в условиях, отличных от ленинизма. Его стратегия и тактика были близки к содержательному изложению Вайнера:

¹² Вот как Додер и Брэнсон проникательно истолковали расчеты Горбачева, когда он созвал в Москве в феврале 1987 года трехдневную встречу международной интеллектуальной и социальной элиты: «Этот случай, как он полностью осознал, дал возможность усилить его авторитет не только во внешней политике, но и на внутреннем фронте. Он знал, что его враги только выжидают момента, готовые наброситься на него, когда он ошибется в своих действиях по обеспечению безопасности или в каком-либо другом вопросе. Но он становился все более уверен в своих дипломатических способностях. <...> Он показал бюрократии, что непрерывно командует советской внешней политикой. <...> Его мастерство в деталях и качество доводов, представленных перед изысканной публикой в Большом Кремлевском дворце, доказали, что советский лидер — сильная фигура, что он пользуется уважением во внешнем мире и, таким образом, заслуживает уважения дома» [Doder, Branson 1990: 210].

Для тех, кто стремится к демократизации, уроки таковы: мобилизовать крупномасштабную ненасильственную оппозицию режиму, искать поддержки в центре и, если необходимо, со стороны консервативных правых, сдерживать левых, <...> добиваться расположения военных, сочувственного освещения в западных СМИ и требовать поддержки от Соединенных Штатов [Weiner 1987: 866].

Упущенные возможности и теории перехода

Конечно, Горбачев должен нести частичную ответственность и за то, что за эти годы достигнуто так и не было. В частности, двумя неудачными областями (относительно поставленных им целей) стали экономическая трансформация и переговоры о федеративной или конфедеративной альтернативе советскому унитарному государству¹³.

Упущенные возможности на экономическом фронте

Поскольку темпы экономических реформ при Горбачеве сильно отставали от темпов изменений в других сферах, при оценке его руководства экономикой обычно приходят к негативным в целом выводам¹⁴. Аргумент прост: если бы Горбачев в 1985–1986 годах начал реальную и мощную экономическую реформу, или если бы он решил сначала реформировать сельское хозяйство, или если бы последовал китайской модели реформирования экономики до реформирования политической системы, то экономика оказалась бы в лучшем состоянии, чем она

¹³ Браун очень хвалит руководство Горбачева в целом, но, взвешивая его достижения и упущения, признает, что Горбачев потерпел неудачу в экономической и национальной политике. Однако Браун приходит к выводу, сравнивая это с успехами в политической реформе и международных отношениях, что, с учетом обстоятельств, два из четырех — неплохой средний показатель [Brown 1996].

¹⁴ См., напр., [Goldman 1991].

была в 1990–1991 годах¹⁵. Такое контрфактуальное утверждение может быть справедливым (хотя и не бесспорным), но увязка его с оценкой правления в целом включает дополнительный логический шаг: необходимо достоверно утверждать не только применимость и вероятную эффективность альтернативных стратегий в советских условиях, но и их интеллектуальную доступность и политическую осуществимость в то время, когда они могли бы быть реализованы. Насколько советские лидеры в прежние годы осознавали необходимость такой немедленной и радикальной экономической операции? Если они осознавали, то был ли, и в какой степени, у лидера партии политический потенциал в 1985–1987 годах, чтобы добиться принятия и осуществления этих стратегий?

Имеющиеся свидетельства неоднозначны, но из них можно заключить, что Горбачев, придя к власти, был убежденным радикалом в вопросах экономической реформы, хотя еще не осознавал, какая именно радикальная программа могла бы сработать. В 1985 году экономисты-реформаторы, которые возглавляли НИИ и с которыми Горбачев регулярно консультировался в качестве секретаря ЦК, направили в Политбюро свои программы радикальной экономической реформы. Более того, китайской экономической реформе к тому времени исполнилось семь лет, и она показывала замечательные результаты. Следовательно, даже с учетом ненадежности исторических данных кажется более чем вероятным, что радикальная экономическая реформа того или иного типа была интеллектуально доступна Политбюро и Горбачеву уже в 1985 году.

Насколько это было возможно с политической точки зрения в то время — и если было, то какой ценой? Хотя Горбачев консолидировал свою власть быстрее любого другого лидера в советской истории, ему все же пришлось столкнуться с проблемой, с которой сталкивался каждый новый советский лидер: проблемой расширения своей политической базы до начала радикализации своей программы. В тот период ему пришлось мириться

¹⁵ Этот аргумент убедительно отстаивает Хаф в [Hough 1997, chs. 4, 11].

со многими могущественными пережитками старого режима. Даже среди андроповцев, сменивших брежневцев в 1985–1986 годах, преобладали настроения скорее технократические и антикоррупционные, чем радикально реформаторские. Вполне возможно, что Горбачев в 1985–1986 годах особо не настаивал на проведении экономических реформ, потому что тогда он выстраивал свою политическую базу.

Тем не менее это не объясняет, почему, даже когда в 1987 году он начал настаивать на необходимости экономической реформы, эти меры были скромными по сравнению с большим радикализмом предложений, выдвинутых директорами НИИ, или по сравнению с масштабом экономических реформ в Китае. Новые законы — о совместных предприятиях, о кооперативах, об «индивидуальной трудовой деятельности» и о государственных предприятиях — знаменовали радикальный рывок вперед по сравнению с советским прошлым, но это были пока только «первые ласточки» на пути к делегитимизации старых ценностей и полной принципиальной поддержке новых подходов к экономической организации и мировой экономике. Эта политика была пересмотрена и (в большинстве случаев) стала более радикальной в 1988–1989 годах, однако ключевые вопросы реформы ценообразования, сельскохозяйственной реформы, земельной реформы, приватизации собственности и монополизации государственного сектора не были решены и, следовательно, фатально принизили эффективность многих фактически принятых мер. Таким образом, можно утверждать, что реформирование экономики могло бы оказаться более эффективным, если бы Горбачев в 1987–1988 годах выбрал существенно более радикальный подход, и что он несет ответственность за то, что не сделал этого.

Горбачев мог испугаться того, что в результате либерализации цен возникнут волнения в городах; в свое время именно рост цен вызвал беспорядки с человеческими жертвами в 1962 году в Новочеркасске. Он также мог опасаться, что слишком внезапный переход к неуверенности и рискам рыночной экономики будет неприемлем для населения, прожившего шестьдесят лет без рыночной экономики и тридцать лет в государстве всеобщего бла-

госстояния с низкими возможностями (но также и с низким уровнем риска). Он, возможно, пришел к выводу, что политические реформы, включая конкурентные выборы, гражданские свободы и подлинные формы политического участия, являются предварительным условием для экономической реформы (в противоположность китайской модели), поскольку они предоставляют людям политические предохранительные клапаны для выражения своего разочарования, тем самым не давая экономической реформе лишиться легитимности политическую систему. Конечно, при беспристрастной оценке правления Горбачева нельзя принимать его опасения за мерило реальности. Возможно, он был слишком робок и ошибался относительно вероятной реакции народа¹⁶.

Горбачева также могли утратить резкие возражения против экономической децентрализации со стороны некоторых членов Политбюро¹⁷. Хотя к 1987–1988 годам он достиг стадии своего господства в руководстве, он не был неограниченно свободным лидером. У него было больше власти и авторитета, чем двумя годами ранее, так же как у Хрущева и Брежнева было больше свободы для инициирования политики и нововведений на этапах их господства. Но ему все еще приходилось учитывать политические ограничения. Смирилось бы руководство с глубоким радикализмом, охватывающим одновременные преобразования в политической, экономической и внешнеполитической сферах? Известно, что в то время оно резко разделилось по вопросам как экономической, так и политической реформы¹⁸.

¹⁶ Хаф не удивлен, что Горбачев не последовал совету Рыжкова по реформе цен [Hough 1997: 19, 137–138, 345]; Браун игнорирует этот вопрос [Brown 1996, ch. 5]. Горбачев в своих мемуарах сам признает, что его правительство упустило в свое время возможность для необходимой реформы цен в 1987–1988 годах [Горбачев 1995: 361–362]. Он обвиняет журналистов и бюрократов в разжигании общественного протеста, но не говорит о том, что сам опасался возможных последствий либерализации цен на тот момент.

¹⁷ Личное сообщение автору бывшего члена Политбюро А. Н. Яковлева.

¹⁸ Об экономической реформе см. [Aslund 1991]; другие свидетельства разногласий внутри Политбюро можно найти в предыдущих главах настоящей книги со ссылками на мемуарные источники.

Вполне возможно, что в обмен на большой радикализм в экономической политике Горбачеву пришлось бы «сдать» часть своего радикального подхода к внешней политике, обороне или культурным и политическим реформам. Это, в свою очередь, могло поставить под угрозу его усилия по трансформации образа СССР в глазах западного мира, что было основой его усилий по подрыву ксенофобских сил, сопротивляющихся реформе внутри страны.

В любом случае Горбачев в 1987–1988 годах либо решил сам, либо был вынужден помедлить с экономическими реформами в обмен на более быстрые темпы действий в других сферах. Если он принял такое решение, имея возможность поступить иначе, можно было бы задним числом обвинить его в отсутствии видения, понимания и стратегии, необходимых в экономических условиях того времени. С другой стороны, тот, кто считает, что радикальная экономическая реформа была нецелесообразна в Советском Союзе в отсутствие предшествующих политических, культурных и международных изменений, может похвалить Горбачева за понимание необходимости подготовительных изменений в этих сферах.

Предположим, что Горбачев был волен проводить политику по своему усмотрению. Был ли он знаком с теорией перехода, определяющей взаимосвязь между политическими, экономическими и культурными изменениями в системах советского типа? Если бы в сообществе экспертов имелся консенсус относительно того, что «сработает», а что нет, то Горбачева можно было бы критиковать за игнорирование этого консенсуса, но это не так. Ни среди советских, ни среди западных специалистов не существовало консенсуса относительно характера взаимосвязи между политической и экономической реформой. Аналитики и политики разошлись во мнениях относительно правильной последовательности маркетизации и демократизации. Некоторые утверждали, что эти два действия должны происходить одновременно, чтобы помочь разрушить бюрократические монополии (таким образом предотвращая развитие вымогательства и жульничества в экономике) и добиться общественной поддержки

в период разлуки и лишений¹⁹. Другие настаивали на том, что радикальная экономическая реформа требует авторитарного режима и что политическая демократизация только подорвет маркетизацию экономики [Мигранян 1989]²⁰. Разошлись эксперты и по поводу работоспособности китайской стратегии в советских условиях²¹. Они не соглашались между собой в вопросах о работоспособности и желательности различных сочетаний соображений справедливости и эффективности при разработке экономической политики [Hewett 1988], о форме и степени политической демократизации, которые могут наилучшим образом сопровождать экономическую реформу, и о формах маркетизации, которые могут наилучшим образом (то есть наиболее действенно) сопровождать политическую демократизацию [Hankiss 1990; Yanov 1977; Kagarlitsky 1990; Przeworski 1991]. Третьи утверждали, что решающий компонент успешной стратегии — международный: открытие экономики для глобальных рыночных сил [Hough 1988; Parker 1990].

Ни одна из этих точек зрения не является верной или ложной. Каждая просто указывает на разногласия между тем, к чему Горбачев мог прислушаться, прямо или косвенно, когда он обдумывал свои варианты действий. Варианты, которые он отверг, на самом деле были интеллектуально доступны, но не было единого мнения относительно их вероятных последствий. В запутанном и неоднозначном интеллектуальном контексте Горбачев сделал свой выбор. Это не сработало.

¹⁹ Напр., [Kornai 1990, ch. 3].

²⁰ Эта точка зрения повлияла также на китайский подход к реформе.

²¹ Аргумент против перенесения китайской реформы в советский контекст состоит в следующем. Культурная революция в Китае (1966–1976) недавно нанесла ущерб сплоченности коммунистической партии и значительно ослабила контроль местных партийных органов над сельским хозяйством. Кроме того, в 1978 году китайское руководство столкнулось со стихийной деколлективизацией сельского хозяйства. Напротив, КПСС и колхозы в советской деревне закрепились, а кадры после 1930-х годов больше не становились мишенью кампаний массового террора.

Отсутствие теоретического консенсуса не может служить оправданием неэффективности лидерства, хотя и является смягчающим обстоятельством. Можно ожидать, что хорошие лидеры будут обладать особой способностью чувствовать, что может эффективно работать, а что нет. Так, в области экономики подход Горбачева к сложившейся ситуации не был впечатляющим, даже если сделать поправку на неопределенности и ограничения. Правда, он привнес в экономику новые рыночные элементы. Однако в этой сфере он создавал события в основном в негативном смысле: делегитимизируя ценности, лежавшие в основе старого экономического порядка, и расшатывая органы командной экономики. Поскольку скорость дезорганизации командной экономики (промышленной) намного превышала скорость внедрения рыночных отношений, результатом стал распад, а не реконструкция. Будет справедливо сказать, что в этой области Горбачев лучше умел разрушать, чем созидать.

*Упущенные возможности
и проблема национализма*

Аналогичные контрфактуальные и теоретические аргументы можно привести относительно того, как Горбачев справлялся с кризисом в области межнациональных отношений. Горбачев, вероятно, знал, что «национальный вопрос» в стране является одним из самых сложных в повестке дня советской политики²², но он, очевидно, не осознавал глубины национализма, межнациональной ненависти и сепаратистских настроений, скрытых под поверхностью²³. Он также не ожидал, насколько быстро и полно его политика гласности и демократизации высвободит этот потенциал [Brown 1996, ch. 8]. Наконец, он не понимал, что выбранные им конкретные политические реформы — внезапная необходимость избирать региональных партийных должностных лиц на всеобщих выборах, проведение парламентских выборов

²² Так в то время утверждал Джерри Ф. Хаф [Hough 1990].

²³ Так в то время утверждала Гейл В. Лapidус [Lapidus 1989].

в республиках после (а не до) общесоюзных парламентских выборов — ускорили потерю центром контроля.

Можно было бы возразить, что если бы Горбачев созвал Конституционное собрание и предложил возможность создания демократической федерации в 1988 году, а не с неохотой и реагируя на обстоятельства — в 1989–1990 годах, то он смог бы замедлить действие центробежных сил и избежать окончательного краха Союза. Точно так же, если бы он согласился с отделением прибалтийских республик в 1989 году — при условии, что у него была возможность так поступить — и определил их как «особый случай», то он, возможно, облегчил бы путь к федерации, согласованной между оставшимися двенадцатью республиками. В качестве альтернативы, если бы он с самого начала постоянно применял силу, чтобы ограничить протесты и игнорирование приказов Москвы, то таким образом он мог бы удержать Союз от распада²⁴.

На этот счет в распоряжении у Горбачева было мало теорий. Кое-кто в стране и за рубежом призывал его в то время решительно продемонстрировать силу, чтобы обуздать центробежные силы в республиках, полагая, что это не приведет к обратному эффекту (насилие со стороны государства иногда сдерживает эскалацию, но иногда вызывает гнев и усиливает неповиновение). Другие голоса внутри страны и за рубежом призывали к переговорам о более широких степенях автономии для республик и продвижению к согласованной с ними федерации. Горбачев прислушивался к этим голосам, но не вовремя (оказалось, что было уже слишком поздно), и его предложения, как правило, опережали растущие требования. Неизвестно, была ли у него возможность сделать что-нибудь, под принуждением или идя на уступки, что смогло бы предотвратить центробежную спираль 1990–1991 годов.

Неизвестно, как бы отреагировали Политбюро и ЦК, если бы Горбачев предложил ненасильственные альтернативы²⁵. Это

²⁴ На этом настаивает Хаф [Hough 1997, chs. 7, 12, 15].

²⁵ Сам Горбачев позже утверждал в личной беседе с бывшим послом США, что если бы он настаивал на конфедерации в 1989 году, то Центральный комитет немедленно проголосовал бы за его отставку с поста генерального секретаря [Matlock 1995: 659].

спорный вопрос, поскольку и его политическая стратегия, и его видение СССР не позволяли Горбачеву серьезно рассматривать такие альтернативы. Непонятно даже, насколько он осознавал их осуществимость и эффективность. Его образ «третьего пути» между социализмом и капитализмом был основан на сочетании социального благосостояния и демократичной политики, которое встречалось и в марксистском наследии, но он полагал, что экономика, а не этническая принадлежность, является основным мотиватором человеческого поведения.

Если считать, что главными причинами распада Советского Союза были радикализирующие действия Ельцина (и правительства РСФСР), можно утверждать, что одной из ключевых ошибок Горбачева явилось возвращение Ельцина в политику. Горбачев пытался, но безуспешно, помешать победе Ельцина на выборах 1989–1991 годов. Чем больше истеблишмент пытался надломить Ельцина, тем выше росла его популярность в глазах мобилизованного электората. Возможно, Горбачеву следовало политически похоронить Ельцина в начале 1988 года, вместо того чтобы дать ему высокую должность в Министерстве строительства, позволившую ему оставаться на аренах власти. Несомненно, тот факт, что он неохотно позволил Ельцину выступить на партийной конференции в июне 1988 года, в трансляции по национальному телевидению, дал Ельцину платформу для популистского возрождения.

Пожалуй, никакие действия Горбачева, кроме разве что отказа от его политических реформ, не могли бы предотвратить распад СССР. Если это так, тогда Горбачева все еще можно критиковать за его донкихотскую неспособность оценить масштаб центростремительных этнических сил, с которыми он имел дело и которые высвобождал. Если сравнить достигнутые результаты с его целями, национальная политика Горбачева (как и его экономическая политика) не была впечатляющей. Он выполнил выдающуюся работу по разрушению советского унитарного государства и по внедрению демократических выборов в республиках, тем самым создав условия для попыток переговоров о федеративной или

конфедеративной альтернативе. Но ему так и не удалось завершить эти переговоры. Как и в экономической политике, здесь ему лучше удавалось разрушать, чем строить.

Баланс успехов и неудач

Если выбрать за отправной пункт, скажем, начало 1990-х годов, то первые пять лет пребывания Горбачева у власти выглядели как история успеха. Его достижения в создании нового экономического и межреспубликанского порядка не впечатляли, но в области разрыва со старым режимом во всех сферах и в проведении мирного перехода к новым политическому и международному порядкам его действия были новаторскими. В отношении последнего он являлся творцом событий и обладал уникальными лидерскими качествами. Его политическая тактика и стратегия укрепления авторитета подходили для решения задачи по переводу устаревшей системы на новый путь.

Политическая тактика Горбачева, если рассматривать ее с позиций 1990 года, похоже, тоже сработала. Избирательно умиротворяя консервативные силы или вступая с ними в союз и одновременно повышая издержки возможного реванша, Горбачев смог удержать политическую инициативу, не провоцируя консервативный или реакционный переворот. Высвободив радикальные общественные силы, предоставив им демократические возможности для политического участия, он смог сохранить импульс реформ, уменьшив при этом стимулы для нигилизма слева и репрессий справа. Сформировав внешнюю политику, мобилизовавшую международные силы на поддержку перестройки, он повысил привлекательность удержания своего курса, повысив при этом издержки отката назад.

Однако с точки зрения 1992 года стратегия лидерства Горбачева представляется уже гораздо менее эффективной. Начинали сказываться недоработки его национальной и экономической политики. В сочетании с его политическими реформами рост

социальной и политической поляризации подрывал его эволюционную стратегию трансформации, разрушал центристскую базу, необходимую для того, чтобы его политическая тактика оставалась эффективной, и лишал его власти и авторитета. Что наиболее трагично с учетом предпочтений Горбачева, это привело к распаду страны, которую он пытался преобразовать, но уж точно не разрушить.

Любая интерпретация тактических политических ошибок Горбачева (после 1989 года) в его реакции на сползание к периоду политического упадка должна учитывать две вещи: 1) неохотные попытки достичь политического перемирия с Ельциным и 2) его коррекцию курса осенью 1990 года, включавшую увольнение нескольких из его наиболее либеральных соратников и замену их людьми, которые в конечном итоге возглавили в августе 1991 года путч против него. Если бы Горбачев лучше осознавал темп социальной поляризации и то, что он не может справиться с этим без применения силы, он понял бы, что Ельцин и радикалы олицетворяли собой будущее. Он продолжал бы двигаться «влево» (то есть в радикальном направлении), чтобы идти в ногу с этими общественными силами, хотя и необязательно разделяя все их политические предпочтения²⁶. Вместо этого, двигаясь вправо, но сохраняя свое обязательство не применять широкомасштабных репрессий, он в значительной степени сжег мосты к радикальному лагерю, в то же время лишив себя инструментов, которые понадобились бы ему для достижения целей правого крыла. Консерваторы и реакционеры понимали это лучше него; они начали серьезно готовиться к государственному перевороту вскоре после того, как Горбачев в апреле 1991 года возобновил обсуждение союзного договора. Его семимесячный флирт с консерваторами только увеличил уровень поляризации в обществе и политическом истеблишменте, не приведя к че-

²⁶ Об этом я писал в [Breslauer 1989: 333–337]. Остается открытым вопрос о том, приветствовал бы Ельцин Горбачева в радикальном лагере или снова повысил бы ставки, пытаясь обойти его с фланга. В главе четырнадцатой я расскажу больше о роли Ельцина в подрыве шансов Горбачева на успех в достижении своих целей.

му-либо существенному. Более того, это помогло заговорщикам подготовиться к своей последующей авантюре, которая, в свою очередь, разрушила все надежды на то, что лидеры славянских республик захотят подписать новый союзный договор.

Горбачев утратил контроль над своими политическими реформами и оказался неспособен или не желал предотвратить то, чего он явно надеялся избежать: полный крах коммунистических режимов в Восточной Европе, объединение Германии и вступление ее в НАТО, распад СССР и лишение коммунистической партии права на существование. Баланс успехов и неудач таков, что Горбачев отлично начал (1985–1989), но плохо закончил (1990–1991). Это особенно характерно для тех сфер (экономика и национальная политика), в которых его деятельность обычно оценивается как невпечатляющая, но так было даже в тех сферах политики, в которых ее принято считать успешной. Обстоятельства навязали ему те самые результаты, которых он больше всего хотел избежать (кроме восстановления старого режима).

Это «жесткая» оценка Горбачева как трансформационного лидера. Альтернативой можно назвать «щедрую» оценку. «Щедрые» аналитики отметили бы, что маркетизация экономики и федерализация союза были двумя наиболее трудноразрешимыми проблемами, стоящими перед советским режимом. Ограничения на проведение изменений и создание для этой цели жизнеспособных политических коалиций были гораздо более существенными, чем в области политических реформ и внешней политики. Щедрая оценка должна предполагать, что никакие возможные действия Горбачева не предотвратили бы краха как экономики, так и Союза, учитывая силы, которые он высвободил в 1987–1989 годах, его готовность позволить Ельцину вернуться в политику и политическую стратегию последнего. Более того, в щедрой оценке подчеркивалось бы, что в областях, в которых он добился успеха, наступили *долговременные* изменения. Созданные Горбачевым демократические политические институты (тайные конкурентные выборы из нескольких кандидатов, подлинные законодательные органы и широкие гражданские свободы) просуществовали дольше, чем он находился у власти,

и в этом отношении считаются одними из его величайших достижений как *созидателя*. Кроме того, хотя Горбачев не стремился к распаду СССР, он фактически создал условия, позволившие окончательному распаду произойти относительно мирно и оставаться таковым в последующие годы, когда Горбачев ушел в отставку. Наконец, Горбачев проложил путь к переоценке места Советского Союза в международной системе и тем самым сделал возможным мирное и (пока что) прочное прекращение холодной войны.

И жесткие, и щедрые оценки основаны на суждениях об эффективности Горбачева в достижении своих целей в ближайшей и долгосрочной перспективе. Они отличаются от оценок, основанных исключительно на шкале ценностей наблюдателя. Можно глубоко восхищаться Горбачевым — как восхищаюсь я — за разрушение и созидание, как преднамеренное, так и непредумышленное; в качестве альтернативы можно осудить его за то же разрушение и созидание. Но это поверхностный подход к оценке лидерства. Вопрос о том, жесткая ли или щедрая оценка более справедлива в отношении Горбачева, остается предметом споров. Вердикт будет в основном зависеть от ответов на вопрос об альтернативах: смог бы кто-либо сделать больше в данных обстоятельствах и без оглядки назад?

Глава 14

Оценка Ельцина как лидера

Ельцин, как и Горбачев, был одновременно разрушителем системы и ее строителем. В те годы, когда Горбачев пытался преобразовать марксистско-ленинскую систему в социалистическую демократию, Ельцин превратился в убежденного революционера-антикоммуниста. Его целью стало уничтожение коммунистической системы вместе со всеми теми ее характеристиками, которые Горбачев надеялся сохранить во имя «социализма» и «советской цивилизации». Затем на развалинах этой системы Ельцин пообещал построить на территории России новую, которую он назвал «рыночной демократией». Как и в случае с Горбачевым, эффективность Ельцина как разрушителя системы можно оценивать отдельно от его эффективности как строителя системы.

Ельцин как разрушитель системы

В 1988–1991 годах Борис Ельцин превратился в героя антикоммунистической оппозиции советской власти. После его решительных побед на выборах в марте 1989 года и в июне 1991 года, а затем над путчистами в августе 1991 года, о его авторитете в стране и за рубежом стали ходить легенды. Он превратился в харизматичного лидера почти мифических масштабов, особенно для тех, кто ранее считал советские и коммунистические структуры непоколебимыми. Таким образом, как лидер оппозиции Ельцин, вероятно, войдет в историю как уникальный, смелый

и эффективный человек, сумевший одержать победу, несмотря на кажущиеся превосходящими силы противника. Его «воскрешение» после аппаратной чистки в 1987 году было результатом исключительной политической воли, интуиции и сверхъестественной способности ощущать и формировать настроение масс. Его успех в 1990–1991 годах в отделении понятия «российский» от понятия «советский» был результатом как интеллектуального, так и политического вдохновения (с учетом его целей), как и его настойчивое требование в марте 1991 года, чтобы Россия избрала президента путем всенародных выборов, что произошло впервые в ее тысячелетней истории. Ельцин был революционным героем, добившимся всего, что он сделал, благодаря своим незаурядным личным качествам. Споры о нем, вероятно, будут базироваться в основном на нормативных основаниях. Те, кто одобряет роль Ельцина в разрушении коммунистической и советской систем, скорее всего, положительно оценят его лидерство, а те, кто не одобряет этих целей, соответственно, его осудят. Но ни одна из сторон не станет оспаривать нейтральное с точки зрения ценностей наблюдение о том, что Ельцин в своей роли лидера оппозиции был «творцом событий».

Ничто из происшедшего с тех пор не сможет, по всей вероятности, изменить эту оценку. Оппозиционную деятельность Ельцина в 1980-е годы — как и руководство Черчиллем Великобританией во время войны — можно рассматривать независимо от более поздних событий. Это завершенное действие, которое можно оценивать по его собственным мерилам.

Когда Ельцин стал президентом независимой России, коммунистическая идеология и организация были в значительной степени разрушены. Препятствия на пути прогресса больше не исходили от официальных организаций и доктрин, а скорее являлись их противоположностью. Это были раздробленные правительственные институты, конфликтующие политические юрисдикции в унаследованном от прошлого государстве, дезорганизация экономики и надвигающийся крах государственных финансов, широко распространенная дезориентация и тревога, вызванные распадом СССР и отсутствием общепринятого ми-

ровоззрения, вокруг которого теперь, когда «социалистический выбор» Горбачева оказался дискредитирован, можно было бы сплотить население. Поэтому в своей повестке Ельцин должен был сосредоточиться на задачах строительства: государства, нации, новой экономической системы и нового политического строя, новой международной роли для новой независимой России и альтернативного мировоззрения для оправдания новых институтов и политики. Задачи эти были как идейными, так и организационными, но в контексте, совершенно противоположном тому, с которым столкнулся Горбачев. После того как Ельцин завершил переворот против коммунистической идеологии и организации в 1990–1991 годах и против СССР в 1991 году, он столкнулся с проблемой создания новых основ порядка, способных заменить их.

Насколько он был эффективен в построении этих альтернатив? Как и в случае с Горбачевым в главе тринадцатой, мы сначала обрисует контуры позитивных достижений Ельцина. Затем мы рассмотрим отрицательные стороны, а в его случае это: 1) жесткость систем, построенных Ельциным, и их неспособность адаптироваться к меняющимся требованиям внешней среды; 2) непомерные расходы, понесенные при достижении его целей; и 3) контрпродуктивное влияние стиля работы Ельцина после 1993 года на достижение заявленной им цели — цели, заключавшейся в закреплении его достижений путем «укрепления Российского государства». После этого мы сопоставим его успехи и поражения и в заключение сравним Горбачева и Ельцина с точки зрения их эффективности в деле укрепления и сохранения авторитета.

Ельцин как строитель системы: плоды персонализма

Как мы видели в предыдущих главах, Ельцин подходил к своему президентству с позиции персоналистического лидера. Он чувствовал себя при осуществлении руководства наиболее комфортно, когда ему не приходилось приспособливаться к мно-

жеству институциональных ограничений. Также он считал, что именно такое лидерство необходимо для достижения его основных целей.

Персонализм Ельцина не следует рассматривать как очевидное препятствие на пути прогресса. Действительно, учитывая его стремление ниспровергнуть формальные структуры коммунистической власти и заменить их формальными организациями капиталистической экономики и либеральной демократии, — интегрированными в западные организации в территориальных границах Российской Федерации на декабрь 1991 года и способными оказывать сопротивление реставрации коммунизма и фашистской реакции, — можно утверждать, что в ближайшей перспективе его персоналистический подход к лидерству значительно способствовал достижению этих целей. Он форсировал изменения, создавшие общую базу для возникновения системы такого рода.

Так, он и его сотрудники разработали и добились ратификации Конституции РФ 1993 года, которая, несмотря на все свои недостатки, в конечном итоге обеспечила надежную конституционную основу для зарождающегося Российского государства. Парламентские и президентские выборы 1993, 1995, 1996 и 1999 годов прошли по графику, и хотя во многих отношениях они были отмечены процессуальными недостатками, их общие результаты, вероятно, не были фальсифицированы. Ельцин не поддавался уговорам многих из ближайших помощников отложить или отменить губернаторские выборы 1996–1998 годов, хотя они и угрожали ослабить его политическое влияние на региональные элиты. Он также устоял перед соблазном отложить президентские выборы 1996 года, хотя в январе его рейтинг общественного одобрения упал до однозначных чисел, и перед сильным искушением отменить выборы, распустить Думу и объявить вне закона коммунистическую партию [Ельцин 2000: 24–25]. Аналогичным образом он сопротивлялся призывам отложить или отменить парламентские выборы в декабре 1999 года. Ельцин также устоял перед соблазном отменить гражданские права, завоеванные российским народом при Горбачеве: свободу критики, собраний,

вероисповедания и передвижения. Книги, газеты и телешоу регулярно глумились над президентом и высмеивали его. Они резко критиковали многие из направлений его политики, временами вызывая у самого президента ужас и шок. Они, однако, избежали санкций, несмотря на неприязнь Ельцина к личным на него нападкам.

Конечно, нельзя не отдать Ельцину должное за его отказ от свертывания прогресса, достигнутого его предшественником. Но мы также не можем считать такой отказ актом *созидания*. Следовательно, это скорее показатель его приверженности построению системы, основанной на некоем варианте либерализма, чем свидетельство его успеха как строителя государства в целом.

Что касается трансформации экономической системы, то Ельцин — во имя создания класса собственников, которые будут бороться против коммунистической реставрации, — провел программу приватизации, позволившую быстро передать государственную собственность в частные руки — со скоростью и в масштабе, превосходящими все, что наблюдалось ранее в мировой истории. Таким образом, Ельцин стал «основателем» олигополистической и клептократической, но тем не менее капиталистической российской экономики.

В своей политике в отношении российских регионов Ельцин продвигал серию договоров и соглашений *ad hoc* между Москвой и отдельными регионами и республиками, где гибко определялись соответствующие обязательства центра и периферии. Конституция 1993 года пыталась обуздать центробежные силы, приписав Москве сильную роль, но в этом документе многие области контроля оставались под совместной юрисдикцией, а механизмы разрешения неясностей и конфликтов были расплывчаты. Эта двусмысленность, а также последующие договоры и соглашения отражали стремление Ельцина к личной гибкости при заключении сделок с главами различных субъектов Федерации¹. Они также учитывали преобладающие в то время реалии, к которым относились различные ресурсные базы регионов, неодинаковая

¹ См., напр., [Батурин и др. 2001: 397].

решимость их лидеров, отсутствие консенсуса между региональными губернаторами и президентами республик относительно конституционных принципов, а также частая неспособность центра обеспечить выполнение своих требований другими способами. Только в случае с Чечней Ельцин использовал вооруженные силы, не оставив места для реализации своего гибкого подхода.

На международном уровне Ельцин стал одним из создателей Содружества Независимых Государств, призванного наладить мирные отношения между государствами — преемниками Советского Союза. Хотя в своей риторике он защищал права «русскоязычных», проживающих в государствах-правопреемниках, он также настаивал на мирном решении таких вопросов и отвергал аргументы тех, кто угрожал применением силы или был готов ее применить. Он показал себя щедрым переговорщиком, отдавая намного больше, чем получал, лидерам Беларуси, Украины и Казахстана в интересах поддержания хороших отношений между Россией и этими странами.

В отношениях с дальним зарубежьем Ельцин безуспешно протестовал против расширения НАТО на восток. Но как только это расширение стало неизбежным, он поддержал переговоры по хартии «Россия — НАТО» и наблюдал за их ходом, чтобы сохранить хорошие отношения с западными партнерами и сделать расширение НАТО приемлемым для российской политической элиты. Он успешно провел переговоры о превращении G7 в «Большую восьмерку». Он доказал свою большую заинтересованность в «либеральном интернационализме», чем в «государственной» составляющей своей политики в отношениях между Востоком и Западом.

С учетом этих итогов можно было бы дать положительную оценку эффективности Ельцина в реализации его основных целей: основать новый порядок, гарантировать безопасность новой системы от реставрации и интегрировать Россию в западные институты. Чтобы дать такую положительную оценку, следовало бы допустить две вещи, одну контрфактуальную, а другую прогностическую: 1) что если бы Ельцин не был лидером России,

то в российской политике преобладали бы силы, преследующие противоположные цели; и 2) что достижения Ельцина устойчивы и они, вероятно, переживут годы после его ухода в отставку. Действительно, эти факты и предположения являются основанием для сделанных нами положительных оценок.

Макроструктурные уязвимости

Можно, однако, возразить, что стремление Ельцина как можно скорее создать новый порядок вещей и гарантировать его устойчивость, причем сделать это через персоналистическое руководство, посеяло семена кризиса, которые проросли в течение нескольких лет и в конечном итоге созрели в 1998–1999 годах. В политической сфере основное макроинституциональное достижение Ельцина (конституция 1993 года) установило рамки настолько жесткие, что они способны воспрепятствовать адаптации системы к меняющимся требованиям внешней среды. Он создал президентскую систему, при которой власть президента огромна и включает обширные декретные полномочия, тогда как полномочия парламента и конституционного суда очень ограничены. Конституция была разработана таким образом, что президент обладал безусловной высшей властью в стране, оставаясь в значительной степени неподотчетным институтам, а отвечая преимущественно перед избирателями на последующих президентских выборах.

Такая свобода действий дает президенту сильные стимулы для игнорирования или инфантилизации других ветвей власти. Суды, как и парламент, остаются сильно недофинансированными, в то время как президентская и исполнительная власть сильно раздута избыточным числом чиновников. Возможность президента подкупать или запугивать членов парламента намного превосходит возможности парламентариев угрожать президенту. Исполнительная власть почти полностью подчиняется воле президента, при этом парламент практически не контролирует состав правительства. Следовательно, гигантская власть прези-

дента по отношению к другим центральным институтам гарантирует, что общее направление политики, вероятно, будет отражать предпочтения президента. Но это также означает, что разработка и осуществление политики будут во многом зависеть от мудрости и дальновидности, исходящих из офиса президента.

Ельцинская «суперпрезидентская» [Holmes 1994] конституция также упразднила должность вице-президента, с тем чтобы ни один будущий вице-президент не смог выступить против президента, как поступил Руцкой в 1992–1993 годах. Отсутствие вице-президента в системе, в которой президент обладает столь обширными полномочиями, означает, что любой намек на плохое состояние здоровья президента — или его предвосхищение — запускает цепь политического маневрирования и демагогической риторики в ожидании новых выборов. Увеличивается юридическая двусмысленность касательно определения термина «недееспособность». Попыткам изменить конституцию, чтобы ввести должность вице-президента или даже добиться того, чтобы премьер-министр отбывал полный срок бывшего президента до проведения новых выборов, препятствуют почти недостижимые условия для внесения поправок. Более того, конституция дает стимул тем, кто больше всех надеется на победу на следующих выборах, выступить против поправок в ней. Зачем уменьшать полномочия должности, которую можно занять?

В экономической сфере программа приватизации Ельцина представляла собой ярчайший в истории пример инсайдерской операции. Ельцин стремился как можно скорее создать экономическую элиту, которая одновременно поддерживала бы его политически и служила бы мощным оплотом против коммунистической реставрации. Но чрезвычайная концентрация богатств и демонстративное потребление, которым он способствовал, наряду с незаконными (зачастую криминальными) средствами, с помощью которых эти богатства были приобретены, с возникшим в результате «клановым капитализмом» и с переплетением экономической власти с коррумпированной властью политической, породили широко распространенное ощущение социальной несправедливости, которое в любой момент

могло обернуться взрывом народной ярости или привести к социальной анархии. Более того, массовое обнищание населения, к которому привела избранная стратегия макроэкономической стабилизации, добавляла мощный экономический мотив к чувству несправедливости, порожденному неравенством. Даже если идеологические и организационные препятствия возникновению массовых протестов окажутся непреодолимыми [Hanson, Kopstein 1997; Bonnell, Breslauer 2000, ch. 1], ситуация все еще может привести к фактической победе на президентских и парламентских выборах тех, кто выступает за авторитарную популистскую альтернативу.

Точно так же решение Ельцина начать войну в Чечне для защиты территориальной целостности Российской Федерации оказалось катастрофическим для всех заинтересованных сторон. Число человеческих жертв среди чеченцев, русских жителей Чечни и российских солдат было огромным. Продолжение войны еще больше подрывало моральный дух и сплоченность российских вооруженных сил. И все же, хотя территориальная целостность была временно защищена, проблема оставалась. Это привело к решению, принятому осенью 1999 года, продолжить чеченскую войну — войну, все еще продолжающуюся на момент написания этой книги. Вероятно, первая война могла удержать других руководителей регионов от мысли об отделении, и это дало бы Ельцину резонные основания настаивать на том, что, ведя эту войну, он сыграл позитивную роль в сохранении территориальной целостности России. Но даже он перестал это утверждать и признал войну своей самой большой ошибкой. Это не помешало ему начать новую войну в 1999 году, долгосрочные издержки и побочные эффекты которой еще предстоит определить.

Кроме того, решимость Ельцина стоять «над партиями» в качестве «директора всея Руси» тормозила развитие политических партий, которые обеспечивают организационную опору для стабильной представительной демократии. Осенью 1991 года, а затем осенью 1993 и 1995 годов Ельцин имел возможность создать президентские партии на основе реформаторских сил,

которые были бы в состоянии образовать мощные общенациональные партийные организации. Это могло бы расширить мобилизационные возможности антиреставрационных сил и укрепить организационные связи между политиками в центре и на периферии. У российского президента, безусловно, имелись огромные материальные ресурсы для реализации такого предприятия, а также полученный от народа мандат на изменение политической организации по своему желанию. Вместо этого Ельцин избрал ситуативный и персоналистический подход к лидерству, который оберегал его от формальной зависимости от какой-либо конкретной организации, так что он был относительно свободен менять базы поддержки в соответствии со своими политическими инстинктами. Хотя это соответствовало его самооценке как лидера и его представлению о лидерстве, необходимом России для создания и закрепления нового порядка вещей, политическая система оказалась явно недоразвитой и хрупкой.

Стратегия политической самозащиты Ельцина также уменьшила тот вклад, который он смог внести в культурные преобразования России. В 1990–1991 годах он блестяще начал свою светскую и толерантную риторику о национальном единстве и государственности. Но на протяжении 1989–1991 годов абсолютистская антикоммунистическая риторика, основанная на бинарных оппозициях, оставалась доминирующей и самой заметной чертой его выступлений. После этого две риторики сосуществовали, и надо отдать должное Ельцину — он не принес в жертву толерантность. Тем не менее сохранение абсолютистской риторики после краха коммунизма загрязнило политический язык и привело к цинизму народных масс в отношении политики российского руководства. Таким образом, подобно тому как в 1989–1991 годах он определил как врагов коммунистическую партию и советский центр, он и после 1991 года продолжил риторику типа «мы и они». Те, кто поддерживал политику Ельцина, считались реформаторами, демократами и рыночниками, даже когда его политика была авторитарной, коррумпированной или плутократической. Всех, кто выступал против его политики, называли консерваторами, реакционерами или «необольшеви-

ками» [Hough 2001]². Не при таких риторических условиях российские граждане могли научиться ценить рынок или демократию. Негативные побочные эффекты политики Ельцина, в том числе длительная невыплата задолженностей по заработной плате и пенсиям, в умах многих россиян вызвали скептическое отношение как к капитализму, так и к демократии.

Ельцин в 1991 году имел возможность сыграть роль «отца нации», воплощающего ее достоинства. Действительно, после путча в августе 1991 года он сам видел себя именно в этой роли, и таким же был его имидж в глазах антикоммунистической общественности в России. И все же ему удалось за годы пребывания на посту президента независимой России растратить накопленное. Удивителен контраст между рейтингами популярности Ельцина и его поведением в обществе в 1991 году и этими же показателями в 1994 году. В отличие от де Голля, которому удалось мобилизовать французский патриотизм в поддержку своей политики и лидерства, Ельцину удавалось только нейтрализовать или сдерживать неоимперский шовинизм. Он оказался неспособен сформулировать позитивную патриотическую повестку, чтобы добиться поддержки в народе тех жертв, которых потребовала его политика.

Ельцин блестяще использовал публичные арены, созданные во время попыток Горбачева трансформировать советскую систему. На этапе своего господства Ельцин пытался использовать публичную арену для поддержания и повышения своего статуса отца нации и народного героя. Однако он оказался в ситуации «двоевластия». Парламент 1992–1993 годов был ареной конкурентной политики, игравшей на настроениях избирателей. Продолжительная конфронтация с этим парламентом и его военное подавление Ельциным привели его к разочарованию в идее, что публичная политика должна основываться на разделении властей. Парламентские выборы в декабре 1993 года заставили его с болью осознать, что население больше не считает его героем. В результате, если в горбачевские годы автономная публичная арена была

² Таким образом, риторика Ельцина укрепила менталитет в стиле «бинарных оппозиций», который Майкл Урбан называет ключевой чертой российской политической культуры [Urban 1994].

пропуском Ельцина во власть, то эта же арена стала источником политического разочарования на этапе его господства. Он отреагировал на это двойное разочарование, допустив реприватизацию государства. Он позволил предвыборным махинациям подорвать легитимность демократических выборов, грубо нарушил законы о финансировании избирательных кампаний и ограничил доступ своих оппонентов к телеэфирам в ходе этих кампаний. Одним из индикаторов недостатков Ельцина как лидера трансформации является то, что ему не удалось институционализировать подлинно конкурентную публичную арену.

Конечным результатом всех этих недостатков является то, что культурная и организационная инфраструктуры российской системы чрезвычайно слабы: как скелет без мышц, они склонны к разрушению под собственным весом или при столкновении с противодействующей силой, например международным экономическим спадом, что они продемонстрировали в августе 1998 года. Трансформационные лидеры и создаваемые ими системы часто способны выдержать такие трудности, если они обладают достаточным общественным согласием и доброй волей. Но Ельцин сумел впустую растратить свою харизму и добрую волю, а затем дискредитировать в массовом сознании политический и экономический либерализм. Дискредитировав социализм в качестве оппозиционного революционера и либерализм — в более поздний период, Ельцин распахнул двери перед идеологией, которая еще не была дискредитирована: русским национализмом. Возможно, радикальный национализм не возобладает из-за своего прохладного приема среди россиян и широкого понимания элитой реальной слабости страны. Однако если радикальный национализм перехватит инициативу, то он может разрушить величайшее идейное достижение Ельцина — светское и толерантное определение гражданства — вместе с той хрупкой организационной системой, которую он создал³.

³ Комплексное исследование русского национализма до распада СССР см. в [Burdny 1998]; исследование эволюции русских шовинистических идеологий и организаций с 1991 года см. в [Vujacic 2000].

Упущенные возможности и неподъемные издержки

Крах российской финансовой системы в августе-сентябре 1998 года и последующее прекращение помощи МВФ продемонстрировали хрупкость политической и экономической систем, созданных во время президентства Ельцина. Некоторые наблюдатели воспользовались возможностью, чтобы заявить, что, как показал этот финансовый коллапс, ельцинское руководство независимой Россией было полной катастрофой [Cohen 1999; Cohen 2000]. Другие, напротив, начали широкое обсуждение причин, по которым это произошло.

Некоторые аналитики утверждали, что крах был почти неизбежен, независимо от того, что сделал Ельцин за годы своего пребывания на посту президента России. Следовательно, они менее склонны обвинять в экономическом кризисе его лично. Имеется четыре не исключающих друг друга объяснения такого рода. Одно из них — культурное; утверждается, что русская культура никогда не была ориентирована на безличный рынок, верховенство закона или представительную демократию. Второе — институциональное: раздробленная администрация, проходящая скрытно приватизация и достигшая больших масштабов криминализация Советского государства в эпоху позднего Горбачева (или, в некоторых версиях аргументации, уже при Брежнев) — наследие, которое режим Ельцина не мог преодолеть за такой короткий период времени. Третий аргумент в пользу неизбежности кризиса носит косвенный характер: Горбачев к 1991 году разрушил советскую экономику, Советский Союз и советские внешнеэкономические отношения; результатом стал распад экономических связей и тяжелое экономическое положение, с которым режим Ельцина, опять же, не мог справиться. Четвертое объяснение — международное: условия зависимости от глобальных рынков, в которых оказалась Россия в то время, отдали ее во власть богатых демократий, настаивавших на проведении определенной политики, что в конечном итоге привело к краху российской экономики. Если мы объединим эти объяснения и будем рассматривать их как взаимоусиливающие харак-

теристики внутреннего и международного наследия, доставшегося Ельцину, то мысль о бесполезности и неизбежности станет намного более убедительной.

При альтернативном подходе к вопросу об исторической причинности (к которому склоняюсь я) текущая ситуация рассматривается как продукт случайного политического выбора, сделанного Ельциным и его правительствами в 1991–1998 годах. Не отрицая реальности вышеуказанных ограничений, этот довод предполагает, что ограничения не определяли полноту результатов. Иными словами, были упущены возможности для снятия этих ограничений — возможности построения новой системы, более демократичной, гуманной, продуктивной и устойчивой, чем та, которую построил Ельцин, причем с гораздо меньшими издержками, чем потребовались правящему режиму.

Так, при исходных условиях было бы трудно избежать появления коррумпированного и «слабого» государства, но масштабы и глубина политической коррупции, административной раздробленности и криминализации, а также «виртуальной экономики» 1998 года [Gaddy, Ickes 1998], были результатами политического выбора, сделанного в 1992–1995 годах, который включал в себя особый подход к макроэкономической стабилизации, принятый в январе 1992 года, программу «залоговых аукционов» 1995 года и растущие со временем поощрение крупномасштабных хищений государственного имущества или терпимость к ним.

Аналогичным образом хрупкость демократических институтов могла быть результатом «двоевластия», заложенного в действовавшей в 1991 году конституции, и эта хрупкость могла усугубиться достигшей значительного масштаба дезориентацией и политическими конфликтами, вызванными потерей Россией своей имперской и глобальной политической роли. Тем не менее сохраняющийся тупик в отношениях между исполнительной и законодательной властью, снижение влияния демократических сил и создание сильной президентской власти были результатом выбора, сделанного в отношении партийного и государственного строительства осенью 1991 года (и вновь — осенью 1995 года), а также выбора в отношении конституционного устройства в 1993–1994 годах.

Ограниченное соблюдение «верховенства закона» и точечная защита населения от физической уязвимости могут быть присущи начальным этапам любого переходного периода после распада государства, особенно в обществе, в котором и предложение, и спрос на верховенство закона оставались настолько низкими⁴. Но незначительный прогресс в создании правовых и судебных институтов и в реформе правоохранительных органов стал результатом решений, принятых в 1992 году, и стабильной недооценки важности развития правовых институтов.

Упорное отрицание решений центральной власти руководством Чечни было бы проклятием для любого кремлевского руководителя. Хотя это и так, издержки и последствия чеченской войны стали результатом политического выбора, сделанного Ельциным в 1994–1995 годах и осенью 1999 года.

Зависимость от международной помощи была бы неизбежной для любого российского правительства, но готовность с легкостью принять рецепты Международного валютного фонда явилась решением Ельцина и его кабинета, а коррупционное использование этих средств — результатом внутренних обстоятельств, над которыми они имели некоторый контроль. Учитывая опасения в западных столицах перед «потерей России», вряд ли стоит утверждать, что богатые демократии бросили бы Россию на произвол судьбы, если бы Москва приняла другую стратегию экономической стабилизации, маркетизации и приватизации.

В целом, учитывая доставшееся ей наследие, Россия, вероятно, оказалась бы в трудных обстоятельствах независимо от конкретной политики, выбранной в 1992–1998 годах. Однако при иной политике она не оказалась бы в столь тяжелом положении и перспективы устойчивого восстановления были бы лучше⁵.

⁴ О спросе и предложении на верховенство права в постсоветской России см. [Hendley 1995].

⁵ Восстановление экономики в 2000 году было основано на непредвиденном росте цен на нефть и краткосрочном воздействии девальвации рубля после краха 1998 года. Ни одно из этих условий не могло быть долгосрочным, а вскоре наступал срок выплаты накопленных долгов. Следовательно, это восстановление вполне могло оказаться временным бумом. Для анализа того, что было необходимо сделать, чтобы удержать ситуацию, см. [Sapir 2001].

Если бы Ельцин действовал по-другому во многих сферах, у нас было бы больше возможностей для оценки устойчивости или податливости культурных, институциональных, зависящих от обстоятельств и международных ограничений на изменения. Однако инициативы Ельцина обычно не отклонялись от воспринятого им наследия или даже усугубляли его. Следовательно, невозможно с уверенностью сказать, *насколько* иначе сложилась бы ситуация, если бы Ельцин действовал по-другому. Можно утверждать, что многие из его общих целей могли быть достигнуты с меньшими издержками, а в некоторых случаях, возможно — с гораздо меньшими. Иными словами, Ельцин был не просто жертвой обстоятельств; у него были возможности поступать по-другому, но он их упустил⁶.

Действительно, сам Ельцин вынес себе именно такой приговор. Объявляя о своей отставке 31 декабря 1999 года, он сказал:

Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, — оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил: казалось, одним рывком — и все одолеем.

Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи⁷.

Человек, который способствовал политическому уничтожению Горбачева, обвиняя его в «полумерах» и попытке «перепрыгнуть пропасть в два шага», ушел с поста, признав, что преодолеть эту пропасть «одним рывком» невозможно.

⁶ Рассуждения о том, что Ельцин упустил даже больше возможностей, чем перечислено мною, см. в [Reddaway, Glinski 2001: 636–641].

⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24080> (дата обращения: 04.04.2021).

Персонализм и административная рационализация (1994–1999)

В 1994–1999 годах Ельцин утверждал, что его цели изменились и что теперь его главной целью является «укрепление Российского государства», которое принесет мир, порядок и процветание российскому народу. Следовательно, мы можем оценить его эффективность как лидера в эти годы с учетом достижения им этих целей. Вердикт будет отрицательный. Даже если он был искренен в своих обещаниях, тактика, которую использовал Ельцин для сохранения своей власти и авторитета, фактически препятствовала реализации этих целей. Напротив, стиль работы Ельцина подрывал административную эффективность на протяжении всего его пребывания у власти. Характер организации им своего президентского аппарата и манипуляции с исполнительной властью во многом укрепили его контроль над формальными ветвями власти и, вероятно, способствовали защите его целей *построения* новой системы, но одновременно они укрепили способность коррумпированной бюрократии избегать рационализации и тем самым подорвали консолидацию и устойчивость достижений Ельцина.

Рассмотрим его подход к организации консультаций внутри президентского аппарата и к формулированию интересов внутри правительства. В обоих случаях подход Ельцина был индивидуализированным, антипроцедурным и антиинституциональным. Внутри своего личного штаба и консультативного корпуса он сопротивлялся кристаллизации даже неформальных ограничений своей власти над «детьми». Он не рассматривал политическую организацию своего штаба как рациональное распределение формальных полномочий. Скорее он хотел сохранить гибкость и избыточность юрисдикций, чтобы максимизировать свои возможности настраивать подчиненных друг против друга и их чувство зависимости от него в плане защиты от других. По словам бывшего высокопоставленного сотрудника администрации⁸,

⁸ В личной беседе, Москва, июнь 1998 года. Подтверждения этому можно найти в [Коржаков 1997: 221; Батурин и др. 2001: 212].

Ельцин предпочитал получать советы от отдельных сотрудников, а не от коллектива. Он не хотел, чтобы его сотрудники собирались вместе, вырабатывали общую точку зрения по проблеме и представляли ее ему как коллективное мнение. Он избегал встреч с ними как с коллективом. Вместо этого он желал, чтобы каждый из них лично приходил к нему со своими идеями. Когда они отказывались так поступать, он мог быть очень строг.

Ельцинский подход к формулированию и агрегированию интересов также был пронизан персонализмом. Он очень чутко реагировал на частные просьбы о налоговых льготах, лицензиях и субсидиях. Он предпочитал иметь дело с губернаторами, военачальниками и министрами ситуативно, на индивидуальной основе, а не через их организации. Хотя некоторые из этих предпочтений могли иметь под собой политические обоснования, в результате они подрывали развитие организованных коллективов, на которых основывается современное государственное управление. Как метко отмечает Юджин Хаски, это был «стиль правления, который больше ассоциировался с традиционными монархами, чем с современными исполнительными директорами» [Huskey 1999: 50].

Верно то, что в любом государственном управлении существует внутреннее противоречие между требованиями политического контроля и административной эффективности. Однако административных лидеров отличает то, как они справляются с этим противоречием, а также достигают ли их решения баланса, согласующегося с реализацией и консолидацией их общих политических целей. Такие лидеры, как Шарль де Голль, Франклин Рузвельт и Кемаль Ататюрк, понимали это. В случае Ельцина принесение административной рациональности в жертву требованиям политического контроля было таким, что ставило под угрозу устойчивость его программы. Бюрократическая раздробленность, коррупция и безответственность в результате его подхода к административному контролю усугубились.

Подход Ельцина к административной организации президентской и исполнительной ветвей власти напоминал подход Хрущева в начале 1960-х годов на аналогичном (третьем) этапе его

правления: постоянная реорганизация, высокая текучесть кадров и регулярное создание новых подразделений с дублирующими друг друга полномочиями⁹. Администрация президента превратилась в огромную бюрократическую машину: по размеру она была больше, чем аппарат ЦК КПСС, и по крайней мере с таким же количеством отделов, но при этом отсутствовала рационализация полномочий внутри администрации и между администрацией и министерствами. У сотрудников администрации не было ни стабильных ожиданий, ни необходимой информации для выполнения своей работы.

Теоретически можно рассматривать размывание юрисдикций и полномочий и сдерживание стабильных ожиданий как разумный способ организации президентской администрации. В теории организации давно известно, что формальные организационные диаграммы — плохой ориентир для определения того, как организации работают в реальности или должны работать. Франклин Рузвельт счел полезным установить избыточные юрисдикции, чтобы гарантировать, что он обладает множеством источников информации и знаком с различными точками зрения на ситуацию.

Не так руководил своей президентской администрацией и кабинетом министров Ельцин. Нестабильность ожиданий касалась не столько последовательности задач, сколько продолжения пребывания в должности и, таким образом, сохранения прерогатив и привилегий, сопутствующих работе в администрации президента. Размывание юрисдикций было не столько функциональным средством обеспечения различных точек зрения, сколько дублированием, из-за которого отдельные подразделения не могли понять, кто на самом деле отвечает за выполнение тех или иных задач. Вместо того чтобы способствовать здоровому освещению различных вопросов, экспоненциальное увеличение размеров президентской администрации способствовало дублированию правительственно-министерских структур, юрисдикций между исполнительной и президентской ветвями власти, а также

⁹ Хаски называет последнюю из перечисленных тенденций «политикой избыточности» [Huskey 1995].

увеличению арен принятия решений, к которым могли обращаться бюрократы с целью саботажа президентских указов или парламентских законов. Частое создание и упразднение учреждений оставляло чиновникам слишком мало времени для программных размышлений и заставляло сосредоточиться в основном на личном политическом выживании.

В более общем плане Ельцин предпочитал проводить разнообразные манипуляции, настраивая фракции друг против друга и тем самым сохраняя или увеличивая свое влияние в качестве «верховного арбитра». В администрацию президента Ельцин включал представителей всех политических ориентаций, за исключением непримиримых коммунистов и радикальных националистов. Это, безусловно, рациональная стратегия поддержания власти. Это также, вероятно, рациональная стратегия для получения различных вкладов в общую работу и укрепления своего авторитета среди множества групп, но эта стратегия работает только в том случае, когда должностные лица и советники чувствуют себя в достаточной безопасности на своих постах. Если вместо этого «верховный арбитр» часто переключает свое внимание между предпочитаемыми им фракциями, а затем заставляет проигравших расплачиваться уходом с поста, результатом, скорее всего, будет подхалимство, попытки индивидов выслужиться перед президентом или коллективные усилия разрушить авторитет конкурирующих фракций и его расположение к ним («подсживание»). У Ельцина *modus operandi* заключался в том, чтобы часто увольнять ведущих чиновников и их заместителей, а иногда и «уравновешивать» это увольнение произвольным снятием с поста эквивалентной фигуры из противостоящей фракции¹⁰.

¹⁰ По словам Костикова, когда Ельцин официально уволил своего вице-президента Руцкого, он также снял члена правительства Шумейко. Последний не сделал ничего плохого, но Ельцин сказал Костикову, что Шумейко нужно «принести в жертву», чтобы «уравновесить» увольнение Руцкого [Костиков 1997: 210]. Напротив, Батурин с соавторами утверждают, что Ельцин назначил «демократа» Филатова главой президентской администрации, чтобы уравновесить недавнее назначение Черномырдина премьер-министром [Батурин и др. 2001: 209].

Одним из результатов такого стиля работы стало то, что идеологические или профессиональные группировки в президентской администрации пришли к соглашению для взаимной защиты от ненадежности работы под руководством непредсказуемого «командира». Еще одним результатом общей атмосферы всеобщей неуверенности и незащищенности стала широко распространенная и глубоко укоренившаяся коррупция в президентской администрации и в отдельных частях исполнительной власти. Многие чиновники просто не могли устоять перед искушением набить себе карманы, пока есть такая возможность. Почему бы и нет? Они жили в постоянной неуверенности относительно того, что именно нужно делать, чтобы выполнить возложенные на них задачи. Они в равной степени не были уверены в том, как долго они сохранят свою работу, независимо от ее результатов. Они оказались в привилегированном положении, дававшем множество возможностей использования государственной должности для извлечения частной материальной выгоды, и знали, что никогда не смогут так роскошествовать — или избежать уголовного преследования — вне правительства. В общем, вместо того чтобы породить здоровую конкуренцию, подход Ельцина к управлению президентской и исполнительной ветвями власти неплохо защищал его личную власть от брошенных ей вызовов и мало способствовал созданию институциональной и политической поддержки для рационального принятия решений¹¹.

Видимо, Ельцин не замечал противоречий между своим стилем работы и требованиями административной надежности. Иными словами, он не осознавал, что его персонализм на самом деле

¹¹ В. Н. Баранец утверждает, что раздутый и непроницаемый механизм принятия политических решений в России позволил Ельцину полностью контролировать свою бюрократию, в том числе военную. Каждое второстепенное решение должно было обрабатываться множеством организаций и административных отделов и только затем передаваться президенту для окончательного утверждения. Когда Ельцин бывал неработоспособен, положение становилось еще хуже. Многие из наиболее острых проблем стратегического или тактического значения так и не решались и продолжали накапливаться [Баранец 1998: 50]. См. также в [Lieven 1998: 294–299] тематическое исследование влияния этого стиля работы на военную реформу в России.

увеличивает возможности чиновников среднего звена саботировать его политику. Расплывчатые президентские указы, которые либо принимались в обход парламента, либо нарушали конституцию, производили двойной эффект: оставляли толкование на усмотрение бюрократов и подрывали доверие к парламенту как к силе, контролирующей или дисциплинирующей бюрократию. В результате бюрократы получали как интеллектуальное, так и политическое пространство для игнорирования или переосмысления указов в своих интересах¹².

Ельцин понимал общее направление, в котором он хотел продвигать страну, но когда дело доходило до разработки комплексных программ, позволяющих закрепить его завоевания посредством укрепления государства, он терпел неудачу. Некоторые мемуаристы (как, например, один из его иностранных советников) критикуют Ельцина за то, что у него якобы отсутствовала политическая стратегия или философия трансформации [Попцов 1997: 431; Костиков 1997: 300–301, 323–324; Aslund 1995: 91]. Другие указывают на его личностные качества как на источник регулярных депрессий или нерешительности, что заставляло его растрачивать свои политические активы [Гайдар 1996: 106–107, 310–314; Костиков 1997: 141–142, 168–169, 174; Коржаков 1997: 315]. Каким бы ни был источник его политических решений, последствия для реализации его консолидированных целей оказались негативными.

Успехи и поражения: плюсы, минусы и смягчающие обстоятельства

Ельцин наиболее успешно сочетал созидание с разрушением, уравновешивал трансформацию с сохранением идентичности и стабильностью и нейтрализовал силы реакции в трех сферах:

¹² Такое наблюдение делается и документально подтверждается в [Sergeyev 1998: 84ff.; Biriukov, Sergeyev 1997: 260–269]. С другой стороны, Ельцин мог очень хорошо отдавать себе отчет в том, что он делал (то есть сохранял свой политический контроль), и не сожалеть о побочных эффектах. Такую точку зрения высказывает Хаф [Hough 2001].

отношения Восток — Запад, отношения с ближним зарубежьем и строительство российской нации. В сложной международной обстановке ему удавалось защитить сочетание либерального интернационализма и *Realpolitik*, позволявшее России «поигрывать мускулами», одновременно признавая свою слабость и находя новые союзы за рубежом, чтобы ее компенсировать. В сложном внутривнутриполитическом контексте Ельцин выступал за сочетание патриотизма, этнической гордости и либерального национализма, отвергая крайние альтернативы, предлагаемые «красно-коричневой» коалицией. Во всех этих сферах он также помогал создавать институты, способные поддерживать либеральную ориентацию в долгосрочной перспективе. Таким образом, его успехи относились как к организационной, так и к культурной области и обещали устойчивость.

Однако в отношении государственного строительства и экономических преобразований Ельцин оказался гораздо менее эффективен. В этих сферах ему хуже всего удалось: 1) принять участие в *созидательном* разрушении, иницируя строительство регулирующей инфраструктуры рыночной экономики и представительной демократии; 2) изменить культурные и политические привычки, пробудив веру в новый порядок; и 3) создать климат и процессы для поддержания трансформации в долгосрочной перспективе. Вместо этого, допустив создание де-факто коррумпированного государства и ремонополизированного рынка, очень напоминающих советскую систему, которую они заменили, Ельцин поставил под угрозу весь свой преобразовательный проект. Ко времени его выхода в отставку к рыночно-демократическому проекту относилось скептически, если не враждебно, большинство населения, а националистические настроения росли, что могло в конечном итоге привести к уничтожению либеральных достижений в национальном строительстве, отношениях со странами ближнего зарубежья и международными отношениями с Западом.

При оценке лидеров недостаточно указать на их успехи и неудачи. Также необходимо учитывать масштабы ограничений и препятствий, с которыми они сталкиваются в каждой сфере.

Легкие успехи или неудачи в «безвыигрышных» ситуациях не являются подходящими параметрами для оценки лидерских способностей человека.

При оценке неудач Ельцина в области экономических преобразований и государственного строительства необходимо учитывать важные смягчающие обстоятельства. Ученые оспаривают альтернативы, доступные ему в 1991–1993 годах; мы не можем разрешить эти споры с помощью свидетельств, представленных в данной книге. Тем не менее, если допустить, что в конце 1991 года альтернативных стратегий на практике было мало, то следует отдать должное Ельцину, который наилучшим образом использовал сложившуюся в то время экономическую ситуацию¹³. Аналогичным образом, если считать, что единственными осуществимыми с политической точки зрения альтернативами в 1993 году были наступление реакции или тупиковая ситуация, то надо благодарить Ельцина за поддержку демократических процессов и установление новых конституционных рамок исключительно

¹³ Ельцина резко осуждали за выбор «шоковой терапии» в качестве экономической реформы 1992 года, но мало внимания было уделено альтернативам: каковы были бы последствия альтернативной стратегии действий в ужасных экономических условиях того времени, как макроэкономических, так и микроэкономических? Критики расплывчато говорят о «постепенном» или «эволюционном» подходе, не уточняя, как такая политика могла бы сдержать экономический кризис конца 1991 года. Стратегии, рекомендованные советскими экономистами-реформаторами для стабильных условий 1986–1987 годов, необязательно сработали бы в условиях 1992 года. Следовательно, далеко не ясно, были ли надежные альтернативные стратегии интеллектуально доступны и осуществимы, когда Ельцин сделал свой выбор в пользу «шоковой терапии». Действительно, сравнительный анализ посткоммунистических экономических реформ показывает, что ошибка Ельцина могла заключаться в обратном: он отказался от шоковой терапии после апреля 1992 года в пользу более широкой коалиции экономических элит, тем самым поставив Россию в состояние частичных реформ, поощрявших массовую коррупцию [Hellman 1998]. Недавно некоторые суровые критики экономической политики Ельцина предложили альтернативы, которые могли бы соответствовать обстоятельствам 1992 года [Reddaway, Glinski 2001: 252–255, 286–288; Nough 2001: 127–129]. Особенно впечатляют обсуждения альтернативных вариантов в [Klein, Pomer 1991].

силой его воли¹⁴. Кроме того, неудачи Ельцина в построении прочной организационной инфраструктуры оказались связаны с чрезвычайно сложными проблемами, которые президент должен был решить за короткий период времени. Некоторые президенты — в частности, Рузвельт и Шарль де Голль — приняли подобный вызов, создав организации, которые в конечном итоге стали основой государственного регулирования в США и Франции. Ельцин не справился с этой задачей, но он также действовал (несмотря на свой мандат) в значительно более суровых обстоятельствах, чем Рузвельт или де Голль.

Проблемы государственного строительства и экономической трансформации также требовали от Ельцина преодоления препятствий и ограничений гораздо более устойчивых, чем те, с которыми он имел дело в сферах внешней политики и национального строительства. Намного легче заключить сделку с иностранным лидером, чем добиться прочных изменений в культуре и в процессе государственного управления в своей стране. Легче публично говорить о том, как необходима терпимость в межэтнических отношениях, чем доставлять материальное удовлетворение населению. Легче вывести войска из стран Балтии, чем спроектировать и построить действующие регулирующие институты государства. Правильное функционирование «верховенства закона» нуждается в организационных и культурных изменениях, требующих много времени и усилий. Более того, в этих внутренних сферах Ельцин столкнулся с бóльшим количеством политических и административных ограничений, чем во внешней политике. В отличие от Горбачева, у него не было большого аппарата чиновников для обработки информации, которым он мог бы делегировать подзадачи. В 1991–1992 годах ему пришлось буквально на лету создавать так называемую «президентскую администрацию», и он вскоре оказался перегружен ответственностью за принятие решений. Учитывая унаследованные им конституционные недоработки, сопротивление со

¹⁴ Связь между альтернативами и положительной оценкой руководства Ельцина см. в [Aron 2000: 540ff.].

стороны Верховного Совета, с которым он столкнулся в 1992–1993 годах, помешало бы любым амбициозным усилиям по установлению в России верховенства закона, независимо от того, кто бы находился у власти. Короче говоря, любой лидер, оказавшийся в ситуации Ельцина в конце 1991 года, столкнулся бы с устрашающим набором препятствий на пути реализации последовательной, эффективной и далеко идущей стратегии государственного строительства и экономических преобразований. Ельцину было легче добиться успехов, чем избежать неудач.

Сравнение с Горбачевым помогает избежать двойных стандартов в оценке лидерства. Как и у Ельцина, величайший успех Горбачева заключался в разрушении старой системы и предотвращении ее восстановления. После этого как Ельцин, так и Горбачев добились наибольших успехов в двух сферах политики: Горбачев — во внешней политике и в политической демократизации; Ельцин — во внешней политике и в построении нового политического и национального строя. Как и у Горбачева, руководство Ельцина было на удивление неэффективным в двух сферах: это консолидация нового государства и построение рыночной экономики. И, как и Ельцину, с учетом ограничений, с которыми он столкнулся, Горбачеву, вероятно, было легче (хотя и не «легко» в абсолютном смысле) достичь успехов, чем избежать неудач.

Эти наблюдения могут стать основой для оценки двух лидеров, согласно которой их достижения можно считать по сути равноценными. Возможна следующая аргументация. Оба добились огромных успехов в разрушении политического порядка, который они стремились заменить или уничтожить. Оба получают смешанные оценки за эффективность своих усилий по построению системы. Сферы, где они добились успехов и испытали неудачи, были аналогичны, что говорит о том, что они сталкивались с аналогичными ограничениями и воспользовались аналогичными возможностями.

Следовательно (продолжая аргументацию), если считать, что Горбачев «успешно» проводил уступчивую внешнюю политику, то следует отдать должное Ельцину за то, что он сделал почти то

же самое в отношении как богатых демократий, так и многих государств ближнего зарубежья на фоне растущей склонности к *Realpolitik* в российских элитах. Точно так же, если хвалить Горбачева за разрыв политических и психологических ограничений, налагаемых ленинской доктриной, то следует отдать должное Ельцину за отстаивание светского и толерантного определения российской гражданственности и государственности в период роста среди парламентариев реваншистских настроений. Если восхищаться Горбачевым за либерализацию и демократизацию системы ценой риска уничтожить как коммунистическое правление, так и сам Советский Союз, то следует отдать должное Ельцину за решение проблемы экономической реформы в 1992 году — именно этого Горбачеву сделать так и не удалось, и это стало остро необходимо к концу 1991 года, даже с риском обнищания большого числа граждан. Если хвалить Горбачева за попытки договориться о демократическом федерализме как альтернативе советскому унитарному государству, то следует отдать должное Ельцину за заключение договоров с ключевыми регионами России в качестве альтернативы региональной фрагментации и феодализации, процветавших в то время. Если хвалить Горбачева за сопротивление искушению «навести порядок» перед лицом политических вызовов, то следует отдать должное Ельцину за сохранение гражданских свобод, введенных при Горбачеве, и за сопротивление искушению навязать своего рода единоличную диктатуру в многочисленных государствах — преемниках бывшего Советского Союза.

Однако Горбачев будет выглядеть лучше, чем Ельцин, если принять во внимание *масштабы*, а не только характер ограничений, с которыми они столкнулись. Внутренняя оппозиция «новому мышлению» в международных отношениях в 1986–1989 годах была намного сильнее, чем внутренняя оппозиция сохранению преимущественно прозападных тенденций после 1991 года. Поддержка концепции «советского народа» как единого целого была сильнее внутри политического истеблишмента при Горбачеве, чем симпатии к русскому шовинизму и имперскому реваншизму при Ельцине. Программа демократизации

Горбачева повлекла за собой рискованное *распространение* власти среди непредсказуемых социальных субъектов, тогда как экономические и политические программы Ельцина 1992–1993 годов влекли за собой *повторную концентрацию* власти после затихания революционной волны. Горбачевская агония 1990–1991 годов была результатом попыток одновременно противостоять ускоряющемуся распаду, избежать реакционного подавления реформ и добиться промежуточного федерального равновесия. Напротив, «асимметричный федерализм» Ельцина появился после повторной концентрации власти и привел к отдельным соглашениям, позволившим избежать проблемы институционализации федерального или унитарного строя. В этой сфере Горбачев стремился институционализировать долгосрочное решение; Ельцин стремился справиться только с ближайшими угрозами и давлением. Горбачев продвигал свою программу в 1987 и 1989 годах, сопротивляясь политическому соблазну скомпрометировать свои основные цели, тогда как Ельцин искал центристский компромисс на этапах своего господства и упадка.

Кроме того, Ельцин и Горбачев были взаимозависимыми политическими игроками, и это необходимо учитывать при оценке их результатов. Это значит, что сам Ельцин был сознательным и мощным препятствием на пути Горбачева к успеху в достижении баланса, который позволил бы замедлить распад политической системы. Иными словами, политика Горбачева инициировала процесс дезинтеграции и политической поляризации, а Ельцин служил ориентиром для общественных сил, стремящихся ускорить темпы того и другого; в отсутствие Ельцина Горбачев, возможно, был бы более успешен в восстановлении баланса. Аналогичным образом, масштабы ограничений, с которыми столкнулся Ельцин в 1991–1992 годах, отчасти были результатом его собственных действий в 1989–1991 годах. Сознательно ускоряя поляризацию и распад, он гарантировал, что, оказавшись на вершине власти, он столкнется с ситуацией коллапса, которая оставит ему немного вариантов. Хотя положительная оценка руководства Ельцина основывается на утверждении о том, что в 1991–1992 годах он был вынужден справляться с опасными

обстоятельствами, такая оценка должна учитывать и тот факт, что Ельцин сам содействовал созданию этих обстоятельств.

Более того, стратегии Ельцина по установлению и обеспечению нового порядка вещей были в меньшей степени, чем в случае Горбачева, чувствительны к сопутствующим им человеческим издержкам. Если поверить обоим на слово (на основе их публичной риторики), Горбачев был привержен мирному управлению процессом трансформации внутри страны и за рубежом. Он оставался верен этой цели даже ценой неспособности предотвратить крах коммунистических режимов в Восточной Европе и самого СССР. Горбачев также отвергал и «дикий» капитализм, и роспуск компартии; даже ценой своей политической власти он боролся до конца, пытаясь избежать этих издержек. Ельцин построил свой авторитет, отстаивая большее равенство, выступая против привилегий и коррупции, против использования военной силы в борьбе с сепаратизмом и призывая к созданию рыночной демократии. Однако то, с чем он был вынужден мириться, находясь у власти, выглядело совсем иначе: создание плутократической элиты и снисходительное отношение к ней, рост коррупции внутри политической элиты, невнимание к широко распространенным социальным лишениям, инфантилизация политических партий, судебных органов и парламента, безответственное применение силы в Чечне.

Только исходя из того, что Горбачев упустил много возможностей добиться большего — и что Ельцин пользовался гораздо *меньшими* возможностями добиться большего, — можно утверждать, что Ельцин был более впечатляющим лидером трансформации. Кроме того, к такому выводу можно прийти, только если допустить, что Ельцин столкнулся с ограничениями значительно более серьезными, чем те, с которыми сталкивался Горбачев. Это трудно доказать.

Построение и поддержание авторитета

Еще один способ оценить лидеров — это спросить, насколько хорошо они использовали власть для того, чтобы укрепить и сохранить свой авторитет, статус и легитимность как лидеров.

Примечательно, что Хрущев, Брежнев, Горбачев и Ельцин на начальном этапе продемонстрировали умение укреплять свой авторитет, когда создавали себе имидж, помогающий перехватить инициативу и обойти политических соперников. Впоследствии все они добились успехов с обширными программами, которые импонировали широкой политической аудитории. Если бы мы проводили оценку лидерства после первых четырех-пяти лет восхождения каждого из них, мы пришли бы к поразительно схожим выводам: все четыре лидера проделали отличную работу по укреплению своей власти и авторитета среди соответствующей аудитории и по достижению политического господства внутри институтов¹⁵.

Однако в равной степени примечательно, что все четыре лидера закончили свою политическую жизнь банкротством или непризнанием. Хрущев и Горбачев были вынуждены уйти с должности. Брежнев умер при исполнении служебных обязанностей, его внутренняя и внешнеполитическая программы были разрушены. Ельцин закончил свое президентство с крайне низкими рейтингами одобрения и в условиях дискредитации многих своих программ.

Что пошло не так за относительно короткий период между успешной консолидацией власти и радикальным падением авторитета и эффективности этих лидеров? Ответ на этот вопрос требует широкого взгляда как на лидерство в целом, так и на лидерство в советской и постсоветской системах в частности. В глобальном масштабе часто бывает так, что лидеры, добившиеся успеха на одном этапе своей политической карьеры или в решении одной исторической проблемы, терпят неудачу на более поздних этапах своей карьеры или в решении других исторических проблем. Следовательно, опыт этих четырех лидеров вряд ли является исключением; скорее он указывает на внутрен-

¹⁵ Конечно, они не заслуживают равной похвалы за это достижение, поскольку каждый из них сталкивался с разной степенью сложности при исполнении задач. Проблемы у Брежнева явно были самыми простыми, у Горбачева и Ельцина — самыми сложными.

ние трудности, связанные с поддержанием качественной деятельности и созданного авторитета. Авторитет нельзя накопить; его нужно использовать, или он будет утерян. Однако нередко в процессе использования накопленного авторитета встречаются препятствия, преодолеть которые труднее, чем те, что встречались ранее. Или выясняется, что человек обладает набором навыков, лучше подходящих для решения одних проблем, чем других, или у него «заканчивается запал» и он делает ошибки, приводящие к растрате накопленного авторитета. Как только его успешная репутация подорвана, те, на кого он полагался в плане политической поддержки, начинают перестраховываться и искать пути отхода¹⁶. Результатом может быть кумулятивный эффект потери авторитета.

Точно так же процесс первоначального укрепления авторитета часто происходит в контексте, когда претенденты дают обещания, но еще не обязаны брать на себя ответственность за их исполнение. Иногда можно укреплять авторитет путем простой критики предложений или прошлых действий политических соперников, вместо того чтобы представлять собственную платформу. Если лидеры преуспеют в построении своего авторитета этими средствами, они неизбежно столкнутся с исчерпанием своих ресурсов. Предполагается, что как только они попадут наверх, они начнут продвигать всеобъемлющую программу прогресса во многих сферах политики: это их функция как лидеров. Однако как только они это сделают, то неизбежно испытают ослабление своего авторитета, поскольку они приняли на себя ответственность за проведение политики, результаты которой оказываются смесью успехов и неудач, а также издержек реализации их всеобъемлющих программ.

Это универсалии конкурентной политики современности; но советский и постсоветский контексты ускорили переход от политического господства к политическому упадку. Оглядываясь

¹⁶ Это последнее наблюдение было одной из тем работы Нойштадта [Neustadt 1960, ch. 4], хотя он обобщал это только на материале американского президентства в нормальное (то есть некризисное) время.

назад, можно увидеть, что советские и постсоветские лидеры не могли избежать многочисленных противоречий в стремлении исполнить свои обещания. Им не удалось избежать основного противоречия между устремлениями идеологии и возможностями системы. Эти противоречия привели к тому, что лидеры, которые строили свою власть на обещании вылечить многочисленные недуги страны, столкнулись с растущим разочарованием, в результате чего их авторитет снизился.

По иронии судьбы, Ельцин, действуя в постсоветском контексте, унаследовал некоторые черты советского мышления, которые законсервировали эту проблему. Он, как и Хрущев, Брежнев и Горбачев, обещал гораздо больше, чем смог бы когда-нибудь дать. Ельцин, как и его предшественники в Кремле, придерживался кампанейского подхода к решению проблем. Он, как и другие, считал, что ответы на противоречия лежат в некоем сочетании мобилизации населения, отбора и мотивации кадров, денег и технологий. Он, как и другие, не смог понять или оценить институциональных требований для координации экономического обмена в децентрализованной системе. И ряд представителей политических кругов, на которые он полагался, разделял с ним многие из этих черт мышления советской эпохи.

Некоторые утверждают, что советская система с какого-то момента была обречена на крах, учитывая неспособность ее лидеров разработать и «продать» программы, позволяющие мирным путем преобразовать ее в рыночную и демократизированную систему или (в случае Ельцина) построить такую систему в России на развалинах коммунизма. Если исходить из того, что фрагментация и крах советской системы были неизбежны и что Россия пошла по этому пути из-за культурного и институционального наследия коммунизма, тогда все четыре лидера будут выглядеть исторически трагическими, далекими от реальности или близорукими фигурами.

В главе тринадцатой я отмечал, что Горбачев во многих отношениях отлично стартовал, но плохо финишировал. То же самое можно сказать и о Ельцине, и в какой-то мере — о Хрущеве и Брежневе. Возможно, этот общий результат был не столько

следствием их личных неудач, сколько внутренними дилеммами, с которыми они столкнулись в советском и постсоветском контекстах.

Такой вывод намечает более широкую перспективу задачи оценки этих лидеров, расширяя понимание тех ограничений, с которыми столкнулись советские и российские лидеры в течение последних пятидесяти лет. Но он не вполне удовлетворителен. Трудно поверить, что ничто из сделанного ими не могло предотвратить падение авторитета, с которым все они столкнулись. Конечно, можно избежать сложной оценки эффективности руководителей на посту, приняв философию истории, неминуемо приводящую к детерминированному итогу. Но если отвергнуть такой подход, не впадая в противоположную крайность, предполагающую, что «было возможно все», то представляется возможным снова вернуться к оценке лидеров с учетом их собственных достижений и спросить, была ли у них возможность добиться большего в свете ограничений и возможностей, с которыми они столкнулись.

Например, если бы Горбачев участвовал в конкурентных выборах президента СССР в 1989 году, где у него были прекрасные шансы на победу, он мог бы подтвердить свой авторитет в народных массах и усилить свое влияние на политической арене, тем самым избежав (или, по крайней мере, отсрочив ее) тотальной потери авторитета, которую он испытал в 1990–1991 годах. Как минимум это пошло бы ему на пользу в политической конкуренции с Ельциным. Как максимум это могло бы дать ему возможность предложить настоящую федерацию или конфедерацию, не беспокоясь о том, что он будет свергнут Центральным комитетом. Возьмем другой пример: если бы он не предоставил Ельцину высокий пост в правительстве после удаления того из партийного аппарата, Горбачев мог бы избежать публичного политического соревнования с Ельциным, которое зашло так далеко, что разрушило политическую базу Горбачева.

Что касается Ельцина, то в 1989–1991 годах он проделал впечатляющую работу по построению своего авторитета. После этого он добивался успехов в одних областях политики и терпел

неудачу в других. Он растратил свой накопленный авторитет, но оказался исключительно искусен в выводе потенциальных противников из равновесия и в сохранении своей власти. Если дела в России улучшатся, ему все же могут приписать более значительные достижения, чем сейчас. Если дела пойдут хуже, он, вероятно, будет осужден за создание хрупкой и неустойчивой системы, сопряженной с непомерными издержками. В любом случае будущие архивные исследования наверняка позволят глубже понять масштабы ограничений, с которыми он столкнулся. По словам Дина Ачесона, «иногда только в ретроспективе и в свете того, как все сложилось в итоге, можно отличить упрямство от решительности»¹⁷.

¹⁷ Цит. по: [Shulman 1990: 5].

Источники

Баранец 1998 — Баранец В. Н. Ельцин и его генералы: записки полковника генштаба. М.: Совершенно секретно, 1998.

Батурин и др. 2001 — Батурин Ю. М., Ильин А. Л., Кадацкий В. Ф., Костиков В. В., Краснов М. А., Лившиц А. Я., Никифоров К. В., Пихоя Л. Г., Сатаров Г. А. Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001.

Болдин 1995 — Болдин В. И. Крушение пьедестала: штрихи к портрету М. С. Горбачева. М.: Республика, 1995.

Бурлацкий 1970 — Бурлацкий Ф. М. Ленин, государство, политика. М.: Наука, 1970.

Бурлацкий 1997 — Бурлацкий Ф. М. Глоток свободы: в 2 кн. Кн. 2. М.: РИК Культура, 1997.

Гайдар 1996 — Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.

Горбачев 1987 — Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Изд-во политической литературы, 1987.

Горбачев 1987–1990 — Горбачев М. С. Избранные речи и статьи: в 7 т. М.: Изд-во политической литературы, 1987–1990.

Горбачев 1995 — Горбачев М. С. Жизнь и реформы: в 2 т. Т. 1. М.: Новости, 1995.

Горшков и др. 1992 — Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Журавлева, Л. Н. Доброхотова. М.: Терра, 1992.

Грачев 1994 — Грачев А. С. Кремлевская хроника. М.: Эксмо, 1994.

Гриневский 1995 — Гриневский О. Как мы брали Афганистан // Литературная газета. 1995. № 31. 2 авг.

Ельцин 1990 — Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. Л.: Час Пик, 1990.

Ельцин 1994 — Ельцин Б. Н. Записки президента. М.: Российская политическая энциклопедия, 1994.

Ельцин 2000 — Ельцин Б. Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000.

Коржаков 1997 — Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997.

Костиков 1997 — Костиков В. В. Роман с президентом: записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997.

Куцылло 1993 — Куцылло В. И. Записки из Белого дома. М.: Коммерсант, 1993.

Микоян 1999 — Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.

Попцов 1996 — Попцов О. М. Хроника времен «Царя Бориса». М.: Совершенно секретно, 1996.

Примаков 1999 — Примаков Е. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999.

Рыжков 1992 — Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М.: Новости, 1992.

Рыжков 1995 — Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.

Стрелецкий 1998 — Стрелецкий В. А. Мракобесие. М.: Детектив-Пресс, 1998.

Суханов 1992 — Суханов Л. Е. Три года с Ельциным: записки первого помощника. Рига: Vaga, 1992.

Федоров 1995 — Федоров В. П. Ельцин. М.: Голос, 1995.

Филатов 2000 — Филатов С. А. Совершенно несекретно. М.: Вагриус, 2000.

Хрущев 2003 — Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М.: Время, 2003.

Черняев 1993 — Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М.: Прогресс-Культура, 1993.

Ярошенко 1997 — Ярошенко В. Н. Ельцин: Я отвечаю за все. М.: Вокруг света, 1997.

Chernyaev 2000 — Chernyaev A. My Six Years with Gorbachev. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

Current 1986 — Current Soviet Policies: The 27th Congress of the CPSU. Columbus, OH: Current Digest of the Soviet Press, 1986.

Gorbachev 1986 — Gorbachev meets Soviet writers: A Samizdat account, Radio Liberty Research Report. 1986 (October 23). № 399/86.

Gorbachev 1987 — Gorbachev M. *Perestroika: New Thinking for Our Country and the World*. New York: Perennial, 1987.

Khrushchev 1990 — Khrushchev S. *Khrushchev on Khrushchev: An Inside Account of the Man and His Era by his son / ed. & transl. by W. Taubman*. Boston, MA: Little, Brown, 1990.

Khrushchev 2000 — Khrushchev S. *Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower / transl. by S. Benson*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

Kissinger 1979 — Kissinger H. *White House Years*. Boston, MA: Little, Brown, 1979.

Ligachev 1993 — Ligachev Ye. *Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev*. New York: Pantheon, 1993.

Medvedev 1977 — Medvedev R. *On Socialist Democracy*. Nottingham, U. K.: Spokesman, 1977.

Palazchenko 1997 — Palazchenko P. *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.

Yeltsin 1990 — Yeltsin B. *Against the Grain: An Autobiography / transl. by M. Glenny*. New York: Summit, 1990.

Yeltsin 1994 — Yeltsin B. *The Struggle for Russia / transl. by C. A. Fitzpatrick*. New York: Random House, 1994.

Yeltsin 2000 — Yeltsin B. *Midnight Diaries*. New York: Public Affairs, 2000.

Библиография

Бонет 1994 — Бонет П. Невозможная Россия. Борис Ельцин. Провинциал в Кремле / пер. с исп. Г. Лукьянова // Урал. 1994. № 4. С. 3–224.

Мигранян 1989 — Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. № 7. С. 166–184.

Adomeit 1982 — Adomeit H. Soviet Risk-Taking and Crisis Behavior. London & Boston: Allen & Unwin, 1982.

Anderson 1993 — Anderson R. D. Public Politics in an Authoritarian State: Making Foreign Policy during the Brezhnev Era. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993.

Aron 2000 — Aron L. Boris Yeltsin: A Revolutionary Life. London: Harper-Collins, 2000.

Aslund 1991 — Aslund A. Gorbachev's Struggle for Economic Reform [updated and expanded edition]. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

Aslund 1995 — Aslund A. How Russia Became a Market Economy. Washington, DC: Brookings Institution, 1995.

Bendix, Weber 1960 — Bendix R., Weber M. An Intellectual Portrait. Garden City, NY: Doubleday, 1960.

Bendix 1978 — Bendix R. Kings or People. Berkeley: University of California Press, 1978.

Bialer 1980 — Bialer S. Stalin's Successors: Leadership, Stability, and Change in the Soviet Union. Cambridge University Press, 1980.

Biriukov, Sergeev 1997 — Biriukov N., Sergeev V. Russian Politics in Transition. Alder-shot, U. K.: Ashgate, 1997.

Blasi et al. 1997 — Blasi J., Kroumova M., Kruse D., Shleifer A. Kremlin Capitalism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997.

Bonet 1995 — Bonet P. Lord of the manor: Boris Yeltsin in Sverdlovsk oblast. Occasional Paper № 260. Washington, DC: Kennan Institute, 1995.

Bonnell, Breslauer 2000 — Bonnell V., Breslauer G. W. Russia in the New Century: Stability or Disorder. Boulder, CO: Westview, 2000.

Breslauer 1982 — Breslauer G. W. *Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics*. London: Allen & Unwin, 1982.

Breslauer 1984 — Breslauer G. W. Is there a generation gap in the Soviet political elite? // *Soviet Studies*. 1984 (January). Vol. 36, № 1. P. 1–25.

Breslauer 1989 — Breslauer G. W. Evaluating Gorbachev as Leader // *Soviet Economy*. 1989 (October — December). Vol. 5, № 4. P. 299–340.

Breslauer 1994 — Breslauer G. W. How Do You Sell a Concessionary Foreign Policy? // *Post-Soviet Affairs*. 1994 (July — September). Vol. 10, № 3. P. 277–290.

Breslauer et al. 1995 — Breslauer G. W. et al. *Russia: Political and Economic Development*. Claremont, CA: The Keck Center, 1995.

Breslauer, Dale 1997 — Breslauer G. W., Dale C. Boris Yeltsin and the «Invention» of a Russian Nation-State // *Post-Soviet Affairs*. 1997 (October — December). Vol. 13, № 4. P. 303–332.

Breslauer 1999 — Breslauer G. W. Boris Yel'tsin as Patriarch // *Post-Soviet Affairs*. 1999 (April — June). Vol. 15, № 2. P. 186–200.

Breslauer 2000 — Breslauer G. W. Personalism and Proceduralism: Boris Yeltsin and the Institutional Fragility of the Russian System // *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* / ed. by V. Bonnell, G. W. Breslauer. Boulder, CO: Westview, 2000. P. 35–58.

Breslauer 2001 — Breslauer G. W. Evaluating Gorbachev and Yeltsin as Leaders // *Political Leadership in the Russian Transition* / ed. by A. Brown, L. Shevtsova. Washington, DC & Moscow: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. P. 45–66.

Brown 1996 — Brown A. *The Gorbachev Factor*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996.

Brudny 1997 — Brudny Y. M. Neoliberal economic reform and the consolidation of democracy in Russia: Or why institutions and ideas might matter more than economics // *The International Dimension of Post-Communist Transitions in Russia and the New States of Eurasia* / ed. by K. Dawisha. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1997. P. 297–321.

Brudny 1998 — Brudny Y. M. *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Bunce 1981 — Bunce V. *Do New Leaders Make a Difference? Executive Succession and Public Policy under Capitalism and Socialism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.

Bunce 1999 — Bunce V. *Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State*. Cambridge University Press, 1999.

- Burns 1978 — Burns J. M. *Leadership*. New York: Harper & Row, 1978.
- Chehabi, Linz 1998 — *Sultanistic Regimes* / ed. by H. E. Chehabi, J. J. Linz. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.
- Cohen 1979 — Cohen S. F. *The friends and foes of change: Reformism and conservatism in the Soviet Union* // *Slavic Review*. 1979 (June). Vol. 38, № 2. P. 187–202.
- Cohen, van den Heuvel 1989 — Cohen S. F., van den Heuvel K. *Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers*. New York: Norton, 1989.
- Cohen 1999 — Cohen S. F. *Russian studies without Russia* // *Post-Soviet Affairs*. 1999 (January — March). Vol. 15, № 1. P. 37–55.
- Cohen 2000 — Cohen S. F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. New York: Norton, 2000.
- Colton 1995 — Colton T. J. *Boris Yeltsin, Russia's all-thumbs Democrat* // *Patterns in Post-Soviet Leadership* / ed. by T. J. Colton, R. C. Tucker. Boulder, CO: Westview, 1995. P. 49–74.
- Colton 1997 — Colton T. J. *Moscow*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.
- D'Agostino 1998 — D'Agostino A. *Gorbachev's Revolution*. New York: NYU Press, 1998.
- Dahl 1971 — Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, CT: Yale University Press, 1971.
- Dallin, Breslauer 1970 — Dallin A., Breslauer G. W. *Political Terror in Communist Systems*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1970.
- Dawisha 1990 — Dawisha K. *Eastern Europe, Gorbachev, and Reform: The Great Challenge*. 2nd ed. Cambridge University Press, 1990.
- Dawson 1996 — Dawson J. I. *Eco-nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham, NC: Duke University Press, 1996.
- Dobbs 1992 — Dobbs M. *Yeltsin Appeals for American Aid* // *The Washington Post*. 1992. June 18. P. 1.
- Doder, Branson 1990 — Doder D., Branson L. *Gorbachev: Heretic in the Kremlin*. New York: Viking, 1990.
- Doig, Hargrove 1967 — Doig J. W., Hargrove E. C. *Leadership and Innovation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1967.
- Dunlop 1993 — Dunlop J. B. *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Ekedahl, Goodman 1997 — Ekedahl M. C., Goodman M. A. *The Wars of Eduard Shevardnadze*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997.

English 2000 — English R. D. *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals and the End of the Cold War*. New York: Columbia University Press, 2000.

Etzioni 1968 — Etzioni A. *The Active Society*. New York: Free Press, 1968.

Evangelista 1999 — Evangelista M. *Unarmed Warriors: The Transnational Movement to End the Cold War*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999.

Fish 1995 — Fish M. S. *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.

Fischer 1997 — Fischer B. A. *The Reagan Reversal: Foreign Policy and the End of the Cold War*. Columbia: University of Missouri Press, 1997.

Gaddy, Ickes 1998 — Gaddy C. G., Ickes B. W. *Russia's virtual economy // Foreign Affairs*. 1998 (September-October). Vol. 77, № 5. P. 53–67.

Gardner 1995 — Gardner H. *Leading Minds*. New York: Basic Books, 1995.

Garthoff 1994 — Garthoff R. *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution, 1994.

Gleason 1990 — *Federalism and Nationalism: The Struggle for Republican Rights in the USSR* / ed. by G. Gleason. Boulder, CO: Westview, 1990.

Goldgeier 1999 — Goldgeier J. M. *Not Whether but When: The U. S. Decision to Enlarge NATO*. Washington, DC: Brookings Institution, 1999.

Goldman 1991 — Goldman M. I. *What Went Wrong with Perestroika*. New York: Norton, 1991.

Goldstein 1991 — Goldstein A. *From Bandwagon to Balance-of-Power Politics: Structural Constraints and Politics in China, 1949–1978*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

Griffiths 1972 — Griffiths F. *Images, politics, and learning in Soviet behavior toward the United States*. Ph. D. dissertation, Columbia University. New York, 1972.

Griffiths 1984 — Griffiths F. *The sources of American conduct: Soviet perspectives and their policy implications // International Security*. 1984 (Fall). Vol. 9, № 1. P. 30–50.

Hankiss 1990 — Hankiss E. *East European Alternatives*. New York: Oxford University Press, 1990.

Hanson 1997 — Hanson S. *Time and Revolution*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.

Hanson, Kopstein 1997 — Hanson S. E., Kopstein J. S. *The Weimar/Russia comparison // Post-Soviet Affairs*. 1997 (July — September). Vol. 13, № 3. P. 252–283.

Hasegawa 1998 — Hasegawa T. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations: in 2 vols. Vol. 2. Berkeley: University of California, International and Area Studies, 1998.

Heller, Nekrich 1986 — Heller M., Nekrich A. Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present. New York: Summit, 1986.

Hellman 1998 — Hellman J. Winners take all: The politics of partial reform in postcommunist transitions // *World Politics*. 1998 (January). Vol. 50, № 2. P. 203–234.

Hendley 1995 — Hendley K. Trying to Make Law Matter. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1995.

Hewett 1988 — Hewett E. A. Reforming the Soviet Economy. Washington, DC: Brookings Institution, 1988.

Hoffmann 1967 — Hoffmann S. Heroic leadership: The case of modern France // *Political Leadership in Industrialized Societies* / ed. by L. J. Edinger. New York: Wiley, 1967. P. 423–440.

Hollander 2000 — Hollander P. Political Will and Personal Belief: The Decline and Fall of Soviet Communism. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.

Holmes 1994 — Holmes S. Superpresidentialism and its problems // *East European Constitutional Review*. 1994 (Fall — Winter). Vol. 2, № 4; Vol. 3. № 1. P. 123–126.

Hook 1943 — Hook S. The Hero in History. Boston: Beacon, 1943.

Hough 1986 — Hough J. F. The Struggle for the Third World: Soviet Debates and American Options. Washington, DC: Brookings Institution, 1986.

Hough 1988 — Hough J. F. Opening Up the Soviet Economy. Washington, DC: Brookings Institution, 1988.

Hough 1990 — Hough J. F. Gorbachev's politics // *Foreign Affairs*. 1989–1990 (Winter). Vol. 68, № 5. P. 26–41.

Hough 1997 — Hough J. F. Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991. Washington, DC: Brookings Institution, 1997.

Hough 2001 — Hough J. F. The Logic of Economic Reform in Russia. Washington, DC: Brookings Institution, 2001.

Huntington 1968 — Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, CT: Yale University Press, 1968.

Huskey 1995 — Huskey E. The state-legal administration and the politics of redundancy // *Post-Soviet Affairs*. 1995 (April — June). Vol. 11, № 2. P. 115–143.

Huskey 1999 — Huskey E. Presidential Power in Russia. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1999.

Ilchman, Uphoff 1969 — Ilchman W., Uphoff N. *The Political Economy of Growth*. Berkeley, CA: University of California Press, 1969.

Johnson 1997 — Johnson J. *Russia's emerging financial-industrial groups // Post-Soviet Affairs*. 1997 (October — December). Vol. 13, № 4. P. 333–365.

Jones 1981 — Jones C. D. *Soviet Influence in Eastern Europe: Political Autonomy and the Warsaw Pact*. New York: Praeger, 1981.

Jowitt 1974 — Jowitt K. *An organizational approach to the study of political culture in Marxist-Leninist systems // American Political Science Review*. 1974 (September). Vol. 68, № 3. P. 1171–1191.

Jowitt 1978 — Jowitt K. *The Leninist Approach to National Dependency*. Berkeley: University of California, Institute of International Studies, 1978.

Jowitt 1992 — Jowitt K. *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley, CA: University of California Press, 1992.

Kagarlitsky 1990 — Kagarlitsky B. *The Dialectic of Change*. London: Verso, 1990.

Keynes 1936 — Keynes J. M. *The General Theory*. New York: Harcourt Brace, 1936.

Klein, Pomer 1991 — *The New Russia: Transition Gone Awry / ed. by L. R. Klein, M. Pomer*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

Knight 1990 — Knight A. *The KGB: Police and Politics in the Soviet Union*. Boston, MA: Unwin Hyman, 1990.

Knight 1996 — Knight A. *Spies without Cloaks: The KGBs Successors*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

Kramer 1998a — Kramer M. *Jaruzelski, the Soviet Union, and the imposition of martial law in Poland: New light on the mystery of December 1981 // Cold War International History Project Bulletin*. 1998 (Winter). № 11. P. 5–14.

Kramer 1998b — Kramer M. *The Soviet Union and the 1956 crises in Hungary and Poland: Reassessments and new findings // Journal of Contemporary History*. 1998 (April). Vol. 33, № 2. P. 163–215.

Kubalkova, Cruickshank 1989 — Kubalkova V., Cruickshank A. A. *Thinking «New» about Soviet New Thinking*. Berkeley, CA: University of California, Institute of International Studies, 1989. № 74.

Kux 1984 — Kux E. *Contradictions in Soviet socialism // Problems of Communism*. 1984 (November-December). Vol. 33, № 6. P. 1–27.

Lapidus 1989 — Lapidus G. W. *Gorbachev and the «national question»: Restructuring the Soviet Federation // Soviet Economy*. 1989 (July — September). Vol. 5, № 3. P. 201–250.

Lebow 1981 — Lebow R. N. *Between Peace and War: The Nature of International Crisis*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1981.

Lebow, Stein 1994 — Lebow R. N., Stein J. G. *We All Lost the Cold War*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

Legvold 1980 — Legvold R. *Caging the bear: Containment without confrontation // Foreign Policy*. 1980 (Fall). № 40. P. 74–98.

Lenczowski 1982 — Lenczowski J. *Soviet Perceptions of U. S. Foreign Policy*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1982.

Levesque 1997 — Levesque J. *The Enigma of 1989: The USSR and the Liberation of Eastern Europe*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997.

Lieven 1998 — Lieven A. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven & London: Yale University Press, 1998.

Light 1988 — Light M. *The Soviet Theory of International Relations*. New York: St. Martin's, 1988.

Lyday 1994 — Lyday C. *From coup to constitution: Dilemmas of nation-building in Russia's first republic*. Ph. D. dissertation, Department of Political Science, University of California at Berkeley, 1994.

Lynch 1989 — Lynch A. *Gorbachev's International Outlook: Intellectual Origins and Political Consequences*. Boulder, CO: Westview, 1989.

MacFarlane 1985 — MacFarlane S. N. *Superpower Rivalry and 3rd World Radicalism: The Idea of National Liberation*. London: Croom Helm, 1985.

Malia 1994 — Malia M. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. New York: Free Press, 1994.

Matlock 1995 — Matlock J. F., Jr. *Autopsy on an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union*. New York: Random House, 1995.

McFaul 1997 — McFaul M. *Russia's 1996 Presidential Election: The End of Polarized Politics*. Stanford, CA: Hoover Institution, 1997.

McFaul 2001 — McFaul M. *Russia's Troubled Transition from Communism to Democracy: Institutional Change during Revolutionary Transformations*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

Medvedev, Chiesa 1989 — Medvedev R., Chiesa G. *Time of Change: An Insider's View of Russia's Transformation*. New York: Random House, 1989.

Melville, Lapidus 1990 — *The Glasnost Papers: Voices on Reform from Moscow* / ed. by A. Melville, G. W. Lapidus. Boulder, CO: Westview, 1990.

Mendelsohn 1998 — Mendelsohn, Sarah E. *Changing Course: Ideas, Politics, and the Soviet Withdrawal from Afghanistan*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.

Mikheyev 1992 — Mikheyev D. *The Rise and Fall of Gorbachev*. Indianapolis, IN: Hudson Institute, 1992.

Mikheyev 1996 — Mikheyev D. *Russia Transformed*. Indianapolis, IN: Hudson Institute, 1996.

Mitchell 1982 — Mitchell R. *Judson Ideology of a Superpower*. Stanford, CA: Hoover Institution, 1982.

Morrison 1988 — Mikhail S. *Gorbachev: An Intimate Biography* / ed. by D. Morrison. New York: Time, 1988.

Morrison 1991 — Morrison J. *Boris Yeltsin: From Bolshevik to Democrat*. New York: Dutton, 1991.

Murray 1995 — Murray D. *A Democracy of Despots*. Boulder, CO: Westview, 1995.

Naylor 1988 — Naylor T. *The Gorbachev Strategy*. Lexington, MA: Lexington, 1988.

Neustadt 1960 — Neustadt R. E. *Presidential Power: The Politics of Leadership*. New York: Wiley, 1960.

North 1990 — North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 1990.

Nove 1989 — Nove A. *Glasnost in Action: Cultural Renaissance in Russia*. Boston, MA: Unwin Hyman, 1989.

Palma 1991 — Palma G. di. *To Craft Democracies*. Berkeley: University of California Press, 1991.

Parker 1990 — Parker R. Inside the «collapsing» Soviet economy // *Atlantic Monthly*. 1990 (June). № 4. P. 68–80.

Przeworski 1986 — Przeworski A. Some problems in the study of the transition to democracy // *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives* / ed. by G. O'Donnell, P. C. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 47–63.

Przeworski 1991 — Przeworski A. *Democracy and the Market*. Cambridge University Press, 1991.

Rahr 1989 — Rahr A. Gorbachev and the post-Chebrikov KGB // *Radio Liberty Report on the USSR*. 1989 (December 22). Vol. 1, № 51. P. 16–20.

Reddaway, Glinski 2001 — Reddaway P., Glinski D. *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, DC: U. S. Institute of Peace, 2001.

Richter 1994 — Richter J. *Khrushchev's Double Bind*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994.

Rose 2001 — Rose R. *The Prime Minister in a Shrinking World*. Cambridge, U. K.: Polity Press, 2001.

Sapir 2001 — Sapir J. The Russian economy: From rebound to rebuilding // *Post-Soviet Affairs*. 2001 (January — March). Vol. 17, № 1. P. 1–22.

Schumpeter 1942 — Schumpeter J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York & London: Harper & Brothers, 1942.

Selznick 1957 — Selznick P. *Leadership in Administration*. New York: Harper & Crow, 1957.

Sergeyev, Biryukov 1993 — Sergeyev V. M., Biryukov N. *Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism and Traditional Culture*. Aldershot, U. K.: Edward Elgar, 1993.

Sergeyev 1998 — Sergeyev V. M. *The Wild East: Crime and Lawlessness in Post-Communist Russia*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1998.

Sheehy 1990 — Sheehy G. *The Man Who Changed the World*. New York: HarperCollins, 1990.

Shevtsova 1999 — Shevtsova L. *Yeltsin's Russia: Myths and Reality*. Washington, DC: Carnegie Endowment, 1999.

Shleifer, Treisman 2000 — Shleifer A., Treisman D. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Shulman 1990 — Shulman M. D. Book Review // *The New York Review of Books*. 1990 (June 17).

Smith 1990 — Smith H. *The New Russians*. New York: Random House, 1990.

Smith 1996 — Smith K. E. *Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.

Snyder 1987/88 — Snyder J. The Gorbachev revolution: A waning of Soviet expansionism? // *International Security*. 1987/88 (Winter). Vol. 12, № 3. P. 93–131.

Snyder 1989 — Snyder J. International leverage on Soviet domestic change // *World Politics*. 1989 (October). Vol. 42, № 1. P. 1–30.

Sodaro 1990 — Sodaro M. J. *Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990.

Solnick 1998 — Solnick S. L. *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Solovyov, Klepikova 1992 — Solovyov V., Klepikova E. *Boris Yeltsin: A Political Biography*. New York: Putnam, 1992.

Stein 1994 — Stein J. G. Political learning by doing: Gorbachev as uncommitted thinker and motivated learner // *International Organization*. 1994 (Spring). Vol. 48, № 2. P. 155–183.

Suny 1993 — Suny R. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.

Taubman, Taubman 1989 — Taubman W., Taubman J. *Moscow Spring*. New York: Summit, 1989.

Tetlock, Belkin 1996 — *Counterfactual Thought Experiments in World Politics* / ed. by P. Tetlock, A. Belkin. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

Tichy, Devanna 1986 — Tichy N. M., Devanna M. A. *The Transformational Leader*. New York: Wiley, 1986.

Tiersky 1990 — Tiersky R. *Perestroika and beyond // Problems of Communism*. 1990 (March-April). Vol. 39, № 2. P. 109–114.

Tishkov 1997 — Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism, and Conflict in and after the Soviet Union*. London: Sage, 1997.

Tompson 1995 — Tompson W. J. *Khrushchev: A Political Life*. New York: St. Martin's, 1995.

Tucker 1969 — Tucker R. C. *The Marxian Revolutionary Idea*. New York: Norton, 1969.

Tucker 1987 — Tucker R. C. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev*. New York: Norton, 1987.

Urban 1994 — Urban M. *The politics of identity in Russia's postcommunist transition: The Nation against itself // Slavic Review*. 1994 (Fall). Vol. 53, № 3. P. 733–737.

Urban et al. 1997 — Urban M., Igrunov V., Mitrokhin S. *The Rebirth of Politics in Russia*. Cambridge University Press, 1997.

Valkenier 1983 — Valkenier E. *The Soviet Union and the Third World: An Economic Bind*. New York: Praeger, 1983.

Vertzberger 1998 — Vertzberger Y. Y. I. *Risk Taking and Decisionmaking*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998.

Volkogonov 1998 — Volkogonov D. *Autopsy for an Empire: The Seven Leaders Who Built the Soviet Regime*. New York: Free Press, 1998.

Vujacic 2000 — Vujacic V. *Serving Mother Russia: The communist left and nationalist right in the struggle for power, 1991–1998 // Russia in the New Century: Stability or Disorder* / ed. by V. Bonnell, G. W. Breslau. Boulder, CO: Westview, 2000. P. 290–325.

Weber 1947 — Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press, 1947.

Wedel 1998 — Wedel J. *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe*. New York: St. Martin's, 1998.

Weiner 1987 — Weiner M. Empirical democratic theory and the transition from authoritarianism to democracy // *Political Science*. 1987. Vol. 10, № 3. P. 861–866.

Yanov 1977 — Yanov A. *Detente after Brezhnev*. Berkeley: Institute of International Studies, University of California at Berkeley, 1977.

Yanov 1984 — Yanov A. *The Drama of the Soviet 1960s: A Lost Reform*. Berkeley, CA: University of California, Institute of International Studies, 1984.

Young 1991 — Young O. R. Political leadership and regime formation: On the development of institutions in international society // *International Organization*. 1991 (Summer). Vol. 45, № 3. P. 281–308.

Zevelev 1996 — Zevelev I. Russia and the Russian diasporas // *Post-Soviet Affairs*. 1996 (July — September). Vol. 12, № 3. P. 265–284.

Zimmerman 1969 — Zimmerman W. *Soviet Perspectives on International Relations, 1956–1967*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1969.

Zlotnik 1999 — Zlotnik M. *Yeltsin and Gorbachev: The politics of confrontation*. Unpublished manuscript, 1999.

Предметно-именной указатель

- август 1991, а. путч 137, 139,
143–145, 157, 187, 207, 209, 211,
212, 214, 215, 227–229, 234, 253,
256, 301, 348, 355, 362, 387, 390,
414, 417, 427
- Авен Петр 308
- Азербайджан 126, 186
- Академия наук 400
- Акаев Аскар Акаевич 259
алкоголь; а. и Ельцин 264,
311, 365
- Андреева Нина Александровна,
письмо 108, 136, 138, 139,
178, 337
- Андропов Юрий Владимирович
55, 60, 69, 70, 74–78, 80, 90, 286,
288; А. и афганская война 90,
286, 288; А. как генеральный
секретарь 74–77; А. как
покровитель Горбачева 77;
А. и наведение дисциплины
74, 80
- антиалкогольная кампания 108
- Армения 126, 278
- Ататюрк Кемаль 434
- Афганистан 7, 53, 72, 74, 90, 92,
95, 129, 230, 283, 284, 286–288,
293, 294, 342, 385, 389
- Абагурин Сергей Николаевич 270
- Байкало-Амурская магистраль
25, 39
- Баранец Виктор Николаевич 258.
259, 437
- Батурин Юрий Михайлович 12,
59, 66, 163, 168, 173, 175, 225,
230, 257, 258, 260, 264, 265, 282,
287, 313, 317, 319, 421, 433, 436
- Белоруссия (Беларусь) 161, 203,
231, 260, 261, 277, 278, 422;
политика Ельцина в отноше-
нии Б. 260, 261, 277, 278
- Белый дом (Россия) 187, 207
- Белый дом (США) 212
- Березовский Борис Абрамович
308, 368
- Берлин 258, 292
- Ближнее зарубежье 221–224, 242,
250, 269, 277–279, 301, 359, 439,
443; Б. з. и предложение о
«двойном гражданстве 242,
278; Б. з. и российские воен-
ные 279; Б. з. и русская
диаспора 220, 221, 250
- Богомяков Геннадий Павло-
вич 57
- Болдин Валерий Иванович 11, 47,
48, 52, 54, 139–141
- Большой Террор 49

- Бонет Пилар 58, 62, 255, 256
(Bonet Pilar 58, 255)
- Босния (боснийские сербы,
сербско-боснийский кризис)
273, 274
- Брежнев Леонид Ильич 13, 16,
23–25, 33–36, 38, 40, 44, 45, 51,
58, 65, 69, 70, 72–74, 76, 110,
116, 118, 128, 137, 191, 195, 209,
283, 285–291, 310, 327, 328,
330–335, 339, 342, 351, 359, 360,
371, 388, 407, 446, 448;
- Б. и вторжение в Афганистан
288; Б. и застой 173, 310;
- Б. и коррупция 163, 169, 194;
консерватизм Б. 34, 44, 72, 90,
333; наследие Б. 70, 429;
неуместные поступки Б. 47;
поддержание и спад авторитета
Б. 24; промышленная
политика Б. 25, 33, 39; стратеги-
и лидерства Б. 19, 22, 40;
укрепление авторитета Б.
42, 446
- брежневизм 53, 57, 65, 76, 80,
88, 118
- брежневские аристократы 56,
61, 74
- Бурлацкий Федор Михайлович
48, 139, 171, 174, 178, 195, 256,
261, 262, 264, 359
- Бухарин Николай Иванович
86, 137
- Буш Джордж 129, 130, 214, 346,
354; отношения Б. с Горбаче-
вым 129, 130
- Варшавский договор 91, 131, 155,
209, 292, 293
- Вебер Макс 255
- Великобритания 82, 83, 212,
274, 418
- Венгрия 131, 292, 293
- Верховный совет (РСФСР/
России) 83, 201, 209, 211, 213,
219, 222, 231, 233, 235, 244, 263,
301, 358, 379; Ельцин как
председатель В. с. 184, 201,
202, 244, 348, 360; конфликт
Ельцина с В. с. 244, 245,
247, 252, 253, 258, 263,
362, 442
- Верховный совет (СССР) 134,
141, 155, 184, 200, 344, 398
- Вильнюс 283, 285–287, 293, 346,
390; январские события 1991
года в В. 286
- внешняя политика 16, 23, 25, 33,
34, 42, 53, 70, 71, 75, 82, 93, 95,
109, 110, 114, 115, 117, 120–122,
128–130, 132, 155, 198, 208,
229–231, 236, 241, 250, 270, 271,
273, 274, 277, 280, 282, 290, 307,
321, 332, 336, 340, 385, 388, 389,
391, 392, 394, 399, 402, 403, 408,
413, 415, 441, 442; в. п. Ельцина
по отношению к ближнему
зарубежью 277; в. п. Ельцина
по отношению к дальнему
зарубежью 229, 230, 231, 241,
270, 271, 273, 274, 282, 307, 321,
442; в. п. при Брежневе 25, 33,
34, 110, 332; в. п. при Горбачеве
53, 82, 93, 95, 109, 117, 120–122,
128, 129, 332, 336, 340, 385, 388,
389, 392, 394, 399, 402, 403, 408,
413, 415, 441, 442; в. п. при
Хрущеве 16, 25, 33, 34, 42, 72,
121, 290, 332

- внутрисистемная оппозиция 53, 54
- военно-промышленный комплекс 37, 40, 72, 160, 288, 290, 329, 332, 393
- война 7, 20, 25, 49, 51, 53, 72, 82, 90, 101, 117, 118, 129–131, 210, 242, 269, 273, 276, 283, 284, 288, 294, 300, 322, 338, 341, 357, 376, 377, 385, 386, 389, 391, 395, 416, 418, 425, 431; афганская в. 90, 294; Вторая мировая в. 49, 51, 101, 418; вьетнамская в. 26, 72; в. в Дагестане 325; в. в Нагорном Карабахе 126; панамская в. 129; в. в Персидском заливе 129; в. в Югославии 242, 273; см. также Чеченская в., первая; Чеченская в. вторая; Холодная в.
- Волгогонов Дмитрий Антонович 339, 340
- вооруженные силы 95, 131, 229, 286, 399, 422, 425; в. с. и Черноморский флот 222, 278
- Восточная Азия 396
- Восточная Европа 7, 13, 51, 53, 67, 73, 91, 92, 110, 130–132, 151, 155, 162, 186, 209, 287, 292, 294, 295, 302, 385, 386, 415, 445
- Всемирный банк 240, 309
- Вторая мировая война 49, 51, 101, 418
- выборы 7, 29, 83, 123, 125, 126, 133, 135, 154, 182, 184, 189, 201, 210, 211, 227, 228, 244, 246–248, 261, 265, 411, 420, 424, 425, 428; в. в Думу 123, 196, 246, 252, 253, 262, 264, 271, 282, 305, 316, 318, 322–326, 361, 411, 420, 427; альтернативные в. 29, 98, 100, 104, 162, 195, 385, 398, 407, 415, 449; многопартийные в. 135, 195; президентские в. (1996) 126, 268, 282, 305–307, 311–313, 322, 363, 364, 366, 420, 423; президентские в. (2000) 316, 319; президентские в. (РСФСР) 202, 204, 209, 228, 233, 244, 262, 301, 412, 416, 418; региональные в. 211, 214, 249, 299, 342, 411, 412, 420; в. народных депутатов СССР (март 1989) 7, 95, 123, 34, 180, 196, 198, 301, 332, 348, 412, 416
- Вяхирев Рем Иванович 308
- Гайдар Егор Тимурович 12, 224, 225, 228, 256, 259, 260, 262–264, 266, 309, 359, 438
- Германия 131, 132, 212, 274, 293, 294, 415
- гласность 7, 16, 29, 31, 74, 79, 87, 89, 94, 96, 104, 106, 122, 123, 126, 133, 136, 142, 146, 154, 171–173, 182, 191, 269, 337, 388, 391, 397, 398, 410
- Гонсалес Фелипе 346
- горбимания 374
- гражданские права и свободы 96, 209, 216, 219, 250, 385, 388, 407, 415, 420, 443
- «Гражданский союз» 245
- гражданское общество 213
- Грачев Павел Сергеевич 12, 53, 55, 139, 140, 223, 258, 288, 363
- Гриневский Олег Алексеевич 286, 288

- Гришин Виктор Васильевич 56, 75, 163, 167, 174, 191
- Громыко Андрей Андреевич 76, 83, 134, 286, 288
- Грузия 57, 186, 277–279
- Гусинский Владимир Александрович 308
- де Голль Шарль 427, 434, 441
- «Демократическая платформа» 150
- «Демократическая Россия», движение 134, 182, 214, 360
- диссиденты 24, 53, 54, 184
- Договор об обычных вооруженных силах в Европе (CFET) 131, 229
- Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности РСМД 95, 117
- Договор об ограничении систем противоракетной обороны 230
- Договор (соглашение) об ограничении стратегического вооружения ОСВ-2 284, 288
- доктринальные нововведения 30, 31, 117, 167, д. н. при Горбачеве 31; д. н. при Хрущеве 30, 117, 167
- Дубчек Александр 177
- Дудаев Джохар 269, 295–299, 302, 303
- Дума 252, 253, 265, 271, 281, 302, 305, 316, 318, 320, 322–324, 326, 364, 379, 420; первая Д. 252, 253, 265, 271, 281, 302; вторая Д. 305, 316, 318, 320, 322–324, 326
- еврокоммунизм 73
- Европа 132, 294
- Егоров Николай Дмитриевич 259, 299
- Ерин Виктор Федорович 259
- Женевский саммит (октябрь 1985 года) 92
- Жириновский Владимир Вольфович 271
- забастовки шахтеров 142, 185, 186, 353
- застой 26, 38, 58, 86, 88, 103, 107, 173, 176, 180, 191, 194, 280, 310, 311, 313, 362, 368
- «Звездные войны» (система ПРО) 72, 118
- Зюганов Геннадий Андреевич 270, 306, 313
- Ивашко Владимир Антонович 149
- иностраннные инвестиции 281
- интеллигенция 22, 27, 30, 31, 59, 81, 88, 90, 96, 123, 190, 203, 208, 274, 340, 358
- Ирак 130, 131, 230
- Испания 51, 212, 365
- июньская партийная конференция 1988 95, 96, 99–103, 105–107, 141, 179, 180, 193, 194, 198, 204, 348, 398, 400, 412
- Кавказ 126
- казаки 269
- Казахстан 203, 242, 261, 278, 422
- кампании против коррупции 60, 80, 85, 367
- Картер Джимми 288
- каспийская нефть 261
- КГБ 106, 127, 136, 137, 141, 187, 200, 286, 324, 337, 342, 400
- Кеннеди Джон Ф. 284. 287

- Киль Леонид 14, 309
Кириенко Сергей Владиленович 309, 317–320, 368
Киссинджер Генри 390, 391
Китай 284, 302, 335, 392, 406, 409
Клинтон Билл 272, 275–277
Козырев Андрей Владимирович 223, 230, 259, 275, 276, 278
коллективизация 49, 65
Коммунистическая партия Российской Федерации 271, 364
Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) 7, 20, 45, 49, 58, 74, 87, 95, 104, 111, 134, 135, 142, 147, 150, 156, 171, 178, 195, 197, 199, 200, 202, 209, 393, 409; К. п. РСФСР 142, 149, 152, 156; «верная линия партии» 105, 209; коррумпированные члены К. п. 52, 57, 59, 61, 65, 73, 74, 77, 78, 80, 87, 123–125, 164, 165, 167, 168, 170, 173, 196, 349, 424; привилегии чиновников К. п. 23, 25, 28, 38, 51, 57, 60, 65, 87, 164, 168–172, 176, 178, 181, 192–194, 207, 350, 367, 399, 400, 401, 445
коммунисты (после 1991 года) 235, 237, 251–253, 303, 358, 360, 361, 365, 369, 436
Конституционный суд 248, 423
Конституция 248, 266, 270, 363, 366, 420, 421, 423
контроль над вооружениями 110; к. при Брежнев 284, 288; к. при Горбачеве 92, 119, 389, 393; к. при Ельцине 242
контроль над ценами 124, 225, 234
Коржаков Александр Васильевич 173, 247, 256–260, 262, 263, 366, 433, 438
коррупция 51, 52, 56, 57, 59, 65, 71, 73, 80, 102, 163, 166, 168–171, 178, 181, 194, 207, 213, 266, 281, 309, 310, 312, 314, 319, 320, 349, 364, 367, 368, 386, 401, 430, 434, 437, 440, 445
Костиков Вячеслав Васильевич 12, 163, 256–264, 287, 302, 362, 365, 367, 436, 438
Косыгин Алексей Николаевич 72, 81, 360
Кравчук Леонид Макарович 161, 278
красно-коричневая коалиция 235, 236, 439
красные директора 74, 239
кремленологи 21
Кристофер Уоррен 274, 292
Крым 220–222, 313
Крючков Владимир Александрович 12, 137, 141
Куба 18, 230, 284, 285
кубинский ракетный кризис 25, 160, 283, 293
Кувейт 130
Куликов Анатолий Сергеевич 317
Кунаев Динмухамед Ахмедович 191
Курильские острова 229
Кучма Леонид Данилович 278
Кыргызстан 259
Латвия 158, 278
Латинская Америка 396

- Лебедь Александр Иванович 306, 312, 313
- Ленин Владимир Ильич 21, 46, 54, 77, 86, 87, 100, 101, 103, 123, 153, 334
- ленинизм 22, 23, 41, 54, 66, 68, 75, 98–100, 115, 116, 120, 122, 176, 330, 354, 356, 373, 403
- либерализм 122, 330, 354, 421, 428; противоречия между л. и ленинизмом 122; дискредитация л. Ельциным 428; одобрение л. Ельциным 354, 421
- либеральная демократия 19, 21, 43, 105, 130, 202, 207, 234, 235, 420
- Либерально-демократическая партия 271
- Ливен Анатоль (Lieven Anatol) 260, 288, 437)
- Лившиц Александр Яковлевич 163, 260
- Лигачев Егор Кузьмич 12, 48, 56–59, 61, 62, 71, 74, 85, 96, 97, 107, 108, 117, 138, 139, 149, 150, 163, 164, 170–175, 177, 178, 180, 193, 208, 301, 334, 338, 339, 344
- Линкольн Авраам 377
- Литва 158
- Лужков Юрий Михайлович 313, 324, 326
- Лукин Владимир Петрович 220
- Маленков Георгий Максимилианович 117, 190, 335, 360
- Малиа Мартин 21 (Malia Martin) 21, 339)
- Мао Цзедун 29
- марксизм-ленинизм 23, 54, 66, 69, 115, 128, 330, 356
- Медведев Вадим Андреевич 12, 91, 176
- Международный валютный фонд 357, 368, 431
- межрегиональная депутатская группа 184
- мемуары 8–11, 16, 21, 46, 49, 56, 63, 74, 108, 163, 171, 174, 227, 253, 256–259, 265, 267, 274, 277, 311, 320, 359, 369, 407; м. Горбачева 8, 9, 11, 46, 49, 407; м. Ельцина 8, 9, 63, 174, 227, 256, 265, 267, 277, 311, 320, 359, 369
- Мигранян Андраник Мовсесович 409
- Микоян Анастас Иванович 293
- Милошевич Слободан 273, 274
- Михеев Дмитрий Федорович 45, 60, 61, 226, 339, 340, 342
- мобилизация 18, 25, 29, 32, 46, 52, 94, 125, 127, 165, 172, 182, 329, 330, 344, 345, 356, 358, 370, 397, 398, 426, 448
- Молотов Вячеслав Михайлович 360, 377
- Московский городской комитет партии 56, 59, 163, 166, 167, 170, 177, 196, 227, 350, 351–353, 367
- Мэтлок Джек 160 (Matlock Jack) 123, 411)
- НАТО 95, 131, 132, 229, 242, 273–276, 281, 284, 294, 321, 415, 422; расширение Н. 132, 274, 275, 281, 422.; Н. и Горбачев 95, 415; «Партнерство ради мира»

- 242, 274, 275; российские интересы и присоединение к Н. 229, 276; Н. и Югославия 273, 274, 321
- национализм 126, 127, 130, 154, 220, 235, 241, 325, 410, 428, 439; этнический н. в Российской Федерации 220; н. в советских республиках 126
- националисты (в России) 132, 216, 221, 222, 235, 237, 241, 251–253, 279, 277–279, 305, 306, 320, 360, 393, 436
- Немцов Борис Ефимович 256, 309, 314, 315, 317, 368
- нефть 261, 299, 316, 431
- Нижегородская область 314
- Никарагуа 18
- Николай II, царская семья 59
- Новая экономическая политика (НЭП) 77, 99, 153
- новое мышление 55, 82, 90, 96, 109, 110, 112–114, 116, 118–120, 128, 130, 146, 155, 156, 236, 388, 395, 402, 443
- Новочеркасск, волнения 1962-го 406
- Нойштадт Ричард 9, 42, 399, 447 (Neustadt, Richard 9, 42, 399, 400, 447)
- олигархи 308–310, 314, 315, 317, 319, 368
- ООН 95, 219, 273
- организованная преступность 124, 299, 310
- органы безопасности 37, 143, 320, 324, 325–327
- Павлов Валентин Сергеевич 235
- партия «Единство» 325
- перестройка 24, 49, 54, 57, 79, 87, 96, 100–103, 105–107, 109, 122, 123, 126, 141, 142, 146, 147, 152, 153, 162, 171, 172, 174–176, 178, 182, 192–194, 337, 388, 391, 392, 397, 403, 413;
- персонализм 13, 137, 141, 254, 262, 264, 419, 420, 433, 434, 437; патриархальный п. 262
- Пихоя Людмила Григорьевна 12, 163
- политбюро 11, 12, 20, 23, 27, 35, 47, 48, 54, 56, 59–61, 64, 67, 69, 70, 75–78, 84, 85, 96, 97, 102, 108, 109, 133–135, 137, 138, 141, 149, 154, 163, 169, 170, 174–177, 179, 180, 192–194, 286, 288, 290, 293, 294, 335, 337, 339, 348, 377, 390, 400, 405, 407, 411
- Польша 80, 131, 225, 294; экономические реформы в П. 225; П. и «Солидарность» 80
- Пономарев Борис Николаевич 48
- Попов Гавриил Харитонович 156, 287
- популизм 27, 89, 164, 165, 177, 196, 250, 349
- постсталинский консенсус 20, 40, 190
- Потанин Владимир Олегович 308, 314
- прагматизм 301, 317, 398
- Пражская весна 51, 81
- Президентский совет 135
- прибалтийские республики 186, 285, 286, 353, 411
- приватизация, программы 225, 239, 267, 268, 310, 364, 400, 406, 421, 424, 428, 429, 431;

- 1992–1994 («ваучерная п.»)
267; 1994–1995 267
- Примаков Евгений Максимович
141, 276, 320, 322–324, 326
- пуритане (во времена Горбачева)
56, 57, 74, 78, 80, 81, 85–88, 96,
99, 102, 104, 108, 109, 150, 164,
170, 172, 173, 177, 180, 193, 332;
см. также Лигачев, Егор
- Путин Владимир Владимирович
324–327, 371
- разрядка 25, 26, 34, 74, 83, 117,
130, 160, 284, 335
- Рейган Рональд 72, 92, 93, 117,
118, 129, 338, 340, 341; полити-
ка Р. 338, 340; встречи на
высшем уровне с Горбачевым
92, 93, 117
- Рейс 007 KoreanAirLines 230
- реставрация коммунизма 141,
246, 268, 280, 306, 311, 319, 326,
344, 364, 365, 420–422, 424
- реформа экономики 71, 78, 86,
104, 108, 125, 147, 157–159, 186,
203; 219, 236, 244, 250, 264, 266,
268, 355, 378, 391, 392, 400,
404–409, 440, 443; р. и китай-
ская модель 404, 407
- реформаторы (горбачевского
времени) 57, 73, 80, 81, 87, 88,
149, 172, 176, 178, 180, 338, 399,
402, 405, 440
- реформаторы (ельцинского
времени) 264, 266, 309, 310,
314, 319, 320, 364, 426
- Рига, события в январе 1991 года
в Р. 283, 285–287, 293, 346, 390
- риторика бинарных оппозиций
426, 427
- Родионов Игорь Николаевич 258
- Романов Григорий Васильевич
56, 75 83, 191
- Рузвельт Франклин Д. 434,
435, 441
- Руцкой Александр Владимиро-
вич 56, 75, 83, 191, 434, 441
- Рыжков Николай Иванович 12,
56, 70, 71, 74, 75, 78, 85, 86, 96,
97, 107–109, 172, 200, 407;
разочарование Р. в Горбачеве
78, 96, 97, 107; Р. и реформа
цен 108, 407; Р. как технократ
74, 96, 172; Р. о Лигачеве
85, 108
- рыночные реформы 180;
р. р. при Горбачеве 86, 186,
203, 391, 400, 404–409; р. р. при
Ельцине 200, 219, 234, 236–240,
244, 250, 264, 266, 280, 355,
440, 443
- Самсонов Виктор Николае-
вич 258
- Сахаров Андрей Дмитриевич 94,
184, 301, 350, 388
- Свердловск 56, 57, 59, 62, 64,
77, 163–165, 168–170, 179,
180, 214, 225, 255, 262, 267,
348, 367
- Северная Америка 75, 112
- Сербия 273, 321
- сибирской язвы эпидемия 59
- Сибирь 24, 39, 149
- Собчак Анатолий Александро-
вич 156, 221
- Совет безопасности 286, 302
- Совет Федерации 135, 148,
249, 265
- советский патриотизм 24, 220

- Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 212
- Совместные предприятия 94, 124, 342, 406
- Содружество Независимых Государств (СНГ) 231, 242, 277–279, 422
- Соединенные Штаты Америки (США) 7, 20, 25, 26, 47, 48, 72, 83, 91, 92, 95, 119, 128–130, 132, 160, 196, 202, 212, 230, 231, 242, 271, 272, 274–277, 282, 284, 313, 330, 335, 338, 354, 364, 377, 404, 411, 441
- Солидарность, профсоюз 80, 294
- Соломенцев, Михаил Сергеевич 85
- социал-демократия 51, 200, 387, 393
- социализм 46, 51, 98–103, 105–107, 111, 115, 116, 125, 128, 130, 142, 146, 153, 159, 180, 182, 195, 232, 284, 354, 356, 362, 384, 394, 412, 417, 428; деформации с. 107, 142; отвержение с. 91; обновление с. 53, 54, 73, 102, 142
- социалистическая демократия 54, 74, 86, 87, 100, 130, 154; с. д. как цель Горбачева 29, 79, 100, 120, 125, 130, 338
- Союзный договор 144, 185–187
- Ставрополье 46, 47, 49–52, 54, 55, 65, 76, 77
- Сталин, Иосиф Виссарионович 19–21, 24, 69, 165, 339, 356, 376, 378; оценка С. как лидера 19, 137, 191; внешняя политика С. 110, 111, 115, 294; С. и Горбачев 51–53, 79, 89, 123, 153, 191; наследие С. 15, 19–22, 24, 31, 37, 38, 190, 225, 362, 369, 388; культ личности С. 71, 79
- сталинизм 19–21, 24, 54; с. и преемники С. 16, 19, 23–25, 27, 28, 31, 38, 40–42, 62–64, 71, 77, 81, 90, 102, 181, 191, 291, 294, 306, 377
- Степашин, Сергей Владимович 323, 324, 368
- Стрелецкий, Валерий Андреевич 257, 367
- Суслов Михаил Андреевич 68, 77, 139, 286
- съезд КПСС, XXVII (февраль 1986) 87, 89–92, 104, 106, 113, 169, 192, 351
- съезд КПСС, XXVIII (июль 1990) 141, 148–151, 157, 169–171, 179, 201; с. как пиррова победа Горбачева 156; с. и выход Ельцина из КПСС 150, 184, 202
- Съезды народных депутатов (РСФСР) 244, 358, 364; с. и Ельцин 202, 214, 233, 236, 237, 243, 244–246
- Съезды народных депутатов (СССР) 12, 95, 135, 140, 141, 350, 400; первый с. (май-июнь 1989) 134, 142, 180, 398; четвертый с. (декабрь 1990) 147, 156, 158; с. и Ельцин 184, 198–200
- Таджикистан 278, 279
- Татарстан 261, 282, 298, 302

- телевидение 144, 326, 392;
использование т. Ельциным
во власти 214, 238, 240, 245,
246; т. и восхождение Ельцина
к власти 60, 61, 412;
т. и партийная конференция
в июне 1988 года 95, 193, 198,
398; т. и свобода критики 400;
т. и Съезд народных депутатов
СССР 140, 184, 199, 398
- терроризм 325
- Техас 62, 214
- технократы (горбачевского
времени) 57, 74, 78, 80, 81,
86–88, 96, 99, 101, 102, 104, 108,
109, 150, 172, 173, 177, 180, 193,
317, 318, 332, 406; см. также
Рыжков Николай Иванович
- Тихонов Николай Александро-
вич 134, 191
- Тишков Валерий Александрович
300, 302
- Томск 56, 62, 171
- третий мир 34, 75, 92, 112, 385
- Тэтчер Маргарет 83, 346
- Украина 147, 148, 169, 161, 186,
203, 220–222, 242, 261, 278, 313,
422; У. и Черноморский флот
222; У. и Крым 220, 221;
политика Ельцина по отноше-
нию к У. 161, 203, 242, 278, 422
- укрепление авторитета 8, 18, 19,
28, 29, 33, 36, 37, 40, 42, 44, 82,
85, 96, 129, 137, 162, 196, 215,
273, 289, 361, 362, 413, 447
- ускорение 85, 86, 101, 147, 164,
336, 339
- Устинов Дмитрий Федорович
286, 288
- Федоров Борис Григорьевич 225,
309, 310
- Филатов Сергей Александрович
12, 60, 170, 248, 249, 263,
287, 436
- Франция 212, 274, 441
- Хасбулатов Руслан Имранович
222, 235, 243, 252, 253
- Ходорковский Михаил Борисо-
вич 308
- холодная война 7, 53, 82, 101, 131,
210, 276, 322, 338, 341, 357, 385,
386, 389, 391, 395, 416; на смену
х. в. пришел «холодный мир»
276; претензии Запада на
победу в х. в. 131
- Хрущев, Никита Сергеевич 13,
16, 23–27, 29–31, 33–36, 38, 40,
42, 44, 45, 52, 63, 72, 78, 80, 92,
97, 98, 102, 111, 121, 125, 128,
165, 169, 172, 174, 190, 191, 209,
251, 269, 283, 285, 289, 290, 293,
327, 329–335, 339, 342, 356, 359,
360, 365, 388, 407, 446, 448;
внешняя политика Х. 25, 115,
117, 284; десталинизация при
Х. 24, 30, 51, 53, 79, 81, 90, 167,
190, 191; колебания Х. в защи-
те авторитета 160; оборони-
тельная политическая пози-
ция Х. 183; персонализм Х.
137; популизм Х. 166; сверже-
ние Х. 26, 69, 136, 160, 190;
стратегии лидерства Х. 19, 22,
40; Х. и берлинский ультима-
тум 292; Х. и Ельцин 63, 64,
165–167, 258, 288, 289, 349, 350,
434, 448; Х. и кубинский
ракетный кризис 284, 285, 287;

- Х. и словесные оскорбления подчиненных 258
- Хусейн Саддам 130
- Хьюстон, Техас 354
- целина, освоение 190
- цензура 23, 59, 72, 94, 122, 180, 292, 322
- Центральная Азия; см. также Ближнее зарубежье 126
- Центральное разведывательное управление (ЦРУ) 47
- Центральный комитет КПСС 12, 27, 69, 70, 75, 76, 78, 84, 85, 88, 90, 91, 96, 133, 135, 177, 178, 190, 192, 193, 209, 344, 400, 411, 449; заседание ЦК 21 октября 1987 года 175
- частная собственность на землю 143
- Чебриков, Виктор Михайлович 136
- Черненко Константин Устинович 76, 78–80, 82, 86, 191, 390, 391
- Чернобыль 89, 392
- Черноморский флот 222, 278
- Черномырдин Виктор Степанович 259, 309, 312, 314, 315, 317, 319, 320, 323, 366, 436
- Черняев Анатолий Сергеевич 11, 48, 49, 52, 54, 55, 70, 71, 91, 97, 108, 138, 139, 141, 160, 286
- Черчилль Уинстон 232, 418
- Чехословакия 51, 131, 177, 292, 297; см. также Восточная Европа
- Чеченская война, вторая (1999–2009) 325, 376, 425, 431
- Чеченская война, первая (1994–1996) 269, 325, 376, 425, 431; ч. в. и территориальная целостность России 214, 425; решение Ельцина начать ч. в. 268, 280, 281, 283, 285, 293, 296, 300, 305, 363; обещание Ельцина закончить ч. в. 306
- Чечня 268, 270, 281, 282, 297–301, 303–305, 325, 326, 377, 445; объявление о выходе Ч. из состава России (1991) 221, 214, 295, 297; военная политика Ельцина в Ч. 295, 422
- Чубайс Анатолий Борисович 256, 309, 314, 315, 317
- Шаймиев Минтимер 261, 302
- Шахназаров Георгий Хосроевич 11
- Швейцария 282
- Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич 12, 55, 57, 73, 117, 118, 132, 157, 172, 176, 192, 230, 286; Ш. как реформатор в советской Грузии 57; взаимоотношения Ш. с Горбачевым 55, 73, 157; Ш. как министр иностранных дел СССР 132, 286
- Шевцова Лилия Федоровна 343, 379
- Шелепин Александр Николаевич 360
- штурмовщина 58, 164–166, 171, 349, 356–358
- Шумейко Владимир Филиппович 436
- Шушкевич Станислав Станиславович 161

- Щербицкий Владимир Васильевич 75
- Эстония 202, 223, 242, 278; см. также Прибалтийские республики
- Югославия 242, 273, 276, 294
- Юмашев Валентин Борисович 10, 257, 311
- ядерное оружие 93, 229, 247
- язва сибирская 59
- Язов Дмитрий Тимофеевич 141
- Яковлев Александр Николаевич 12, 55, 97, 139, 170, 172, 176, 192, 407; конфликт Я. с Лигачевым 97, 139; отношения Я. с Горбачевым 55, 139
- Япония 153, 212, 229, 241
- Ярузельский Войцех 294
- Ясин Евгений Григорьевич 260

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Стратегии лидерства в советской и постсоветской политике	15
Глава 2. Горбачев и Ельцин: личные качества и убеждения	45
Глава 3. Усиление позиций Горбачева	69
Глава 4. Господство Горбачева	94
Глава 5. Горбачев в политической обороне	121
Глава 6. Ельцин против Горбачева	162
Глава 7. Господство Ельцина	207
Глава 8. Ельцин в политической обороне	252
Глава 9. Ельцин в гневе: вторжение в Чечню (декабрь 1994 года)	281
Глава 10. Последние успехи Ельцина	305
Глава 11. Объяснение решений лидеров (1985–1999)	329
Глава 12. Критерии оценки трансформационных лидеров	372
Глава 13. Оценка Горбачева как лидера	384
Глава 14. Оценка Ельцина как лидера	417
Источники	451
Библиография	454
Предметно-именной указатель	466

Джордж Бреслауэр
ГОРБАЧЕВ И ЕЛЬЦИН КАК ЛИДЕРЫ

Директор издательства *И. В. Немировский*
Заведующий редакцией *К. Тверьянович*

Ответственный редактор *И. Знаешева*
Дизайн *И. Граве*
Редактор *Р. Рудницкий*
Корректоры *А. Нотик, А. Семенова, Л. Виноградова*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 30.04.2021.
Формат издания 60 × 90^{1/16}. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 500 экз. Заказ 3598.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

ООО «Библиороссика».
190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25а

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
<http://www.club366.ru>
Тел./факс: 8(495)9264544
email: club366@club366.ru

Книги издательства можно купить
в интернет-магазине: www.bibliorossicapress.com
e-mail: sales@bibliorossicapress.ru

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

© Carleigh Foggiano

Джордж Бреслауэр — профессор политологии, с 1971 года преподает на факультете политических наук Калифорнийского университета в Беркли. Автор и редактор целого ряда книг о политике СССР и постсоветской России. В 2014 году избран членом Американской академии искусств и наук.

Главной задачей своего исследования Джордж Бреслауэр видит подробное рассмотрение руководящего стиля М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. Автор акцентирует свое внимание на их публичной риторике, рассматривая обширный материал выступлений и мемуаров: Ельцин и Горбачев предстают как лидеры, ведущие непрерывный политический диалог с соратниками и противниками внутри страны и за рубежом. Автор анализирует обусловленность выбора той или иной стратегии в разные моменты политической карьеры каждого из лидеров, обстоятельства, которые позволили им преуспеть, и причины, по которым их действия встречали — или не встречали — поддержку со стороны политического истеблишмента и простых граждан, а также дает оценку их политических успехов и неудач.

www.bibliorossicapress.com

Contemporary
Western
Rusistika

9 "785604"614822"